

«Одна из моих любимых книг –
темная, волнующая
и с прекрасным юмором».

Холли Блэк, автор серии
«Спайдервик. Хроники»

New York Times Bestseller

КАССАНДРА КЛЭР

СУМЕРЕЧНЫЕ ОХОТНИКИ

ГОРОД СТЕКЛА

Клэри вслед за семейством Лайтвудов и Джейсом оказывается в Аликанте, столице Идриса, где хранится последнее оружие – Зеркало смерти, – за которым охотится Валентин. Отстоит и обретет мир только тот, в чьих руках окажется это Зеркало. В борьбе с Валентином нефилимы объединятся с оборотнями и прочей нежитью, а Клэри из рук ангела Итуриэля получит новую руну, но что она означает, девушка узнает только после решающей битвы. Все тайны и все загадки будут разгаданы, но главное – какое будущее уготовано Джейсу и Клэри? – узнает тот, кто перевернет последнюю страницу трилогии.

- [Кассандра Клэр](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [Часть третья](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [Эпилог](#)
 - [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Кассандра Клэр

Город стекла

Моей матери.

Я считаю каждый час во всем его блеске

Долог путь, безмерно тяжек,

От Преисподней к свету. [\[1\]](#)

Д. Мильтон, «Потерянный рай»

Часть первая

Взлетают искры

*...Но человек рожден для страданий,
как искры, чтобы устремляться вверх.*

Иов, 5:7

Вернулось тепло, и вновь ярко светило солнце.

Не то что на прошлой неделе.

Клэри бежала к дому Люка по пыльной дорожке. Чтобы волосы не лезли в глаза, девушка натянула капюшон. Погода, может, и прояснилась, но с Ист-Ривер по-прежнему задувал злой ветер: пахло химией, асфальтом и бензином из Бруклина, а еще – жженым сахаром с заброшенной фабрики.

Саймон дожидался на крыльце, сидя в продавленном дырявом кресле. Он пристроил на коленях карманную «Нинтендо» и сосредоточенно водил стилусом по нижнему экрану.

– Есть! – сказал он, когда Клэри поднялась по ступенькам. – Я чемпион по «Гонкам Марио».

Клэри откинула капюшон и, поправив челку, достала из кармана ключи:

– Ты где пропадал? Я тебе все утро звонила.

Саймон спрятал сверкающую коробочку игровой консоли в «почтальонскую» сумку:

– У Эрика. Мы репетировали.

– Репетировали? – нахмурилась Клэри и даже перестала возиться с замком. – Та к ты...

– Все еще в группе? Ну да, а что? – Обойдя Клэри, Саймон предложил: – Давай помогу.

Уверенно, без лишней суеты он провернул ключ в ржавом замке, и механизм, щелкнув, поддался. Саймон случайно коснулся руки Клэри. Девушка вздрогнула: кожа вампира была холодна, как уличный воздух. При Саймоне Клэри по-прежнему становилось неловко, ведь они всего неделю как расстались.

– Спасибо, – буркнула девушка, забрав ключи и не глядя на друга.

В гостиной было жарко. Повесив куртку на крючок в прихожей, Клэри прошла в спальню; Саймон, к ее неудовольствию, плелся следом.

На кровати лежал чемодан, раскрытый, будто устрица. Повсюду валялись одежда и художественные принадлежности.

– Я думал, ты в Идрис всего на пару дней собираешься, – заметил Саймон, рассматривая беспорядок с легким оттенком неприязни во взгляде.

– Та к и есть. Просто я не знаю, что взять: вдруг мне запретят носить брюки? Ни платьев, ни юбок у меня почти нет.

– Почему это тебе запретят носить брюки? Ты в другую страну отправляешься, а не в другой век.

– Нефилимы на вид старомодные. Изабель всегда в платьях ходит... – выпалила Клэри и тяжело вздохнула. – Ладно, проехали. Я из-за мамы расстроена, вот и загоняюсь насчет гардероба. Давай о другом поговорим. Как репетиция? Название группе подыскали?

– Все отлично. – Саймон уселся на стол. – Думали над слоганом. Хочется чего-нибудь с игрой слов, типа: «Наш рок не отпустит».

– Ты признался Эрику и остальным?..

– Что я вампир? Нет. В подобном, знаешь ли, не так-то легко признаться.

– Наверное, ты прав, но они – твои друзья. Им можно открыться. Тем более, узнав, что ты вампир, они станут почитать тебя. Ну, как рок-н-рольного бога, вроде того вампира, Лестера.

– Лестат, – поправил ее Саймон. – Вампира звали Лестат^[2]. И вообще, он выдуманный. Ты, между прочим, тоже не особо торопишься рассказывать друзьям, что ты нефилим.

– Каким еще друзьям? Ты – мой друг. – Клэри навзничь упала на кровать. – И тебе я открылась.

– Выбора не было. – Склонив голову набок, Саймон посмотрел на Клэри. В свете ночника его глаза приобрели серебристый оттенок. – Я буду скучать по тебе.

– И я по тебе буду скучать, – призналась Клэри.

Предвкушая путешествие в Идрис, Клэри больше ни о чем другом думать не могла. От возбуждения по телу забегали мурашки.

«В Идрис! – ликовала Клэри. – На родину нефилимов, в Город Стекла. Спасать маму... И рядом будет Джейс».

Глаза Саймона заблестели. Вампир как будто прочел ее мысли.

– Напомни, – попросил он тихим голосом, – зачем тебе в Идрис? Разве Люк и Мадлен без тебя не управятся?

– Маму погрузило в сон заклинание одного мага, Рагнора Фелла. Мадлен говорит, надо найти Фелла и уговорить его снять заклятие. Понимаешь, колдун с Мадлен не знаком, а мне он поверит, потому что знал маму... Я ведь на нее очень похожа. Люку со мной нельзя: в Идрис-то его пустят, но в Аликанте без разрешения Конклава – нет. Конклав разрешения Люку не даст. И пожалуйста, не говори с ним об этом. Он и так не хотел отпускать меня. Хорошо, что Люк давно знает Мадлен, иначе точно не отпустил бы.

– В Идрис идут Лайтвуды. И Джейс. Они помогут. В смысле, Джейс ведь обещал тебе помочь? Он не против твоего присутствия?

– Конечно, он поможет! И с чего бы ему быть против? – ответила Клэри.

Она прекрасно знала, что это неправда.

* * *

От Мадлен Клэри напрямик побежала в Институт, к Джейсу. Когда-то она рассказала о секрете матери именно ему, не Люку. Как ни странно, теперь, во время разговора, Джейс стал бледнеть, будто Клэри не план спасения излагала, а с жестокой неспешностью тянула из брата кровь.

– Никуда ты не пойдешь. Если придется, я свяжу тебя, повалю на пол и сяду сверху. Не пушу в Идрис! – произнес он хлестко, будто по лицу ударил.

Ничего себе! Клэри бежала к нему со всех ног, а он... Стоит на пороге, смотрит как на безумную и побледнел, что твоя смерть.

– Вы же идете.

– Да, идем. Та к надо. Конклав созвал всех активных членов на общий Совет. Голосовать насчет Валентина. И раз уж мы последние, кто имел с ним дело...

– Так почему мне нельзя с вами?! – возмутилась Клэри.

Джейс еще больше разозлился от такой прямооты:

– Для тебя там слишком опасно.

– А здесь спокойнее, да?! Меня за последний месяц раз десять чуть не убили. В Нью-Йорке!

– В городе были два Орудия смерти, и Валентин стремился их заполучить, – процедил Джейс. – Теперь он обратил свой взор на Идрис, все знают...

– Насчет Идриса мы совершенно уверены, – сказала Мариза Лайтвуд, стоявшая до того в тени. В ярком свете на лице у нее отчетливо проступили следы жуткой усталости. Во время последней битвы Роберта Лайтвуда ранил демон, отравил ядом, и теперь Маризе приходится постоянно ухаживать за мужем. Один бог знает, скольких трудов ей это стоит. – А еще Конклав пожелает встречи с Клариссой. И тебе, Джейс, о его намерении известно.

– Шел бы этот Конклав...

– Джейс! – неожиданно по-матерински одернула его Мариза. – Следи за речью.

– Конклав много чего хочет, – поправился Джейс. – Только мы не обязаны ему потакать.

Мариза словно читала мысли Джейса, и эти мысли ей очень не нравились.

– Конклав редко ошибается. С их стороны логично требовать встречи с Клэри – после всех испытаний! Ей есть что рассказать...

– Я буду говорить за нее. Отвечу на любые вопросы, – настаивал Джейс.

Вздыхнув, Мариза обратила взор голубых глаз на Клэри:

– А ты и сама в Идрис хочешь, я верно поняла?

– Всего на пару дней. Ничего со мной не случится, – взмолилась Клэри, стараясь не замечать, как испепеляюще смотрит на Маризу Джейс. – Клянусь.

– Дело не в опасностях. Дело в том, согласишься ли ты на встречу с Конклавом. Они хотят поговорить с тобой. Если откажешь, нам не разрешат провести тебя в Идрис.

– Нет... – начал было Джейс, но Клэри ответила:

– Согласна!

По спине пробежался холодок. Из всего Конклава ей была знакома лишь Инквизитор, да и с ней-то лишний раз общаться не радовало.

– Решено, – подвела итог Мариза, массируя виски. Ее голос дрожал перетянутой скрипичной струной. – Джейс, проводи Клэри на выход, а потом я жду тебя в библиотеке. Надо поговорить.

После этих слов Мариза растворилась в темноте, ни слова не сказав на прощание. Клэри будто окатили ледяной водой. Дети Маризы – Алек и Изабель – восхищались матерью, которую и сама Клэри считала человеком хорошим. Вот только теплоты ей недостает.

– Полюбуйся, что ты натворила. – Брат недовольно сомкнул губы.

– Мне надо в Идрис, как ты не поймешь! – ответила Клэри. – Ради матери.

– Мариза чересчур доверяет Конклаву. Думает, они непогрешимы, а я не смею разубедить ее, потому что... – Он осекся.

– Так действовал бы Валентин? – подсказала Клэри.

Вопреки ожиданиям, Джейс не взорвался гневом.

– Непогрешимых не бывает... – скованно произнес он, потом вызвал лифт и закончил фразу: – Даже в рядах Конклава.

Скрестив руки на груди, Клэри спросила:

– Ты поэтому не хочешь меня отпускать? Думаешь, я в опасности?

– А что, есть еще причины не пускать тебя в Идрис? – удивился Джейс.

Клэри тяжело сглотнула:

– Ты... – Фразу она не закончила, договорив про себя: «Ты сказал, что больше не любишь меня, а я, представь, все еще люблю тебя. Глупо, да, но ты сам прекрасно все понимаешь».

Тем временем Джейс подсказал:

– Не хочу всюду таскать за собой младшую сестренку? – В его голосе прозвучала насмешка... и что-то еще.

Грохоча, прибыл лифт. Войдя в кабину, девушка обернулась:

– Я хочу в Идрис не из-за тебя. Ради матери. Нашей матери. Надо ей помочь. Очень надо, как ты не поймешь?! Без меня мама никогда не проснется. Хоть притворись, что тебе есть до нее дело.

Джейс положил ей руки на плечи, коснувшись походя шеи, и от этого девушка совершенно не к месту затрепетала. Против воли она заметила синяки под глазами у Джейса, запавшие щеки. Привычный черный свитер и темные ресницы только четче их выделяли; с Джейса можно было писать портрет в черно-белых тонах, добавив мазки золотым – на месте глаз, для контраста...

– Лучше пойти мне, – настоял Джейс. – Я помогу матери. Скажи, куда идти и что спрашивать. Достану все нужное.

– Мадлен предупредила мага, что придет дочь Джослин. Не сын.

– Так передай, – стиснул Джейс ее плечи, – что в планах изменения. Пойду я, а не ты. Никак не ты.

– Джейс...

– Я все сделаю. Все, что пожелаешь. Только останься дома.

– Не могу.

Джейс попятился, будто его толкнули:

– Почему?

– Потому что Джослин – моя мать.

– И моя тоже, – холодно возразил парень. – Почему Мадлен не поручила задание нам обоим? Отчего посылает одну тебя?

– Сам знаешь.

– Да, – еще холоднее заговорил Джейс. – Для Мадлен ты навсегда останешься дочерью Джослин, а я – сыном Валентина.

Юноша захлопнул решетчатую дверь лифта, словно возводя между собой и Клэри преграду. Узорчатая ширма разбила его лицо на множество металлических ромбов, и сквозь один из них сверкал яростным блеском золотой глаз.

– Джейс... – позвала Клэри, но лифт с грохотом и скрежетом понес ее вниз, в темноту собора.

* * *

– Земля вызывает Клэри. – Саймон помахал у нее рукой перед носом. – Уснула?

– А? Что? Прости... – встряхнула головой Клэри.

С Джейсом она больше не разговаривала, да он и не брал трубку. Пришлось составлять план похода в Идрис с Лайтвудами при неохотном посредничестве несчастного Алека, разрывавшегося между Джейсом и матерью.

– Ты что-то говорил? – переспросила Клэри.

– Да. По-моему, вернулся Люк, – сказал Саймон и соскочил на пол. В этот момент открылась дверь в спальню. – А вот, собственно, и он.

– Привет, Саймон, – поздоровался Люк спокойным или, скорее, усталым голосом. На оборотне были поношенная джинсовка, фланелевая рубашка и заправленные в ботинки вельветовые штаны, выдавшие лучшие годы. Очки Люк сдвинул на лоб, зарыв их в каштановые волосы, в которых с прошлого раза прибавилось седины. Люк принес с собой квадратный сверток, перетянутый зеленой лентой, и вручил его Клэри со словами: – Тебе на дорожку.

– Ой, спасибо! Но зачем?.. Ты и так столько всего...

Люк купил ей одежды взамен утраченной, подарил новый телефон, набор художника... Почти все, что сейчас было у Клэри, она получила заботами Люка.

«Ему ведь и идея этого путешествия совсем не нравится», – мысленно подметила девушка.

– Увидел это и вспомнил о тебе, – оправдывался Люк.

Вскрыв коробку и развернув слои оберточной бумаги, Клэри нащупала нечто мягкое, словно мех котенка. Тихо охнув, вытащила бархатный плащ бутылочно-зеленого цвета. Старомодный, подкладка из золотистого шелка, медные пуговицы и широкий капюшон.

Разложив обновку на коленях, Клэри любовно провела по ней пальцами:

– Как будто из гардероба Изабель. Настоящий походный плащ нефилима!

– Точно, – ответил Люк. – Теперь, когда попадешь в Идрис, будешь совсем как своя.

– Маскируешь меня под нефилима?

– Клэри, – грустно улыбнулся Люк, – ты и есть нефилим. Но ты знаешь, как Сумеречные охотники относятся к чужакам. Если можно хоть немного сгладить различия...

Тут напомнил о себе Саймон – вампир издал какой-то странный звук, и Клэри виновато обернулась. Совсем о друге забыла!

– Ну, мне пора, – глянув на часы, сказал Саймон.

– Ты же только пришел, – возразила Клэри. – Я думала, оттянемся вместе. Кино посмотрим или еще что...

– Пакуй вещи, – напомнил Саймон с улыбкой, яркой, как солнышко после дождя. Будто и правда не обижается. – Зайду позже, попрощаться.

– Брось, – протянула Клэри. – Оставайся.

– Не могу, – решительно отказал Саймон. – С Майей встречаюсь.

– Вот как? Ну... здорово, – ответила Клэри. И правда, Майя хорошая, умная, красивая. И еще она оборотень. Оборотень, влюбленный в Саймона. Может, так и должно быть? Саймон – нежить, и встречаться ему сто́ит с нежитью. Нечего водиться с Сумеречными охотниками. – Тогда тебе лучше идти.

– Ага, – согласился Саймон. В его темных глазах Клэри не сумела прочесть ничего, хотя раньше и получалось. Интересно, почему это? Побочный эффект вампиризма? – Пока, – сказал Саймон и наклонился, готовясь поцеловать Клэри в щеку. Даже убрал к уху волосы... и отстранился. По его лицу Клэри тоже не сумела ничего понять.

Она удивленно нахмурилась. Саймон прошел мимо Люка, в коридор... Хлопнула парадная дверь.

– Да что с ним? – воскликнула девушка, прижимая к себе бархатный плащ, словно ища в наряде утешение. – Он из-за вампиризма такой странный?

– Вряд ли, – насмешливо ответил Люк. – Став нежитью, отношения к миру – да и к знакомым – не изменяешь. Дай Саймону время. В конце концов, ты порвала с ним.

– Это он порвал со мной.

– Ты его не любила. Положение незавидное, но Саймон справляется с достоинством. Другой парень на его месте разобиделся бы или ночевал у тебя под окном с бумбоксом в обнимку.

– Бумбоксы устарели. Еще в прошлом веке. – Поднявшись с кровати, Клэри надела плащ и застегнулась под самое горло. До чего же приятно ощутить мягкие объятия бархата. – Просто хочется, чтобы Саймон вел себя как раньше – нормально.

Посмотревшись в зеркало, Клэри осталась довольна. Зеленый выгодно подчеркивал рыжий цвет волос и оттенок глаз.

– Что скажешь? – обернулась она к Люку.

Спрятав руки в карманы, Люк оперся плечом о косяк. По его лицу пробежала смутная тень.

– Твоя мама носила такой же.

Клэри впила ногтями в манжеты плаща. Люк говорит о Джослин с такой грустью, что хочется плакать.

– Мы сегодня успеем в больницу? Скажу маме, что отправляюсь в Идрис. Спасать ее...

– Да, в больницу заглянем, – кивнул Люк. – И вот еще что...

– Что?

Смотреть на Люка совсем не хотелось, но, к облегчению Клэри, печаль ушла с его лица. Оборотень улыбался.

– Нормальным быть не так уж и здорово.

* * *

Глянув в записку, Саймон прикрыл глаза от полуденного солнца и посмотрел на собор. Институт гранитной глыбой высился на фоне синего неба: стрельчатые арки и окна, высокая каменная изгородь; горгульи свисают с карнизов и как бы дразнят – входи, мол, если осмелишься. Первый раз Саймон увидел на месте собора одни лишь руины, однако на нежить маскировочные чары не действуют.

«Тебе здесь не место!»

Слова прозвучали резко и едко. Но откуда? Из уст горгулий? Родились прямоком в голове?

«Это – церковь, а ты проклят!»

– Цыц, – неуверенно пробормотал вампир. – Плевать мне на церкви. Я вообще еврей.

В каменной стене имелись кованые ворота. Саймон потянулся к калитке, ожидая, что кожа вспыхнет болью. Хм... нет, все хорошо. Видимо, ворота сочли святыней и заклятий накладывать не стали. Саймон отворил калитку и вошел. На полпути от входа рядом слышались знакомые голоса.

Или не совсем рядом?.. Юный вампир успел позабыть, насколько обострились его слух и зрение. Говорящие как будто стоят за спиной... Обойдя Институт, Саймон заметил: люди довольно-таки далеко, на противоположной стороне участка. Высокая трава почти скрывала ветвистые тропинки, обегавшие клумбы роз. Саймон даже заметил каменную скамейку, увитую ползучим растением. Да, некогда здесь и правда стояла церковь – пока ее не заняли Сумеречные охотники.

Первым Саймон увидел Магнуса: тот привалился к замшелой каменной стене, одетый в белую футболку с аляповатым цветастым узором и в радужные кожаные штаны. Эдакая парниковая орхидея в окружении затянутых в черное нефилимов: Алека, бледного и беспокойного; Изабель, чьи черные косы были перехвачены серебристыми лентами. Рядом стоял мальчик – наверное, Макс, – и еще их мать, суховатая, взрослая копия дочери. Последней Саймон заметил незнакомую женщину. Из-за седины он принял ее за старуху, но стоило ей повернуться и заговорить с Маризой, как стало понятно: «старухе» лет тридцать – сорок, не больше.

Поодаль ото всех, будто чужой, стоял Джейс, тоже весь в черном. Саймон, одетый в черное, выглядел как покойник, хоть в гроб клади. Джейс в черном выглядел угрожающе. И волосы его казались еще светлее.

Саймон невольно ссутулился. Как простить Джейса? Не держать обиду, когда на сердце по-прежнему больно? Одна надежда на время и милосердную память.

Странно, весьма необычно видеть такое сборище нефилимов. Джейс ощутил присутствие нежити и обернулся. При виде тонкого белого шрама у него на шее, Саймон ощутил, как обида преобразуется в нечто иное.

Коротко кивнув вампиру, Джейс обратился к Маризе.

– Я сейчас, отойду ненадолго, – сказал он таким тоном, каким Саймон ни за что не обратился бы к собственной матери. Джейс говорил не как ребенок с родителем, а как взрослый со взрослым.

В знак разрешения Мариза лишь отмахнулась.

– Так долго? – говорила она с Магнусом. – Это ненормально!

– Большая скидка, вот что не есть нормально, – ответил Магнус и ударил по стене каблуком. – Обычно я беру вдвое больше.

– Но это всего лишь *временный* портал в Идрис! Портал в один конец – мы войдем, и ты закроешь проход. Такова суть договора. – Мариза обратилась к седовласой женщине: – Ты, Мадлен, останешься и проследишь, чтобы Магнус свою часть соглашения выполнил.

Мадлен? Та к вот она какая, подруга Джослин. Впрочем, Саймон разглядеть ее как следует не успел – Джейс схватил его за руку и увел подальше, туда, где трава выросла еще гуще и выше, а стебли выюнка по-змеиному оплетали тропинку.

Заведя вампира за высокий дуб, Джейс быстро огляделся:

– Здесь безопасно. Можем поговорить.

Определенно, здесь было тише: громада Института заглушала идущий с Йорк-авеню шум дорожного движения.

– Это ты меня вызвал, – заговорил Саймон. – Прилепил записку на окно. Не мог по телефону позвонить, как все нормальные люди?

– Если можно, вампир, я телефоном не пользуюсь, – парировал Джейс, пристально глядя на Саймона, будто в раскрытую книгу, со смесью удивления и, кажется, разочарования. – Так значит, правда, ты живешь при свете дня? Даже полуденное солнце тебе не страшно?

– Не страшно, – ответил Саймон. – Сам знаешь, ты был там с нами.

Где это «там», вампир объяснять не стал, потому что Джейс не хуже него помнил и реку, и грузовик, и восходящее солнце. Помнил, как закричала Клэри.

– Ну, не знаю, не знаю. Вдруг ты утратил свои аномальные способности? – предположил Джейс, хотя в виду имел совершенно другое.

– Если мне резко захочется воспламениться, я тебя предупрежу, – ответил Саймон, который и без того недолюбливал Джейса. – Ты меня только за тем и вытащил на окраину, чтобы полюбоваться, как на микроба в чашке Петри? В следующий раз пришлю тебе фотку.

– Вставлю ее в рамку и буду хранить у кровати, – неуклюже съязвил Джейс. – Послушай, вампир, есть дело. Противно признавать, но у нас с тобой имеется кое-что общее.

– Неужели наши шикарные прически? – так же неискренне сострил Саймон. Глядя на Джейса, он потихоньку начинал нервничать.

– Клэри, – объяснил наконец нефилим, обезоружив Саймона.

– Клэри?!

– Клэри, – повторил Джейс. – Ну, знаешь, такая невысокая, рыжая, плохо воспитанная.

– При чем здесь она? – спросил Саймон, хотя отлично понимал при чем. Просто не хотелось заводить с Джейсом разговоров о чувствах. Разве по лицу не прочесть?

Видимо, нет.

– Она обоим нам дорога, – сдержанно произнес Джейс, в упор глядя на Саймона. – Для нас обоих Клэри важна. Я прав?

– Хочешь убедиться, дорогá ли она мне?

«Дорогá» – слабо сказано. А вдруг Джейс прикалывается? Слишком жестоко даже для него. Или смеется? У самого-то с Клэри не получилось. Саймон надеялся, что Клэри и Джейс еще признают друг в друге родственников. Надеялся на братскую любовь между ними.

Заглянув Джейсу в глаза, он почувствовал, как надежда тает. Во взгляде нефилима не было и следа братской любви. Не было в них и намекá на издевательство. Зато ярко виделось страдание, и Джейс это понимал.

– Не обманывайся. Мне противно спрашивать тебя о Клэри, – резко проговорил он. – Я хочу понять, на что ты ради нее готов. Сумеешь ли соврать?

– Соврать? В чем вообще дело? – Только сейчас вампир сообразил, почему сборище Сумеречных охотников ему не понравилось. – А-а... ясно. Клэри думает, что вы перейдете в Идрис ночью, а вы уходите немедленно.

– Именно. Скажешь Лайтвудам: мол, тебя прислала Клэри – передать отказ от путешествия. Скажешь, что Клэри передумала. – Голос Джейса прозвучал предельно странно и непривычно. Почему? Джейс просит Саймона! Умоляет! – Нефилимы поверят тебе. Вы с Клэри очень... очень близки.

Саймон покачал головой:

– Ну нет. Ты говоришь об одолжении Клэри, но просишь об одолжении себе самому. – Саймон развернулся, готовый бежать. – Не пойдет.

Схватив вампира за руку, Джейс развернул его к себе:

– Я за Клэри прошу. Хочу защитить ее. Ради Клэри, выслушай меня.

Саймон выразительно посмотрел себе на руку в том месте, где в нее вцепился Джейс.

– Как я могу защитить Клэри, если ты даже не говоришь, от чего ее надо спасать?

– Просто поверь мне, – не разжимая хватки, ответил Джейс.

– Видишь ли, ей очень хочется в Идрис. Должна быть чертовски уважительная причина, по которой я не пушу туда Клэри.

Джейс медленно выдохнул и нехотя отпустил вампира.

– Все из-за происшествия на корабле, – сказал он севшим голосом. – Клэри применила новую руну, открывающий знак. Что получилось, ты сам видел.

– Клэри потопила корабль. Спасла нам жизни.

– Говори тише, – предупредил Джейс, тревожно озираясь по сторонам.

– Хочешь сказать, есть еще свидетели? – недоверчиво спросил Саймон.

– О корабле знаем я, Люк и Магнус. Всё.

– Остальные думают, что судно само развалилось?

– Я объяснил, что Валентин ошибся в Ритуале обращения.

– Ты солгал Конклаву?! – Саймон не знал, восхититься или поддаться испугу.

– Да. Изабель и Алек знают, что Клэри умеет творить новые руны. Мне не удастся скрыть эту ее способность от Конклава и нового Инквизитора. А если Конклав проведает, что в руках Клэри обычные руны обретают невероятную разрушительную силу, ее станут использовать в качестве бойца, оружия. Клэри не готова: ее воспитали иначе... Что? – осекся Джейс.

Саймон покачал головой.

– Ты же нефилим, – тихо произнес он. – Ты должен стараться во благо Конклава! Пусть даже придется использовать Клэри...

– Хочешь отправить ее в битву? На войну с Валентином и его полчищами?

– Нет, не хочу. Только я не Лайтвуд. Меня не спросят, кто встанет в передних рядах: Клэри или моя семья.

– Не в том дело, – медленно наливаясь густой краской, проговорил Джейс. – Если бы Клэри и правда была полезной Конклаву, я бы не стал спорить. В бою от нее толку мало.

– Ты никогда не отдашь Клэри Конклаву, даже будь она чрезвычайно им полезна.

– Ты к чему ведешь, вампир?

– К тому, что она твоя, и только твоя.

– Значит, не поможешь? – побледнев, спросил Джейс. – И Клэри помогать не станешь?

Саймон погрузился в раздумье. Внезапно тишину нарушил вопль, страшный и отчаянный. Еще страшнее было то, как резко он прервался.

– Что это? – завертелся на месте Джейс.

Вслед за первым воплем прозвучали другие. За ними раздалось лязганье, от которого у Саймона засвербело в ушах.

– Что-то... что-то случилось, – забормотал вампир.

Джейс сорвался с места, побежал к саду, перепрыгивая через корни. Саймон, поборов

неуверенность, припустил следом. Он и забыл, как быстро теперь умеет бегать. Саймон догнал Джейса возле угла церкви, и вместе они ворвались в сад...

...Где разразился хаос. Повсюду расплылся густой туман, пахло озоном и чем-то еще, неприятным и сладковатым. В прорехи меж ключев дымки виднелись смутные силуэты. Вот Изабель, тряхнув косами, ударила плетью, словно золотой молнией. Она отбивалась от крупного монстра. Демон? Быть не может, день в самом разгаре. Спотыкаясь, вампир прошел чуть вперед и заметил, что бьется Изабель с человекообразным созданием. Впрочем, горбатое и скрюченное, на человека оно походило мало. Только слепо размахивало толстой дубиной.

Всего в нескольких шагах сквозь брешь в каменной изгороди виднелась Йорк-авеню – безмятежная река машин под чистым голубым небом.

– Отреченные, – прошептал Джейс, доставая сияющий клинок серафимов. – Их десятки. – Позабыв меру, он грубо отпихнул Саймона в сторону: – Оставайся тут, понял? Не лезь.

Нефилим метнулся в бой.

Саймон будто взирал на сад сквозь матовое стекло, не в силах понять, что же происходит по ту сторону. Изабель пропала, зато появился Алек – окровавленной рукой он рассек грудь отреченному, и монстр, корчась, упал. За спиной у нефилима возник еще один, но Джейс был тут как тут: подпрыгнул и со страшной силой обрушил клинки на шею чудовищу. Голова покатилась по земле, брызнул фонтан черной крови. От ее горького ядовитого запаха у Саймона скрутило живот.

Сумеречные охотники перекрикивались, тогда как отреченные сражались молча. Внезапно дымка стала рассеиваться. У стены монастыря, дико сверкая глазами и вскинув руки, стоял Магнус. Между ладоней у мага потрескивали синие молнии. В стене перед ним открывалась черная дыра: не просто отверстие, пустое и абсолютно черное, а подобие зеркала, заключившее в себе вихрь темного пламени.

– В портал! – воскликнул Магнус. – Отступайте к portalу!

Дальше все происходило очень быстро. Мариза Лайтвуд вынесла из тумана Макса, обернулась, крикнула что-то через плечо и шагнула в портал. Следом Алек потащил к проходу Изабель; ее плоть волочилась по траве, оставляя кровавый след. И только Алек подтолкнул сестру к магическим вратам, как у него за спиной возникло чудовище – отреченный с обоюдоострым ножом.

Скинув оцепенение, Саймон побежал. Окликнул на ходу Изабель и тут же споткнулся, полетел кубарем. Умей вампир дышать – сбил бы пульс от падения. Поднявшись, он глянул под ноги и увидел труп женщины с перерезанным горлом: мертвые голубые глаза, окропленные кровью седины.

Мадлен.

– Шевелись, Саймон! – крикнул Джейс. Он неся к вампиру, сжимая в руках окровавленные клинки.

Саймон обернулся: над ним навис отреченный, тот самый, что преследовал Изабель. Изрезанная шрамами морда расплылась в широком оскале.

Даже нечеловеческие рефлексy и скорость не спасли вампира. Клинок вонзился в его неживую плоть. Боль разлилась по всему телу, и наступила тьма.

Сторожевые башни Аликанте

Не придумали еще такого заклинания, чтобы сотворить парковочное место в Нью-Йорке.

Клэри с Люком уже раза три объехали квартал кругом и – ничего. Пристроить пикап было негде. В конце концов Люк остановился возле пожарного гидранта и, переключившись на нейтралку, вздохнул:

– Ладно, дальше пешком. Иди вперед и скажи, что мы приехали. Я понесу за тобой чемодан.

Кивнув, Клэри взялась за дверную ручку. Под ложечкой сильно сосало. Вот если бы Люк тоже отправился в Идрис!..

– Знаешь, – сказала Клэри, – я почему-то думала, что для заграничных поездок паспорт нужен.

Люк не улыбнулся шутке:

– Я понимаю, ты нервничаешь. Лайтвуды о тебе позаботятся.

«То же самое я говорила тебе миллион раз», – подумала Клэри.

Похлопав оборотня по плечу, она выбралась из салона:

– Не теряйся.

Клэри пошла по растрескавшемуся камню тропинки. Чем ближе девушка подходила к дверям церкви, тем менее отчетливо слышались звуки с проезжей части.

Клэри не сразу сумела пробиться сквозь маскировочные чары. На Институт словно бы наложили дополнительные заклинания, как слой свежей краски. Снимать пелену обмана усилием разума было трудно, даже болезненно, однако вот собор предстал перед Клэри в истинном облике. Высокие деревянные двери блестели, будто заново отполированные.

В воздухе стоял запах озона и гари. Нахмурившись, Клэри взялась за дверную ручку и мысленно произнесла: «Я Клэри Моргенштерн. Прошу впустить меня в Институт...»

Дверь распахнулась.

Войдя, Клэри огляделась, прищурилась. Что-то не так... Что именно – стало ясно, когда дверь захлопнулась. Наступивший сумрак нарушался неясным светом круглого витражного окна в дальней стене. Не горела ни одна из десятков свечей в изящных канделябрах.

Клэри подняла над головой ведьмин огонь, из которого брызнули острые лучики света. Вырываясь между ее пальцев, они озаряли каждый пыльный уголок на пути к лифту.

Клэри нажала кнопку вызова, но механизм не сработал. Выждав с полминуты, Клэри нажала на кнопку еще раз, потом еще и еще. Приникла ухом к двери, однако в шахте царило глухое молчание. Казалось, Институт уснул подобно механической кукле, у которой кончился завод.

Девушка побежала обратно на улицу и, толкнув тяжелые двери, вышла на крыльцо. Сердце бешено колотилось.

Под темнеющим синевато-зеленым небом Клэри озиралась, совершенно не понимая, что происходит. Запах гари усилился.

Пожар? Сумеречные охотники покинули здание? Но ведь оно совершенно цело...

– Не было никакого пожара, – произнес знакомый бархатный голос. Из тени материализовался высокий тип в черном шелковом пиджаке поверх блестящей изумрудно-зеленой сорочки: волосы торчат, словно шипы, а на тонких пальцах поблескивают перстни с драгоценными камнями. На ногах – вычурные лакированные туфли.

– Магнус? – прошептала Клэри.

– Я прочел твои мысли, – признался маг. – Здесь не горелым пахнет. Та к смердит адова

пелена, зачарованный дым, напускаемый демонами, дабы заглушить эффект определенного рода заклятий.

– Адова пелена? Выходит...

– На Институт напали. Пришли отреченные, в количестве нескольких десятков.

– Джейс, – выдохнула Клэри. – Лайтвуды...

– Адова пелена не позволила дать достойный отпор. Пришлось эвакуировать Лайтвудов прямоком в Идрис.

– Они целы?

– Все, кроме Мадлен. Она... Клэри, она погибла.

Девушка тяжело опустилась на ступени. Мадлен...

Толком с ней пообщаться не вышло, но Клэри чувствовала: Мадлен – тонкая ниточка, связывающая ее с матерью. С настоящей матерью, беспощадной Сумеречной охотницей, которой Клэри не знала.

– Клэри! – позвал Люк. Оборотень шел по тропинке, неся чемодан. – Ты почему здесь?

Обняв колени, девушка сидела на крыльце и, скорбя по Мадлен, одновременно винила себя за радость и облегчение. «Джейс жив, Лайтвуды живы, – повторяла про себя Клэри, пока Магнус пересказывал события Люку. – Джейс уцелел, это главное».

– Отреченные? – переспросил Люк. – Их перебили?

– Не всех, – ответил Магнус. – Стоило отправить Лайтвудов в Идрис, как монстры ушли. Им как будто не было до меня дела. Я захлопнул портал, и отреченные исчезли.

– Портал закрыт? – спросила Клэри, подняв взгляд на Магнуса. – Ты... ты ведь откроешь его заново? Для меня? К Лайтвудам?

Магнус с Люком переглянулись, и оборотень поставил чемодан на ступеньки.

– Магнус? – едва не сорвалась на крик Клэри. – Мне надо к Лайтвудам!

– Клэри, портал закрыт...

– Открой новый!

– Не все так просто, – покачал головой маг. – Конклав ревностно следит за каждым магическим проникновением в Аликанте. Они почитают столицу как святыню. Аликанте для них – как Ватикан, как Запретный город. Нежити и примитивным туда нельзя без разрешения.

– Я Сумеречный охотник!

– Лишь на какую-то долю. Тем более городской барьер мешает наведению прямого портала в Аликанте. Конклав должен встречать нас по ту сторону. Если я наведу портал без их ведома, то нарушу закон. А нарушать его мне не хочется, моя сладенькая, даже ради тебя.

Магнус смотрел на девушку с сожалением, оборотень же – подозрительно, с нехорошим предчувствием.

– Мне очень надо в Идрис, – повторила Клэри. – Надо помочь маме. Должен быть иной путь, без портала.

– Ближайший аэропорт за границей, – сказал Люк. – Если – если! – получится перебраться через нее, нас ждет долгое и опасное путешествие по территориям нежити. Уйдут дни.

Глаза жгло. «Нет, – сказала себе Клэри. – Я не заплачу. Не дождетесь!»

– Клэри, – нежно произнес Люк, – мы как-нибудь свяжемся с Лайтвудами. Они раздобудут нужные сведения, отыщут противоядие для Джослин. Выйдут на Фелла...

Вскочив на ноги, Клэри замотала головой:

– Говорить с Феллом должна я. Никого другого он слушать не станет.

– Фелл, говорите? – оживился Магнус. – Рагнор Фелл? Я мог бы отправить ему сообщение, попросить, чтобы он принял Джейса.

– Вот видишь. – Люк облегченно вздохнул. – Магнус поможет...

Но Клэри ни знать, ни слышать не хотела ничего о помощи Магнуса, ведь она собралась спасти маму. Теперь придется сидеть у ее койки, держа за вялую руку и надеясь, будто кто-нибудь сумеет выполнить то, что не может выполнить сама Клэри.

На негнущихся ногах она спустилась с крыльца. Люк хотел обнять ее, но Клэри не позволила:

– Мне надо побыть одной.

– Клэри...

Девушка убежала по каменной тропинке, свернув в сад, откуда тянуло гарью, пеплом... и острой, густой вонью демонической магии. Ключья адовой пелены еще цеплялись тут и там за розовый куст или камень. Местами земля была вспахана, у каменной скамьи бурели пятна. Присматриваться к ним не хотелось.

Глянув на стену собора, Клэри застыла. На сером фоне гранита мерцали горячим голубым пламенем следы рун, построенных в прямоугольник и похожих на ореол света у приоткрытой двери.

Портал!

Вспомнив, как грозно засиял на корпусе корабля иной символ, как судно, дрожа, начало разваливаться, впуская в себя темные воды Ист-Ривер, Клэри вздрогнула.

«Это просто руны, – сказала она себе. – Символы, которые и я сумею начертить. Если мама способна запечатлеть на бумаге суть Чаши смерти, то у меня получится навести портал».

Ноги сами понесли ее к стене собора. Рука нащупала в кармане стило. Стараясь унять дрожь в пальцах, Клэри поднесла стержень к стене.

Зажмурившись, принялась выводить линии света. Линии, в которых угадывались переходы и вихри, уносящие вдаль, пути в неведомые страны... Наконец линии соединились в рисунок, прекрасный, как птица в полете. Новая ли получилась руна, старая – неважно. Главное, она есть и работает.

Руна портала.

Клэри чертила по камню, и камень шипел. В ноздри ударил едкий запах оплавленного гранита, а в лицо – жар огня. Перед смеженными веками Клэри голубым пламенем полыхал рисунок. Наконец, глубоко вздохнув, она опустила руку и открыла глаза.

На стене будто расцвел черный бутон. Прямо на глазах он стал распускаться, меняя форму, пока не принял очертания дверного проема – Портала – на пару футов выше самой Клэри.

Девушка смотрела в него и не могла оторваться. Внутри вихрилось черное пламя, как и за ширмой у мадам Доротеи. Клэри потянулась к проходу...

И одернула себя, вспомнив, что в портал нельзя входить, не представив четко, куда тебе надо. А ведь Клэри ни разу не бывала в Идрисе... Ей рассказывали о зеленых долинах, темных лесах и кристально чистых озерах, горных пиках и хрустальных башнях города Аликанте... Картинку можно представить, но для чар воображения мало. Если только...

Судорожно втянув воздух, Клэри вспомнила: Идрис она уже видела. Во сне. Сон был вещий, совершенно точно, пусть Клэри и не уверена почему. В конце концов Джейс во сне про Саймона сказал: «Здесь не место нежити», – дескать, Саймону нельзя оставаться. Вскоре Саймон погиб.

Во сне она, одетая в зеленый бархат, кружилась в танце посреди бальной залы: золотые с белым стены, хрустальная крыша, гранями подобная алмазу, фонтан – серебряная чаша и статуя русалки в центре. За окнами деревья, украшенные гирляндами...

Удерживая в уме картинку, Клэри прикоснулась к темной поверхности. Из-под пальцев брызнули золотые огоньки, как будто отворилась дверца в залитую светом комнату. Перед глазами развернулся золотистый водоворот, и в нем постепенно стали угадываться очертания гор, облаков...

– Клэри! – За девушкой мчался Люк, разгневанный и встревоженный одновременно. Позади шел Магнус, и в пламенных отсветах портала его кошачьи глаза казались металлическими. – Клэри, не смей! Барьер отловит тебя! Убьет!

Отступать поздно. По ту сторону портала рос и набирал силу золотой свет, отраженный в стенах зала из сна, искрящийся в хрустале... Люк ошибается, не понимает, как работает дар Клэри. Что такое городской барьер, если ты в рисунке создаешь собственный мир?

– Мне пора! – Вытянув руку, Клэри шагнула в портал. – Прости, Люк...

В последний момент, когда проход готов был взорваться, Люк прыгнул и вцепился в руку Клэри. Их будто подхватил торнадо, вырывающий с корнем деревья. Внизу закрутились-завертелись потоки машин и небоскребы Манхэттена... Тугой порыв ветра зашвырнул Клэри и Люка в окрашенный золотом хаос.

* * *

Саймон очнулся от ритмичного плеска воды. Резко сел, чувствуя, как в груди холодком разливается страх. В последний раз под шелест волн Саймон просыпался, будучи пленником на корабле у Валентина. Этот тихий звук внезапно напомнил о пережитом ужасе.

Быстро оглядевшись, Саймон успокоился. Он не на корабле, а в небольшой комнате: лежит на уютной деревянной кровати, накрытый одеялом; на окне плотные занавески, но света по краям хватает, чтобы оценить бледно-голубой оттенок стен, цветастый ковер на полу и шкафчик с зеркалом на стене.

Сев и приподняв одеяло, Саймон увидел, что на нем по-прежнему джинсы и футболка. У кровати, сидя в кресле и уронив голову на руку, прикорнул гость. Точнее, гостя, чье лицо обрамляют, словно бахромчатая шаль, черные косы.

– Изабель? – позвал Саймон.

Девушка вскинула голову и распахнула глаза, как перепуганный чертик из табакерки.

– Ух, ты живой! – Изабель села, откинув с лица волосы. – То-то Джейс обрадуется. Он решил, тебе точно крышка.

– Крышка? – эхом повторил Саймон. – С какой радости? – Вампир огляделся. – Я в Институте? – спросил он, хотя сразу же понял, что нет. – В смысле, где мы?

– Ты... – переменившись в лице, начала Изабель, – ты ничего не помнишь? – Она потеревшая кружевные края обшивки на кресле. – На Институт напали отреченные, целая толпа. Адова пелена мешала нам биться. Магнус сотворил портал, и мы кинулись к проходу. Ты бежал следом и споткнулся... о тело Мадлен. За тобой увязался отреченный, и Джейс не успел его перехватить. Монстр ранил тебя. Джейс, конечно, убил демона, да только ты потерял много крови. Пришлось Джейсу тащить тебя сюда. – Изабель окончила рассказ так резко, что Саймон не успел сориентироваться. – Мы уже были по ту сторону портала, когда Джейс вынес тебя, всего в крови. Удивились мы здорово! Консул, правда, «спасибо» не сказал.

У Саймона пересохло во рту.

– Отреченный ранил меня? – И Саймон все еще жив? Хотя чего поражаться? Исцелился же, когда Валентин перерезал ему горло! Мотнув головой, Саймон спросил: – Куда меня ранили?

– Сейчас покажу. – Вампир удивиться не успел, а Изабель уже присела на кровать и задрала на нем футболку. Поперек бледного пресса слабо виднелась алая полоска, которая даже на шрам не тянула. – Вот сюда, – провела по ней холодными пальцами Изабель. – Болит?

– Н-нет, – пробормотал Саймон. Повстречав Изабель, он нашел ее необычайно яркой, живой и подумал: вот девушка, что затмит образ Клэри. Правда, когда Саймона обратили в крысу, он

испугался: не слишком ли много в Изабель жизни? – Нет, не болит.

– Зато больно моим глазам, – произнес ровный голос с оттенком насмешки. Джейс вошел совершенно незаметно. Закрыв за собой дверь, нефилим ухмыльнулся, глядя, как Изабель спешит прикрыть Саймону живот. – Совращаешь вампира, пока он слаб и не сопротивляется, Из? По моему, одно правило ты нарушила точно.

– Я показывала Саймону, куда его ранили, – возразила Изабель, хотя суетливость выдавала ее с головой. – Что там внизу? Народ еще на ушах стоит?

Улыбка пропала с лица Джейса.

– Мариза с Патриком ушли в Гард. Конклав не закончил заседание, поэтому Малахи решил: будет лучше, если Мариза сама... все объяснит.

Малахи. Патрик. Гард. Столько незнакомых имен! Голова идет кругом.

– Что объяснит? – спросил Саймон.

Изабель и Джейс переглянулись.

– Твое присутствие, – ответил наконец Джейс. – Мы должны объясниться, в честь чего притащили в Аликанте вампира, откровенно нарушив тем самым закон.

– В Аликанте? Так мы в Аликанте? – Саймона захлестнула паника, сменившаяся болью в животе. Вампир согнулся пополам, хватая ртом воздух.

– Саймон! – кинулась к нему Изабель. – Что с тобой?

– Уйди, Изабель. – Вампир прижал кулаки к животу, взглянул на Джейса и, умоляя, попросил: – Пусть уйдет.

Оскорбленная в лучших чувствах, Изабель отстранилась от него:

– Вот и уйду. Подавитесь! – Она вскочила и вышла, громко хлопнув дверью.

Джейс посмотрел на Саймона невыразительными янтарными глазами:

– Что такое? Я думал, ты поправился.

Выпростав руку, Саймон остановил нефилима.

– Изабель ни при чем, – прохрипел он, чувствуя металлический привкус в горле. – Мне не больно... просто есть охота. – Щеки горели. – Я чуть не истек кровью, так что... надо возместить потерю.

– Разумеется, – протянул Джейс, будто ему только что сообщили интересный, хотя и не особенно важный научный факт. Однако любопытный тон быстро исчез, уступив место презрению. Если бы не боль, вампир накинулся бы на нефилима, а так оставалось произнести сиплым голосом:

– Пошел ты, Вэйланд!

– Значит, Вэйланд, да? – Усмехаясь, Джейс потянулся к «молнии» на воротнике куртки.

– Нет! – вскричал Саймон и съежился. – Плевать на голод. Не хочу больше твоей крови.

– Та к я и подставился.

Из внутреннего кармана Джейс достал стеклянную флягу, в которой плескалась буровато-красная жидкость:

– Я решил, тебе пригодится помощь. Сходил на кухню и выжал сок из нескольких фунтов сырого мяса. Большого предложить пока не могу.

Саймон принял флягу, но руки тряслись, и пришлось Джейсу самому отвинтить крышку. Кровь – жиденькую и солоноватую – кровью-то было стыдно назвать. Пахла она очень несвеже.

– Ф-фу, – скривился Саймон, сделав несколько глотков. – Мертвая.

– Разве не вся кровь, что вы пьете, мертва? – вскинул брови Джейс.

– Чем больше времени прошло со смерти животного, тем противнее кровь. Лучше пить свежую.

– Ты же никогда не пил свежую.

В ответ уже Саймон вскинул брови.

– Моя не в счет, – поправился Джейс. – Хотя на вкус она кошерная, правда?

Отставив пустую флягу на подлокотник кресла, Саймон признался:

– В тебе есть какая-то гнильца. Я про характер. – Во рту все еще ощущался привкус протухшей крови, но боль ушла. Вернулись силы, хорошее самочувствие, словно Саймон принял быстродействующее лекарство. Или героин – унять ломку. – Значит, я в Идрисе.

– В Аликанте, если точнее. В столице и единственном городе Идриса. – Отойдя к окну, Джейс отдернул занавеску: – Пенхоллоу не поверили, будто солнце тебе не страшно, вот и закрыли окна. Подойди и выгляни на улицу.

Поднявшись с кровати и подойдя к окну, Саймон так и замер.

Несколько лет назад мама взяла его с сестренкой в поездку по Тоскане. Выдалась целая неделя макарон и странного хлеба! Да дикие поездки по загороду: мама едва справлялась с «фиатом», так и норовя врезаться в старинные постройки – на них семья Саймона якобы и приехала посмотреть. Как-то остановились на вершине холма над городком Сан-Джиминьяно: горстка домов цвета ржавчины и устремленные в небо высокие башни. Лучшего сравнения Саймон подобрать не сумел. В то же время вид из окна не походил вообще ни на что, виденное прежде.

Саймон смотрел на улицу из окна самого верхнего этажа довольно высокого строения. Над головой виднелись каменный карниз и кусочек неба. Напротив – здание чуть пониже, а внизу – темный узкий канал со множеством мостков. Плеск воды из него и разбудил Саймона. С виду дом стоял на возвышенности, вдали от каменных домиков медового цвета, которые жались к узким улочкам у зеленого кольца – далеких деревьев в окружении холмов, вместе напоминающих зеленые и бурые полосы, окропленные осенними красками. За холмами начиналась увенчанная снежными шапками горная гряда.

Однако поистине странными выглядели будто бы случайно расположенные башни – высоченные, со шпильями из серебристого металла, которые словно сияющие кинжалы щекотали небо. Из того же материала ковались прочные, похожие на стекло клинки серафимов.

– Сторожевые башни, – ответил Джейс на мысленный вопрос Саймона. – Управляют городским барьером. Пока они стоят, ни один демон не войдет в Аликанте.

Местный воздух не пах ничем, не то что в Нью-Йорке: ни тебе смога, ни вони металла или потных тел. Только воздух, и все. Саймон вдохнул полной грудью, хотя нужды в том не испытывал. Просто вампир в Саймоне еще не поборол человека.

– Скажи, что не хотел брать меня сюда. Скажи, что не хотел вот так разубедить Клэри.

Джейс не обернулся. Он резко выдохнул, будто собирался сказать что-то и передумал.

– Конечно, я лично сотворил банду отреченных и привел их в сад Института, чтобы демоны убили Мадлен и остальных. Лишь бы Клэри не показывалась в Идрисе. И – о чудо! – мой дьявольский план сработал!

– В самом деле сработал. Разве нет?

– Послушай-ка, вампир! Да, я хотел удержать Клэри от похода в Идрис, но тебя сюда затаскивать не думал. Останься ты в саду истекать кровью, отреченные добились бы тебя.

– Чего тогда сам не задержался и не прикрыл?

– Чтобы мы оба полегли? Отреченных пришло слишком много. Да еще адова пелена... Даже я не могу отбиться от сотни монстров.

– И тебе из-за этого стремно, да?

– Ты хоть и нежить, – без интонации сказал Джейс, – а все-таки падла. Я тебе жизнь спас и нарушил Закон. Не в первый раз, хочу заметить. Мог бы спасибо сказать.

– Спасибо?! – Пальцы сами сложились в кулаки. – Если бы не ты, меня бы здесь не было.

Вытащил меня в Институт... Я на путешествия не подписывался!

– Подписывался. Ты же согласен на все ради Клэри? Вот оно, «все ради нее».

Саймон едва сдерживал гнев.

– Эй! – постучалась Изабель. – Саймон, ты прекратил истерить? Мне надо с Джейсом поговорить.

– Входи, Иззи, не бойся, – разрешил Джейс, не сводя глаз с вампира. Своим гневом он как будто электризовал воздух. Заметив во взгляде Джейса перемену, Саймон отчаянно захотел садануть соперника по голове чем-нибудь поувесистей. Грузовичком, например, как у Люка.

Изабель вихрем ворвалась в комнату, взлетели черные кудри, взметнулись складки пышной серебристой юбки... Лиф кремового цвета оставлял обнаженными плечи и руки, покрытые руническими татуировками...

Отличная смена имиджа – где, как не в Аликанте, знаки будут смотреться естественно!

– Алек собирается в Гард, – сразу в лоб сообщила Изабель. – Но сначала хочет поговорить с тобой о Саймоне. Спустишься?

– Конечно, – ответил Джейс и пошел к двери. На полпути он понял, что Саймон идет следом, и резко развернулся: – Ты остаешься.

– Еще чего! Если речь обо мне, я должен присутствовать.

В какой-то момент Саймону показалось, что ледяной щит спокойствия Джейса даст трещину: нефилим покраснел, глаза его загорелись. Однако Джейс проявил усилие над собой, и гнев испарился так же быстро, как закипел.

– Ну идем, вампир, – процедил нефилим с натянутой улыбкой. – Познакомлю тебя с нашей семейкой.

* * *

Первый переход сквозь портал походил на полет или свободное падение. Сейчас Клэри словно очутилась в сердце торнадо. Ревущий ветер хлестал ее, стремясь вырвать из хватки Люка и закручивая обоих – и оборотня, и девушку – в водовороте черного и золотого.

Впереди возникло нечто плотное и блестящее, похожее на зеркало. Закричав еще громче, Клэри закрылась руками. Потом был удар, жуткий холод. Воздух исчез. Клэри тонула в чем-то синем и темном, пытаясь дышать и втягивая в легкие еще больше пронзительного холода...

Вдруг ее схватили за шкуру и повлекли вверх. Ослабевшая Клэри пробовала лягаться – не вышло. Постепенно темно-синее сменилось голубым, а после – золотым. Клэри вынырнула и вздохнула... то есть попыталась вдохнуть морозный воздух. Получилось только закашляться; перед глазами мелькали черные точки. Клэри быстро волокли по воде; за ноги и руки цеплялись водоросли. Перевернувшись, девушка с ужасом заметила, что тащит ее существо – не человек и не волк, – у которого острые, словно кинжалы, уши и белые длинные клыки. Клэри хотела закричать, но из горла полилась вода.

В следующее мгновение жуткое создание выбросило ее на берег, перевернуло лицом на утоптанную землю и, схватив поперек живота, принялось дергать – до тех пор, пока Клэри не вырывало горьким потоком воды.

Упав на спину, Клэри все еще хрипела. Люк – темный, уже человеческий силуэт на фоне голубого неба с редкими облачками – яростно схватил ее за плечи и затряс. Наконец девушка вздохнула и попыталась вяло оттолкнуть его:

– Люк! Прекрати! Больно.

Люк схватил ее рукой за подбородок и приподнял голову.

– Все? – Оборотень пристально взгляделся в лицо девушки. – Всю воду выкашляла?

– Вроде да, – просипела Клэри.

– Где стило? – Не дождавшись ответа, Люк надавил: – Клэри! Где стило? Найди его.

Клэри принялась лихорадочно рыться в карманах, но пальцы натыкались только на промокшую подкладку.

– Выронила. – Клэри виновато посмотрела на Люка. – В озере. Это ведь, – всхлип, – мамино стило...

– Господи, Клэри! – Люк встал и растерянно схватился за голову. Вода стекала с него тугими струйками. Очки куда-то подевались. Мрачно посмотрев на Клэри, Люк спросил в утвердительном тоне: – Ты цела? Как себя чувствуешь? Не поранилась?

Мотнув головой, Клэри поинтересовалась:

– Люк, а зачем стило?

Оборотень не ответил. Лишь огляделся, словно ожидая отыскать помощь где-то поблизости. Клэри проследила за его взглядом. Портал перебросил их на берег довольно крупного озера: бледно-голубая поверхность, сбрызнутая там и сям солнечными бликами. Не их ли приняла Клэри за источник золотого сияния? Само озеро больше не пугало глубиной теперь, когда Клэри сидела на берегу, окруженном зелеными холмами и редкими деревьями, листья на которых только-только начинали желтеть и краснеть. Позади холмов высились заснеженные горы.

Вздрогнув, Клэри спросила:

– Люк, когда мы были в воде, ты обернулся волком? Я вроде видела...

– Волк во мне плавает лучше человека, – ответил Люк. – И тащить тебя так проще, ты ведь и не думала помогать.

– Знаю. Прости. Я не хотела брать тебя сюда.

– Если б не я, ты бы утонула. Магнус предупреждал: нельзя пройти в Город стекла, если по ту сторону тебя никто не встречает!

– Он говорил, что проникновение нелегально. И не сказал, что меня вышвырнут из города.

– Зато говорил о барьере, не дающем навести портал без согласия Конклава. Разве Магнус виноват, что тебе вздумалось побаловаться магией, о природе которой ты толком не знаешь ничего? Сила есть, ума не надо? – рявкнул оборотень.

– Извини, – задавленно произнесла Клэри. – Просто... А где мы?

– На озере Лин. По ходу дела портал выплюнул нас недалеко от Аликанте. Мы у самых его границ. – Оглядевшись, Люк покачал головой, устало восхищаясь. – Клэри, у тебя получилось. Мы все-таки в Идрисе!

– В Идрисе? – переспросила Клэри, поднимаясь на ноги и бестолково глядя в безмятежное голубое око Лин. – Ты... ты сказал, мы у границ города. Где же он?!

– До него еще мили, – указал направление Люк. – Видишь те холмы? Город по другую сторону от них. На машине добрались бы до Аликанте за час, пешком идти придется весь день. – Прищурившись, оборотень посмотрел на небо. – И лучше поторопиться.

Клэри оглядела себя. Целый день шагать в промокнувшей насквозь одежде? Много радости!

– А нет ли другого?..

– Другого пути? – неожиданно зло подсказал Люк. – Ну, предлагай. Умница такая, затащила нас сюда. Вон там, – указал он на заснеженные пики, – пройти можно только посреди лета. Попытаемся перевалить через горы сейчас – замерзнем насмерть. – Указав в противоположную сторону, Люк продолжил: – Та м леса, они тянутся на мили, до самой границы, и необитаемы. По крайней мере, людей не встретишь. За Аликанте – села. Если даже получится выйти из Идриса, то все равно придется проходить через город. Город, где, доложу я тебе, нежить вроде меня не очень-то любят.

Клэри посмотрела на него, раскрыв рот:

– Люк, я не знала...

– Конечно не знала! Ты вообще об Идрисе ничего не знаешь! Тебе плевать на него. Ты как ребенок: осталась одна, разобиделась на всех и психанула. Куковать нам теперь здесь, мерзнуть! И вообще... – Он осекся. Лицо стало непроницаемым. – Ладно, пошли уже.

Пристыженно молча, Клэри шагала вдоль кромки озера, едва поспевая за длинноногим Люком. Солнце вскоре высушило волосы и кожу, однако бархатный плащ вобрал воду, словно губка, повиснув на плечах как свинцовая накидка. Сколько ни пыталась Клэри заговорить, Люк молчал – партизан партизаном. Видимо, косяк вышел не в меру большой, ведь раньше гнев Люка удавалось смягчить простым извинением.

Горы постепенно становились выше. На склонах Клэри заметила черные точки, похожие на чернильные пятна. Приглядевшись, она разглядела пещеры, и тут же представила себе летучих мышей, гадких ползучих тварей в темноте... Фу, мерзость!

Наконец узенькая тропинка вывела через скалы к широкой дороге, обрамленной каменным крошевом. Темно-синее озеро осталось далеко позади, а дорога петляла через плоскую долину, поросшую травой и плавно переходящую в холмы.

Города как не было, так и нет. У Клэри опустилось сердце.

– Мы еще дальше от Аликанте, чем я рассчитывал, – признался Люк, разочарованно глядя на холмы. – Давно я тут не бывал...

– Может, найдем дорогу побольше? Доедем до города автостопом? Или...

– Клэри. В Идрисе машин нет. – Увидев потрясение на лице девушки, Люк невесело рассмеялся: – Башни выводят из строя всю технику. Сотовые, компьютеры – все ломается. В самом Аликанте свет – и энергию – получают из ведьминого огня.

– О... – тихо протянула Клэри. – А... далеко мы от города, не знаешь? Хоть примерно?

– Очень далеко. – Не глядя на Клэри, Люк запустил пальцы в шевелюру. – Я забыл тебе рассказать кое-что.

Клэри подобралась. Совсем недавно она пробовала разговаривать Люка, но теперь боялась слушать его.

– Все хорошо...

– Ты не заметила: на озере нет лодок, причалов? Ничего, что выдавало бы присутствие идрисцев?

– Оно в глуши, может, поэтому...

– Не в такой уж оно и глуши. От Аликанте до Лин пешком всего несколько часов. Дело в том, что... – Люк тяжело вздохнул. – Помнишь рисунок на полу библиотеки Института?

– Заметила, – прищурилась Клэри. – Только не разобрала.

– Ангел восстает из озера, держа в руках Чашу и Меч. Этот мотив часто встречается в интерьере у нефилимов. По легенде, ангел Разиэль явился Джонатану, первому из Сумеречных охотников, восстав из озера Лин, и принес ему Орудия смерти. С тех пор озеро считается...

– Священным?

– Проклятым. Воды озера ядовиты для Сумеречных охотников. Нежити они не страшны. Дивный народец называет озеро Лин Зеркалом снов и пьет из него, чтобы узреть истину. Однако, если из Лин выпьет Сумеречный охотник, у него начнутся галлюцинации, бред... Нефилим сходит с ума от озерной воды.

Клэри ощутила озноб во всем теле.

– Ты поэтому заставил всю ее выплюнуть?

Люк кивнул.

– И еще: почему, думаешь, я просил отыскать стило? Начертив исцеляющую руну, ты

остановила бы отравление. Теперь придется идти в Аликанте, искать лекарства. Я, впрочем, знаю, у кого спрашивать.

– У Лайтвудов?

– Нет, – твердым голом сказал Люк. – Есть еще кое-кто. Один давний знакомый.

– Кто он?

Люк покачал головой:

– Ты только молись, чтобы за прошедшие пятнадцать лет он никуда не делся.

– Ты же говорил, в Аликанте нежити хода нет.

Улыбнувшись, оборотень напомнил старину Люка, того, который берег малютку Клэри, не давая свалиться с «лазилки» во дворе.

– Порой законы принимают для того, чтобы их нарушать.

* * *

Дом Пенхоллоу, точно как собор в Нью-Йорке, будто происходил из иной эпохи. Узкие залы и лестницы, всюду камень и темное дерево, стрельчатые окна с видом на город. В обстановке – отчетливый азиатский дух: скользящие двери-содзи на первом этаже, китайские лакированные вазы на подоконниках, шелковые картины на стенах с сюжетами из мифов о Сумеречных охотниках (написанные на причудливый восточный манер военачальники с клинками серафимов и красочные пучеглазые, драконообразные демоны).

– Миссис Пенхоллоу, Джия, некогда руководила Институтом в Пекине. Теперь проводит время попеременно здесь и в Запретном городе, – пояснила Изабель Саймону, который задержался посмотреть на картину. – Пенхоллоу – семья древняя. И очень богатая.

– Заметно, – сказал Саймон, задрав голову и рассматривая хрустальную люстру с гранеными висюльками.

Джейс, отставший на шаг, буркнул:

– Двигай давай. Не экскурсия.

Взвесив грубое замечание, Саймон решил не отвечать. Оставшиеся ступеньки он преодолел быстрым шагом и вошел в просторную комнату, совмещающую черты старого и нового: венецианское окно с видом на канал и музыка из невидимых колонок. Саймон, правда, не заметил ни телевизора, ни стоек с дисками, без которых не представлял комфорта. Только пухлые диванчики у пылающего камина.

У очага Алек в боевом облачении натягивал перчатки. Глянув на Саймона, он привычно нахмурился.

На диванчиках сидели двое: парень и девушка. Во внешности девушки Саймон заметил азиатские черты: утонченные миндалевидные глаза, блестящие черные волосы, а еще – проказливое выражение лица. Изящный подбородок у нее заострялся, словно у кошечки. Не красавица, но глаз не отвести!

Парень выглядел еще поразительней. Ростом примерно с Джейса, даже чуть выше, стройный, мускулистый; бледное и напряженное лицо, очень широкие скулы. Где-то Саймон его прежде видел.

Первой заговорила девушка:

– Та к это он, тот самый вампир? – Она оглядела Саймона с головы до пят, словно, говоря о вампирах, она имела в виду их пропорции. – Никогда еще не подпускала вампира так близко к себе. Разве что для удара. – Склонив голову набок, она заметила: – Для нежити симпатичный.

– Прости, – улыбнулся парень, поднимаясь с дивана. – У нее внешность ангела, а манеры

как у Молоха... – Он протянул Саймону руку: – Меня зовут Себастьян. Себастьян Верлак. Моя кузина – Алина Пенхоллоу. Алина...

– Я нежити руки не подаю, – откинулась на подушки девушка. – Они ведь бездушны, эти вампиры.

Улыбка Себастьяна растаяла.

– Алина...

– Я же права. Кровососы потому и не отражаются в зеркале, и под солнцем не ходят.

Очень медленно, чтобы видели все, Саймон ступил в лужицу света, льющегося через окно. Затылком почувствовал горячий поцелуй солнца. Тень вампира – очень плотная – протянулась до самых ног Джейса.

Алина вздрогнула, но промолчала. Вместо нее, глядя на Саймона любопытными темными глазами, заговорил Себастьян:

– Так это правда? Лайтвуды предупредили меня, однако я не поверил...

– Не поверил нам? – спросил Джейс. – О таких вещах мы лгать не привыкли. Саймон... уникален.

– Я с ним даже целовалась, – ляпнула Изабель.

Брови Алины поползли вверх.

– Тебе и правда все сходит с рук? – спросила она в ужасе и с завистью одновременно. – Прежде, Иззи, ты бы и не подумала...

– В прошлый раз, когда вы виделись, Иззи было восемь лет, – напомнил Алек. – Со временем люди меняются. Ладно, матери пришлось срочно покинуть нас, поэтому кто-то должен наведаться в Гард. Я тут единственный совершеннолетний, и, значит, идти мне. Пока еще Конклав не разошелся.

– Знаем, знаем. – Изабель плюхнулась на подушки дивана. – Ты уже раз пять говорил.

Напустив на себе очень важный вид, Алек издевку словно бы не заметил:

– Джейс, вампира сюда притащил ты, тебе за ним и следить. Никуда из дома не выпускай.

Вампир, вампир... Как будто у Саймона имени нет. Он ведь спас Алеку жизнь! Парню, конечно, свойственна беспричинная угрюмость и замкнутость, но «вампир» – это уж слишком. Или он такой только в Идрисе? Нефилизм выпячивает?

– Ты за этим меня звал? Сказать, чтобы я следил за вампиром? Мог бы не напоминать, – сказал Джейс, присаживаясь подле Алины. Девушке соседство польстило. – Лучше беги в Гард и поторопись обратно. Мало ли как мы без старших безобразничаем.

Смерив Джейса холодным взглядом, Алек велел:

– На тебе – порядок. Через полчаса буду. – Сказав так, он вышел через арку, за которой тянулся длинный коридор. Наконец вдалеке хлопнула парадная дверь.

– Не искушай его. – Изабель строго посмотрела на Джейса. – Алека и правда старшим оставили.

Саймон невольно заметил, что Алина сидит вплотную к Джейсу. Их плечи соприкасались, хотя на диване еще полным-полно места.

– В прошлой жизни, – обратился Джейс к Алине, – Алек, наверное, был сварливой старухой. Прикармливал девяносто кошек и гонял с лужайки соседских детей. – Алина захихикала. – Ему, видите ли, дозволено пойти в Гард...

– Что за Гард такой? – спросил Саймон, уставший от обилия непонятных названий.

Джейс посмотрел на него холодным, недружелюбным взглядом. Накрыв своей рукой руку Алины, которую та положила себе на бедро.

– Присядь. – Джейс кивнул в сторону кресла. – Или ты хотел в углу повиснуть вверх ногами?

Приехали, уже летучей мышью дразнят. Смущенный, Саймон опустился в кресло.

– В Гарде собирается Конклав. – Себастьян, видимо, сжалился над Саймоном. – Там же принимаются законы. Это резиденция Инквизитора и Консула. На территорию Гарда, пока идет собрание, входить можно лишь совершеннолетним Сумеречным охотникам.

– Собрание? – вспомнил Саймон. – Не из-за меня, надеюсь?

– Нет, – рассмеялся Себастьян. – Из-за Валентина и Орудий смерти. Конклав пытается предугадать дальнейшие действия врага.

Услышав имя Валентина, Джейс напрягся.

– Ну, – сказал Саймон, – он, наверное, хочет достать Зеркало, третье из Орудий смерти? Оно в Идрисе, так? Вот и устроили собрание?

Повисла короткая пауза, нарушила которую Изабель.

– Фишка в том, что никто не знает, где Зеркало. Никто даже не знает, как оно выглядит.

– Зеркало есть зеркало. Ну, куда смотрят еще. Я так думаю.

– Изабель хочет сказать, – мягко произнес Себастьян, – что о Зеркале никто толком ничего не знает. О нем часто упоминается в хрониках, и при этом не сказано, как оно выглядит, где оно и, самое главное, на что способно.

– Мы думаем, Валентин ищет Зеркало, – продолжила Изабель. – Правда, толку от догадок мало. Никто же не знает, где оно. О третьем Орудии могли поведать Братья молчания, однако Валентин перебил их. Остается гадать.

– Перебил всех братьев? – удивился Саймон. – Разве не один нью-йоркский орден?

– Город костей на самом деле не в Нью-Йорке. Он... ну, помнишь вход в Летний двор через Центральный парк? Вход в парке не означает, что и само королевство фей находится там же. Так и с Городом костей, куда ведет много ходов.

Изабель не договорила – Алина шикнула на нее и резким жестом велела молчать.

Саймон посмотрел на Алину, затем на Джейса и Себастьяна. На лицах нефилимов появилось одно и то же обеспокоенное выражение. Сообразили, что Изабель выбалтывает секреты. Не врагу, конечно, хотя доверять нежити нефилим права не имеет.

Первой тишину нарушила Алина. Посмотрев на Саймона прелестными темными глазами, она спросила:

– Ну и каково быть вампиром?

– Алина! – всполошилась Изабель. – Нельзя вот так спрашивать, каково быть вампиром!

– Почему? Он стал вампиром не так давно. Должен еще помнить, каково быть человеком... – Алина снова посмотрела на Саймона: – Как тебе кровь? Как прежде или иначе? Вроде апельсинового сока? По мне, так вкус крови...

– На вкус как цыплятина, – ответил Саймон, просто чтобы Алина отстала.

Девушка намека не поняла:

– Правда?

– Он подтрунивает над тобой, – вмешался Себастьян. – И я его понимаю. Еще раз, Саймон, прошу простить мою кузину. Те из нас, кто воспитан вне Идриса, к нежити относятся немного терпимей.

– Разве ты сам не рос в Идрисе? – спросила Изабель. – Твои родители вроде...

– Изабель, – одернул ее Джейс, но было поздно. Себастьян помрачнел.

– Мои родители мертвы. Все случилось у гнезда демонов в Кале... Ладно, забудем, давно это было, – отмахнулся Себастьян, когда Изабель попыталась выразить сочувствие. – Меня вырастила в парижском Институте тетушка, сестра отца Алины.

– Ты говоришь по-французски? – вздохнула Изабель. – Вот бы мне иностранный язык выучить! Ходж говорил, с нас хватит древнегреческого и латыни. Кто на них говорит-то?!

– Еще я знаю русский, итальянский и немного румынский, – скромно улыбнувшись, добавил

Себастьян. – Могу научить фразе-другой.

– Румынский? Круто, – заметил Джейс. – Им не так много народу владеет.

– А ты? – заинтересовался Себастьян.

– Не особенно. – Джейс улыбнулся так обезоруживающе, что Саймон понял: врет, гад. –

Мой румынский состоит из оперативных фраз типа: «Эти змеи не ядовиты?» и «Вы слишком молоды для офицера полиции».

Себастьян не улыбнулся. Было в его внешней мягкости и спокойствии нечто, что выдавало внутреннее несоответствие маскировке.

– Обожаю путешествовать, – сказал Себастьян, не сводя глаз с Саймона. – Впрочем, в гостях хорошо, а дома-то лучше, правда?

Джейс, игравший с пальчиками Алины, прервался:

– Что ты имеешь в виду?

– Нет места, подобного Идрису. И неважно, где мы, нефилимы, еще строим себе дом. Я не прав?

– Очень даже прав, – нетерпеливо сказала Изабель. – Джейс любит притворяться, будто не понимает, когда говорят о нем.

– Да, речь о нем. – Себастьян даже под прямым взглядом Джейса оставался невозмутим, отчего Саймон преисполнился неожиданной симпатией к темноволосому нефилиму. Не всякий сумеет игнорировать насмешки Джейса. – В Идрисе больше тем для разговоров и нет, кроме как о тебе, Орудиях смерти, твоей младшей сестренке и отце...

– С вами же Кларисса собиралась! – вспомнила Алина. – Я так хотела познакомиться с ней. Где она?

В лице Джейс не изменился, но руку Алины выпустил. Сжав пальцы в кулак, он ответил:

– Кларисса не захотела покидать Нью-Йорка. У нее мать в больнице.

«У нее мать»... Никогда не скажет «наша мать».

– И правда странно, – заметила Изабель. – Я-то думала, Клэри хочет с нами.

– Она и хотела, – вставил Саймон. – Просто...

Джейс вскочил на ноги, да так быстро, что Саймон и не заметил.

– Я тут вспомнил, мне с Саймоном надо кое-что обсудить. С глазу на глаз. – Гневно сверкая взглядом, он ткнул в сторону двойных дверей в дальнем конце комнаты. – Идем, вампир. – Тон Джейса подразумевал, что за отказ будут бить. – Поговорим.

Полдень давно миновал, и Люк с Клэри оставили озеро Лин далеко позади. Они шагали по широким, бескрайним зарослям высокой травы. Время от времени ровная поверхность переходила в холм, увенчанный черными камнями. Клэри порядком утомилась от бесконечных подъемов и спусков; подошвы скользили по влажной траве, словно по гладкому мрамору. К тому времени, как поля все же закончились и началась узкая грунтовая дорога, ладони, вымазанные в соку трав, уже кровоточили.

Люк уверенно шагал впереди, указывая время от времени на что-нибудь интересное и комментируя находку голосом самого печального в мире гида.

– Мы пересекли равнину Брослин, – сказал оборотень, одолев подъем и увидев темную гущу деревьев до самого горизонта на западе. Солнце клонилось к закату. – Впереди – лес. Когда-то деревья покрывали большую часть равнин. Люди их вырубili, расчищая дорогу до Аликанте да изводя волчьи стаи и вампирские гнезда. Лес Брослин – излюбленное укрытие нежити.

Дорога по кромке леса растянулась на многие мили, пока наконец не сделала резкий поворот и пошла в гору. Обойдя холм, Клэри долго моргала, не веря глазам. Впереди она увидела ряды белых домиков, аккуратных и миниатюрных, словно в каком-нибудь селении страны Оз.

– Мы пришли! – закричала Клэри и помчалась вниз. Остановилась она, только заметив, что Люк за ней не бежит.

Оборотень стоял посреди пыльного тракта и качал головой.

– Нет. – Он наконец спустился. – Это не город.

– А может, городок? Ты говорил, по пути городков не встретится...

– Кладбище. Аликантский Город костей. Или ты думала, что тот самый Город костей – единственное место упокоения? – Голос Люка звучал грустно. – Это некрополь, здесь хоронят умерших в Идрисе. Придется пройти через него, чтобы попасть в Аликанте.

Последний раз Клэри была на кладбище, когда умер Саймон. Ступая по узкой тропинке, вьющейся меж мавзолеев, словно белая лента, девушка чувствовала, как страх пробирает до мозга костей. За кладбищем явно ухаживали: трава подстрижена, мрамор сверкает, будто свежестропированный. Тут и там на надгробиях лежали букеты белых цветов. Клэри поначалу приняла их за лилии, но запах от букетов исходил незнакомый и пряный. Может, такие цветы растут только в Идрисе? Могилы походили на небольшие домики с железными или коваными воротами; на дверцах значились родовые имена: «КАРТРАЙТ», «МЕРРИВЕЗЕР», «ХАЙТАУЭР», «БЛЕКВЕЛЛ», «МИДУИНТЕР». У последнего – «ЭРОНДЕЙЛ» – Клэри задержалась.

– Так звали Инквизитора, – вспомнила она, посмотрев на Люка.

– Это могила ее семьи, – ответил Люк. – Смотри, – указал он на буквы, высеченные в сером мраморе у дверцы.

«МАРКУС ЭРОНДЕЙЛ», «СТИВЕН ЭРОНДЕЙЛ». Оба умерли в один год. Как бы Клэри ни презирала Инквизитора, в груди шевельнулся червячок жалости. Потерять и мужа, и сына почти в одно время... Под именем Стивена была еще надпись, латинская: «AVE ATQUE VALE».

– Что это значит?

– «Здравствуй и прощай», – перевел оборотень. – Слова из поэмы Катулла^[3]. В какой-то момент нефилимы стали так обращаться к тем, кого хоронят, или к павшим на поле боя. Ладно, идем. Нашли тему для разговора.

Положив руку на плечо Клэри, Люк бережно отвернул ее от могилы.

Может, Люк и прав. Не стоит думать о смерти.

Пока шагали через некрополь, Клэри старалась не смотреть на могилы. У самых ворот она заметила небольшой мавзолей, словно поганка, торчащий в тени раскидистого дуба. Имя над дверцей бросилось в глаза, будто неоновая вывеска.

«ФЭЙРЧАЙЛД».

– Клэри, – позвал Люк.

Девушка шмыгнула в тень и стояла там, словно пригвожденная, читая имена дедов и прадедов, о которых ни разу не слышала: «АЛОИЗИЙ ФЭЙРЧАЙЛД», «АДЕЛЬ ФЭЙРЧАЙЛД», «УР. НАЙТШЕЙД», «ГРЭНВИЛЬ ФЭЙРЧАЙЛД» – и в самом низу: «ДЖОСЛИН МОРГЕНШТЕРН, УР. ФЭЙРЧАЙЛД».

Клэри сковало холодом. Увидев могилу матери, она как будто перенеслась в давние кошмары: идут похороны мамы, но никто не хочет говорить, что случилось и отчего Джослин погибла.

– Мама жива, – сказала Клэри, глядя на Люка. – Она не...

– Конклав не знает, – мягко произнес Люк.

Клэри не слышала и не видела оборотня, хотя тот стоял прямо перед ней. А видела Клэри неровный холм, из которого, словно обломанные кости, торчали могильные камни. Корявая надпись на черном надгробии гласила: «КЛАРИССА МОРГЕНШТЕРН, 1991—2007», и под ней – нарисованный детской рукой череп с пустыми глазницами.

Взвизгнув, Клэри попятилась.

– Что? Что случилось? – поймал ее за плечи Люк.

– Вон... там... – Девушка указала на собственную могилу.

Странно, плита исчезла, и перед Клэри вновь лежал ровный, ухоженный погост.

– Я видела свою могилу. Я умерла в этом году.

Ее передернуло.

– Озерная вода начала действовать, – мрачно проговорил Люк. – У тебя галлюцинации. Идем, осталось мало времени.

* * *

Джейс повел Саймона вверх по лестнице, а после – по короткому коридору с дверьми. Открыв одну из них, Джейс сказал:

– Сюда. – И втолкнул вампира в подобие библиотеки с рядами книжных полок, длинными диванами и креслами. – Нам не помешают...

Он не договорил, увидев, как из кресла нервно вскочил маленький мальчик: каштановые волосы, очки, серьезное лицо и книжка в руке. В книжке Саймон угадал выпуск какой-то манги. Слишком хорошо он был знаком с литературными пристрастиями Клэри.

– Прости, Макс, – нахмурился Джейс. – Комната нужна нам. Будет взрослый разговор.

– Из зала прогнали Иззи и Алек. У них там тоже взрослые разговоры, – пожаловался Макс. – Куда мне податься прикажешь?

Джейс только плечами пожал:

– Найди куда. – Указал большим пальцем на дверь и велел: – Пора уже трудиться на благо родины, пацан. Вали давай!

Раздосадованный, Макс поплелся к выходу, прижимая к груди выпуск манги. Саймон почти жалел мальчугана: фигово, когда ты вырос и хочешь знать, что вокруг происходит, а все тебя куда-то посылают. Проходя мимо Саймона, малыш глянул на него подозрительно. «У-у, вампирюга», – говорил этот взгляд.

– Не стой, входи, – поторопил Саймона Джейс.

Он закрыл за Максом дверь, и в комнате стало темновато, даже для Саймона. Пахло пылью. Джейс прошел в дальний конец комнаты и раздвинул занавески, за которыми было венецианское окно с видом на канал. Вода с плеском ударялась о самые стены дома, всего в нескольких футах под окном, за обветренными резными перилами из камня. Узор на перилах изображал руны и звезды.

Джейс хмуро посмотрел на Саймона:

– Какого хрена, вампир? Что не так?

– У меня? Ты приволок меня сюда.

– Иначе бы ты раскололся – типа, Клэри собиралась в Идрис. Знаешь, что тогда начнется? Ее вызовут сюда, приведут насильно. А я тебе говорил, почему этого допускать нельзя.

Саймон покачал головой:

– Я тебя не пойму. То действуешь так, будто, кроме Клэри, тебя ничто не волнует, то...

Джейс смотрел на вампира. В столбе света плясали пылинки, образуя подобие занавеси между парнями.

– То – что?

– Флиртуешь с Алиной. Не похоже, что Клэри для тебя важнее всего.

– Не твое дело, вампир. Тем более Клэри мне сестра. Сам знаешь.

– То же самое было при дворе фей. Я помню слова королевы: «Девушку освободит поцелуй, которого она желает больше всего на свете».

– Помнишь, помнишь... Эти слова у тебя в мозгу выжжены, да, вампир?

Неожиданно для себя Саймон издал глубокий гортанный звук.

– Зачем спорить? Я не соперничаю с тобой за Клэри. Это глупо.

– Тогда почему говоришь подобные вещи?

– Потому, – проговорил Саймон. – Если хочешь, чтобы я лгал – не Клэри, а всем твоим друзьям Охотникам, – будто Клэри расхотела идти в Идрис, и если хочешь, чтобы я притворился, якобы не знаю о ее силе и истинных способностях, то придется оказать мне кое-какую помощь.

– Прекрасно, – ответил Джейс. – Чего изволите?

Некоторое время Саймон смотрел мимо Джейса на ряды каменных домов у канала, на торчащие поверх крыш с бойницами хрустальные башни.

– Ты любым доступным способом убедишь Клэри, что не любишь ее. И не говори – достало уже, – будто ты ее брат. Я помню. Хватит обманывать Клэри. Совместного будущего у вас нет. Да, Клэри мне самому нравится, но говорю я как друг, который не желает ей боли.

Джейс опустил взгляд себе на руки. На изящные пальцы, сбитые костяшки и тонкую белую паутинку на тыльных сторонах ладоней. Руки не мальчика – воина.

– Я уже говорил. Сказал, что буду Клэри только братом.

– А-а... – произнес Саймон. Вот тебе раз, Джейс моментально сдался! Новый Джейс заставил Саймона устыдиться своего требования. Клэри не говорила о вердикте Джейса... да и с чего ей признаваться? В последнее время, стоит кому-то упомянуть имя брата, как она становится тихой, замыкается в себе. – Значит, с этим решено. Остался последний момент.

– Да? – без энтузиазма спросил Джейс. – Ну, говори!

– Что сказал Валентин на корабле, когда Клэри начертила руну? Вроде на иностранном? Меме что-то там...

– Мене, мене, текел, упарсин, – слегка улыбаясь, поправил его Джейс. – Неужели не узнаешь? Слова из Библии, вампир. Из старой. Твоя ведь книга?

– Я, может, и еврей, но это не значит, что у меня в голове хранится Ветхий Завет.

– Такова была надпись на стене: «Исчислил Бог царствие твое и положил конец ему; ты

взвешен на весах и найден очень легким»^[4]. Знамение судьбы, предвещающее конец империи.

– А Валентин тут при чем?

– При делах все мы. Талант Клэри перевернет представление Конклава и закона о мире. Ни один человек не в силах создать новую руну или начертить одну из тех, какие сотворила Клэри. Подобное под силу ангелам, и раз уж Клэри наделена такой мощью, значит, мир меняется. Законы меняются. Вот тебе и знамение. То, что прежде являлось верным, верным быть перестает. Восстание ангелов принесло конец привычному миру, расколов небеса надвое и создав преисподнюю. Теперь измениться могут нефилимы. Идет небесная война, вампир, и победит только одна сторона. Мой отец считает победу своей.

* * *

Воздух был холоден, и плащ не просох, но Клэри порядком взмокла, пот стекал с нее градом. Под быстро темнеющим небом Люк тащил девушку за руку. Впереди уже показался Аликанте: город стоял в тенистой долине, разделенный надвое серебристой лентой реки. Она входила в город и словно пропадала, выходя по ту его сторону. К крутому склону холма жались домики: медового цвета стены и крыши красной черепицы, темные круто изогнутые улочки, а на вершине холма – строение из темного камня, с виду невесомое и снабженное колоннами. С севера, юга, востока и запада от него стояло по сверкающей башне. Точно такие стояли между домов – изящные, высокие, словно выточенные из кварца, этакie гигантские стеклянные иглы, нацеленные в небо. Лучи заходящего солнца высекали из башен блеклые радуги, как спичка высекает искры из коробка. Глядя на них, Клэри испытывала одновременно и радость, и неприязнь.

Если не видел Аликанте и его хрустальных башен, считай, не видел города вообще.

– Что-что? – спросил Люк. – Ты что-то сказала?

Клэри сама не заметила, как процитировала поговорку вслух. Смутившись, она повторила.

– От кого ты ее слышала? – удивился Люк.

– От Ходжа. Он говорил нечто подобное.

Присмотревшись к девушке, Люк заметил:

– Ты вся красная. Как себя чувствуешь?

Шея болела, начался жар, во рту пересохло, однако Клэри просто ответила:

– Все хорошо. Давай уже дойдем до города.

– Ладно. – Люк указал на границу Аликанте. Там, где заканчивались здания, стояла изогнутая арка. В ее тени нес вахту Сумеречный охотник. – Это Северные ворота, через которые дозволено входить нежити. Если, конечно, есть письменное разрешение. Прибудь мы по делу, официально, и имейся у нас подписанная кем надо бумажка, мы прошли бы через них.

– Вокруг города нет стен. – Клэри тоже указала в сторону арки. – Какие же это ворота?

– Барьер невидим, но он есть. Стоит под управлением башен вот уже тысячу лет. Сама почувствуешь на себе его силу. – Оборотень посмотрел на Клэри, задержав взгляд на ее прищуренных глазах. – Готова?

Клэри кивнула, и Люк пошел прочь от врат, мимо восточной стороны города, где здания стояли особенно густо. Возле узкого прохода меж двух домов он знаком велел девушке ступать как можно тише и повел ее вперед. Клэри зажмурилась, ожидая удара о невидимую стену, но вместо этого шарахнуло давлением – как в падающем самолете. В ушах громко чпокнуло, и вот Клэри уже стоит в переулке.

Здесь, совсем как любом переулке Нью-Йорка, да где угодно в мире, наверное, воняло

кошачьей мочой.

Выглянув за угол, Клэри увидела широкую улицу, по бокам которой тянулись ряды лавок и домов.

– Никого нет, – несколько удивленно заметила она.

В вечерних сумерках кожа оборотня отливала серым.

– Должно быть, в Гарде собрание. Иначе народ вот так разом с улиц не пропадает.

– Это хорошо или плохо? Можем пройти незамеченными.

– Не хорошо и не плохо. Улицы пустынные, нас вряд ли заметят. Но если уж кто попадется на пути, то заметит обязательно.

– Разве на Совет собирают не всех?

– Всех, да не совсем, – слабо улыбнулся Люк. – Дети, подростки – те, кого не призвали, могут гулять по улицам.

Клэри подумала о Джейсе, и сердце заколотилось с бешеной быстротой скаковой лошади.

Люк словно прочел мысли девушки и нахмурился:

– Прямо сейчас я нарушаю закон, потому что не назвался члену Конклава у врат. Если меня кто опознает, беды не оберемся. – Он взглянул на узкую полосу темно-красного неба между крышами. – С улиц надо уходить.

– Мы разве не в дом твоего друга собирались?

– Так и есть. Правда, хозяйка дома – не совсем друг.

– А кто?.. – хотела спросить Клэри, но Люк оборвал ее:

– Тихо, иди за мной.

Он нырнул в проход между домами, такой узкий, что Клэри, вытянув руки, спокойно касалась стен по обеим сторонам. Улочка вывела на вьющуюся мостовую, обрамленную лавками – домиками, точно из детских сказок и готических фантазий. Каменные фасады были украшены барельефными мордами чудищ, пегасами, русалками и, разумеется, ангелами. В одном месте повстречалось нечто похожее на избушку на курьих ножках. На каждом углу сидело по горгулье, чьи морды искажала гримаса-ухмылка. И всюду руны, руны, руны: на дверях, замаскированные в причудливой каменной резьбе, на тонких цепочках, позвякивающих на ветру, словно китайские колокольчики. Руны защиты, удачи и даже прибыли в деле. От их обилия голова шла кругом.

Стараясь держаться в тени, спутники молча шагали по опустевшей мостовой. Двери лавок были закрыты и заперты, но Клэри тайком заглядывала в витрины. В одной – шоколад в роскошных обертках, в другой – ого! – такое же разнообразие орудий убийства: палаши, булавы, утыканные шипами дубины и клинки серафимов почти любого размера.

– Ничего огнестрельного, – пробормотала Клэри, и собственный голос показался ей далеким-далеким.

– Что? – обернулся Люк.

– Сумеречные охотники, похоже, дерутся только холодным оружием.

– Руны не дают пороху воспламениться. Почему – никто не знает. Хотя порой нефилимы берутся за ружья, если надо подстрелить нашего брата. Против оборотня хороши серебряные пули. – Голос Люка звучал мрачно. Внезапно оборотень поднял голову и прислушался. В тусклом свете Клэри легко вообразила, как он по-волчьи прядает ушами. – Голоса. Кажется, собрание окончено.

Схватив Клэри за руку, Люк утянул ее прочь с главной улицы на небольшую площадь с колодцем в центре. Впереди виднелся каменный мосток через канал, вода в котором казалась совершенно черной.

Вот уже и сама Клэри расслышала голоса – они звучали сердито, на повышенных тонах. Голова у девушки закружилась сильнее, и мостовая под ногами закачалась, грозя опрокинуть.

Клэри привалилась к стене переулка, пытаясь отдышаться.

– Клэри, – позвал Люк. – Тебе плохо?

Голос Люка сделался странным, густым. Клэри взглянула на оборотня и обомлела от ужаса: уши Люка вытянулись и заострились, зубы выросли, а в глазах загорелось яростное желтое пламя.

– Люк, – прошептала девушка. – Что с тобой?

– Клэри. – Он протянул к ней руки, которые вдруг удлинлись. Когти на пальцах окрасились багряным. – Что не так?

Клэри закричала, пытаясь увернуться. В сердце проснулся неуправляемый ужас. Откуда? С чего? Люк в обличье волка ни за что не навредит... Он ухватил Клэри за плечи, и она съежилась, стараясь закрыться от желтых звериных глаз.

– Клэри, пожалуйста... – Люк звал обычным, человеческим, голосом, умоляя замолчать.

– Пусти! Пусти! – отбивалась Клэри.

Люк не пускал.

– Это все вода. У тебя галлюцинации, Клэри. Держись! – Он потянул ее к мосту, едва не волоча по земле. По горящим щекам потекли прохладные слезы. – Того, что ты видишь, нет. Крепись, пожалуйста, не сдавайся.

Запахло стоячей водой. Клэри присмотрелась к цветущей зеленоватой поверхности, под которой угадывались темные формы. Навстречу вынырнуло черное щупальце, и Клэри отшатнулась от усеянного игольчатыми шипами кончика. Она даже не смогла закричать, лишь приглушенный стон вырвался из груди.

Колени подогнулись, но Люк успел подхватить Клэри и взять на руки, чего не делал с тех пор, как ей было пять или шесть лет.

– Клэри, – позвал оборотень. Слова замялись, переходя в рычание.

Оборотень нес девушку вдоль высоких домов привычной бруклинской конструкции. Или они примерещились? Воздух тем временем потеплел, огни домов светили подобно факелам, а вода в канале издавала недоброе фосфоресцирующее сияние. Кости у Клэри как будто таяли.

– Пришли, – сказал Люк, останавливаясь у высокого дома на берегу канала.

Он, крича, принялся барабанить в яркую до рези в глазах красную дверь. Единственная золотистая руна на двери расплылась и приняла форму черепа. «Неправда», – сказала себе Клэри и закусила до крови кулак, желая задавить нарождающийся в горле крик.

От боли сразу прояснилось в голове.

Дверь распахнулась, и на порог вышла высокая женщина в черном платье. Волосы она заплела в две косы, из которых те выбивались каштановым с проседью спутанным облаком. Хозяйка смотрела на гостей со смесью гнева и удивления на лице: глаза голубые, знакомые...

– Вы кто такие? – спросила хозяйка, подсвечивая себе ведьминым огнем. – Чего надо?

– Аматис, – позвал Люк, выступая в лужицу света и показывая Клэри. – Это я.

Женщина побледнела и затряслась. Чтобы не упасть, она схватилась за дверной косяк:

– Люциан?

Люк попытался войти в дом, но хозяйка – Аматис – загородила дорогу. Замотала головой, тряся косами:

– Как ты посмел прийти, Люциан? Как посмел явиться сюда?

– Выбора не было. – Люк плотнее прижал к себе Клэри, и девушка едва подавила вскрик: каждая клетка тела пылала болью.

– Уходи, – велела Аматис. – Если исчезнешь прямо сейчас...

– Я не за себя прошу. За девочку. Она умирает. – Женщина пристально посмотрела на оборотня, и тот добавил: – Пожалуйста, Аматис, не откажи в помощи. Девочка – дочь Джослин.

Наступила долгая тишина. Хозяйка застыла подобно статуе – от страха ли, от удивления? – а Клэри впилась до крови ногтями в ладони. Боль, впрочем, больше не помогала. Мир вокруг распадался на части, словно пазл, дрейфующий на воде. Послышался едва различимый голос:

– Что ж, Люциан, занеси ее в дом.

* * *

К тому времени как Саймон и Джейс возвратились в гостиную, Алина успела накрыть на низенький стол: сыр, хлеб, нарезанный пирог, яблоки и даже вино. Максу алкоголь пробовать запретили, и мальчик одиноко сидел в углу с тарелкой пирога и книжкой на коленях. Саймону было жаль Макса, потому что и сам вампир чувствовал себя изгоем в шумной, веселой компании.

Алина потянулась за яблоком и как бы походя коснулась руки Джейса. Саймон напрягся. Казалось бы, Джейс предает Клэри, к его, Саймона, выгоде, и все же в первую очередь именно предает. Джейс глянул на Саймона поверх головы Алины и улыбнулся. Вроде не вампир, а будто клыками сверкает.

Саймон отвернулся. Он заметил, что музыка звучит из какого-то сложного механизма, не обычной стереосистемы.

Вампир думал поговорить с Изабель, но та уже болтала о чем-то с Себастьяном. Себастьян, весь такой утонченный, внимательно слушал. Над влюбленностью Саймона в Изабель Джейс посмеялся, однако Себастьян запросто совладевает с ее норовом. Сумеречных охотников такими воспитывают – чтобы умели совладать с чем угодно. Впрочем, Джейс, обещая быть Клэри исключительно братом, Саймона озадачил.

– Вино закончилось, – провозгласила Изабель, со стуком опустив бутылку на стол. – Пойду принесу еще, – сказала она и, подмигнув Себастьяну, удалилась на кухню.

– Прости, если лезу не в свое дело, но ты что-то очень тих, – заметил Себастьян, наклонившись к Саймону и демонстрируя обезоруживающую улыбку. Хотя волосы у него были очень темны, кожа оставалась на вид нежной, словно Себастьян выходил на солнце нечасто. – Все хорошо?

Саймон пожал плечами:

– Да мне и говорить-то не о чем. Вы то о политике, то о каких-то незнакомцах толкуете. Или сразу обо всем.

Улыбка исчезла с лица Себастьяна.

– Мы, нефилимы, для постороннего можем показаться закрытой кастой. Таков наш путь, путь отрезанных от остального мира.

– Скорее вы сами отрезаете себя от остальных. Вы презираете людей...

– Презираем? Я бы не стал выражаться столь категорично. И потом, ну кто захочет иметь с нами дело? Ведь мы – живое доказательство самообмана: дескать, под кроватью не прячутся вампиры, чудовища и демоны. – Себастьян обернулся к Джейсу, который молча следил за беседой: – Я не прав?

Джейс улыбнулся.

– De ce crezi ca va ascultam conversatia? – проговорил он.

Приятно удивленный, Себастьян заинтересованно посмотрел на Джейса.

– M-ai urmarit de cand ai ajuns aici. Numi dau seama daca nu ma placi ori daca ești atat de banuitor cu toata lumea. – Себастьян встал из-за стола. – Всегда рад поупражняться в румынском, однако пора мне, думаю, проверить, отчего так задерживается на кухне Изабель.

Себастьян ушел, а Джейс остался сидеть, озадаченно глядя ему вслед.

– В чем дело? – спросил Саймон. – Он что, не по-румынски говорил?

– Да нет, – ответил Джейс и слегка нахмурился. – С румынским у него все в порядке.

Не успел Саймон спросить, в чем тогда дело, как вернулся Алек. Хмурым он уходил и хмурым же возвратился. Смущенный взгляд голубых глаз сразу уперся в вампира.

– Так быстро? – спросил Джейс.

– Я ненадолго, – ответил Алек и, не снимая перчатки, схватил со стола яблоко. – Мне велено привести его, – указал он яблоком на Саймона. – Его хотят видеть в Гарде.

– Что, правда? – удивленно спросила Алина, но Джейс уже встал с дивана, высвобождая свою руку из ее.

– Чего ради? – спросил он угрожающе спокойно. – Ты хоть спросил прежде, чем помчался выполнять поручение?

– Конечно, спросил. Я что, тупой, по-твоему?

– Ладно тебе, – произнесла Изабель, возвращаясь. Рядом Себастьян нес бутылку вина. – Ты и впрямь бываешь туповат, – сказала Иззи, но под испепеляющим взглядом братца добавила: – Самую малость.

– Саймона отправят обратно в Нью-Йорк. Через портал.

– Саймон только что прибыл сюда! – надула губы Изабель. – Они там офигели?

– Это мы офигели, притащив Саймона. Пусть и случайно. Конклав решил, что лучший выход из ситуации – отправить вампира домой.

– А что, прикольно! – встрял Саймон. – Вернусь, и мама не заметит. Какая разница во времени между Аликанте и Манхэттенем?

– У тебя и мать есть? – пораженно спросила Алина.

Саймон притворился, будто не слышал.

– Нет, серьезно, – заверил он Алека и Джейса, когда те переглянулись. – Я реально хочу поскорее отсюда смотаться.

– Проводишь его? – спросил Джейс Алека. – Проследишь, чтобы все прошло без косяков?

Какое-то время нефилимы смотрели друг на друга. Точно так же Саймон и Клэри когда-то переглядывались, если не хотели выдать родителям своих планов.

– Эй, – окликнул он Джейс и Алека. – Что не так?

Ниточка взгляда порвалась: Алек отвернулся, а Джейс, мягко улыбаясь, посмотрел на вампира.

– Все путем, – сказал он. – Поздравляю, вампир, ты едешь домой.

На Аликанте опустилась ночь. Узкие улочки петляли в лунном свете бледными каменными лентами; несмотря на холод, Саймон чувствовал себя вполне комфортно.

Алек быстро шагал, глядя прямо перед собой, будто Саймона не было рядом. В прошлой жизни Саймону, чтобы поспеть за провожатым, пришлось бы бежать задыхаясь, но не теперь. Вампир спокойно держал темп, заданный нефилимом.

– Фигово, поди? – спросил наконец Саймон. – В смысле, возиться со мной?

Алек пожал плечами:

– Мне восемнадцать, я взрослый – и должен вести себя ответственно. Я единственный, кому дозволено входить и выходить из Гарда во время собрания. К тому же Консулу меня представили.

– Кто такой Консул?

– Он вроде старшего чиновника. Подсчитывает голоса на Совете, трактует закон и дает советы Конклаву и Инквизитору. Если ты руководишь Институтом и вдруг сталкиваешься с неразрешимой проблемой – можно обратиться к Консулу.

– погоди, как он может давать советы Инквизитору? Разве она не погибла?

– И президенты умирают, – фыркнул Алек. – Прежний Инквизитор погибла, и сейчас действует новый. Эддертри.

Саймон обернулся посмотреть на темную полосу воды в канале. Город остался позади, и теперь они следовали узкой тенистой тропинкой между деревьями.

– Знаешь... – заговорил вампир, и Алек посмотрел на него исподлобья. – В прошлом Инквизиторы были к моему народу не слишком-то благосклонны. Впрочем, ладно, забей. Просто такая вот шутка истории получается. Дела примитивных... тебе неинтересно, наверное.

– Ты – не примитивный, – возразил Алек. – Поэтому твое появление так всполошило Себастьяна и Алину. Хотя по Себастьяну не скажешь. Он постоянно делает вид, будто все в жизни повидал.

– У него с Изабель, – ляпнул Саймон, – что-нибудь есть?

Алек рассмеялся:

– У Себастьяна с Изабель? Вряд ли. Себастьян классный парень, но Изабель водит шашни с тем, от кого родители обязательно придут в ужас. Примитивные, нежить, мошенники с обаятельной мордой...

– Спасибо на добром слове, – сказал Саймон. – Приятно оказаться среди бандюганов.

– По-моему, Изабель на публику работает. К тому же она – единственная девчонка в семье, вот и доказывает крутизну. Ну, или так она сама думает.

– Или же хочет отвести внимание предков от тебя, – почти бесцветным голосом произнес Саймон. – Пока те не просекли, что ты гей...

Алек остановился так резко, что Саймон в него чуть не врезался.

– Предки-то не знают, – сказал Алек. – Зато, похоже, знают все остальные.

– Кроме Джейса. Он не в курсе?

Алек сделал глубокий вдох. Он побледнел, или так казалось в лунном свете, лишаящем оттенков каждый предмет. Глаза нефилима были черны.

– Какое тебе дело? Запугать меня хочешь?

– Запугать? – ошеломленно переспросил Саймон. – Я не...

– Тогда зачем? – В голос Алека закралась боль. – Зачем напоминать об этом?

– Ты... меня ненавидишь. Плевать, пусть я и спас тебе жизнь. Ты весь мир презираешь. У

нас вроде нет ничего общего, да только ты смотришь на Джейса, как я – на Клэри. Может, узнав о моей беде, ты станешь ненавидеть меня чуточку меньше?

– Значит, ты не скажешь Джейсу? В смысле, Клэри ты признался и...

– Теперь жалею. Постоянно думаю, как вернуть прежние времена. Получится остаться друзьями или те отношения пошли окончательно прахом? Не по ее вине, а по моей. Что, если бы я встретил другую?..

– Другого... – пробормотал Алек и быстрым шагом двинулся дальше, глядя прямо перед собой.

Саймон нагнал его:

– Сам посуди. Магнусу Бейну, например, ты точно нравишься, и он тоже клевый. Такие тусы устраивает! Хотя он меня, конечно, в крысу превратил... ну и фиг с ним.

– Спасибо за сочувствие, – сухо ответил Алек. – Не думаю, что Магнусу я нравлюсь настолько сильно. Когда он пришел в Институт открывать портал, то едва ли взглянул на меня.

– Позвони ему, – не унимался Саймон, стараясь не думать, как странно, должно быть, это выглядит со стороны: вампир советует демоноборцу назначить свидание магу.

– Не выйдет. Телефоны в Идрисе не работают. Да и какая разница!.. Мы пришли, вот он, Гард.

Впереди высилась стена. Ворота в ней были испещрены угловатым руническим узором. Саймон, в отличие от Клэри, магических знаков читать не умел, но и так чувствовал исходящую от них силу. По обеим сторонам от врат стояли на страже каменные изваяния ангелов со свирепым выражением на прекрасных лицах. Сжимая в руках гравированные клинки, ангелы попирали ногами чудовищ: помесь крысы, летучей мыши и ящерицы с длинными острыми зубами. Саймон долго вглядывался в скульптурных монстров, решив под конец, что перед ним демоны. Или все же вампиры?

Распахнув врата, Алек жестом велел проходить. Саймон, оказавшись во дворе, пораженно заморгал: вампиризм дарует острое ночное зрение, но факелы вдоль тропинки горели ведьминым огнем, и предметы теряли резкость. Саймон едва ли заметил, что Алек ведет его по булыжной дороге, отражающей резкое белое свечение, и что впереди, подняв руку, их дожидается некто высокий.

– Так это тот самый вампир? – спросил он низким голосом, похожим скорее на рычание. Саймон поднял на вопрошавшего взгляд; глаза резало и жгло. Они слезились бы, умей вампир плакать.

Всё из-за ведьминога огня. Ангельский свет сжигает вампиров.

Дорогу загородил великан: широкоскулый, с землистым лицом, коротко стриженный брюнет. Выражением лица он напоминал пассажира метро, заметившего на рельсах крысу и пожелавшего, чтобы скорее подоспел поезд – авось да раздавит паразита.

– Это Саймон, – слегка неуверенно представил вампира Алек. – Саймон, это Консул Малахи Дьюдонн. Портал открыт, сэр?

– Да, – ответил Малахи резким голосом, в котором угадывался легкий акцент. – Все давно готово. Идем, нежить. Чем скорее избавимся от тебя, тем лучше.

Саймон уже двинулся вслед за старшим чиновником, но Алек вдруг схватил его за руку.

– Погодите, – обратился он к Консулу. – Саймона отправят прямиком на Манхэттен? Встретят по ту сторону?

– Так и есть. Магнус Бейн возьмет на себя ответственность за возвращение нежити. Раз уж он столь неразумно позволил ей проникнуть сюда.

– Если бы Магнус не пропустил Саймона через портал, Саймон бы погиб!

– Возможно. Такова версия твоих родителей, и Конклав склонен ей верить. Против моего

совета, впрочем. Никому так просто не дозволяется приводить нежить в Город стекла.

– И вовсе это было не просто, – разозлился Саймон. – На нас напали...

Малахи только сейчас обратил на него взор:

– Будешь говорить, когда тебя спросят, нежить.

Алек еще сильнее сжал руку Саймона. На лице нефилима проступила смесь нерешительности и подозрения, словно Алек передумал отдавать вампира Конклаву.

– Полноте, Консул! – раздался высокий голос, и Саймон удивленно заметил спешащего к ним низенького, полноватого мужчину в просторной серой мантии поверх черного костюма Охотника. Его лысый череп блестел в свете ведьминог огня. – Не стоит пугать нашего гостя.

– Гостя? – возмущенно переспросил Малахи.

Коротышка подошел ближе и улыбнулся Саймону и Алеку:

– Мы рады – правда, очень рады, – что ты согласился поскорее возвратиться в Нью-Йорк. Всем только легче. – Коротышка подмигнул Саймону, который смущенно пялился на него. Ни разу прежде – ни когда Саймон был примитивным, ни когда он стал вампиром – Сумеречный охотник не обращался к нему столь приветливо. – О, чуть не забыл! – хлопнул себя по лбу коротышка. – Надо представиться. Я Инквизитор, новый Инквизитор. Зовут меня Элдертри.

Элдертри протянул Саймону руку, и тот, по-прежнему смущенный, ответил пожатием.

– А ты? Должно быть, Саймон?

– Да, – ответил вампир, спеша высвободить руку из влажной и липкой ладошки Элдертри. – Не благодарите за согласие. Мне самому не терпится вернуться домой.

– Уверен, о, я уверен, что так и есть! – жизнерадостно произнес Элдертри, однако Саймон заметил странную тень на его лице. – Сюда, Саймон, – улыбнулся Инквизитор, указывая на узкую тропинку, выходящую вдоль Гарда. – Изволь. – Алек хотел последовать за Саймоном, но Инквизитор поднял руку: – В твоих услугах, Александр, мы больше не нуждаемся. Спасибо, что помог.

– Саймону...

– Ничто не угрожает. Малахи, проводи, пожалуйста, Александра на выход. Выдай ведьмин огонь, если у него с собой нет. Ночами дороги бывают обманчивы.

Одарив собравшихся еще одной благостной улыбкой, Элдертри поторопил Саймона к порталу.

* * *

Люк перенес Клэри через порог, и мир вспыхнул, начал плавиться. Хозяйка вела неожиданных гостей по длинному коридору, освещая путь ведьминым огнем. В бреду Клэри видела, как коридор все удлиняется и удлиняется.

Стены перевернулись. Клэри уложили на холодную поверхность и накрыли одеялом.

Девушка встретила взглядом с парой голубых глаз.

– На вид она очень больна, Люциан, – произнесла Аматис. Ее слова прозвучали как со старой изжеванной пленки. – Что с ней?

– Наглotalась воды из озера Лин, – ответил Люк. На мгновение в глазах прояснилось, и Клэри увидела, что лежит на плиточном полу кухни, а Люк совсем рядом ковыряется в шкафчике. Желтая штукатурка на стенах облупилась, от пламени в чугунной печке резало глаза. – Анис, белладонна, чемерица... – Люк вытаскивал из шкафчика стеклянные пузырьки. – Аматис, из этого нужно приготовить отвар. Я пока перенесу Клэри ближе к печке. Бедняжку трясет.

Клэри хотела сказать: дескать, она и так вся горит, – но из горла вышли совсем не те звуки. Оказавшись на руках у оборотня, она захныкала. Потом стало жарко, как от печки, и левый бок стало припекать. Все-таки Клэри мерзла. Челюсти сильно свело, и во рту почувствовался привкус крови. Мир всколыхнулся, как вода в стакане.

– Озеро снов? – недоверчиво спросила Аमतис. Хозяйка с длинной деревянной ложкой в руке вроде стояла у плиты. – Что вы там забыли? Джослин знает, где...

В этот момент мир – по крайней мере, настоящий мир – исчез. Вместо облупившейся желтой штукатурки Клэри увидела поверхность озера и отраженные в ней, будто в стекле, огни. По стеклу, опустив окровавленные, сломанные крылья, брели ангелы с лицом Джейса. Потом пришли другие – с крыльями из теней. Они хохотали, касаясь отраженного в озере пламени...

– Она зовет брата, – раздался откуда-то сверху, с немыслимой высоты, едва слышный голос Аमतис. – Он ведь с Лайтвудами? В доме Пенхоллоу на Принсуотер-стрит. Можно...

– Нет, – резко отвечал Люк. – Лучше не говорить Джейсу о Клэри.

«Я звала Джейса? – спросила себя девушка. – Зачем?..» Мысль она додумать не успела. Вернулась тьма, и разумом вновь завладели галлюцинации. Клэри увидела Алека и Изабель – брат и сестра словно вышли из яростной битвы: на их лицах сажа и кровь. Пришла безликая фигура, взмахнула черными кожистыми крыльями. Незнакомец улыбнулся, и по губам у него потекла кровь. «Уйди, уйди!» – зажмурившись, мысленно просила Клэри...

Прошло еще много времени, прежде чем откуда-то сверху послышалось:

– На, выпей. – Это говорил Люк, и Клэри вынырнула из темноты на зов. – Клэри, тебе очень надо выпить это лекарство.

Чьи-то руки приподняли голову, и в рот из промоченной тряпицы потекла горькая жидкость. Клэри закашлялась, пытаясь выплюнуть мерзкое на вкус снадобье. Хотела отвернуться, но руки держали за голову крепко. Клэри сдалась и проглотила лекарство, невзирая на боль в распухшем горле.

– Вот так, – сказал Люк. – Скоро подействует.

Клэри медленно разлепила веки. Рядом на коленях стояли Люк и Аमतис. Их одинаковые голубые глаза выдавали равную озабоченность. Заглянув за спины оборотню и хозяйке дома, Клэри не заметила ни ангелов, ни дьяволов с кожистыми крыльями. Только желтые стены и бледно-розовый чайник, неровно поставленный на подоконник.

– Я умираю?

– Нет, – устало улыбнулся Люк. – Поправишься ты не сразу, но жить будешь.

– Слава богу. – Сил не осталось даже на то, чтобы испытать облегчение. Из тела будто вынули все кости, и остался лишь мешок из мяса да кожи. Сонно глядя на спасителя сквозь вуаль смеженных ресниц, Клэри ляпнула: – У тебя те же глаза.

– В смысле, те же? – не понял Люк.

– Как у нее. – Девушка перевела взгляд на озадаченную Аमतис. – Того же цвета.

Тень улыбки промелькнула на лице Люка.

– Ну, если подумать, то нет здесь ничего удивительного. Просто я не успел вас друг другу представить. Клэри, это Аमतис Эрондейл. Моя сестра.

* * *

Отойдя от Алека и главного чиновника на достаточное расстояние, Инквизитор умолк. Саймон следовал за ним по узкой, освещенной все тем же ведьминым огнем тропинке, стараясь не глядеть на факелы. И все же Гард он не заметить не мог: стены крепости возвышались по

обеим сторонам, словно борта гигантского судна, окрашивая небо в серебристый оттенок льющимся из окон светом. На первом этаже окна тоже имелись: низкие, кое-где темные и зарешеченные.

Вскоре Инквизитор остановился у деревянной двери, вделанной в арочный проход. Желудок Саймона сжался; став вампиром, он замечал, как меняются от настроения к настроению запахи человека. От Элдертри пахло резко и горько, словно от чашки кофе. В верхней челюсти проснулось покалывание – клыки запросились наружу.

Открыв дверь, Элдертри прошел внутрь. Саймон – за ним, продолжая держаться от Инквизитора на почтительном расстоянии.

За дверью обнаружился длинный коридор, похожий на тоннель, вырезанный в теле белой скалы. Элдертри, несмотря на низкий рост, шагал чрезвычайно быстро, подсвечивая себе ведьминым огнем и пригнувшись. Саймон едва поспел за ним через распахнутые, словно крылья, двойные двери. В зале, куда привел вампира Инквизитор, амфитеатром располагались ряды кресел, в каждом из которых сидело по Сумеречному охотнику. От стен эхом отражались голоса присутствующих, слышались злобные выкрики. Саймон ловил обрывки фраз, нечетких и смазанных, потому что говорили все сразу.

– Мы не знаем, чего хочет Валентин. Он никому не открыл своих замыслов...

– Что с того? Он предатель и лгун. Простым усмирением Валентина мы ничего не добьемся.

– Дозор обнаружил на окраине леса труп ребенка-оборотня. Обескровленный труп. Похоже, Валентин завершил свои ритуалы здесь, в Идрисе.

– Захватив два Орудия смерти, Валентин взял на себя власти больше, чем отпущено любому из нефилимов. Выбора не остается...

– У меня кузен погиб на том корабле в Нью-Йорке! Валентину это с рук не сойдет! Требую возмездия!

Саймону интересно было подслушать еще, но Инквизитор так и вился вокруг жирным надоедливym шмелем.

– Идем-идем! – помахал он магическим светильником у Саймона перед носом. – Времени в обрез. Мне еще предстоит вернуться на собрание, пока оно не закончилось.

Саймон неохотно позволил подтолкнуть себя и увести дальше по коридору. В ушах звучало слово «возмездие», а в памяти всплыли события той ночи – неприятные, холодящие душу.

В конце коридора стояла резная дверь с изображением единственной руны, черной и внушающей трепет. Отперев дверь, Элдертри сделал широкий приглашающий жест.

Внутри не было ничего, кроме гобелена с изображением ангела, восстающего из озера и сжимающего в одной руке Меч, в другой – Чашу. Засмотревшись, Саймон не заметил, как Инквизитор вновь запер дверь на ключ и на засов.

Из мебели Саймон приметил только табурет и низкий стол, на котором покоился декоративный серебряный колокольчик.

– Слушайте, где... портал?

– Саймон, Саймон! – Элдертри потер ладони, словно в предвкушении праздника. – Тебе и правда не терпится попасть домой? Я лишь хотел спросить кое о чем...

– Валяйте, – пожал плечами Саймон, чувствуя себя очень неудобно. – Спрашивайте что надо.

– Как мило с твоей стороны! Как великодушно! – просиял Элдертри. – Давно ли ты стал вампиром? Только точно.

– Недели две как.

– Как случилось, что тебя обратили? Напали посреди улицы... или пока ты спал? Ты видел того, кто обратил тебя?

– Вообще-то... нет.

– Ах ты батюшки! – воскликнул Элдертри. – Разве можно не заметить вампира, который тебя кусает?!

Он посмотрел на Саймона столь открыто и с таким подлинным любопытством, что парень устыдился своих подозрений. Инквизитор напоминал родного дедушку или старого чудного дядюшку. Горький запах? Должно быть, почудился.

– Так уж вышло, – признался Саймон и начал пересказывать, как он дважды очутился в «Дюморе»: первый раз в качестве крысы и второй – когда его вела неведомая воля, когда его словно тащили, зацепив тысячью крючков. – Когда, – заканчивал он повествование, – я вошел в отель, на меня напали. Я не успел заметить кто именно... может, накинuloсь все гнездо, скопом.

– Страсти-то какие, страсти! – прокудахтал Инквизитор. – Нехорошо, совсем плохо. Я бы даже сказал, печально.

– Вот и мне так показалось.

– Конклав не обрадуется.

– Не понял, – смутился Саймон. – Какая разница Конклаву, как именно я стал вампиром?

– Видишь ли, – виноватым тоном произнес Инквизитор, – одно дело, если вампиры на тебя напали и обратили насильно. Однако, судя по рассказу, ты отдался. Как будто желал обращения.

– Глупости! Я не за тем пришел в отель!

– Верю, верю, – успокоил Саймона Элдертри. – Давай перейдем к следующему вопросу. – Не дожидаясь согласия, Инквизитор спросил: – Как получилось, что ты выжил, юный Саймон? Ведь ты проник на территорию вампиров, а нарушителей они обычно выпивают досуха и кремируют, чтобы обсосок не воскрес.

Саймон открыл было рот, желая рассказать, как Рафаэль принес его труп в Институт, как Клэри, Джейс и Изабель похоронили его, а после смотрели, как Саймон восстает из могилы... Но смолчал. Откуда ему знать правила нефилимов! Вряд ли в обязанности Охотника входит встречать нежить при первом воскрешении и тут же поить ее кровью.

Саймон просто ответил:

– Не знаю. Правда не знаю, почему вампиры обратили меня.

– Вампир должен крестить тебя своей кровью. Не отведай ты ее, не стал бы... тем, кем стал. Ну, по-прежнему утверждаешь, что не видел своего господина?

Господина? И в голову не пришло бы называть Рафаэля господином. Во-первых, его кровь Саймон попробовал совершенно случайно. Во-вторых, Рафаэль выглядит моложе самого Саймона. На вид он мальчишка.

– Так оно и есть.

– О, какая жалость! – вздохнул Инквизитор. – Воистину прискорбно.

– Что прискорбно?

– Ты лжешь, парень, – покачал головой Элдертри. – Я-то надеялся на сотрудничество. Ужасно, у-ж-жас-сно! Та к ты не скажешь правду? Сделай милость.

– Я и говорю правду!

Инквизитор сник подобно увядшему цветку.

– Стыдно, стыдно, – вздохнул он. – Ай как стыдно. – Пересек комнату и, не переставая качать головой, громко постучался в дверь.

– В чем дело? – всполошился Саймон. – Где портал-то?

– Портал? – хихикнул Элдертри. – Ты же не думаешь, что я так просто позволю тебе уйти?

Саймон не успел и слова сказать, как двери распахнулись и в комнату ворвалась толпа нефилимов. Охотники схватили Саймона за руки и надели на голову мешок. Вампир попробовал отбиться и даже попал кому-то ногой по голове – послышалась ругань. Тогда его одернули, и кто-то горячо прошептал в ухо:

– Еще раз рыпнешься, вампир, и я залью тебе в глотку святую воду. Сдохнешь, рыгая собственной кровью.

– Довольно! – Высокий голос Инквизитора взлетел над гомоном толпы, словно шарик. – Хватит угроз. Я лишь пытаюсь научить нашего гостя манерам. – Элдертри, должно быть, подошел ближе, потому что Саймон вновь, даже через мешок, учуял горький запах. – Саймон, Саймон... Я ведь так обрадовался встрече и понадеялся на помощь с твоей стороны. Надеюсь, ночь в подвале Гарда пойдет тебе на пользу и утром мы добьемся желаемого эффекта. Я верю: стоит преодолеть это досадное недоразумение, и нас с тобой ждет много интересного и полезного. – Рука Инквизитора легла Саймону на плечо. – Нефилимы, отведите вампира вниз.

Саймон закричал, но мешок глушил все звуки. Сумеречные охотники вынесли вампира из комнаты и потащили куда-то по длинным петляющим, как в лабиринте, коридорам. Наконец достигли ступенек и, приподняв Саймона над полом, стали спускаться. Сильно пахло замшелым камнем, и воздух постепенно становился все сырей и холоднее.

Наконец спуск закончился. Заскрежетало железо о камень. Саймона швырнули вперед, и он упал на четвереньки. Лязгнула металлическая дверь, послышались удаляющиеся шаги. Эхо от них еще не смолкло, а Саймон вскочил на ноги и сдернул мешок с головы. Уф, чуть не задохся! Саймон по привычке глубоко вздохнул. Хотя вампиры не дышат, в груди жгло так, словно воздуха и впрямь не хватало.

Саймона бросили в камеру: голые каменные стены, маленькое зарешеченное окошко над жесткой кроватью. За невысокой дверью – крохотная уборная: мойка и унитаз. В западной стене устроена решетка, от пола до потолка, дверь на петлях, снабженная круглой ручкой, на медной поверхности которой красуется жирная черная руна.

Руны были везде: все прутья – даже на оконной решетке – покрывал витиеватый узор.

Саймон не сомневался, что дверь заперта, но ничего не смог с собою поделывать. Подошел к ней и схватился за ручку. Тут же ладонь пронзила жгучая боль. Закричав, Саймон одернул руку. На коже проступил дымящийся магический узор: подобие звезды Давида, вписанной в круг, и еще мелкие руны между линий.

Будто за раскаленную железку схватился. От боли Саймон сжал пальцы в кулак и судорожно вдохнул.

– Что за дрянь? – прошептал он в пустоту, понимая: никто не ответит.

– Печать Соломона, – пришел внезапный ответ. – Говорят, она содержит одно из истинных имен Господа и отпугивает демонов. Особенно твоего племени, потому что служит предметом твоей веры.

Позабыв про боль, Саймон вскинул голову:

– Кто здесь? Кто говорит?

Невидимый собеседник помолчал и затем ответил:

– Я в соседней камере, светолуб. – Голос, хриловатый, принадлежал взрослому мужчине. – Стражи провозились тут полдня, решая, как лучше удержать за решеткой вампира. На твоём месте я бы не тратил силы, пытаясь открыть дверь. Лучше подожди, пока Конклав не назовет свое требование.

– Меня нельзя держать в темнице. Я из другого мира. Пропажу заметят родители, учителя...

– Конклав обо все позаботился. Существуют простейшие заклинания, сотворить которые может и начинающий маг. Стражам ничего не стоит убедить твоих родителей, будто ты куда-нибудь уехал – по учебе ли, к родственникам. Здесь такое проделывают на раз.

В голосе невидимого собеседника не слышалось ни угрозы, ни сожаления. Он словно говорил о чем-то обыденном.

– Конклав и прежде заставлял нежить исчезнуть.

– Кто вы? – срывающимся голосом спросил Саймон. – Вы из наших? Конклав тут прячет нежить?

Сосед промолчал. Видно, решил, что больше говорить с нежитью не о чем. На все крики Саймона был один ответ – тишина.

Боль в руке понемногу утихла, кожа восстановилась, но печать держалась, будто нарисованная чернилами. Присмотревшись к решеткам, Саймон заметил, что руны на них перемежаются со звездами Давида и строками из Торы на иврите. К тому же резьба была свежей.

Значит, стражи провозились тут полдня, решая, как удержать Саймона в камере?

Вряд ли они потратили бы столько времени на обычного вампира. Нет, Саймон еврей, и возились стражники, вырезая на решетке иудейские символы, чтобы Саймона ожгло сразу, как он прикоснется к двери. Обратили его же веру против него.

Утратив остатки мужества, Саймон опустился на койку и обхватил голову руками.

* * *

Принсуотер-стрит погрузилась в темноту. Окна всех домов были закрыты ставнями, и лишь изредка попадались ведьмины огни. Дом Пенхоллоу выглядел самым ярким в квартале: в окнах горели свечи, а парадная дверь оставалась слегка приоткрытой, роняя полоску желтого света на поворот мостовой.

На невысокой каменной изгороди перед садом сидел Джейс; волосы у него в свете ближайшего фонаря как будто светились. Одетый в легкую куртку, парень слегка дрожал от холода.

В воздухе, словно запах духов, висел тонкий аромат поздних роз.

Присев рядом, Алек спросил:

– Меня ожидаешь?

– С чего ты взял?

– Все прошло гладко: я передал Саймона Инквизитору, если ты об этом хотел спросить.

– Передал и ушел? Не остался до конца?

– Я же говорю: все прошло гладко. Инквизитор сказал, что сам лично проводит Саймона внутрь и отправит назад в...

– Инквизитор сказал, Инквизитор сказал... – перебил Джейс Алека. – Прежний Инквизитор только так превышал свои полномочия. Если бы не смерть, Конклав отправил бы ее в отставку. А может, и проклял бы. Кто знает, вдруг новенький – тоже с прибабахами?

– Мне он показался вменяемым. Даже приятным. С Саймоном Инквизитор обращался очень вежливо и учтиво. Слушай, Джейс, таков принцип действия Конклава: нам не дано управлять жизнью, и мы обязаны слушать Конклава, иначе мир погрузится в хаос.

– В последнее время Конклав часто портачит, факт.

– Возможно, – согласился Алек. – Но если все начнут считать себя умнее Конклава или закона, то чем мы лучше Инквизитора Имоджен? Или Валентина?

Джейс вздрогнул. Последним вопросом Алек словно ударил его, если не убил.

Алек и сам испугался.

– Прости. – Он протянул Джейсу руку. – Я не то хотел сказать.

Внезапно в сад ударил луч яркого света – распахнулась парадная дверь, и на пороге встала Изабель. Алек не видел ее лица, только силуэт на фоне желтого прямоугольника, однако, судя по тому, как сестренка уперла руки в боки, она явно злилась.

– Вы, двое, чего расселись? Все с ума сходят, гадают, где вы!

Алек посмотрел на друга:

– Джейс...

Джейс, не обращая внимания на протянутую руку, слез с изгороди:

– Надеюсь, ты прав насчет Конклава.

Глядя, как Джейс возвращается в дом, Алек внезапно, против воли, вспомнил слова Саймона: «Постоянно думаю, как вернуть прежние времена. Получится остаться друзьями или те отношения пошли окончательно прахом? Не по ее вине, а по моей».

Дверь захлопнулась, и Алек остался один в полуосвещенном саду. Он смежил веки и представил лицо – не Джейса, нет, другое. У того, чей образ лелеял нефилим, глаза были зеленые, со зрачками-щелками. Кошачьи глаза.

Алек достал из сумки карандаш и страничку, вырванную из собственного дневника, блокнота на спиральной проволоке. Нацарапал несколько слов, а затем взял стило и начертил в нижнем уголке руну огня. Листок занялся быстрее, чем Алек ожидал, – он выпустил горящую бумажку, и та светлячком полетела вниз. Белые хлопья пепла усеяли розовый куст.

Проснулась Клэри от того, что свет полуденного солнца упал ей прямо на лицо, подсвечивая веки изнутри ярко-розовым. Клэри беспокойно пошевелилась и осторожно приоткрыла глаза.

Лихорадка унялась. Исчезло ощущение, будто кости плавятся и распадаются. Приподнявшись, Клэри с любопытством огляделась. Похоже, Ааматис отвела ей гостевую спальню: небольшую, выкрашенную в белый цвет. Клэри уложили на кровать, накрыв ярким лоскутным одеялом. Кружевные занавески на окнах отодвинули, и внутрь проникали круглые столбики света.

Клэри не спеша села, ожидая, что ее вот-вот накроет волной головокружения... Ничего такого не случилось. Она чувствовала себя совершенно здоровой и даже выспавшейся. Кто-то надел на нее белую накрахмаленную пижаму, мятую, правда, и не по размеру большую: манжеты рукавов свисали ниже пальцев, как у клоуна.

Подойдя к одному из похожих на иллюминатор окошек, Клэри выглянула на улицу. На склоне холма ютились домики цвета старого золота; черепица на крышах сверкала будто бронзовая. Окно выходило на противоположную каналу сторону, где был разбит садик, расцвеченный всеми красками осени. Со шпалеры у стены последняя, жухлая роза роняла потемневшие лепестки.

Скрипнула дверная ручка, и Клэри метнулась обратно в кровать. Вошла Ааматис – принесла поднос; заметив, что Клэри уже не спит, она вопросительно приподняла брови.

– Где Люк? – спросила Клэри, заворачиваясь в одеяло.

Ааматис поставила поднос на прикроватный столик. Она принесла кружку чего-то горячего и ломтики намазанного маслом хлеба.

– Пора тебе подкрепиться. Полегчает.

– Мне и так хорошо, – ответила Клэри. – Где Люк?

Ааматис присела в кресло у столика и, сложив руки на коленях, спокойно взглянула на гостью. При свете дня стали отчетливо видны морщины на лице: с виду Ааматис была ненамного старше Джослин, но каштановые волосы серебрила седина, а глаза покраснели, словно Ааматис проплакала ночь напролет.

– Люка нет.

– Нет – в смысле, он выбежал купить диетической колы и пончиков, или нет – в смысле...

– Он ушел на рассвете, едва убедился, что ты поправилась. Куда – не сказал. – Говорила Ааматис сухим тоном. Если бы не вчерашняя болезнь, Клэри даже позабавило бы, насколько похожи друг на друга сестра и брат. – Когда Люк еще жил со мной в Идрисе, пока его не... покусали... В общем, он возглавил стаю волков в лесу Брослин. Люк открылся, что идет к ним, но зачем и надолго ли – умолчал. Он вернется через несколько дней.

– Так он... бросил меня? Мне теперь сидеть и ждать здесь?

– Ну не мог же он потащить тебя с собой. К тому же обратно ты так запросто не вернешься. Заявившись в Идрис нелегально, ты нарушила закон, и Конклав этого так не оставит, не отпустит великодушно домой.

– Я домой и не хочу, – ответила Клэри, стараясь взять себя в руки. – Я прибыла сюда, чтобы... встретиться кое с кем. У меня важное дело.

– Люк все рассказал. И позволь дать совет: найти Рагнора Фелла можно только, если он сам того хочет.

– Но...

– Кларисса, – Аматиc внимательно посмотрела на Клэри, – мы в любой момент ожидаем нападения Валентина. В город собрались все Сумеречные охотники, и потому самое безопасное для тебя – оставаться в пределах Аликанте, под защитой башен.

Клэри сидела, не в силах пошевелиться. Слова Аматиc звучали разумно, не придерешься, однако логика не могла заткнуть кричащий в сердце голос, что надо идти, искать Рагнора Фелла. Надо выручить маму!

Кое-как подавив панику, Клэри заметила:

– Люк не говорил, что у него есть сестра.

– Правильно, а зачем? Мы были не особенно... близки.

– Люк представил вас как Эрондейл. Так звали прошлого Инквизитора.

– Верно. – Лицо Аматиc сделалось каменным. – Инквизитор приходилась мне свекровью.

Что там Люк рассказывал об Инквизиторе? Якобы ее сын женился на женщине «из дурной семьи»?

– Вы были замужем за Стивеном Эрондейлом?

– Откуда ты знаешь его имя? – удивилась Аматиc.

– Люк рассказал. Только... жена Стивена вроде погибла? Потому Инквизитор так... – «Озверела», – думала сказать Клэри, но промолчала. – Озлобилась.

Дрожащей рукой Аматиc взяла с подноса кружку:

– Да, она погибла. Наложила на себя руки. Правда, то Селин, вторая супруга Стивена. Я его первая жена.

– Вы развелись?

– Вроде того. – Аматиc протянула кружку Клэри. – На-ка пей. Надо тебе чем-нибудь заполнить желудок.

Клэри в замешательстве приняла кружку и сделала глоток горячей, густой и солоноватой жидкости. Бульон.

– Понятно. Что же случилось?

Аматиc посмотрела куда-то вдаль:

– Мы со Стивеном входили в Круг. Когда Валентину понадобился новый помощник, он выбрал Стивена, и именно тогда случилось Люку... измениться. И Валентин решил: его правой рукой не может быть тот, чей шурин...

– Оборотень?

– Валентин выразился иначе, – горько ответила Аматиc. – Он убедил Стивена расторгнуть брак и взять в жены другую – ту, которую Валентин сам подобрал. Селин была такой юной и такой послушной.

– Ужасно.

Покачав головой, Аматиc рассмеялась:

– Давно это было. Щедрый Стивен оставил мне дом, а сам вернулся с Селин в поместье Эрондейл, и больше мы не виделись. Круг я покинула, став им неугодной. Из тех, кто входил в Круг, меня навещала только Джослин. Она даже призналась в сговоре с Люком. – Аматиc убрала седеющие пряди за уши. – Мне рассказали, что стало со Стивеном во время Восстания, когда все закончилось. Селин же... Мне бы ненавидеть ее, но я пожалела девочку. Говорят, она вскрыла вены, и крови натекло... – Она тяжело вздохнула. – На похоронах Стивена, когда его тело поместили в склеп Эрондейлов, я встретила Имоджен, однако свекровь не узнала меня. Вскоре ее произвели в Инквизиторы: Конклав решил пустить ненависть Имоджен в дело – и не прогадал. Имоджен только рада была смыть воспоминания о сыне кровью врагов.

Вспомнился холодный взгляд Инквизитора, узкие щелки ее глаз... Клэри от души хотелось пожалеть бедную женщину.

– Горе свело ее с ума, – сказала Клэри. – Лишило рассудка. Мне она показалась страшным человеком, а Джейсу – еще страшнее. Инквизитор хотела убить его.

– Я ее понимаю. Ты похожа на маму, и воспитала тебя она. Однако твой брат... – Аматис склонила голову набок. – Он похож на Валентина так же, как и ты на Джослин?

– Нет. Джейс похож на себя. – При мысли о брате Клэри пробрала дрожь. – Он здесь, в Аликанте... Вот бы свидеться с ним.

– Нет, – сурово проговорила Аматис. – Никуда тебе нельзя. Ни с кем нельзя встречаться, и тем более с братом.

– Никуда нельзя?! То есть я заперта в доме? Я ваша узница?

– Всего на день или два. К тому же ты не до конца оправилась. Озерная вода чуть не убила тебя.

– Джейс...

– Один из Лайтвудов, а к ним нельзя. Они сразу доложат о тебе Конклаву, и в беде окажешься не ты одна. Люк – тоже.

Как могут Лайтвуды выдать?! Они же... Нет, лучше не говорить, что Лайтвуды не такие, какими Аматис знала их пятнадцать лет назад. Лайтвуды больше не ярые фанатики закона. Эта женщина, может, и сестра Люку, но Клэри она чужая. Черт возьми, она и Люку чужая, ведь он не общался с ней лет шестнадцать. И никому не рассказывал о ней.

Притворившись усталой, Клэри откинулась на подушку:

– Вы правы, я еще не оправилась. Вздремну, пожалуй.

– Вот умница. – Аматис забрала пустую кружку. – Если захочешь принять душ, то ванная в конце коридора. Под кроватью стоит сундук с моими старыми вещами. Раньше я носила одежду примерно твоего размера – найдешь что-нибудь. На пижаму не смотри, – слабо улыбнулась Аматис.

Клэри на улыбку не ответила. Внутренне она боролась с отчаянием, готовая бить кулаками о матрас. Едва Аматис закрыла за собой дверь, Клэри выбралась из кровати и поспешила в ванную в надежде, что от горячего душа в голове прояснится. Слава богу, Сумеречные охотники, какими бы старомодными ни были, современной сантехникой не брезгуют. Клэри нашла кусок мыла с крепким ароматом цитрусовых – самое то, чтобы избавиться от запаха озерной воды, приставшего к волосам.

Выйдя из ванной, завернутая в два полотенца, Клэри ощущала себя намного лучше. Она открыла сундук и принялась рыться в вещах, аккуратно переложенных слоями хрустящей упаковочной бумаги.

Нашлась одежда, похожая на школьную форму: вязаные свитера с зеркально переплетенными буквами «С» на нагрудном кармашке, плиссированные юбки и рубашки с узкими манжетами и с воротниками на пуговицах. Белое платье, завернутое в несколько слоев шелковой бумаги. «Свадебное», – догадалась Клэри и бережно отложила его в сторонку. Под ним обнаружилось еще одно платье, из серебристого шелка, почти невесомое, на бретельках со стразами. Аматис в нем представить не получилось, однако... В таком, должно быть, мама выходила танцевать с Валентином. Думая так, Клэри выпустила платье, которое мягко скользнуло обратно в сундук.

На самом дне отыскалась форма Сумеречного охотника.

Клэри аккуратно разложила ее на коленях. Первый раз Лайтвуды предстали перед ней именно в боевом облачении: облегающие куртки и штаны из плотного материала. Материал не тянулся; это была кожа, которой путем выделки придали эластичность. Верх – куртка на молнии, низ – штаны с мудреными шлевками для широких, крепких ремней под оружие.

Аматис, конечно, предлагала взять свитер и юбку, но что-то в боевом облачении

притягивало. К тому же Клэри всегда отличалась большим любопытством...

Через пару минут оба полотенца сушились на перекладине в изножье кровати, тогда как сама Клэри не без удовольствия любовалась на себя в зеркало. Облачение подошло: облегалo, не стесняя движений, подчеркивая изгиб бедер и груди. А и правда, бедра и грудь как будто округлились. Грозной Клэри, конечно, не выглядит – и вряд ли хоть что-то придаст ей таковой вид, – зато росту словно прибавилось. Да и волосы на черном фоне смотрятся необыкновенно яркими. Как у мамы когда-то.

В самом деле. С виду Джослин походила на куколку, но внутри была просто кремень. Что же такого случилось с мамой в прошлом, отчего она обрела силу и нестибаемость, упрямство и бесстрашие? Амапис спросила: «Твой брат похож на Валентина так же, как и ты – на Джослин?», и Клэри чуть не ответила: дескать, нисколечко она на мать не похожа. Мама – красавица, не то что сама Клэри. Однако Джослин, которую помнила Амапис, была девчонкой, замыслившей свергнуть Валентина и тайно заключившей пакт с нежитью, нарушив тем самым Круг и сохранив Соглашение. Та Джослин не стала бы смиренно сидеть в стенах дома, пока снаружи гибнет ее мир.

Без дальнейших раздумий Клэри вышла из комнаты и заперла дверь спальни на засов. Открыла окно и выглянула наружу. Шпалера у стены выглядела совсем как... приставная лестница. А приставные лестницы вполне себе безопасны.

Сделав глубокий вдох, Клэри перелезла через подоконник.

* * *

Следующим утром стражники вырвали Саймона из тревожного забытья, наполненного непонятными снами. Выводя вампира из подземелья, они не стали надевать ему на голову мешок, и Саймон улучил момент – бросил украдкой взгляд на решетку соседней камеры. Если он и думал застать там вчерашнего собеседника, то испытал разочарование: только и увидел за прутьями, что кучу тряпья.

Тюремщики проводили Саймона через несколько серых коридоров, угощая толчками, если парню случалось задержать на чем-нибудь взгляд. Наконец его привели в комнату, оклеенную роскошными обоями и щедро увешанную портретами мужчин и женщин в облачении Сумеречных охотников. (Рамки портретов тоже были украшены руническими узорами.) Под самой крупной картиной на красном диване восседал Инквизитор.

– Крови? – протянул он Саймону серебряную чашу. – Ты, должно быть, проголодался?

Элдертри слегка наклонил чашу в сторону Саймона, и от вида карминовой жидкости в ней – равно как и от ее запаха – вампир напрягся. Вены под кожей резко натянулись, словно нити в руках кукловода.

– Она... человеческая? – спросил Саймон, борясь с дурнотой.

– Сынок! – хихикнул Элдертри. – Не будь столь наивен. Это кровь оленя. Еще, впрочем, теплая.

Саймон не ответил. Клыки вытянулись и кольнули в нижнюю губу. От вкуса собственной крови Саймона замутило.

– Боже мой. – Инквизитор сморщился, точно урюк, и обратился к стражникам: – Господа, оставьте нас наедине.

Один лишь Консул задержался в дверях, глядя на Саймона с неприкрытым отвращением.

– Нет, благодарю, – неясно пробормотал Саймон. – Крови не надо.

– Твои клыки говорят об обратном, юный Саймон, – добродушно заметил Элдертри. – На,

пей.

Он протянул парню чашу, и запах крови наполнил комнату, словно аромат розы в саду.

Клыки вышли в полную длину. Боль в губе сработала как пощечина, и Саймон, сам не понимая, что делает, шагнул вперед, забрал чашу у Элдертри и опорожнил ее в три глотка. Опомившись, он отставил сосуд на подлокотник дивана.

Один – ноль в пользу Инквизитора.

– Надеюсь, ночь в камере не показалась тебе чересчур неприятной? – поинтересовался Элдертри. – Эти казематы совсем не предназначены для пыток, мальчик мой. Скорее для усиленных размышлений. По мне, так размышления приводят разум в порядок, очищают сознание. Ты производишь впечатление умного юноши, и я искренне надеюсь, что ты хорошенько поразмыслил в отведенное тебе время. – Инквизитор слегка наклонил голову. – Кстати, одеяло я принес тебе лично. Чтобы ты вдруг не замерз ночью.

– Я вампир. Мы не мерзнем.

– О... – разочарованно ответил Инквизитор.

– Спасибо за звезды Давида и печати Соломона, – сухо добавил Саймон. – Приятно, что вы учли мое вероисповедание.

– Ах ну да, ну да, конечно же! – просиял Элдертри. – Не правда ли, резьба удалась на славу? Она прекрасна, очаровательна и совершенно надежна. Думаю, стоит тебе прикоснуться к двери, и у тебя с руки кожа сойдет! – Инквизитор рассмеялся, довольный задумкой. – Как бы там ни было, не мог бы ты слегка отойти? Сделай милость. Ты меня очень обяжешь, право слово.

Саймон отступил на шаг.

Вроде бы ничего не произошло, но глаза Инквизитора в колечках пухлых век расширились.

– Ясно, – выдохнул Элдертри.

– Что ясно?

– Посмотри, где стоишь, юный Саймон. Оглянись.

В комнате ничего не изменилось, и до Саймона не сразу дошел смысл затеи Элдертри: отступив, он попал в столбик солнечного света, проникающий через окошко высоко в стене.

Инквизитор чуть ли не извивался от удовольствия.

– Ты стоишь под прямыми солнечными лучами, и с тобой ничего дурного не происходит. Рассказ о твоих способностях я чуть было не счел ложью, но вот убеждаюсь в них воочию.

Саймон молчал. Что говорить в такой ситуации?

– Естественно, я должен спросить тебя, – продолжил Элдертри, – знаешь ли ты, откуда у тебя такие способности?

– Может, я просто самый симпатичный из вампиров? – пошутил Саймон и моментально пожалел. Глаза Элдертри сузились, и на виске вдруг запульсировала маленькая жилка. Понятно, шутки Элдертри любит, только если шутит сам.

– Очень, очень забавно, – произнес Инквизитор. – Теперь скажи: восстав из могилы, ты уже обладал даром светолюба?

– Нет, – осторожно ответил Саймон. – Поначалу солнце жгло меня. Даже крохотный лучик обугливал кожу.

– Понимаю, понимаю, – живо закивал головой Элдертри, словно подтверждая естественный порядок вещей. – Когда ты впервые обнаружил, что можешь безболезненно выходить на солнечный свет?

– Утром после большого сражения на корабле Валентина...

– Где он держал тебя узником, намереваясь использовать твою кровь в ритуале обращения Меча?

– Похоже, вы сами все знаете. Я вам не нужен.

– О, нет-нет, ну что ты! – вскинул руки Элдертри. Его маленькие ладошки совсем не подходили пухлым рукам. – Ты стольким можешь помочь, мой мальчик! Например, я никак не отделаюсь от мысли, что на корабле случилось нечто, изменившее тебя. Ты сам как думаешь?

Саймон уже хотел сказать, что пил кровь Джейса – назло Инквизитору, – и опомнился. Кровь Джейса! Может, она изменила вампирские качества Саймона? Возможно ли такое? Даже если так, имеет ли право Саймон рассказывать о поступке Джейса? Одно дело прикрывать Клэри, и совсем другое – прикрывать Джейса. Ему-то Саймон ничем не обязан.

Хотя как посмотреть. Дав Саймону выпить своей крови, Джейс уберег вампира от гибели. Поступил бы так иной нефилим? И что меняет, если Саймон пил кровь Охотника исключительно ради Клэри? Он говорил за себя, извиняясь перед Джейсом: дескать, чуть не убил его. (Джейс ответил: мол, чуть сам этого не позволил.) В правилах ничего не сказано, какая кара ждет Джейса, если Конклав прознает о его «подвиге».

– Я не помню, что было на корабле, – произнес наконец Саймон. – Валентин накачал меня наркотиками.

– Прискорбно слышать. – Лицом Инквизитора поникло. – Прискорбно, очень.

– Мне тоже очень жаль, – соврал Саймон.

– Значит, ты ничегошеньки не помнишь? Ни одной красочной детали?

– Помню только, как Валентин напал на меня, и я потерял сознание. Потом... я очнулся в пикапе у Люка. Он увозил нас домой. Все, больше ничего.

– Ай-ай-ай, – пробормотал инквизитор, заворачиваясь в мантию. – Смотрю, Лайтвуды прониклись симпатией к тебе, тогда как прочие члены Конклава их... не понимают. Валентин пленил тебя, а ты вышел из этого противостояния, обретя новую, невиданную силу, и теперь еще пробился в самое сердце Идриса. Понимаешь, как все это выглядит со стороны?

Если бы сердце Саймона жило, оно заколотилось бы с сумасшедшей скоростью.

– Намекаете, что я шпион Валентина?

– Боже мой, юноша, как ты такое можешь думать! Я доверяю тебе, доверяю всецело! Но вот Конклав... О, Конклав известен подозрительностью. Мы так надеялись на твою помощь. Видишь ли – хоть я и не имею права рассказывать об этом, однако доверяю тебе и вижу, что могу поступиться правилом, – Конклаву угрожает страшнейшая беда.

– Конклаву? – Саймон оцепенел. – Тогда причем здесь?..

– Понимаешь, Конклав расколот надвое. Идет внутренняя война, если так можно выразиться, во времена конфликта всеобщего. Предыдущий Инквизитор и многие другие совершили немало ошибок, о которых я предпочту сейчас не говорить. Однако, видишь ли, авторитет Конклава, Консула и Инквизитора поставлены под сомнение. Валентин опережает нас на шаг, словно предвидит наши действия. Совет больше не желает прислушиваться к моим советам или советам Малахи, особенно после событий в Нью-Йорке.

– Я думал, Инквизитор...

– Назначил ее Малахи. Хотя и представить не мог, что Имоджен настолько повредится рассудком.

– И все же, – кисло напомнил Саймон, – вы не сказали, как моя история выглядит со стороны.

Жилка на виске у Элдертри вновь запульсировала.

– Умница. Ты прав. Внешняя сторона дела нигде так не важна, как в политике. Придумай удачную историю, и толпа пойдет за тобой. – Он подался вперед, не сводя глаз с Саймона. – Позволь рассказать одну историю. Жили-были Лайтвуды и состояли они в Круге. Потом отреклись от членства в нем, а прощение заслужили, покинув Идрис и основав Институт в Нью-Йорке. Безупречная репутация вернула им доверие Конклава, но... все это время они молчали о

том, что Валентин жив. Лайтвуды оставались преданными слугами Валентина. Они приняли его сына.

– Они не знали...

– Ах, помолчи, – проворчал Инквизитор, и Саймон заткнулся. – Итак, Лайтвуды помогли Валентину разыскать Орудия смерти и подготовить ритуал Обращения. Инквизитор раскрыла их намерения, за что и поплатилась: Лайтвуды устроили ее гибель во время битвы на корабле. И вот теперь они проникают в самое сердце Идриса, желая выведать наши планы и сообщить их господину. Тебя, вампира с удивительной способностью жить при свете солнца, приволокли отвлечь наше внимание, отвести его от своих истинных замыслов: вернуть Кругу былую славу и сокрушить закон. – Инквизитор еще больше подался вперед, сверкая поросячьими глазками. – Как тебе история, вампир?

– Вы с ума сошли, – ответил Саймон. – В вашей легенде дыр больше, чем в бруклинской Кент-авеню, которую давно пора ремонтировать. Уж не знаю, на что в итоге вы надеетесь...

– Надеюсь? Я не надеюсь, я знаю, уверен. Знаю, что мой священный долг – спасти Конклав.

– Ложью?

– Историей. Великие политики всегда умеют вдохновить народ историей.

– Разве можно вдохновить народ, обвиняя во всем Лайтвудов?

– Политика требует жертв. – Лицо Инквизитора влажно поблескивало. – Стоит Совету и Конклаву обрести общего врага, вернется доверие и единство. Что такое жизнь одной семьи против великой цели! К тому же дети Лайтвудов не пострадают. Их винить не в чем. Разве только старшего...

– Ничего у вас не выйдет, – предупредил Саймон. – Никто не поверит в такую чушь.

– Люди верят в то, во что хотят верить, а Конклаву нужен козел отпущения. Я же предоставляю всем желаемое. Помогите мне.

– Помочь? Я-то здесь при чем?

– Признайся. – Элдертри побагровел от возбуждения. – Признайся, что служишь Лайтвудам, что вы в сговоре с Валентином. Тогда познаешь мою милость: я отправлю тебя назад, к своим, клянусь. Только выступи перед Конклавом и подтверди мои слова.

– Подтвердить правдивость вашей лжи? – спросил Саймон, перефразируя Инквизитора. Голова закружилась, и Саймон потерял сосредоточенность; мысли хаотически замесались, и среди прочих перед глазами стали возникать образы Лайтвудов: Алек, спешащий по тропинке в Гард; темноглазая Изабель; склонившийся над книгой Макс... и Джейс, один из Лайтвудов, пусть и не родня им по крови. Инквизитор не упомянул его, но и так понятно: Джейса осудят вместе со всеми. Какой бы приговор ни вынесли, Клэри будет страдать. Как вышло, что в руках Саймона оказалась судьба этих людей – людей, которые за человека-то его не считают?!

Саймон поднял взгляд и посмотрел в угольно-черные глаза Инквизитора. Будто в бездну заглянул.

– Нет, – сказал вампир. – Нет, я не выступлю за вас.

– Пока не ответишь иным образом, больше от меня крови не получишь. – В голосе Инквизитора не было ни капельки доброты. Даже притворной. – Узнаешь, какой сильной бывает жажда.

Саймон не ответил.

– Тебе ждет еще одна ночь в камере, – сказал Элдертри, вставая с дивана и берясь за колокольчик. – Там, внизу, должно быть, тихо и мирно? Тишина и покой, я уверен, помогут тебе вспомнить то, что мне нужно.

Клэри убедила себя, что помнит дорогу, которой пронес ее Люк, хотя на деле вышло иначе. Верным решением показалось найти середину города, однако достигнув дворика с забытым колодцем, Клэри поняла: куда сворачивать, она не знает. Поворот налево привел к переплетению извилистых и жутко похожих друг на друга улочек. С каждым новым поворотом Клэри все больше приходила в отчаяние.

Наконец она вышла на широкую улицу, обрамленную рядами лавок. Горожане спешили мимо, не обращая на Клэри никакого внимания. Кое-кто носил точно такую же боевую форму, прочие были одеты по погоде: в длинные старомодные плащи и накидки. Задувал холодный порывистый ветер, и Клэри ощутила укол сожаления – свой зеленый плащ она забыла в гостевой спальне Аматис.

Люк не соврал, сказав, что на собрание явились Охотники со всех концов света. Клэри прошла мимо индуски в роскошном, шитом золотом сари и с двумя изогнутыми клинками на поясной цепочке. У витрины оружейной лавки стоял, заглядывая внутрь, высокий мужчина с угловатыми ацтекскими чертами лица; его запястья были унизаны браслетами из того же сверкающего материала, из которого созданы сторожевые башни. Дальше по улице какой-то бедуин сверялся с картой улиц. Завидев его, Клэри осмелела и решилась спросить дорогу до Принсуотер-стрит у проходившей мимо женщины в тяжелой парчовой накидке. Хоть бы только горожане не относились с подозрением ко всякому, кто не знает улиц Аликанте.

Повезло. Женщина, не колеблясь, торопливо указала направление:

– Потом направо от конца канала Олдкасл, затем перейдете по каменному мосту – там и будет Принсуотер-стрит. – Она улыбнулась: – К кому-то конкретному идете?

– Да, к Пенхоллоу.

– О, у них большой синий дом с позолотой. А сразу за ним – канал. Ни за что не пропустите.

Женщина оказалась наполовину права. Дом Пенхоллоу был и правда велик, но Клэри успела пройти мимо, прежде чем опомнилась и развернулась: вовсе поместье не синее, оно цвета индиго. Хотя не все способны так хорошо различать цвета. Некоторые даже лимонный от шафранного – которые близко не стоят – отличить не могут! И отделка не золотая – бронзовая. Металл потемнел от времени, словно дом простоял здесь много-много лет. Впрочем, так оно, наверное, и есть.

Дом прямо-таки дышал стариной.

«Соберись», – приказала себе Клэри. Каждый раз, как она нервничала, мысли разбредались в разные стороны.

Ладони вспотели, и Клэри вытерла их о сухие и шероховатые, словно змеиная чешуя, штаны.

Поднявшись на крыльцо, она взялась за дверную колотушку в форме пары ангельских крыльев. От стука внутри дома разнеслось эхо, будто от удара тяжелого колокола. Почти сразу дверь распахнулась. На пороге, широко раскрыв глаза от удивления, стояла Изабель Лайтвуд.

– Клэри?

– Привет, Изабель, – слабо улыбнулась Клэри.

Изабель оперлась плечом о косяк и мрачно произнесла:

– Вот черт.

В камере Саймон рухнул на койку и стал слушать, как удаляются шаги стражников.

Еще одна ночь в узилище. Ночь на размышление, на то, чтобы «вспомнить» нужную Элдертри мелочь из прошлого. Значит, так выглядит история со стороны? Даже в самых страшных мыслях и ужасных кошмарах не мог Саймон представить, будто его заподозрят в сговоре с Валентином.

Валентин прославился ненавистью к нежити. На корабле он выкачал из Саймона кровь и оставил умирать, хотя Инквизитор этого, пожалуй, не знает.

Из соседней камеры послышался шорох, и давешний хриплый голос произнес:

– Признаться, я гадал, вернешься ты или нет. И раз уж ты вернулся, смею предположить: Инквизитор желаемого от тебя не добился.

– Да, фиг ему. – Встав с койки, Саймон принялся ощупывать стену между камерами. Он искал трещину или хоть что-нибудь, чтобы заглянуть по ту сторону. – Кто же вы?

– Элдертри – человек упрямый, – продолжал говорить сосед, не слыша вопроса. – Попыток он не оставит.

Саймон оперся плечом о замшелую стену:

– Значит, я здесь надолго.

– Мне, я думаю, ты не скажешь, чего хочет Элдертри...

– А зачем?

В ответ раздался смешок – будто железом по камню провели.

– Я сижу в подземелье дольше твоего, светолуб, и поверь: в тюрьме не больно-то чем можно занять ум. Радуетесь всякому развлечению.

Саймон сплел пальцы на животе. Оленья кровь притупила голод, но тело все еще изнывало от жажды.

– Вы зовете меня светолубом. Почему?

– Слышал, как о тебе говорили стражники. Мол, объявился вампир, способный разгуливать под солнцем. Таких прежде не было.

– Но имя мне все-таки придумали. Удобно.

– Светолуб – словечко от нежити. Не Конклав его выдумал. У нежити сохранились легенды о подобных тебе. Странно, что ты не знаешь.

– Я не так уж и давно стал вампиром. Зато вы, смотрю, обо мне много знаете.

– Стража любит посплетничать. Лайтвуды, пронесшие через портал истекающего кровью вампира, – та еще тема для слухов! Признаться, я и не надеялся, что ты окажешься тут... пока стражники не пришли готовить тебе узилище. Как Лайтвуды стерпели подобное?!

– Почему нет? – горько произнес Саймон. – Я никто. Нежить.

– Для Консула – может быть, но Лайтвуды...

– А что Лайтвуды?

– Сумеречные охотники, живущие за пределами Идриса, особенно те, кто руководит Институтами, относятся к тебе подобным. Конклав же, напротив, более... узок в своем мировоззрении.

– Тогда кто вы? – спросил Саймон. – Нежить?

– Я – нежить?! – гневно воскликнул собеседник, оскорбленный одним только предположением. – Меня зовут Сэмюель. Сэмюель Блэкберн. Нефилим, состоял в Круге и во время Восстания рубил нежить. Я не один из них.

– О... – сглотнул Саймон. Во рту ощущался привкус соли. Членов Круга Конклав изловил и покарал, за исключением тех, кто сумел выторговать прощение или принять ссылку. – Так вы сидите с тех самых времен?

– Нет. После Восстания я бежал из Идриса и скрывался многие, многие годы, пока, словно

дурак, не решил, будто обо мне все забыли. Вернулся домой и в тот же миг был схвачен. У Конклава свои методы слежки за врагами. Я предстал перед Инквизитором, и меня допрашивали несколько дней, а после бросили в темницу. – Сэмюель вздохнул. – У французов такие тюрьмы называются *oubliette*. Место, куда скидываешь гнить мусор, забывая о нем, не ощущая воню.

– Прекрасно. Я-то мусор, нежить. Но вы – нефилим.

– Нефилим, который вступил в сговор с Валентином. Я хуже тебя – перебежчик.

– Вообще-то осталось много нефилимов, бывших союзников Валентина. Лайтвуды, Пенхоллоу...

– Они отвернулись от хозяина. Я – нет.

– Почему же?

– Валентина я страшусь куда больше, чем Конклава, – ответил Сэмюель. – Будь у тебя мозги, светолуб, ты понял бы меня.

* * *

– Ты же в Нью-Йорке! – воскликнула Изабель. – Джейс говорил, ты передумала и захотела остаться с мамой!

– Он солгал, – невыразительно ответила Клэри. – Сначала мне – о том, когда вы отправляетесь, потом вам – о том, будто я передумала идти в Идрис. Ты сказала, что Джейс никогда не врет? Ну вот, ошибочка вышла.

– Обычно – не врет. – Изабель побледнела. – Слушай, ты прибыла сюда из-за... из-за Саймона?

– Нет, Саймон, слава богу, остался в Нью-Йорке. Вздурится, конечно, оттого, что не успел попрощаться со мной. – Невыразительная мина на лице Изабель начинала раздражать Клэри. – Ну все, Изабель,пусти. Мне надо к Джейсу.

– Значит... ты прибыла своим ходом? Надеюсь, с разрешения Конклава? Умоляю, скажи, что они разрешили.

– Вообще-то, не совсем так.

– Ты нарушила закон?! – вскрикнула Изабель и тут же резко понизила голос, продолжая шепотом: – Если Джейс узнает, ох он и разозлится. Клэри, лучше тебе вернуться домой.

– Нет. У меня дело в Идрисе, – продолжала гнуть свое Клэри, даже не понимая, откуда в ней такое упрямство. – И еще мне надо поговорить с Джейсом.

– Время неподходящее. – Изабель тревожно огляделась, словно ища кого-нибудь, кто поможет спровадить Клэри. – Пожалуйста, возвращайся в Нью-Йорк, а? Очень тебя прошу.

Клэри ощутила укол обиды:

– Я-то думала, ты на моей стороне, Иззи.

Изабель насупилась и, как маленькая, закусил губу. Белое платье и волосы, убранные в высокий хвост на затылке, делали ее совсем юной. За ее спиной на стенах холла с высоким потолком висели старинные картины, написанные маслом.

– Слушай, я и правда за тебя, но Джейс... Ой, господи! Где ты откопала боевое облачение?

Клэри осмотрела себя:

– Долго рассказывать.

– В таком виде тебе сюда нельзя. Джейс увидит и...

– Что? Что тогда? Изабель, я прибыла в Идрис из-за матери. Джейс сколько угодно может не хотеть моего присутствия. Вот только дома он меня держать права не имеет. Я должна быть здесь. Мама это одобрила бы. Ты сама ради своей мамы поступила бы так же?

– Конечно, – ответила Изабель. – Но, Клэри, у Джейса есть причины...

– С удовольствием их выслушаю, – сказала Клэри и, поднырнув под руку Изабель, прошла в прихожую.

– Клэри! – взвизгнула Изабель и кинулась следом, но Клэри уже преодолела полкоридора.

Той частью разума, что не следила за Изабель, Клэри изучала интерьер. Внутри все походило на дом Амагис: такое же высокое и утонченное, только больше и богаче украшенное. В конце коридора имелась комната, вытянутые вверх окна которой выходили на широкий канал. Белые лодки бороздили водную гладь, словно подхваченные ветром парашютики одуванчиков. У окна на диване сидел темноволосый парень и читал книгу.

– Себастьян! – крикнула Изабель. – Не пускай ее наверх!

Парень удивленно оторвался от книги и мигом позже загородил проход на лестницу. Клэри едва успела затормозить. Прежде она не видела такой прыти (кроме как у Джейса). Парень даже не запыхался; напротив, он смотрел на девушку с улыбкой.

– Та к вот она какая, знаменитая Клэри.

У Клэри перехватило дыхание. Годами она создавала бесконечную сагу в картинках о сыне короля, проклятом принце, все любимые которого погибали... Клэри столько сил вложила в образ романтического, окутанного зловещей тенью героя, и вот он стоит перед ней: ниспадающие на плечи волосы, бледная кожа, глаза глубоко посаженные и такие темные, что зрачок сливается с радужкой, те же высокие скулы и длинные ресницы.

Клэри видела парня впервые, и все же он озадаченно произнес:

– Мы... не встречались прежде?

Утратив дар речи, Клэри покачала головой.

– Себастьян! – Растрепанная Изабель яростно сверкала глазами. – Нечего сюсюкаться, ей сюда нельзя. Клэри, возвращайся домой!

Усилив воли Клэри заставила себя оторвать взгляд от Себастьяна. Посмотрела на Изабель и спросила:

– Домой – это в Нью-Йорк? И как, по-твоему, я вернусь?

– А как ты проникла сюда? – спросил Себастьян. – В обход барьера в Аликанте пройти очень непросто.

– Я пришла через портал.

– Портал? – изумленно переспросила Изабель. – В Нью-Йорке порталов не осталось. Валентин их уничтожил. Оба.

– Не стану я перед тобой оправдываться, – отрезала Клэри. – Пока сама не объяснишься. Например, где Джейс?

– Его нет, – ответила Изабель одновременно с Себастьяном, который произнес:

– Он наверху.

– Себастьян! – прикрикнула Изабель. – Заткнись!

– Клэри его сестра, – озадаченно парировал юноша. – Разве Джейс не обрадуется ее увидеть?

Изабель открыла рот и снова закрыла. Она взвешивала два варианта: что разумнее – объяснить совершенно чужому Себастьяну сложность отношений Клэри с Джейсом или позволить Клэри нанести братцу внезапный визит? Наконец Изабель подняла, сдаваясь, руки и необычайно – для себя – гневно произнесла:

– Ладно, Клэри. Поступай, как знаешь, ведь только так ты и привыкла действовать. Тебе без разницы, кому при этом будет плохо.

Ой... Клэри бросила на Изабель укоризненный взгляд, затем посмотрела на Себастьяна, молча освободившего дорогу. И понеслась вверх по ступенькам, почти не обращая внимания на

голоса внизу: Изабель распекала несчастного Себастьяна. Такова ее природа – если надо на ком-то выместить гнев и если под руку попадается парень, последнему несдобровать.

Лестница перешла в площадку, на которой была устроена оконная ниша с видом на город. Сидевший в нише мальчик оторвался от чтения и удивленно моргнул:

– Я тебя знаю.

– Привет, Макс. Я Клэри, сестра Джейса. Помнишь меня?

Макс просиял.

– Ты научила меня читать «Наруто», – сказал он, протягивая Клэри книгу. – Вот, у меня еще есть. Называется...

– Макс, потом почитаем, обещаю. Пока нет времени. Ты знаешь, где Джейс?

– Там. – Макс небрежно указал в сторону последней по коридору двери. – Я хотел с ним, а он не пустил, сказал, что будет заниматься взрослыми делами. Все так говорят.

– Прости, – извинилась Клэри, мысленно уносясь в конец коридора. Что сказать Джейсу? Что он скажет ей? Подходя к двери, Клэри подумала: лучше не орать и быть приветливой. Иначе Джейс уйдет в глухую оборону. Он должен понять: Клэри – тоже часть Идриса, и нечего беречь ее, словно древнюю фарфоровую вазу. Клэри такая же сильная...

Распахнув дверь, она вошла в похожую на библиотеку комнату: стены, заставленные книжными полками, яркий свет льется сквозь высокое венецианское окно. В середине стоит Джейс... не один, совсем не один. С ним – незнакомая темноволосая девушка. Оба страстно обнимаются.

Голова закружилась. Попятившись, Клэри задела плечом дверь, которая с громким стуком захлопнулась. Джейс выпустил из объятий незнакомку.

Клэри замерла на месте. У девушки были прямые черные волосы до плеч и очень красивое лицо. Верхние пуговицы блузки она успела расстегнуть, так что открылась полоска кружевного лифчика.

Клэри затошнило.

Девушка принялась поспешно застегиваться.

– Прости, пожалуйста, – нахмурилась она. – Ты кто такая?

Клэри не ответила. Она смотрела на Джейса. Брат побледнел, и круги под глазами проступили особенно четко. Он уставился на Клэри так, словно она целилась в него из пистолета.

– Алина, – проговорил Джейс ровно и холодно, – это моя сестра Клэри.

– О... О! – Алина расслабилась и даже изобразила смущенную улыбку. – Прости, пожалуйста! Как необычно мы встретились. Рада познакомиться. Меня зовут Алина.

Она подошла и, по-прежнему улыбаясь, протянула руку. Клэри с ужасом подумала, что вряд ли сможет ответить на жест приветствия. Посмотрела на Джейса, и брат как будто прочел это у нее в глазах. Он обнял Алину за плечи и прошептал что-то на ушко. Девушка удивленно обернулась на него, но, пожав плечами, покорно вышла.

Клэри осталась наедине с Джейсом, а он смотрел на нее как на худший свой кошмар, который воплотился наяву.

– Джейс. – Клэри шагнула навстречу.

Парень попятился, словно ее окружало ядовитое облако:

– Что, во имя ангела, ты здесь делаешь, Клэри?!

Как грубо и как больно.

– Хоть бы притворился, что рад меня видеть. Самую малость.

– Я совсем не рад тебя видеть. – Бледность постепенно проходила, однако тени под глазами все еще смотрелись как резкие мазки серым по коже. Клэри ждала, пока Джейс добавит еще что-нибудь. Брат ограничился взглядом, полным неприкрытого ужаса.

Джейс похудел, манжеты свитера свободно болтались на запястьях, и ногти были искусаны.

– Совсем не рад.

– Это не ты, – возразила Клэри. – Терпеть не могу, когда ты себя так ведешь...

– Неужели! Не нравится? Что же мне, вести себя иначе? Ладно, но тогда и ты слушай меня.

– Ты не имел права поступать так со мной! – взорвалась Клэри. – Соврал мне. Да как...

– Как счел нужным, так и сделал! – выкрикнул Джейс. Прежде он ни разу не орал на сестру. – Я имел полное право, глупая ты девчонка! Я твой брат и поэтому...

– Что «поэтому»? Распоряжаешься мной? Пусть ты и брат, но командовать мной не смеешь!

Дверь за спиной у Клэри распахнулась, и в комнату ворвался Алек, в скромной синей куртке, растрепанный, на ботинках грязь, а на обычно спокойном лице – полнейшее недоумение.

– Что, во имя высших сил, вы тут затеяли?! – спросил он, переводя взгляд с Клэри на Джейса и обратно. – Смертельную дуэль?

– Ни в коем разе, – ответил Джейс, и, словно по мановению волшебной палочки, его гнев улетучился. Вернулось ледяное спокойствие. – Клэри уходит.

– Вот и хорошо, – сказал Алек. – Мне с тобой надо поговорить, Джейс.

– В этом доме не здороваются? Лень «Привет, как дела?» сказать? – возмутилась Клэри. Алека пристыдить оказалось проще, чем Изабель.

– Привет, как дела, Клэри? Вот только тебе здесь быть не положено. Изабель передала, что ты неким образом проникла в Аликанте своим ходом. Впечатляет...

– Не вздумай хвалить ее, – перебил Джейс.

– Однако, – продолжил Алек, – мне и правда надо потолковать кое о чем с Джейсом. Оставь нас на минутку.

– Мне тоже надо потолковать с ним. О нашей матери.

– Зато мне, – вмешался Джейс, – ни с кем из вас говорить вообще неохота.

– Нет, охота, – остановил его Алек. – Придется объяснить ситуацию с Клэри.

– Сомневаюсь, – ответил Джейс. Он перевел взгляд на сестру и медленно, сознавая, что упомянутая ситуация куда хуже, чем он решил поначалу, спросил: – Ты же не одна прибыла в Аликанте, верно? Кого прихватила с собой?

Врать смысла не было, и Клэри сказала как есть:

– Люка. Он тоже здесь.

Джейс побледнел:

– Он нежить. Ты хоть знаешь, что Конклав делает с нежитью, которая без разрешения проникает в Город стекла?! Одно дело непрошеным явиться в Идрис, и совсем другое – в Аликанте!

– Нет, – полушепотом произнесла Клэри, – зато знаю, что ты ответишь.

– Если ты и Люк немедленно не вернетесь в Нью-Йорк, то выясните все на своей шкуре. Угадал?

Клэри напугал прямой взгляд Джейса. Именно взгляд, отчаяние в нем.

– Джейс, – нарушил тишину Алек с легким оттенком паники в голосе. – Тебе не интересно, где меня весь день носило?

– Судя по новой куртке, – не глядя на друга, проговорил Джейс, – ты бегал по магазинам. Хотя с какой стати ты обращаешь мое внимание на свои пристрастия?

– Я не в магазин ходил, – яростно ответил Алек. – Я...

Тут снова распахнулась дверь, и белым вихрем в комнату ворвалась Изабель. Посмотрев на Клэри, она покачала головой:

– Я же сказала, он взбесится. Убедилась?

– Ах это вечное «я же сказала», – произнес Джейс. – Классная отмазка. По идее.

Клэри в ужасе оглянулась на него.

– Как ты можешь шутить? – прошептала она. – Ты лишь пугал Люка, а он верил тебе. Ты ведь ему нравишься. Он – нежить, в этом дело? Да что с тобой?

– Люк здесь? – испуганно спросила Изабель. – О, Клэри...

– Нет, он не со мной. Он... ушел сегодня утром. Куда – не знаю, но вижу почему. – Ей огромных трудов стоило выдержать взгляд Джейса. – Прекрасно. Ты победил. Не стоило нам приходить. Не стоило мне открывать портал.

– Ты сама навела портал?! – возбужденно переспросила Изабель. – Клэри, портал навести может лишь маг. И не абы какой. В Идрисе единственный портал открывается в Гарде.

– О чем я, собственно, и хочу поговорить с Джейсом, – прошипел Алек, и вид у Джейса сделался еще хуже, чем прежде. Словно парень вот-вот потеряет сознание. – О вчерашнем моем поручении. Кое о чем, что я доставил в Гард...

– Алек, хватит. Замолчи!

Алек умолк, но Джейс так и не взглянул на него. Он по-прежнему смотрел остекленевшими глазами на Клэри.

Наконец он заговорил, через силу выдавливая слова:

– Ты права, не стоило тебе приходить. Я соврал, будто тебе здесь появляться опасно. Правда в том, что ты не думаешь, торопишься и действуешь безрассудно. Ты все испортишь. И ничего с этим поделать нельзя, Клэри. Ты относишься ко всему очень небрежно.

– Все... ис... испорчу? – прошептала Клэри. На большее не хватило воздуха в легких.

– О, Джейс, – печально произнесла Изабель, словно боль терпел он, а не Клэри. Джейс не обернулся, его взгляд по-прежнему был прикован к сестре.

– Ты бросаешься вперед очертя голову, – продолжал Джейс. – Если бы не ты, мы не полезли бы в «Дюмор».

– Тогда умер бы Саймон! Про него ты подумал? Может, я и действую, не думая, но...

– Ах «может»? – повысил голос Джейс.

– Я не всегда ошибаюсь! На корабле ты сам сказал, что я спасла вам жизни.

Джейс побледнел и с внезапной поразительной злобой произнес:

– Заткнись, Клэри. ЗАТКНИСЬ.

– На корабле? – спросил Алек, и его взгляд заметался между Джейсом и Клэри. – Что такого случилось на корабле? Джейс...

– Я просто успокоил тебя, чтобы не ревела! – заорал Джейс, забыв об Алеке, обо всех, кроме Клэри. Сила его гнева была такова, что Клэри чуть не сшибло с ног. – Ты ходячая беда. Ты примитивная – и останешься таковой навсегда! Тебе не научиться думать как настоящий нефилим. Ты не умеешь заботиться об остальных. Думаешь только о себе! Идет война или вот-вот начнется, и у меня нет ни времени, ни желания присматривать за тобой, чтобы никого по твоей вине не убили!

Клэри пораженно смотрела на брата, не в силах найти хоть одно подходящее слово. Джейс никогда прежде не говорил с ней так. Он попросту не способен на такое! Как бы сильно ни злила Клэри Джейса в прошлом, он не кричал на нее со столь искренней ненавистью.

– Возвращайся домой, Клэри, – устало закончил Джейс, словно объяснения выпили из него силы. – Возвращайся.

Планы тут же пошли прахом. Надежды отыскать Фелла, спасти мать, вернуть Люка – все испарилось в один момент. Утратило ценность, слова не шли на ум. Клэри развернулась к выходу; Алек и Изабель посторонились, давая пройти, – оба старательно отводили взгляд. Ей бы чувствовать себя униженной, разозлиться, а вместо этого внутри образовалась мертвая пустота.

В дверях Клэри обернулась. Брат смотрел ей вслед, но лица было не разглядеть: солнце светило Джейсу в спину, и Клэри видела, как сверкают его светлые волосы, словно присыпанные стеклянным крошевом.

– Когда ты признался, что Валентин твой отец, я не поверила. Не считала себя правой, нет, просто ты не был похож на него. Совсем. Как я ошиблась! Ты вылитый отец.

Выйдя из комнаты, Клэри закрыла за собой дверь.

* * *

– Меня будут морить голодом, – признался Саймон.

Он лежал на холодном каменном полу камеры и смотрел сквозь зарешеченное окошко на небо. Когда Саймон только-только стал вампиром, он думал, что больше не увидит дневного неба и солнца, и словно одержимый лишь о них и думал. Лежал в темноте, прогоняя в памяти все оттенки синего: от бледно-голубого с утра до ярко-синего в полдень и цвета кобальта в предвечерние сумерки. Теперь Саймон размышлял, не дарована ли способность пребывать на

свету лишь затем, чтобы он вот так провел остаток жизни, пляясь на крохотный кусочек синевы?

– Вы меня слышали? – чуть громче позвал он соседа. – Инквизитор собирается уморить меня голодом. Оставит без крови.

Послышался шорох, затем вздох.

– Слышу я тебя, слышу, – ответил Сэмюель. – Чего же ты от меня хочешь? – Помолчав, опальный нефилим добавил: – Ладно, сочувствую, светолуб, если тебе от этого легче.

– Не особенно, – произнес Саймон и перекатился на живот. Камни уперлись в ребра. – Инквизитор хочет, чтобы я солгал под присягой, будто Лайтвуды в сговоре с Валентином. Тогда меня вернут домой. Впрочем, забудьте. Сам не знаю, зачем все это рассказываю. Вы, наверное, понятия не имеете, о чем я.

Сэмюель издал звук – нечто среднее между смешком и кашлем.

– Вообще-то имею. Я знал Лайтвудов, мы вместе состояли в Круге. Лайтвуды, Вэйланды, Пэнгборны, Эрондейлы, Пенхоллоу – все родовитые семьи в него входили.

– И Ходж Старквезер? – Саймон вспомнил учителя Лайтвудов. – Он тоже состоял в Круге?

– Он происходит не из столь почтенной семьи. Молодой Ходж подавал надежды и не сумел оправдать их. – Сэмюель помолчал. – Элдертри с самого начала невзлюбил Лайтвудов, с детства. Он не был богат, привлекателен, да и они не питали к нему теплых чувств. Сомневаюсь, что Элдертри забыл детские обиды.

– О каком богатстве вы говорите? Я думал, все Охотники на зарплате у Конклава, как... при коммунизме, что ли?

– По идее, Охотники получают равное жалованье. Есть, впрочем, те, кто занимает положение повыше и ответственности несет больше. Скажем, Институтом заведует. Таким платят щедрее. Остаются еще те, кто зарабатывает деньги на стороне, в мире примитивных. Подобное не возбраняется, если от заработка отдается часть в пользу Конклава. Однако... – Сэмюель помолчал в нерешительности. – Ты видел дом Пенхоллоу? Как он тебе?

– Довольно милый.

– Пенхоллоу владеют одним из красивейших домов в Аликанте. Еще у них поместье за городом. Почти у всех семей есть такие. Понимаешь, нефилим может иным способом сколотить капитал – за счет «трофеев». Все имущество убитого демона или нежити Охотник забирает себе. Если, скажем, маг нарушил закон и нефилим его покарал, то...

Саймон вздрогнул:

– Значит, охота на нежить – прибыльный бизнес?

– Если постараться, – горько ответил Сэмюель, – и если не сильно привередничать в вопросе убийства. Становится ясно, откуда так много противников Договоров. Они влезают к тебе в мощну и не дают убивать, кого хочется. Возможно, поэтому я и вступил в Круг. Моя семья богатством не отличалась, нас презирали за то, что мы брезговали кровавыми деньгами.

– Так ведь и члены Круга истребляли нежить!

– Они считали убийство нежити священным долгом. Действовали не из алчности, хотя сейчас я не могу понять, почему в ту пору этот принцип был столь важен. – В голосе Сэмюеля звучала усталость. – Все из-за Валентина. Он умел убедить остальных в чем угодно. Помню, как стоял подле него, над телом мертвой женщины, руки по локти в крови, и все казалось верным. Верным, потому что Валентин так объяснил.

– Над телом мертвой нежити?

Сэмюель за стеной измученно вздохнул:

– Пойми, я бы исполнил любой приказ Валентина. Все ему верили, и Лайтвуды тоже. На том Инквизитор и хочет сыграть. Однако учти: поддашься Инквизитору, обвинишь Лайтвудов, – и он сможет убить тебя, заткнуть. По настроению, если сочтет, что милосердие к тебе больше не

дает ощущения власти.

– Неважно. Я не стану ему помогать. Не предам Лайтвудов.

– Правда? – искренне удивился Сэмюель. – Есть причина? Они тебе так сильно дороги?

– Если солгу для Инквизитора, то выйдет, что я всю дорогу лгал о них.

– Та к ведь Элдертри лжи от тебя и добивается. Домой-то охота?

Саймон уставился на стену, будто видел за нею соседа:

– Вы бы на моем месте так и поступили? Соврали ему и всем?

Сэмюель закашлялся – очень нехорошо, болезненно, сипло. Правильно, здесь внизу сыро и холодно, просто Саймон не замечает. Человеку такие условия явно не пользу.

– Этические советы от меня вряд ли стоит принимать, – сказал Охотник. – Впрочем, да, я бы, скорее всего, соврал Инквизитору. В первую голову я всегда спасаю свою шкуру.

– Не верю.

– Поверь, поверь. Вот наберешься опыта, Саймон, и поймешь, что если человек о себе говорит гадости, то это обычно правда.

«Только опыта мне уже не набраться», – подумал Саймон, а вслух сказал:

– Вы первый раз назвали меня по имени. Не светолубом.

– Ну, назвал – и что?

– Лайтвуды мне не то чтобы дороги, в смысле, мне нравятся их дети: Изабель, даже Алек и, может быть, Джейс. Но есть девушка, сестра Джейса.

На это Сэмюель сыронизировал:

– Куда же без девушки!

* * *

Джейс привалился спиной к стене, словно ему подрезали ноги. Его лицо приобрело землистый оттенок – вкупе с выражением ужаса и... долей облегчения, как будто миновала неизбежная катастрофа.

– Джейс, – шагнул к нему Алек. – Ты и правда считаешь...

Джейс перебил его низким голосом:

– Уйди. Оба уйдите.

– С какой стати? – спросила Изабель. – Чтобы ты еще больше себе жизнь испортил? Какого черта ты устроил?

Джейс покачал головой:

– Отправил сестренку домой. Для ее же пользы.

– Не-ет, ты ее не просто домой отправил. Уничтожил! Глаза ее видел?

– Оно того стоило. Вам не понять.

– Для нее, может, и стоило. А для тебя?

Джейс отвернулся:

– Оставь меня, Изабель, ладно? Пожалуйста.

Изабель пораженно уставилась на Алека. Джейс сказал «Пожалуйста»! В кои-то веки!

Алек, положив руку на плечо сестре, как можно теплее обратился к Джейсу:

– Не волнуйся, с Клэри все будет хорошо.

Джейс незряче посмотрел на Алека:

– Нет, не будет. Точно знаю, не будет. Но ты, может, скажешь, о чем хотел потолковать? Дело вроде срочное?

Алек убрал руку с плеча сестры:

– Я не хотел говорить при Клэри...

Джейс наконец сосредоточил взгляд на Алеке:

– О чем?

Алек не спешил раскрываться. Он никогда прежде не видел Джейса таким подавленным и не знал, как тот отреагирует на дурные вести. И тем не менее колоться надо, такое нельзя скрывать.

– Вчера, передав Саймона Инквизитору, я покинул Гард. Малахи провожал меня. Он говорил, что по ту сторону портала, в Нью-Йорке, Саймона будет встречать Магнус Бейн. Я отправил Магнусу огненное письмо и сегодня утром получил ответ. Саймон в Нью —

Йорк не вернулся. Более того, после Клэри в городе порталы не открывались вообще.

– Вдруг Малахи ошибся? – предположила Изабель, глянув на пепельно-серое лицо Джейса. – Вдруг Саймона встретил кто-то другой, а Магнус промахнулся и не засек портал?..

Алек покачал головой:

– Мы с мамой ходили в Гард. Я думал лично поговорить с Малахи, но – сам не знаю почему, – увидев его, укрылся за углом. Не хватило духу. Малахи приказывал страже отвести вампира наверх, для допроса у Инквизитора.

– Может, он не про Саймона говорил? – неуверенно высказалась Изабель. – Может...

– Стража говорила: «Глупый вампир! Поверил, будто Инквизитор отпустит его без допроса». Один стражник добавил: дескать, каким надо быть наглецом, чтобы привести в Аликанте нежить. Тогда Малахи ответил: «Чего ты хотел от сына Валентина!»

– Боже мой, – прошептала Изабель. – Джейс...

Джейс обхватил себя руками. Его глаза запали так глубоко, словно проваливались в глубину черепа. В любое другое время Алек положил бы руку на плечо другу, однако сейчас что-то удержало его.

– Если бы Саймона привел не я, а кто-то другой, – проговорил Джейс низким, ровным голосом, словно цитировал строки из какой-нибудь книги, – то его бы, наверное, отпустили. Поверили бы...

– Нет, – перебил друга Алек. – Нет, Джейс, ты не виноват. Ты спас Саймона.

– Чтобы его запытал Конклав. Я им только угрожал. Когда Клэри узнает о судьбе Саймона... – Он слепо покачал головой. – Она решит, будто я намеренно притащил его в Идрис и предал Инквизитору.

– Не решит. У нее нет причин так думать.

– Надеюсь, ты и прав, – медленно проговорил Джейс. – Я с ней обошелся, как...

– Никто бы не подумал, что ты способен предать, – сказала Изабель. – Мы все тебе верим. Все...

Джейс не стал дослушивать. Развернувшись, он подошел к венецианскому окну и некоторое время смотрел на канал. Края шевелюры Джейса блестели золотом в лучах солнца. Дальше все произошло чересчур быстро, и Алек не успел среагировать.

Зазвенело стекло, и дождем из колючих звезд посыпались осколки. Джейс отрешенно глядел, как набухают на костяшках левого кулака алые капли, как падают они на пол.

Изабель посмотрела на Джейса, затем на дыру в окне и паутину трещин.

– Джейс, – сказала она необычайно тихо. – И как мы это объясним хозяевам?

* * *

Клэри не помнила, как выбралась из дома Пенхоллоу. Перед глазами промелькнули

лестницы да коридоры, и вот уже крыльцо. Казалось, ее вот-вот стошнит, прямо на розовый куст. Цветы как будто специально высадили у крыльца, чтобы Клэри сегодня могла оставить в них свой завтрак. Тому воспрепятствовал малый объем утренней трапезы: желудок скрутили болезненные спазмы, но кружка бульона давно успела перевариться.

Клэри спустилась по ступенькам, вышла на улицу и отвернулась от калитки в воротах. Дорогу назад она позабыла, хотя к Аматиc возвращаться не собиралась. Не собиралась объяснять Люку, что из Аликанте срочно надо уходить, иначе Джейс предаст их Конклаву.

Похоже, Джейс прав. Клэри и впрямь небрежно относится к близким, забывая, как может навредить им поспешными, бездумными действиями. Перед глазами четко, словно на фотографии, возникло лицо Саймона, Люка...

Остановившись, Клэри оперлась плечом о фонарный столб. Квадратный колпак на вершине напомнил о классических газовых фонарях района Парк-Слоуп в родном Бруклине, и Клэри слегка ободрилась.

– Клэри! – позвал из-за спины юношеский голос. Джейс? Девушка обернулась.

Нет, Себастьян. Брюнет, с которым Клэри пересеклась в гостиной Пенхоллоу, стоял перед ней, слегка запыхавшись.

Проснулось то же чувство, что и при первой встрече, – Клэри как будто узнала Себастьяна. К этому чувству примешалось еще одно, непонятное. Не симпатия, не отвращение... Клэри тянуло к Себастьяну. Может, виной тому его внешность? Он красивый, как Джейс. Правда, во внешности Джейса поразительны золотые тона; в Себастьяне же привлекают бледность и тени.

Хотя... Себастьян не такая уж и копия проклятого принца. Цвет волос другой, однако черты лица, осанка, глубина и тайна черных глаз...

– Что с тобой? – мягким голосом спросил парень. – Ты пулей вылетела из дома... – Тут он заметил, как Клэри держится за столб, словно боится упасть без поддержки. – В чем дело?

– Разругались с Джейсом, – как можно ровнее ответила Клэри. – Можешь представить, каково это?

– Вообще-то, не очень, – виноватым голосом признался Себастьян. – У меня ни сестер, ни братьев.

– Повезло, – сказала Клэри, поражаясь горечи в собственном голосе.

– Да ну, брось. – Себастьян шагнул навстречу, и тут зажегся фонарь, пролив на парня с девушкой лужицу беловатого света. – Это знак, – заметил Себастьян, глянув вверх.

– Знак чего?

– Что я провожу тебя до дома.

– Я забыла дорогу. Выбралась тайком, чтобы прийти к вам, а путь назад и не помню.

– Тогда скажи хоть, у кого ты остановилась.

Клэри помедлила с ответом.

– Я не проболтаюсь, – пообещал Себастьян. – Клянусь ангелом.

Клэри уставилась на него. Что ж, сильная клятва – для нефилима.

– Ладно, – решила признаться Клэри, пока не передумала. – У Аматиc Эрондейл.

– Отлично. Я точно знаю, где ее дом. Позволь? – Себастьян предложил взять его за руку.

Выдавив улыбку, Клэри отметила:

– Ты не слишком торопишься?

– У меня слабость к барышням, попавшим в беду.

– Сексист.

– Нисколько. Господам в беде я тоже предлагаю помощь. Слабость у меня обоеполоая. – Манерным жестом Себастьян вновь предложил взять его под руку.

Упрямитесь Клэри не стала.

Закрыв за собой дверь чердачной коморки, Алек обернулся к Джейсу. Его глаза – обычно незамутненного, как спокойное озеро Лин, голубого оттенка – изменили цвет. Сейчас они напоминали Ист-Ривер в штормовую погоду. Шторм бушевал и в душе Алека.

– Сядь, – велел он Джейсу, указав на низкое кресло у стрельчатого окна. – Перебинтую тебе руку.

Комната, которую Джейс делил с Алеком под самой крышей дома Пенхоллоу, вмещала всего две узкие кровати, поставленные у противоположных стен. На крючках висела одежда, а через единственное окошко лился тусклый предвечерний свет. Алек вытащил из-под кровати спортивную сумку, шумно порывшись в ней и достал наконец шкатулку. Джейс узнал в ней аптечку, какой Охотники пользуются, когда нельзя применить руну: обезболивающее, бинты, ножницы, марля...

– Не лучше ли подлечить меня руной? – спросил Джейс, больше из любопытства.

– Нет. Лучше если... – Резко замолчав, Алек бросил шкатулку на кровать. Кинулся к умывальнику и принялся остервенело мыть руки. Джейс наблюдал со сдержанным интересом, как взлетают над мойкой брызги воды.

В руке проснулась тупая, жгучая боль.

Алек подобрал аптечку и придвинул стул.

– Давай сюда руку, – сказал он, резко садясь.

Джейс послушно вытянул руку. Да, нехило порезался: кожа на всех четырех костяшках лопнула и раскрылась, словно кровавые цветы. Спекшаяся кровь облепила кисть бурой перчаткой.

– Болван, – скривился Алек.

– Спасибо. – Джейс терпеливо смотрел, как Алек пинцетом извлекает осколок стекла из-под кожи. – Так почему нет?

– Что – нет?

– Почему не залечить руку при помощи руны? Меня же не демон поранил.

– Почему, почему... по кочану. – Алек достал синий пузырек с антисептиком. – Боль пойдет тебе на пользу. Лечиться будешь, как примитивный: долго и неприятно. Может, извлечешь из этого урок. – Он плеснул на порезы жгучей жидкости. – Хотя сомневаюсь.

– Тогда сам начерчу руну.

– Угу, и я расскажу Пенхоллоу, как на самом деле разбилось окно, – предупредил Алек, накладывая повязку. Он затянул тугий узел, и Джейс поморщился. – Знал бы, что ты так на себя обозлишься, не стал бы ничего рассказывать.

– Стал бы, стал. – Джейс склонил голову на бок. – Просто я не думал, что ты из-за окна так расстроишься.

– Да я... – Закончив перевязку, Алек еще держал руку Джейса, скрытую под слоем окровавленных бинтов. – Зачем ты так с собой? Я не про окно, я про Клэри. Зачем себя казнить? Сердцу не прикажешь.

– В каком смысле? – ровным голосом спросил Джейс.

– Я же вижу, как ты на нее смотришь. – Взгляд Алека устремился куда-то далеко, мимо Джейса. – Хотя обладать ею не можешь. Это, наверное, потому, что прежде ты не желал недоступного.

Джейс пристально посмотрел на друга:

– Что у вас с Магнусом Бейном?

Алек вынырнул из задумчивости:

– Мы не... ничего нет.

– Я не идиот. Ты поговорил с Малахи, а после сразу связался с Магнусом. Не со мной, не с Изабель, не с кем-то еще.

– Кроме Магнуса, никто не мог ответить! Между нами ничего нет, – сказал Алек, но, заметив выражение на лице Джейса, добавил: – Больше ничего нет. Между мной и Магнусом больше ничего нет, понял?

– Не из-за меня, надеюсь?

Побледнев, Алек отпрянул, словно его хотели ударить:

– Ты о чем?

– Ты заблуждаешься в чувствах ко мне. Я нравлюсь тебе, потому что со мной нет проблем. Ты ничем не рискуешь. Не надо завязывать ни с кем отношений, потому что всегда есть предлог – я.

Джейс отлично понимал, что причиняет Алеку боль, однако сожалений по этому поводу не испытывал. В подобном настроении он заставлял страдать не только себя, но и близких. Обычное для него дело.

– Я все понял, – сдержанно произнес Алек. – Сначала Клэри, потом окно, сейчас – я. Ну и черт с тобой!

– Не веришь? Ну-ну. Поцелуй меня. Давай прямо сейчас.

Алек в ужасе уставился на Джейса.

– Вот видишь. Я красавец, каких поискать, и все же не нравлюсь тебе настолько сильно. Магнуса ты оттолкнул не из-за меня. Ты боишься открыться. Открыть всем, кого любишь по-настоящему. Любовь заставляет лгать. Эту истину поведала мне королева Летнего двора. Не суди меня за ложь о чувствах, потому что лжешь сам. – Джейс поднялся на ноги. – И сейчас ты снова солжешь.

От боли мышцы лица у Алека будто окаменели.

– Что ты имеешь в виду?

– Солги для меня, – попросил Джейс, снимая с крючка куртку. – Солнце садится, а значит, все возвращаются из Гарда. Соври, что мне плохо, и я останусь тут, наверху. У меня помутилось в глазах, я споткнулся и ударился об окно.

Алек посмотрел ему в глаза:

– Хорошо, будь по-твоему. Если скажешь, куда намерен идти.

– В Гард. Выручать Саймона.

* * *

Время между сумерками и наступлением ночи мама Клэри всегда называла часом синевы. Свет в такой час особенно ярок и необычен, и картины писать лучше времени не найдешь. Только шагая по улицам Аликанте, Клэри поняла смысл маминых слов.

В Нью-Йорке синева терялась, разбавленная уличными огнями и неоновыми вывесками. Джослин имела в виду конечно же Идрис, где свет падал на золотистую кладку домов чистым фиолетом. Ведьмин огонь фонарей ронял под ноги столь яркие лужицы белого света, что Клэри, вступая в них, боялась обжечься. Жаль, мамы нет рядом. Она показала бы места, прочно поселившиеся у нее в памяти, в сердце.

Хотя Джослин ни разу не говорила о них, держала в секрете намеренно. И вряд ли теперь Клэри узнает о них. В душе пробудилось острое чувство – смесь гнева и сожаления.

– Ты страх какая тихая, – сказал Себастьян, когда они проходили мост через канал. Каменные перила моста были изрезаны руническим узором.

– Думаю, сильно ли влетит, когда вернусь. Я вылезла через окно, но Аматис, поди, уже давно заметила, что меня нет.

– Зачем сразу в окно? – нахмурился Себастьян. – Ты же с братом хотела повидаться.

– Меня тут вообще не должно быть. Я обязана сидеть дома, где безопасно, и наблюдать за событиями со стороны.

– Ага. Это многое объясняет.

– Правда? – Клэри бросила на Себастьяна любопытный взгляд искоса. В волосах парня играли синеватые тени.

– Всякий раз, стоило в доме прозвучать твоему имени, как все бледнели. Я и решил, что у вас с братцем вражда.

– Вражда? Можно и так сказать.

– Он тебе не очень-то по душе?

– Джейс? – Клэри так долго решала, любит ли Джейса – и если да, то как? – что ни на секунду не задумывалась: по душе ли он ей?

– Прости. Джейс – твоя семья. Родственников не выбирают.

– Нет, он нравится мне, просто бесит, когда командует. Типа, это можно, то нельзя...

– Смотрю, на тебя команды не больно-то действуют.

– В каком смысле?

– Что бы Джейс ни сказал, ты поступаешь по-своему.

– Наверное, так и есть. – Наблюдение, высказанное чужим человеком, поразило. – Правда, меру гнева Джейса предсказать не выходит.

– Переживет как-нибудь, – пренебрежительно ответил Себастьян.

Клэри с любопытством посмотрела на него:

– А тебе он как?

– Мне-то Джейс нравится, зато я ему не очень, – уныло признался Себастьян. – Слова ему не скажи – бесится.

Они свернули с улицы на мощенную булыжником площадь в окружении высоких изящных зданий. В центре стояла бронзовая статуя ангела, того самого, давшего начало роду Сумеречных охотников. В северной части площади высилось громадное строение из белого камня: водопад мраморных ступеней вел к аркаде с колоннами, в конце которой виднелась пара массивных дверей. Эффект в вечернем свете здание производило потрясающий и при этом выглядело смутно знакомым. Кажется, мама изображала нечто подобное на одном из полотен.

– Мы на Площади Ангела, – сказал Себастьян. – Там – Большой зал Ангела. В нем и были подписаны Договоры. И раз нежить не допускают в Гард, он теперь зовется Залом Договоров. Это главное место собраний, здесь отмечают большие события, заключают браки, устраивают балы... В общем, он – сердце города. Говорят, все дороги ведут в Зал.

– Похож на церковь. Хотя у вас ведь нет церквей?

– Зачем они? Нас хранят башни, их достаточно. Потому мне и нравится бывать в Идрисе – тут спокойно.

– Та к ты не местный? – уставилась на Себастьяна Клэри.

– Нет, я из Парижа. Навещаю Алину, она приходится мне двоюродной сестрой. Моя мать и ее отец, дядя Патрик, были братом и сестрой. Многие годы родители Алины руководили пекинским Институтом, а в Аликанте вернулись лет десять назад.

– Они не... Пенхоллоу не состояли в Круге?

В ответ уже Себастьян посмотрел на нее пораженно. Он молчал, когда они уходили с

площади, возвращаясь в лабиринт темных улиц.

– Почему ты спросила о Круге?

– Ну... в нем состояли Лайтвуды.

Когда они проходили под фонарем, Клэри искоса глянула на Себастьяна. В черном сюртуке и белой сорочке он походил на викторианского джентльмена. Взять бы перо и чернилами нарисовать его портрет. Ах, эти локоны у висков...

– Пойми, – продолжил Себастьян, – многие молодые Охотники в Идрисе и за его пределами состояли в Круге. Состоял в нем и дядя Патрик, но он вышел из Круга, едва осознав, насколько серьезна игра Валентина. Дядя с тетей не участвовали в Восстании: Патрик, скрываясь от Валентина, уехал в столицу Китая и там, в Институте, познакомился со своей будущей женой. Когда Лайтвудов и прочих членов Круга судили за предательство, Пенхоллоу проголосовали за милость и ссылку вместо проклятия. Лайтвуды в долгу не остались.

– А твои родители? Они-то состояли в Круге?

– Не совсем. Мама была младше дяди Патрика, и он, отправляясь в Пекин, отослал ее в Париж. Та м мама и встретила моего отца.

– Патрик старше твоей мамы?

– Она умерла. И папа тоже. Меня растила тетушка Элоди.

– А-а... – только и сказала Клэри, чувствуя себя донельзя глупо. – Прости.

– Я их не помню. То есть почти забыл. Раньше хотелось, чтобы у меня был старший брат или сестра, которые могли бы рассказать, каково жить с моими родителями... – Себастьян задумчиво посмотрел на Клэри: – Можно, я спрошу кое о чем? Ты ведь знала, как твой брат отреагирует, если ты здесь появишься, и все равно пришла. Почему?

Не успела Клэри ответить, как узкий переулок закончился и вывел на знакомую неосвещенную площадь с забытым колодцем.

– Колодезная площадь, – разочарованно произнес Себастьян. – Я думал, мы будем дольше идти.

Клэри посмотрела в сторону моста, аркой проходящего над каналом. Невдалеке уже виднелся дом Аматис: во всех окнах горел свет.

– Дальше я одна, спасибо, – вздохнув, сказала Клэри.

– Может, проводить тебя до...

– Нет-нет. Иначе и тебе попадет.

– Попадет? За то, что я по-джентльменски проводил тебя до дома?

– Просто никто не должен знать, что я в Аликанте. Это тайна. Ты – без обид, ладно? – человек посторонний.

– Хотелось бы изменить это обстоятельство. Узнать тебя поближе, – сказал Себастьян одновременно и весело, и стесняясь, будто неуверенный, что его поймут правильно.

– Себастьян. – На Клэри вдруг накатила жуткая усталость. – Я рада, что ты хочешь узнать меня ближе, но сил на общение не осталось. Прости.

– Я и не...

Однако Клэри уже направлялась к мосту. На полпути она обернулась. В пяточке лунного света Себастьян казался таким печальным, покинутым. Глядя на темные волосы, упавшие ему на глаза, Клэри сказала:

– Рагнор Фелл.

– Что?

– Ты спрашивал, почему я прибыла сюда, позабыв о запрете. Моя мама больна. Очень. Может быть, даже смертельно. Спасти ее способен маг по имени Рагнор Фелл. Правда, я не знаю, где его искать.

– Клэри...

– Спокойной ночи, Себастьян, – пожелала Клэри и отвернулась.

* * *

Взобраться по решетке оказалось намного трудней, чем спуститься. Ботинки скользили по влажной каменной стене, и Клэри вздохнула с облегчением, лишь когда перевалилась через подоконник. Она даже не спрыгнула – плюхнулась на пол.

Радость длилась недолго. Едва ноги коснулись пола, как в спальне зажегся яркий свет, и будто наступил день.

На краю кровати сидела Аматаис, напряженно выпрямившись, словно кочергу проглотила. Резкий свет магического светильника ничуть не сглаживал жесткие черты лица и морщины в уголках губ. Несколько долгих мгновений Аматаис смотрела на Клэри.

– В боевом облачении ты – копия Джослин.

Выпрямившись, Клэри пролепетала:

– Простите... Простите, что вот так исчезла...

Аматаис накрыла ведьмин огонь ладонью, и Клэри прищурилась в наступившем полумраке.

– Переодевайся. Жду тебя внизу, на кухне, – велела Аматаис. – И не вздумай снова улизнуть через окно. В следующий раз, если попробуешь вернуться тем же путем, я захлопну ставни у тебя перед носом.

Тяжело сглотнув, Клэри кивнула.

Не говоря больше ни слова, хозяйка дома покинула спальню. Одежда Клэри – полностью сухая – висела на столбике кровати. Стянув с себя боевое облачение, девушка поспешила влезть в привычные джинсы, которые немного задубели, и футболку. Откинув назад спутанные волосы, Клэри вышла из спальни.

Когда Клэри внесли в дом Аматаис, ее мучили бред и галлюцинации: коридоры тянулись бесконечно далеко, а тиканье больших напольных часов напоминало стук останавливающегося сердца. Теперь же Клэри видела уютную гостиную, обставленную деревянной мебелью; на полу лежал лоскутный коврик. Небольшой размер и яркие цвета напомнили о собственной гостиной в бруклинской квартире. Клэри прошла в наполненную желтым светом кухню, где в печке вовсю горел жаркий огонь. Аматаис сидела за столом, накинув на плечи синюю шаль, отчего казалась еще более седой.

– Привет, – сказала Клэри, задержавшись в дверном проходе. По виду Аматаис нельзя было понять, злится хозяйка или нет.

– Полагаю, спрашивать, куда ты бегала, нужды нет, – не поднимая головы, произнесла Аматаис. – К Джонатану? Этого следовало ожидать. Будь у меня свои дети, я бы всегда умела распознать их ложь. Правда, я до конца надеялась, что хоть на сей раз не подведу брата.

– Люка?

– Знаешь, как я поступила, когда его покусали? – Аматаис говорила, глядя прямо перед собой. – Люк пришел ко мне и признался: его зацепил оборотень. Следовало ожидать, потому что Валентин бездарно рисковал собой и своими последователями. Люк боялся заразы ликантропии, и знаешь, как я ответила? Я... я...

– Аматаис, вы не обязаны рассказывать...

– Я велела брату выметаться из дома и не приходить, пока не выяснится, есть заражение или нет. Отвернулась от него. – Голос Аматаис задрожал. – Посмотрела на Люка с отвращением, и он это видел. Люк испугался, что получит приказ от Валентина покончить с собой, а я ответила:

дескать, только так и надо.

Клэри невольно ахнула.

Аматис резко подняла взгляд: на лице ее было написано отвращение к самой себе.

– Люк оставался добрым и справедливым, хоть и невольно участвовал в интригах Валентина. Порою мне казалось, что, кроме Люка и Джослин, в мире не осталось носителей света. Потому я и не могла представить брата чудовищем...

– Он сохранил в себе свет. Люк не монстр.

– Я не знала. Когда Люк все же обернулся волком, когда ушел из дому, Джослин изо всех сил убеждала меня, что Люк в душе по-прежнему человек, мой брат. Если бы не она, я бы так и не позволила Люку вернуться, не укрыла бы в подвале во время Восстания. Однако доверие брата я потеряла после того, как впервые от него отказалась. По-моему, он и сейчас не очень-то на меня полагается.

– Доверился же, принес меня больную. И даже оставил на ваше попечение.

– Податься ему больше некуда. Да и хороша из меня хозяйка: не уследила за тобой...

Клэри вздрогнула. Лучше бы Аматис на нее наорала.

– Вашей вины в том нет. Я соврала вам и убежала тайком. Вы ничего не смогли бы поделать.

– Видишь ли, шанс повлиять на судьбу всегда есть. Просто живут в мире люди вроде меня, привыкшие себя уговаривать: мол, поделать ничего нельзя. Я поверила в собственное бессилие, когда Люка покусали, когда Стивен покинул меня. Я не хожу на собрания Конклава, думая, будто не сумею повлиять на их решения, которые мне глубоко противны и ненавистны. А иногда все же решаюсь на какие-то действия и... все делаю не так. – В глазах ее мерцал колющий блеск. – Ступай в постель, Клэри. Отныне можешь уходить и возвращаться, когда пожелаешь. В конце концов, ты права, ничего я с этим поделать не могу.

– Аматис...

– Молчи. – Хозяйка покачала головой. – Иди к себе в спальню, прошу, – произнесла Аматис, давая понять: разговор окончен. Отвернувшись, она немигающим взглядом уставилась в стену.

Клэри выбежала из кухни и взлетела по ступенькам на второй этаж. Пинком закрыла дверь в спальню и бросилась на кровать. Хотелось плакать, но слезы не шли.

«Джейс ненавидит меня, – думала Клэри. – И Аматис. И с Саймоном я не попрощалась. Мама умирает. Люк бросил. Я одна, совсем одна. Наверное, поэтому плакать и не получается. Зачем лить слезы, если никто не утешит? И что хуже: сама себя не утетишь».

Там, где ангел не ступал

Саймон вынырнул из сна, в котором видел кровь и солнечный свет. Его кто-то звал по имени:

– Саймон. Саймон, вставай.

Саймон резко вскочил – порой быстрота движений поражала его самого – и взгляделся во тьму.

– Сэмюель? Вы?

– Обернись. – На этот раз голос прозвучал знакомо и с ноткой раздражения. – К окну подойди.

У зарешеченного окна на корточках сидел Джейс с ведьминым огнем. На вампира он смотрел напряженно и сердито.

– Что, думал, я тебе в кошмаре приснился?

– Может, до сих пор снишься. – В ушах стоял странный гул, как будто гудела кровь. Вот только у вампиров сердца не бьются...

Игра тени и света создавала сюрреалистический рисунок на лице нефилима.

– Значит, вот где они тебя держат. Я-то думал, эти камеры больше не используются. – Джейс глянул в сторону. – Сунулся было в одну из них и напугал твоего соседа. Бородатый такой дядька, весь в тряпье рваном... симпатяшка, в общем. Одно слово – бомж.

Саймон понял, отчего гудит в ушах – из-за гнева. Самым краешком сознания он уловил, как обнажаются его зубы и как клыки уперлись в нижнюю губу.

– Рад, что ситуация тебя забавляет.

– Ты не больно-то рад меня видеть. Странно, куда я ни войду – везде будто солнце из-за туч выходит. Так говорят. В сыром подzemелье эффект должен быть двойным.

– Ты знал, что все так получится. Говорил: «Тебя отправят обратно в Нью-Йорк». Типа, все на мази... Никто и не собирался отпускать меня.

– Я не знал. – Джейс посмотрел на Саймона открытым, чистым взглядом. – Честно, я думал, что говорю тебе правду.

– Ты либо и сейчас врешь, либо ты идиот...

– Я не идиот.

– Или и то, и другое, – закончил фразу Саймон. – Я склоняюсь к третьему варианту.

– У меня нет повода врать тебе. Особенно сейчас. – Взгляд Джейса по-прежнему оставался открытым и твердым. – И хватит клыки показывать. Бесит.

– Вот и славно. Просто ты кровью пахнешь.

– Новый изысканный аромат, «Порез-о-стеклонь». – Джейс показал Саймону левую руку: сквозь белые бинты на костяшках проступали бурые пятна.

Саймон нахмурился:

– Я-то думал, ваша раса порезов не получает. В смысле, умеет быстро залечивать раны.

– Говорю же, о стекло поранился. Алек не стал использовать руны и заставил лечиться как примитивного. Хочет преподать урок. Вот, я рассказал тебе правду. Впечатлен?

– Нет. У меня проблемы пострашней твоих. Инквизитор допытывается ответов, которых я дать не могу. Говорит, мол, я заработал способность жить под солнцем от Валентина в обмен на услуги шпиона.

– Элдертри так сказал?!

– Он весь Конклав в предательстве Лайтвудов убеждает.

– Фигово. Если ты шпион, то действие Договоров на тебя не распространяется. Лазутчики – нарушители закона. – Джейс огляделся. – Надо вытаскивать тебя отсюда.

– И что потом? – Саймон не мог поверить, что сказал это. Ему хотелось выбраться из узилища так, что зубы сводило, но остановиться он уже не мог. – Где ты меня укроешь?

– В Гарде работает портал. Найдём его, и я отошлю тебя в Нью-Йорк.

– Все узнают, что меня спас ты. Джейс, не я им нужен. Конклаву нежить вообще неинтересна. Они нацелены на Лайтвудов. Думают, твоя семья из Круга по-настоящему не вышла и служит Валентину.

Даже в темноте было видно, как вспыхнули щеки Джейса.

– Бред какой-то! Они сражались против Валентина, тогда, на судне. Роберт едва не погиб...

– Инквизитор убеждает себя и всех, будто Лайтвуды пожертвовали одним Охотником, чтобы сохранить иллюзию вражды с Валентином. Меч упущен, вот Инквизитор и уцепился за шанс. Сам посуди: ты пытался предупредить Конклав, однако тебя не стали слушать. Теперь Элдертри ищет козла отпущения, и, если он заклеит Лайтвудов как предателей, всякие подозрения с Конклава будут сняты. Инквизитор сможет делать что захочет, беспрепятственно.

Джейс спрятал лицо в ладони, запустив в волосы длинные пальцы:

– Я не могу бросить тебя здесь. Если Клэри узнает...

– А-а... теперь понятно. Из-за нее ты и пришел. – Саймон издал неприятный смешок. – Не говори Клэри. Она же дома, в Нью-Йорке, слава... – Окончание фразы не далось. – В общем, ты был прав. Я рад, что Клэри не пошла с вами.

Джейс поднял на него взгляд:

– Ты серьезно?

– Конклав обезумел. Кто знает, что он сотворит с твоей сестрой. Поэтому ты прав, – повторил Саймон, а когда Джейс ничего не ответил, добавил: – Наслаждайся, больше ты от меня этих слов не услышишь.

Джейс смотрел на Саймона пустыми глазами. Точно так он выглядел тогда, на корабле, теряя кровь.

– Значит, – заговорил наконец нефилим, – ты остаешься? До каких пор?

– Пока не придумаем чего-нибудь получше. Правда, есть один косяк.

– Какой? – выгнул брови Джейс.

– Кровь. Инквизитор морит меня голодом, и я уже порядком ослаб. Завтра... черт его знает, что со мной будет завтра. Сдаваться я не собираюсь. Только не смей больше давать мне свою кровь или чью-то еще, – поспешил сказать Саймон, пока Джейс не успел предложить. – Кровь животного сойдет.

– Крови-то принесу, – пообещал Джейс и, немного помявшись, произнес: – Ты не признался Инквизитору, что пил мою кровь? Что я спас тебя?

Саймон покачал головой.

– Почему? – В глазах Джейса блеснул отраженный свет.

– Не хотел для тебя еще больших проблем.

– Послушай-ка, вампир. Лайтвудов защищай, как можешь, а меня – не надо.

– Почему? – поднял голову Саймон.

– Потому, – сказал Джейс, и на короткий миг Саймону показалось, будто в камере не он, а Джейс, – что я защиты не заслуживаю.

Клэри проснулась от того, что по крыше барабанил град. Она села, сонно озираясь, потом звук повторился – град бил в окно. Отбросив одеяло, Клэри нехотя выбралась из постели.

Открыла окно, впустив холодный воздух, который мигом пробился под ночнушку. Стуча зубами, Клэри перегнулась через подоконник.

Внизу кто-то стоял. От вида высокой фигуры и по-мальчишески взъерошенных волос у Клэри подпрыгнуло сердце, однако стоило незнакомцу посмотреть вверх, и Клэри увидела, что волосы у него не светлые, темные. Второй раз она ждала увидеть Джейса, а пришел Себастьян.

В руке парень держал пригоршню гальки. При виде заспанной Клэри он улыбнулся и показал сначала на себя, затем – на шпалеру: спускайся, мол.

Покачав головой, Клэри указала на парадную дверь. Дескать, жди там. Закрывает окно и сбегала вниз по ступенькам. Было уже позднее утро, и в окна лился золотой свет. В самом доме было тихо, огни нигде не горели. Амалис, похоже, еще не проснулась.

Клэри отперла и распахнула дверь. Себастьян стоял на крыльце, и Клэри уже третий раз – хотя и немного слабее – ощутила, будто прежде где-то видела этого юношу.

– Ты мне в окно камешки кидал, – слабо улыбнулась она. – Я думала, так только в кино поступают.

Лицо Себастьяна озарилось широкой улыбкой.

– Пижама у тебя милая. Разбудил?

– Может быть, а что?

– Извини, – сказал он не слишком-то виноватым голосом. – Просто я ждать не мог. Тебе, наверное, следует сбегать наверх и одеться, потому что день мы проведем вместе.

– Ничего себе! Какой уверенный, – сказала Клэри, отлично понимая: парням вроде Себастьяна стесняться не пристало. Она покачала головой: – Извини, не выйдет. Мне нельзя уходить из дома. Не сегодня.

Себастьян слегка нахмурился:

– Вчера ты гуляла.

– Угу, пока... – «Пока Амалис не пристыдила». – Нельзя мне сегодня уходить. И не пытайся спорить, ладно?

– Ладно, только сначала позволь сказать, зачем я пришел. Потом и гони.

– Выкладывай.

Себастьян приподнял голову, и в его черных глазах блеснули золотистые огоньки. Разве такое возможно?!

– Я знаю, где искать Рагнора Фелла.

Клэри помчалась наверх, переоделась, нацарапала какую-никакую записку для Амалис и, перебросив плащ через руку, выбежала из дома. И десяти минут не прошло.

Себастьян ждал у берега канала.

– Я готова, – задыхаясь, проговорила Клэри. – Идем?

Улыбнувшись, Себастьян предложил помочь надеть плащ. Клэри отказалась, но юноша настаивал.

– Прежде мне не помогали надевать плащи, – сказала Клэри, высвобождая из-под воротника волосы, – только официанты. Ты официантом, случайно, не подрабатывал?

– Нет, просто меня воспитала француженка. Эти натаскивают почище метрдотелей.

Клэри, несмотря на мандраж, улыбнулась. Себастьяну вообще удивительно легко удавалось вызвать у нее улыбку. Пожалуй, даже слишком легко.

– Куда нам? – спросила вдруг Клэри. – Фелл живет где-то поблизости?

– Нет, за городом. – Себастьян пошел в сторону моста. Клэри поспешила следом.

– Идти далеко?

– Пешком – да. Мы возьмем транспорт.

– У кого? – Клэри встала как вкопанная. – Себастьян, нам нужно быть осторожными.

Нельзя никому доверять и говорить, куда мы собираемся... куда я собираюсь. Я здесь тайком.

– Уверена?

– На все сто.

«Рагнор Фелл, – думала Клэри по пути через толпы на улицах. – Я увижу Рагнора Фелла!»

Возбуждение мешалось со страхом – спасибо Мадлен, имя мага навевало трепет. Что, если у него не окажется ни времени, ни терпения? Что, если он не поверит в то, кто такая Клэри? Не вспомнит о Джослин?

Каждый раз, замечая в толпе юношу-блондина или девушку с длинными черными волосами, Клэри внутренне сжималась, боясь узнать в них Джейса или Изабель. Но Изабель, скорее всего, пройдет мимо, а Джейс в доме Пенхоллоу, обжимается с новой подружкой...

Перед тем как свернуть на боковую улочку, уводящую от центра города, Себастьян спросил:

– Боишься, что за нами хвост? – Он заметил, как Клэри постоянно оглядывается по сторонам.

– Знакомые люди мерещатся: Джейс, Лайтвуды.

– Вряд ли Джейс станет разгуливать по улице. Он постоянно у себя в комнате, дуется. К тому же вчера поранил руку...

– Поранил? Как? – Забыв смотреть под ноги, Клэри споткнулась. Она и не заметила, как дорога из мощеной перешла в гравийную. – Ай!

– Мы на месте, – сказал Себастьян, останавливаясь у высокого проволочно-деревянного забора. Как-то резко закончилась жилая часть города: домов поблизости не было, только этот забор с одной стороны дороги да присыпанный гравием склон холма, уводящий к лесу, – с другой.

Себастьян достал из кармана увесистый ключ и отпер висячий замок на калитке.

– Сейчас вернусь, – сказал он и скрылся за забором.

Сквозь рейки Клэри удалось разглядеть приземистый дощатый дом красного цвета. Ни дверей, ни окон...

Наконец Себастьян вернулся. Улыбаясь от уха до уха, он вел под уздцы большую лошадь в яблоках, с пятном-звездой на лбу.

– Лошадь? У тебя есть лошадь? – изумилась Клэри. – Кто в наши дни верхом ездит?

Себастьян нежно погладил животное по шее:

– В Аликанте многие семьи Охотников держат лошадей. В Идрисе машины не больно-то работают, если ты еще не заметила. Охранные заклятия мешают. – Он хлопнул по потертому седлу, имевшему герб: восстающий из озера змей. Внизу изысканной вязью было выведено имя: «Верлак». – Залезай.

– Я ни разу верхом не ездила, – отпрянула Клэри.

– Путником управлять буду я, – успокоил ее Себастьян. – Сядешь впереди меня.

Лошадь тихонько фыркнула. Глядя на здоровенные зубы, Клэри поежилась. Не дай бог, за ногу цапнет! Она вспомнила, что все знакомые девчонки в средней школе мечтали о пони... ненормальные!

«Ладно, смелее, – приказала себе Клэри. – Ради мамы».

Глубоко вздохнув, она согласилась:

– Твоя взяла. Едем.

Решимость Клэри длилась ровно столько, сколько Себастьяну понадобилось, чтобы вскочить в седло и пришпорить Путника. Конь сорвался с места и пулей понесся по дороге; удары копыт о землю отзывались в позвоночнике болезненным эхом. Клэри впилась ногтями в луку седла, да так сильно, что ногти оставили следы.

Дорога постепенно сужалась. По обеим сторонам от нее выросли зеленые стены густых деревьев. Себастьян слегка натянул поводья, смиряя бешеный галоп, и пульс Клэри стал замедляться вместе с топотом копыт. Постепенно, когда прошла паника, Клэри прислушалась к ощущениям. Себастьян держал поводья, обхватив ее руками с обеих сторон, так что соскользнуть с седла шансов не было. Больше того, Клэри спиной прижималась к груди парня, чувствуя его запах, похожий отчего-то на аромат черного перца, – необычный, приятный и терпкий. От Джейса пахнет мылом и солнечным светом. То есть как если бы у солнца имелся свой запах...

Клэри стиснула зубы. Она едет с Себастьяном на встречу с могучим волшебником, а сама рассуждает о том, как пахнет Джейс. Усилием воли Клэри заставила себя отвлечься на природу вокруг.

Деревья по обочинам редели, зеленый ковер местами прорезала серая каменная дорога или торчащий из травы черный камень. Сурово и по-своему красиво. Тут и там виднелись островки белых цветов, которые Клэри заприметила еще в некрополе. Они, будто снег, устилали холмы.

– Как ты узнал, где искать Рагнора Фелла? – спросила Клэри, когда Себастьян умело объезжал колею.

– У моей тетушки Элоди хватает источников информации. Она знает обо всем, что творится в Идрисе, хотя сама никогда сюда не является. Не любит покидать Институт.

– А ты? Сам ты в Идрис часто навещаешься?

– Нет. Последний раз меня приводили сюда, когда мне было лет пять. С тех пор я не встречался с дядей и тетей, так что рад вернуться. К тому же есть шанс наверстать упущенное, да и тоскливо без Идриса. Нет больше в мире такого места. Тут даже воздух особенный. Сама поймешь и заскучаешь по Идрису, когда покинешь его.

– Да, Джейс очень скучал по нему. Я думала, это из-за того, что он прожил здесь годы. Вырос тут.

– В поместье Вэйландов. Недалеко от того места, куда мы едем.

– Ты и впрямь как будто все знаешь.

– Нет, не все, – рассмеялся Себастьян, и Клэри спиной ощутила, как он дрожит. – Идрис околдовывает всех, даже людей вроде Джейса, которым бывать здесь противно.

– Почему ты так говоришь?

– Ну, его же вырастил Валентин. Что может быть хуже?

– Не знаю... – Клэри задумалась. – Валентин ужасный отец, да, но Джейс не ведал другой любви и доброты, кроме крох, доставшихся от Валентина. – Клэри захлестнуло волной грусти. – Джейс еще долго оставался предан отцу.

– Не верю, будто Валентин способен проявить хоть каплю доброты и любви. Он чудовище.

– Тут я с тобой согласна, да только Джейс – его сын. И был он тогда совсем маленький. Валентин любил его. По-своему...

– Нет! Такое невозможно.

Моргнув, Клэри хотела обернуться, но передумала. Когда речь заходит о Валентине, с Сумеречными охотниками лучше не спорить. Они словно с ума сходят. И винить их в этом нельзя. (Вспомнив об Инквизиторе, Клэри внутренне содрогнулась.)

– Может, ты и прав.

– Приехали, – резко произнес Себастьян. Клэри испугалась: не обидела ли его? Но когда Себастьян слез с коня и подал руку, он улыбался. – Быстро мы, – сказал парень, привязывая коня

к нижней ветке дерева. – Быстрее, чем я ожидал.

Он жестом пригласил спускаться, и Клэри, помедлив секунду, сползла с седла напрямик к Себастьяну в объятия.

Коленки после долгой поездки подогнулись, и вышло так, что Клэри вцепилась в Себастьяна.

– Прости, – робко извилась она. – Я не нарочно.

– Я бы за такое не стал извиняться. – Ощутив на щеке его теплое дыхание, Клэри вздрогнула. Себастьян наконец – неохотно – отпустил ее.

Твердости, однако, в коленках совсем не прибавилось.

– Спасибо, – ответила Клэри и залилась краской. Жаль, что на бледной коже румянец проступает так четко. – И... где мы?

Она огляделась: небольшая долина среди низких холмов. Вокруг опушки сгрудились кривые деревья, голые ветви которых на фоне неба цвета голубой стали смотрелись особенно живописно. И...

– И что? Тут пусто.

– Клэри, сосредоточься.

– Здесь действуют чары? Мне обычно не приходится...

– В Идрисе чары создают более сильную маскировку. Чтобы заглянуть сквозь них, надо хорошенько постараться. – Себастьян положил ей руки на плечи и мягко развернул в сторону опушки: – Приглядишься.

Клэри представила, будто скипидаром снимает с холста слой краски, под которым скрывается настоящий сюжет картины, – такой мысленный трюк позволял увидеть, что прячут маскировочные чары. Проявился небольшой каменный домик с остроконечной крышей; из трубы причудливой и аккуратной завитушкой поднимался дымок. К двери вела извилистая тропинка. Струйка дыма вдруг приняла форму вопросительного знака.

– Спрашивают, кто пришел, – улыбнулся Себастьян.

Клэри плотнее запахнулась в плащ. Холодный ветер, пробежавший по траве, пробирал до костей.

– Мы будто в сказку попали.

– Мерзнешь? – спросил Себастьян и приобнял девушку за плечи. Дымок моментально изменил форму: из трубы вместо вопросительных знаков стали вылетать немного кривобокие сердечки. Клэри, чувствуя себя одновременно и смущенно, и виновато – будто совершила проступок, – отпрянула от Себастьяна и поспешила к домику. Себастьян – следом. Не успели они пробежать и половину пути, как дверь распахнулась.

Клэри буквально помешалась на идее отыскать Рагнора Фелла с момента, как услышала его имя, однако ни разу не задумалась над тем, как знаменитый маг выглядит. Ну, большой, наверное, бородатый. Косая сажень в плечах... Вроде викинга.

Однако встречать гостей вышел высокий худой мужчина с ежиком черных волос. На нем были золотая сетчатая жилетка и шелковые шаровары. Глядя на Клэри с вежливым интересом, он попыхивал невероятных размеров трубкой.

Не викинг, конечно, зато хороший и давний знакомый.

Магнус Бейн.

– Но... – вымолвила Клэри и обратила дикий взгляд на Себастьяна. Тот, пораженный ничуть не меньше, смотрел на Магнуса, раскрыв рот.

– Вы... Рагнор Фелл? Маг?

Выпустив изо рта мундштук трубки, Магнус ответил:

– Не стриптизер, это точно.

– Я... – Себастьян никак не мог подобрать нужные слова. Непонятно, кого он ожидал увидеть, но, определенно, не Магнуса Бейна. – Мы пришли просить помощи. Я Себастьян Верлак, а это Клэри Моргенштерн, ее мать Джослин Фэйрчайлд...

– Да к черту маму, – ответил Магнус. – Без предварительной записи ко мне нельзя. Приходите позже. В марте, скажем.

– В марте? – ужаснулся Себастьян.

– Ты прав. В марте слишком дождливо. Давайте в июне.

Себастьян принял гордый вид:

– Вы, похоже, не понимаете, насколько важное дело...

– Хватит, Себастьян, – перебила его Клэри, глядя на Магнуса с отвращением. – Он тебе мозги пудрит. Помочь не сможет.

Себастьян еще больше расстроился:

– Отчего бы ему...

– Так, хватит уже, – произнес Магнус и щелкнул пальцами.

Себастьян тот же миг замер на месте, не закрывая рта и слегка вытянув руку.

– Себастьян! – Парень застыл, словно статуя. Только грудь его слегка вздымалась и опускалась – значит, жив еще. – Себастьян? – снова позвала Клэри. Бесполезно: он не слышал и не видел ее. Тогда Клэри напустилась на Магнуса: – Что с тобой? Дури из своей трубки накурился? Себастьян за нас.

– Зато я сам по себе, сладенькая, – взмахнул трубкой Магнус. – Заморозить паренька пришлось по твоей вине. Ты чуть не выдала меня.

– Зачем притворяться Рагнором Феллом?

Магнус выдохнул струйку дыма и пристально посмотрел на Клэри сквозь сизое облачко:

– Ладно. Идем, покажу кое-что.

Он придержал для девушки дверь открытой и сделал приглашающий жест. В последний раз глянув недоверчиво на застывшего Себастьяна, Клэри шагнула через порог.

Сочащегося в окошки дневного света хватало, чтобы разглядеть большую, утопающую в тених комнату. Пахло горящим мусором. Клэри едва слышно кашлянула, а Магнус щелкнул пальцами еще раз, и с ладони у него заструилось ярко-голубое свечение.

Клэри ахнула. В комнате царил погром: мебель разнесена в щепки, столы перевернуты и содержимое ящиков разбросано по полу; в воздухе витают вырванные из книг страницы. Окна разбиты.

– Ночью Фелл связался со мной, попросил прийти. Я откликнулся на призыв и застал на месте вот что. Разгром и вонь демонов.

– Демонов? В Идрис им путь заказан...

– Я же не говорю, будто видел самих демонов, – без малейшей интонации напомнил Магнус. – Пахло чем-то демоническим по природе происхождения. Тело Рагнора лежало на полу. Его не добили. Когда я пришел, то нападавших не застал.

Магнус посмотрел на Клэри:

– Кто еще знает, что ты ищешь Рагнора?

– Мадлен, – прошептала Клэри, – но она погибла. Себастьян, Джейс, Саймон. Лайтвуды...

– Если знают Лайтвуды, знает и Конклав. У Валентина в Конклаве остались шпионы.

– Зачем я только спрашивала о Фелле у всех подряд? Надо было самой стараться... и предупредить Фелла.

– Позволь напомнить: ты не знала, где его искать. Потому и обращалась ко всем за помощью. Для тебя и Мадлен Рагнор Фелл – маг, знавший, как разбудить Джослин. Валентин, казалось, тут ни при чем, однако погодите. Валентин, может, и не знает, как разбудить твою

маму, хотя и догадался, что заклятие, погрузившее ее в сон, связано с чем-то, чего он жаждет. С некой книгой заклинаний.

– Откуда ты знаешь?

– Рагнор сказал.

– Но ведь...

Магнус оборвал ее, сделав жест рукой:

– У магов свои способы общения. Свои языки. – Он поднял руку с голубым пламенем. – Логос.

На стене проявились огненные буквы, каждая дюймов шесть в высоту, словно отлитые из жидкого золота прямо в камне. Они забегали по стенам, складываясь в непонятные, ускользающие от взгляда слова.

– Что здесь написано?

– Рагнор, почувствовав близость смерти, оставил послание. Для всякого мага, который придет сюда после него. – Магнус обернулся, и его кошачьи глаза осветились золотым огнем. – На Рагнора напали прислужники Валентина и потребовали отдать Белую книгу. Белая книга и книга Серая – два самых, наверное, знаменитых собрания заклинаний. В Белой книге есть рецепт зелья, погрузившего Джослин в сон, и рецепт противоядия от него.

У Клэри отвисла челюсть.

– Та к ее забрали?

– Нет. Книга принадлежала твоей матери. Рагнор лишь посоветовал, куда спрятать томик от Валентина.

– Значит, книга...

– В поместье Вэйландов. Вэйланды были самыми близкими из соседей Джослин и Валентина. Рагнор предложил Джослин укрыть Белую книгу у них в домашней библиотеке, где Валентин ни за что не стал бы искать.

– Валентин несколько лет потом прожил в поместье Вэйландов. Как он не наткнулся на книгу?

– Твоя мама спрятала ее внутри другого издания. Такого, в которое Валентин не заглянул бы. – Магнус коварно усмехнулся. – «Простые рецепты для домохозяек». Чувство юмора у твоей мамы было отменное, и с этим никто не поспорит.

– Ты ходил в поместье Вэйландов? Нашел книгу?

Магнус покачал головой:

– Клэри, их дом окружают плутающие чары. Они собьют с пути не только членов Конклава, но и всех подряд. Особенно нежить. Будь у меня время, я попытался бы их рассеять...

– Значит, в поместье никто не войдет? – Отчаяние когтями впилося в сердце. – Совсем никто?

– Не так чтобы совсем никто. По крайней мере, один человек точно сумеет войти.

– Валентин?

– Я имел в виду его сына.

Клэри покачала головой:

– Джейс не станет помогать, Магнус. Он не желает видеть меня в Идрисе. Он вообще со мной больше не разговаривает.

Магнус задумчиво посмотрел на Клэри:

– Если попросишь, вряд ли он тебе откажет.

Клэри открыла рот и снова закрыла. Магнус неким образом вызнал, что Алек неровно дышит к Джейсу, а Саймон – к ней. У Клэри, должно быть, на лбу написано, как она влюблена в Джейса.

Девушка отвернулась:

– Ну, скажем, уговорила я Джейса провести меня в дом и найти книгу, а дальше-то что? Я не умею ни заклинаний творить, ни противоядий готовить.

Магнус фыркнул:

– По-твоему, я рассказал тебе о магическом трактате за здорово живешь? Принесите Белую книгу мне.

– Та к тебе книга нужна?

– Белая книга – один из самых могущественных трактатов по магии. Почему бы не хотеть ее? К тому же она по праву принадлежит детям Лилит, а не чадам Разиэла. Это книга магов, и храниться она должна у нас.

– Она и мне нужна... исцелить маму.

– Понадобится одна-единственная страница, которую можешь оставить себе. Принесешь книгу, и я сварю противоядие. Даже вылечу твою мать. Скажешь, нечестная сделка?! – Магнус протянул руку. – Ну, договорились?

После секундного колебания Клэри пожала магу руку:

– Надеюсь, не пожалею.

– И не надо, – сказал Магнус, радостно разворачиваясь к двери. Огненные буквы на стенах меж тем стали гаснуть. – Сожаление – эмоция глупая и бесполезная, не находишь?

После темноты в комнате солнце показалось особенно ярким. Постепенно глаза привыкли к свету, и Клэри огляделась: горы вдаль, Путник, довольный, щиплет травку... и Себастьян застыл подобно парковой статуе.

Клэри обернулась к Магнусу:

– Разморозь его, пожалуйста.

Магнус, не без веселья, ответил:

– Я удивился, получив утром весточку от Себастьяна. Он сказал, что хочет помочь тебе, ни много ни мало. Как вы с ним встретились, кстати?

– Он доводится кузеном кое-кому из друзей Лайтвудов. Себастьян хороший и милый.

– Милый? Фи, как слабо! Он роскошен! – Магнус мечтательно уставился на Себастьяна. – Оставь его мне. Будет вешалкой для шляп и прочего.

– Ага, сейчас! И не подумаю.

– Почему? Себе присмотрела? – Глаза у Магнуса блеснули. – Ты ему нравишься. Та к и стелется перед тобой.

– Давай поговорим о твоих делах сердечных, – сменила тему Клэри. – Что у тебя с Алеком?

– Алек отрицает, что между нами что-либо есть, и посему я отрицаю связь между нами точно так же. Вчера он прислал огненное сообщение, прося о помощи, и адресовал его Магу Бейну. Словно мы не знакомы! Алек по-прежнему сохнет по Джейсу, однако ничего хорошего из этого не выйдет. Проблема, о которой ты, конечно, ничегошеньки не знаешь...

– Заткнись, а? – Клэри презрительно посмотрела на Магнуса. – Размораживай Себастьяна, иначе я так и останусь здесь – и Белой книги тебе не видать.

– О, разморожу, разморожу... Только сделай одолжение: не говори ему ничего из сказанного мною. Пусть он и друг Лайтвудов. – Магнус раздраженно щелкнул пальцами.

Лицо Себастьяна ожило, как в фильме, снятом с паузы.

– ...не помочь нам? – закончил парень фразу. – Мы не с пустяком пришли! Вопрос жизни и смерти.

– У вас, нефилимов, все вопросы – жизни и смерти, – ответил Магнус. – Поди прочь. Ты докучаешь мне.

– Но...

– Уходи, я сказал. – В голосе Магнуса проскользнули нотки угрозы. С кончиков длинных пальцев сорвались голубые искорки, в воздухе раздался резкий запах. Кошачьи глаза засветились. Клэри, хоть и знала, что Магнус разыгрывает спектакль, невольно попятилась.

– Себастьян, – позвала она, – лучше пойдем.

– Постой, Клэри, – сощурился парень.

– Уходим. – Клэри схватила его за руку и потащила к Путнику. Себастьян поворчал, но послушался.

Облегченно вздохнув, Клэри оглянулась через плечо: Магнус улыбался ей, сложив руки на груди. Затем он подмигнул сверкающим глазом.

* * *

– Прости, Клэри. – Себастьян помогал ей забраться в седло: положил одну руку девушке на плечо, вторую – на пояс. Клэри же отчаянно боролась с внутренним голосом, твердившим: дескать, Путник не лучше любой другой лошади и опасен. Перекинув ногу через спину скакуна, Клэри села и попыталась убедить себя, будто сидит на диване, а не на спине у животного, которое может в любой момент цапнуть.

– Простить за что? – спросила девушка, когда Себастьян ловко вскочил в седло. Аж прямо завидно. Впрочем, так спокойней – хоть один да знает, как управляться с лошадью.

– За Рагнора Фелла. Я думал, он согласится помочь. Хотя все эти волшебники капризны. Сама небось знаешь?

– Да, общалась с Магнусом Бейном. – Клэри обернулась и посмотрела на хижину Фелла. Из печной трубы вылетали миниатюрные пляшущие человечки. Не Магнусы ли? – Он верховный маг Бруклина.

– По характеру такой же, как Фелл?

– Одного поля ягоды. За Фелла не извиняйся. Я догадывалась, что помогать он не захочет.

– Зато обещал помочь я. – Судя по голосу, Себастьян и правда расстроился. – Давай покажу тебе еще кое-что. Иначе день пропадет даром.

– Что именно? – Клэри развернулась к Себастьяну. Солнце стояло высоко в небе и подсвечивало темные локоны парня золотом.

– Увидишь, – широко улыбнулся Себастьян.

Стены леса по обочинам время от времени расступались, открывая невероятно прекрасные виды: льдисто-голубые озера, зеленые долины, серые скалы, серебристые изгибы реки и ручья меж берегов, густо поросших цветами. Интересно, каково жить в таком месте? Вне бетонных джунглей Клэри невольно ощутила себя незащищенной. Здесь, правда, здания тоже имелись: кое-где над верхушками деревьев высились крыши каменных домов.

– Поместья богатых Охотников, – пояснил Себастьян.

Дома напоминали особняки вдоль Гудзона, на севере Манхэттена, где в давние времена богатые ньюйоркцы проводили лето.

Дорога из гравийной перешла в грунтовую. Себастьян повел Путника вверх по склону холма и на гребне остановился:

– Ну, вот мы и на месте.

Вынырнув из задумчивости, Клэри уставилась на «место»: черные от сажи камни, печная труба все еще тянется в небо; в единственной уцелевшей стене зияет пустой оконный проем; сквозь трещины в фундаменте пробивается трава.

– Ничего не понимаю. Ты куда меня привез?

– Не узнаешь? Здесь жили твои папа и мама. Здесь родился твой брат. Это поместье Фэйрчайлд.

И вновь в голове у Клэри зазвучал голос Ходжа: Валентин сжег и себя, и жену с ребенком. Пожар разгорелся такой силы, что земля почернела, и больше на проклятом месте никто ничего не строит.

Не говоря ни слова, Клэри слезла с коня и побежала вниз по холму. Себастьян окликнул ее, но Клэри не обернулась. Остановилась она только перед самым домом. Под ногами хрустел треснувший камень тропинки. Из высокой травы выглядывали, резко обрываясь, уцелевшие ступени крыльца.

– Клэри... – позвал Себастьян. Он тоже спустился с холма, но Клэри попросту не замечала его присутствия. Она медленно оборачивалась вокруг себя, разглядывая останки поместья: опаленные деревья, тенистая лужайка... Над деревьями виднелась крыша соседней усадьбы. Солнце искрилось на осколках стекла в раме уцелевшей стены. Переступив через обожженные камни, Клэри вошла в пределы дома. Видно было, как он делился на комнаты. Нашелся даже шкафчик – обугленный, он лежал на земле, среди осколков фарфора.

Некогда это был настоящий дом... Семейный очаг. Мама вышла замуж и воспитывала здесь ребенка, а потом пришел Валентин и обратил поместье в прах. Он заставил Джослин поверить, будто ее сын мертв, и вынудил скрыть правду от дочери... Сердце пронзила щемящая боль. Сколько жизней в тот день сломал Валентин!

Прикоснувшись к лицу, Клэри ощутила влагу на пальцах. Она не заметила, как расплакалась.

– Прости, Клэри. Я думал, ты захочешь увидеть дом. – Обеспокоенный Себастьян шел следом, поднимая с камней облачка пепла.

– Да, хочу... хотела. Спасибо.

Снова подул ветер, и на лицо Себастьяну упали черные пряди. Парень горько улыбнулся:

– Тяжело, наверное, думать обо всем, что здесь случилось. О Валентине, о Джослин... Она была такая мужественная.

– Знаю. Мама и сейчас не утратила храбрости.

Себастьян нежно коснулся ее лица:

– Характером ты пошла в нее.

– Себастьян, ты не знаешь меня.

– Неправда. – Себастьян обхватил ее лицо ладонями, очень нежно, почти неуверенно. – Я все о тебе знаю, Клэри. Знаю, как ты сражалась против отца за Чашу смерти, как отправилась спасать друга из вампирского гнезда. Изабель мне рассказывала, и слухи доходили. Клэри, едва я узнал о тебе – услышал твое имя, – и мне сразу захотелось с тобой встретиться. Ты особенная.

Клэри вяло рассмеялась:

– Надеюсь, ты не слишком разочарован?

– Нет. – Пальцы Себастьяна скользнули к подбородку. – Совсем не разочарован.

Он приблизил Клэри к себе и губами коснулся ее губ. От удивления Клэри даже не шевельнулась, только затрепетала и машинально закрыла глаза. Ей вдруг захотелось, чтобы ее обняли и целовали. Чтобы все на свете забылось... Клэри обхватила Себастьяна за шею, прижалась к нему. Погрузила пальцы в шевелюру на затылке; кончики волос приятно покалывали кожу. У Джейса волосы более шелковистые, но и у Себастьяна они мягкие, нежные на ощупь... Прочь, прочь, мысли о Джейсе! Себастьян погладил Клэри по щеке – несмотря на мозоли, касание получилось нежным. У Джейса тоже мозоли, да и у всех нефилимов, ведь они воины...

«Хватит, хватит думать о Джейсе!» – твердила себе Клэри, но забыть брата не получалось.

Закрывая глаза, она видела его образ: острые, угловатые черты, передать которые в портрете никогда толком не выходило, пусть даже лицо, изящные кисти, покрытые шрамами плечи и запомнились – прочно и навсегда.

Острая волна желаний, столь плавно и нежно охватившая ее, пропала, ушла – резко, словно отпущенная тетива лука. Себастьян по-прежнему целовал Клэри, мягко придерживая за затылок, но сама Клэри онемела. Ощутила ледяной укол дурного предчувствия. Что-то не так. Происходит ошибка, ужасная ошибка. Клэри ошибается сильнее, чем в желании быть с тем, с кем быть не может! Она будто уверенно шагнула вперед, и нога вдруг провалилась в зияющую пустоту.

Ахнув, Клэри отпрянула. Так резко, что чуть не споткнулась. Она упала бы, если бы не объятья Себастьяна.

– Клэри? – Взгляд парня оставался томным, щеки пылали румянцем. – Что не так, Клэри?

– Ничего. – Собственный голос показался ужасно тонким, писклявым. – Я... я просто не готова. Не надо нам пока...

– Слишком резко? Можем помедленней. – Себастьян потянулся к Клэри, и та невольно отшатнулась. Пораженный, Себастьян сказал: – Я не обижу тебя, Клэри.

– Знаю.

– Случилось что-нибудь? – Себастьян убрал со лба Клэри выбившиеся прядки. Девушка с трудом подавила желание отстраниться. – Ты из-за Джейса?..

– Джейса? – Откуда он узнал, что Клэри думала про Джейса? И все же... – Джейс мне брат. С какой стати ты упомянул его?

– Показалось... – Себастьян замотал головой, и на лице у него попеременно отразились боль и смятение. – Может, тебя кто-то другой обидел?

Клэри плавно и в то же время решительно убрала от щеки руку Себастьяна:

– Ничего подобного. Просто... я словно... совершаю ошибку.

– Ошибку? – Боль на лице Себастьяна уступила место недоверию. – Какую ошибку, Клэри? Мы связаны. Сразу, как только мы встретились...

– Себастьян, прошу, не надо...

– Я сразу понял, что ждал именно тебя. Ты меня тоже узнала. Не отрицай.

Нет, Клэри испытывала совсем иное чувство. Будто оказалась в незнакомом городе, свернула за угол и напоролась на свой дом. Удивительно, но неприятно: дескать, он-то здесь откуда?!

– Все не так, Себастьян.

В глазах парня темным, бушующим пламенем вспыхнул гнев, и Клэри перепугалась. Себастьян больно схватил ее за руки:

– Не верю.

Клэри попыталась вырваться:

– Себастьян...

– Не верю, – повторил он. Чернота радужек затмила собой зрачки, а лицо превратилось в жесткую бледную маску.

– Себастьян, – как можно спокойнее позвала Клэри. – Мне больно.

Себастьян отпустил ее. Тяжело дыша, он сказал:

– Прости. Прости, я думал...

«Индюк тоже думал», – хотела сострить Клэри, но прикусила язык. Лучше не злить Себастьяна.

– Нам лучше вернуться. Скоро стемнеет.

Себастьян только кивнул, пораженный собственной выходкой не меньше, чем Клэри. Развернувшись, он побрел к Путнику, который мирно пасся в тени дерева. Клэри осмотрелась: больше здесь делать нечего, решила она и отправилась вслед за Себастьяном. Украдкой глянула

на руки: запястья покраснели, на пальцах – что еще удивительней – темные, как будто чернильные, пятна.

Себастьян молча помог забраться в седло. Когда Клэри наконец уселась, он произнес:

– Прости, что я недобро подумал о Джейсе. Он никогда бы тебя не обидел. Ради тебя он даже пошел навестить пленного вампира в темнице Гарда...

В этот момент Земля словно остановилась. Клэри слышала собственное дыхание, видела, как ее же руки, похожие на руки статуи, впились в луку седла.

– Пленный вампир? – шепотом спросила девушка.

Себастьян удивленно посмотрел на нее:

– Ну да. Вампир по имени Саймон, которого Лайтвуды привели из Нью-Йорка. Я... я был уверен, что ты в курсе его злоключений. Разве Джейс ничего не рассказывал?

Саймон проснулся. Внутри все болело от голода, а в глаза били блики солнечного света, отраженного от блестящей металлической фляжки. Кто-то подбросил ее в камеру, пока Саймон спал. Вокруг горлышка была обмотана полоска бумаги; размотав ее, Саймон прочел написанное на ней послание:

«Саймон, это бычья кровь. Свежая, только-только с бойни. Надеюсь, сойдет. Джейс все рассказал. Ты молодец, настоящий герой. Держись, мы что-нибудь придумаем.

ХОХОХОХОХОХОХ Изабель».

Глядя на рядок «Х» и «О», Саймон усмехнулся. Приятно знать, что пламенная страсть Изабель не угасла. Отвинтив крышку, вампир приложился к фляге. Он успел сделать несколько больших глотков и вдруг ощутил покалывание между лопаток.

За спиной стоял Рафаэль – заложив руки за спину, в отутюженной белой сорочке, черном пиджаке и с золотой цепью на шее.

Саймон чуть не подавился кровью:

– Те... тебе нельзя сюда.

Рафаэль беззлобно оскалился:

– Не бойся за меня, светолуб.

– Я и не боюсь, – соврал Саймон. В горле и желудке начало неприятно покалывать, стоило вспомнить, при каких обстоятельствах Саймон с Рафаэлем виделись последний раз. Тогда Саймон, весь в крови и синяках, выбрался из наспех выкопанной могилы, а Рафаэль швырнул ему пакеты животной крови. Новоиспеченный вампир вгрызался в них зубами, будто и сам был животным. Такое лучше не помнить. И мальчишку-вампира лучше тоже больше не встречать на пути. – Сейчас день, и солнце светит. Как ты терпишь?

– Меня здесь нет. – Голос Рафаэля звучал очень мягко, тягуче. – Ты видишь проекцию. Гляди. – Он коснулся рукой стены, и пальцы прошли сквозь каменную кладку. – Я не могу причинить тебе вреда, как и ты мне.

– Я тебе вреда не желаю. – Саймон отставил флягу на матрас. – Только скажи – зачем пришел?

– Ты очень внезапно покинул Нью-Йорк. Хотя прекрасно знаешь, что перед уходом обязан предупреждать главу местного братства.

– Главу братства? Тебя, что ли? Я думал, у нас кто-то другой за главного...

– Камилла до сих пор не вернулась, – сухо ответил Рафаэль. – Я за нее. Ты, видимо, поленился ознакомиться с уложениями братства?

– Я не хотел покидать Нью-Йорк, все получилось неожиданно. И не прими за обиду, но братом я тебя не считаю.

– Dios^[5]. – Рафаэль опустил взгляд, пряча насмешку. – Упрямец какой.

– Как у тебя язык поворачивается говорить такое?

– Ну, вещи-то очевидные.

– Я про... – В горле встал комок. – То слово. Как у тебя получается произносить... «Бог»?

Рафаэль поднял взгляд – он и правда насмехался над Саймоном.

– Возраст. И практика. Вера... или ее потеря. Со временем, птенчик, ты поймешь, что

разницы, в принципе, нет.

– Не называй меня птенчиком.

– Но так оно и есть. Ты дитя ночи, вот почему Валентин поймал тебя и лишил крови. Из-за твоей сути.

– Смотрю, ты много знаешь. Просветишь?

Глаза Рафаэля превратились в узкие щелочки.

– До меня дошел слух, что тыпил кровь Сумеречного охотника и обрел дар светолюба. Это правда?

У Саймона зашевелились волосы на затылке.

– Фигня. Если бы кровь Охотника давала такую силу, вампиры об этом давно знали бы, и мира между нами и нефилимами не установилось бы. Кровь Охотников объявили бы деликатесом. У тебя ложные сведения.

Рафаэль усмехнулся уголками губ:

– Звучит логично. Кстати, о деликатесах: ты ведь понимаешь, что в качестве светолюба сделался ценной добычей? Нет такого представителя нежити, который не хотел бы заполучить тебя.

– Ты тоже?

– Разумеется.

– И что сделаешь, когда получишь меня?

Рафаэль пожал худыми плечами:

– Я, наверное, единственный из своего рода, кто не считает благим даром твою способность пребывать на солнечном свете. Мы дети ночи, и зовемся так не без причины. Для меня ты – такой же выродок, как и вампиры для людей.

– Серьезно?

– Почему нет? – Рафаэль говорил совершенно без эмоций. – Ты опасен для вампиров. В темнице, светолуб, ты навсегда не останешься, выйти в мир в конце концов придется. И вот что я скажу: клянусь, не трону тебя и даже не стану искать, если спрячешься, забудешь всех, кто был дорог тебе в прежней жизни. По-моему, честная сделка.

Саймон покачал головой:

– Семью не брошу. И Клэри тоже.

Рафаэль раздраженно фыркнул:

– Они больше не часть твоей жизни. Ты теперь вампир.

– Не в душе.

– Ах эти сопли... Ты не заболеешь, не умрешь, навсегда останешься здоров и молод, забудешь о старости! Чем плох вампиризм?

Вечно молодой? Здорово, конечно, но только не в шестнадцать. Останешься неуклюжим, неразвитым. Ладно бы в двадцать пять, когда и лицо, и тело достигнут расцвета. И вообще, с такой юной мордашкой ни в один бар не пустят и алкоголь не продадут. Никогда. Совсем.

– Ну и, – продолжил Рафаэль, – солнце остается твоим другом.

Покупаться на речи Рафаэля Саймону больше не хотелось.

– Я слышал, что говорят о тебе в «Дюморе». Якобы ты по субботам надеваешь крестик и навещаешь родных. Они, поди, не знают о твоей сущности. Как смеешь ты предлагать мне забыть близких? Я не откажусь от них и не буду давать тебе ложных клятв.

Глаза Рафаэля недобро блеснули.

– Неважно, во что верит моя семья и что она знает. Важно, что я принял смерть. Ты же никак не смиришься, по-прежнему считаешь себя человеком. Потому и опасен. Цепляешься за мир живых.

Домой Клэри вернулась под вечер. Закрыла дверь и в полутьме коридора привалилась к ней спиной.

От усталости ноги гудели, тело будто налилось свинцом.

– Клэри? – Тишину нарушил требовательный голос хозяйки. – Ты?

Клэри не спешила отзываться. Закрыв глаза, она постояла какое-то время в убаюкивающей темноте, отдавшись на волю чувств. Хотелось обратно в Нью-Йорк. Та к сильно, что во рту ощущался металлический привкус бруклинского воздуха. Клэри будто наяву увидела маму – как она сидит у окна, пишет картину, и сквозь стекло на холст льется пыльный бледно-желтоватый свет. От тоски засосало под ложечкой.

– Клэри. – Голос прозвучал гораздо ближе. Аматис стояла чуть не вплотную: седые волосы собраны в тугий узелок на затылке, руки уперты в бока. – Твой брат пришел. Ждет на кухне.

– Джейс тут? – Только бы гнев и удивление не отразились на лице! Не дело выказывать чувства перед сестрой Люка.

Аматис пригляделась к Клэри:

– Мне что, не стоило впускать его? Ты же вроде хотела поговорить с братом?

– Нет-нет, вы правильно поступили. – Ровный тон дался не без труда. – Просто я устала.

– Ну-ну... – Аматис сделала вид, что поверила. – Если понадобится – я наверху. Вздремну пока.

Клэри кивнула, хотя толком еще не знала, для чего Аматис может понадобиться. Слегка прихрамывая, Клэри прошла в залитую ярким светом кухню. На столе стояли чаша с фруктами – апельсины, яблоки, груши – и тарелка с толстыми ломтями хлеба с маслом и сыром. А еще... печенье.

Аматис напекла печенья?

Джейс сидел за столом, опершись на локти. Золотистые волосы взъерошены, ворот рубашки распахнут (вдоль ключицы виднеется плотная цепочка рун); рука, в которой Джейс держит печенье, забинтована. Значит, Себастьян сказал правду: братец таки поранился. Клэри, впрочем, за Джейса не испугалась.

– Наконец-то, – сказал Джейс. – Я уж испугался, что ты в канал свалилась.

Клэри, не говоря ни слова, села напротив. Интересно, увидит Джейс гнев в ее глазах? Брат тем временем откинулся на спинку стула, перебросив через нее руку. Если бы в этот момент у Джейса не дрогнул кадык, Клэри поверила бы в напускную беззаботность.

– Ты какая-то усталая. Где тебя весь день носило?

– Гуляла с Себастьяном.

– С Себастьяном?! – Ошеломленное лицо Джейса моментально окупило все страдания.

– Вчера он любезно проводил меня домой, – сообщила Клэри, а в душе все еще больно отзывалось слова: «Я тебе брат, и только. Брат». – Он единственный, кто обошелся со мной по-человечески. Та к что да, я была с Себастьяном.

– Понятно. – Джейс отложил печенье на тарелку. Его лицо сделалось совершенно невыразительным. – Клэри, я хочу извиниться. Не стоило говорить таких вещей...

– Да уж, не стоило.

– Еще я хотел спросить: ты готова вернуться в Нью-Йорк?

– Боже, ты опять...

– Здесь небезопасно.

– Чего бояться? – без интонаций спросила Клэри. – Что меня бросят в тюрьму, как и

Саймона?

Лицо Джейса оставалось бесстрастным, но сам он подался назад, будто от удара:

– Саймон?..

– Себастьян все рассказал, – продолжала говорить все тем же бесцветным голосом Клэри. –

И как ты приволок Саймона сюда, и как отдал его на растерзание Инквизитору... Добиваешься моей ненависти?

– Ты поверила Себастьяну? Давно ли вы знакомы!

Клэри уставилась на брата:

– Так он соврал?

Взгляд сестры Джейс выдержал, но лицо превратилось в маску – как у Себастьяна, стоило Клэри оттолкнуть незадачливого ухажера.

– Нет, это правда.

Схватив тарелку, Клэри метнула ее в Джейса. Тот увернулся, соскочив со стула, и «снаряд» ударил в стену над мойкой. Клэри схватила еще одну тарелку и швырнула ее, не глядя: скрикошетив от холодильника, посудина раскололась о пол на ровные кусочки.

– Как ты мог? Саймон доверял тебе! Где он теперь? Что с ним будет?

– Ничего. Саймон цел и невредим. Я навещал его прошлой ночью...

– До или после моего прихода? До или после того, как притворился, будто у тебя все хорошо?

– Так ты ушла из дома Пенхоллоу, думая, что у меня все здорово? – Джейс издал подобие смешка. – Значит, я актер хоть куда. – Парень криво усмехнулся. Зря – этим он словно бросил спичку в хворост сестринского гнева.

Как он смеет улыбаться! Клэри хотела схватить чашу с фруктами, но передумала. Отшвырнув с дороги стул, кинулась на брата. Прямой атаки он точно не ожидал... Правда, Клэри забыла, насколько Джейс ловок и быстр: он перехватил нацеленный в челюсть кулак и с силой опустил руку Клэри.

Брат и сестра оказались очень близко, вплотную друг к другу. Хрупкая Клэри навалилась на Джейса, прижимая его к кухонной стойке.

– Отпусти, – потребовала девушка.

– Чтобы ты меня тут же ударила? – сверкая глазами, спросил Джейс одновременно грубым и мягким голосом.

– Заслужил!

Его грудь затряслась от невеселого смеха.

– По-твоему, я все заранее продумал? По-твоему, я на такое способен?

– Саймона ты не любишь. Он тебе никогда не нравился.

Возмущенно крикнув, Джейс отпустил Клэри и, когда она отошла на шаг, поднял правую руку ладонью вверх. Клэри не сразу заметила неровный шрам на запястье.

– Я вскрыл себе вены, чтобы напоить кровью твоего дружка-вампира, – натянутым, словно струна, голосом проговорил Джейс. – Чуть не убил себя. И после этого я вот так запросто брошу его погибать?

Клэри неотрывно смотрела на шрам, на один из многих шрамов – всех форм и размеров, – покрывающих тело Джейса.

– Себастьян говорил, что ты уволок Саймона сюда, а после Алек отвел его в Гард. Позволил Конклаву бросить Саймона в темницу. Ты, наверное, знал обо всем...

– Саймона я сюда привел случайно. Пригласил в Институт, думая подговорить, чтобы он убедил тебя остаться в Нью-Йорке. Саймон, кстати, не согласился, если тебе от этого легче. Потом напали отреченные, и пришлось драться. Я пронес Саймона, смертельно раненного,

через портал.

– Тогда зачем предал Конклав? Знал же...

– В Гарде единственный рабочий портал. Конклав обещался вернуть Саймона в Нью-Йорк.

– И ты поверил? После того, что случилось с Инквизитором?

– Клэри, предыдущий Инквизитор – аномалия. Тогда ты столкнулась с Конклавом впервые, я – нет. Я нефилим, часть Конклава, который чтит правила.

– Не в этот раз.

– Да, не в этот раз, – устало согласился Джейс. – Хуже всего – вспоминать речи Валентина о том, как прогнал Конклав, как его надо очистить... Ангелом клянусь, он говорит дело.

Клэри не ответила. Сначала не нашла что сказать, потом онемела от удивления. Джейс привлек ее к себе, и Клэри не посмела сопротивляться. Сквозь белизну сорочки она видела черную вязь знаков, похожую на языки темного пламени. Захотелось прижаться щекой к груди Джейса, ощутить его объятия. Захотелось столь же сильно, как хотелось воздуха, когда Клэри тонула в озере Лин.

– Валентин прав, Конклав надо исправить, – согласилась она. – Ошибается Валентин в выборе средств. Сам видишь.

Джейс прикрыл глаза, и стали видны темные круги – следы бессонных ночей.

– Кажется, я уже ничего не вижу. Ты права, Клэри, твой гнев справедлив. Зря я доверился Конклаву. Та к отчаянно хотелось думать, что Инквизитор – исключение, что она действовала без ведома руководства, что слово Сумеречного охотника еще ценится...

– Джейс, – прошептала Клэри.

Открыв глаза, он посмотрел на нее сверху вниз. Они стояли так близко, что почти прижимались друг к другу. Клэри слышала, как бьется сердце Джейса.

«Отойди от него», – велела себе Клэри, однако ноги не слушались.

– Что такое? – мягко спросил Джейс.

– Хочу повидать Саймона. Отведешь к нему?

Джейс отпустил ее столь же резко, сколь и прижал к себе:

– Нет. Тебе и в Идрис-то нельзя, а ты в Гард намылилась!

– Саймон решит, что все его бросили. Подумает...

– Я ходил к нему, – напомнил Джейс. – Собирался даже вызволить, сломать решетку собственными руками, – обыденным тоном произнес он. – Саймон сам не позволил.

– Не позволил? Добровольно остался в тюрьме?

– Он рассказал, что Элдертри копает под меня и под мою семью. Хочет свалить на нас ответственность за случившееся в Нью-Йорке. Никого из Лайтвудов пытать не дадут, поэтому Инквизитор взялся за Саймона, хочет, чтобы он оболгал нас. Будто мы в сговоре с Валентином. Поэтому и выкрасть Саймона из темницы нельзя – Элдертри догадается, кто спас вампира, и проблема только обострится.

– Благородно, конечно, со стороны Саймона, но что он задумал? Остаться в тюрьме навсегда?

Джейс пожал плечами:

– Стратегию мы обсудить не успели.

– Мальчишки... – устало вздохнула Клэри. – Ладно, обеспечим тебе и Лайтвудам алиби: идите в людное место, а мы подрядим Магнуса Бейна – вызволим Саймона из тюрьмы и отправим домой.

– Вряд ли Магнус кинется помогать только потому, что считает Алека симпатичным.

– Есть другой приз – Белая книга.

– Белая... что? – моргнув, переспросил Джейс.

Клэри быстро поведала о смерти Фелла, о том, что в доме погибшего мага встретился Магнус, и о книге заклинаний. Джейс слушал затаив дыхание.

– Демоны? Фелла убили демоны?

– Нет. – Клэри покопалась в памяти. – В доме воняло чем-то демоническим, и Фелла убили «прислужники Валентина». Так сказал Магнус.

– Бывает, заклятия черной магии имеют след, пахнувший точь-в-точь как демоны. Если Магнус ничего не уточняет, значит, побаивается. Где-то поблизости бродит маг-преступник... Валентин, правда, не первый раз посылает дитя Лилит на грязную работу. Помнишь, как он убил паренька-мага в Нью-Йорке?

– Забрал у него кровь для ритуала. Помню... – Клэри вздрогнула. – Джейс, Валентину Белая книга нужна затем же, зачем и мне? Разбудить Джослин?

– Вполне вероятно. Или если Магнус прав насчет силы книги, то Валентин может искать трактат ради заключенной в нем мощи. Так или иначе, найти книгу надо раньше Валентина.

– Как по-твоему, она до сих пор в поместье Вэйландов?

– Уверен, – ответил Джейс, немало удивив Клэри. – В семейной библиотеке только одна поваренная книга. И я видел ее на месте.

Голова закружилась. Клэри просто не верила, что появился шанс.

– Джейс... Отведи меня в поместье, помоги найти книгу, и я вернусь в Нью-Йорк вместе с Саймоном. Ноги моей здесь больше не будет, обещаю.

– Магнус прав, поместье защищено плутающими чарами, – медленно проговорил Джейс. – Я провожу тебя в дом, но путь неблизкий. Пешком – часов пять.

Клэри вынула из кармашка на поясе у Джейса стило. Инструмент светился бледным светом, похожим на сияние башен.

– Пешком идти необязательно.

* * *

– Странные к тебе гости приходят, – заметил Сэмюель. – Джонатан Моргенштерн, глава нью-йоркского братства вампиров... Я впечатлен.

Джонатан Моргенштерн? Ах да, это полное имя Джейса.

Саймон сидел на полу, лениво вертя в руках пустую флягу:

– Я, видать, важнее, чем думал.

– Ну а кровь тебе принесла Изабель Лайтвуд. Какой сервис!

Саймон поднял голову:

– Откуда вы знаете? Я не говорил...

– Я видел ее в окно. Дева пошла в мать... по крайней мере, Изабель похожа на Маризу в детстве. – Повисла неловкая пауза. – Учти, гостинец в виде крови – решение временное. Скоро Инквизитор проверит, не помер ли ты с голоду. Застанет тебя сытым, догадается обо всем и уморит иным способом.

Саймон посмотрел в потолок: рунические письмена перемежались и накладывались друг на друга, словно песок и галька на пляже.

– Лучше довериться Джейсу, он обещал найти выход. – Сэмюель ничего не ответил, и тогда Саймон добавил: – Я и вас попрошу вызволить. Честно.

Сэмюель издал придушенный звук, похожий на смех, который так и не сумел вырваться из глотки.

– Сомневаюсь, что Джейс Моргенштерн захочет спасти меня. К тому же голод – меньшее из

зол для тебя. Скоро на Аликанте нападет Валентин, и тогда всем конец.

– Вы так уверены?

– Когда-то я был близок к Валентину, знал все его планы и цели. Он хочет разрушить защитные барьеры Аликанте и ударить по Конклаву в самое сердце.

– Говорят, что в Аликанте демонам не пройти, что барьер непроницаем.

– Говорить-то говорят... Барьер снять можно изнутри, используя кровь демона. Однако демоны в город пройти не могут, и посему мы имеем идеальный парадокс. Валентин однажды поклялся, что отыщет способ снять барьер. Я верю, так и случится: Валентин изыщет лазейку, найдет на город армию демонов и всех погубит.

От спокойной уверенности в голосе Сэмюэля по спине побежали мурашки.

– Вы как будто смирились. Не лучше ли предпринять какие-то действия? Предупредить Конклав?

– Я предупреждал – на допросах. Говорил им, говорил, что Валентин хочет проникнуть в город и разрушить барьер, но Конклав не поверил. Якобы барьер простоял тысячу лет и потому стоять будет вечно. Мало им Рима. Ведь когда-нибудь всему приходит конец. – Сэмюэль рассмеялся, горько и гневно одновременно. – Сиди, светолуб, и гадай, кто первым убьет тебя: Валентин, иная нежить или Конклав.

* * *

Оказавшись между «там» и «здесь», Клэри против воли выпустила руку Джейса. Вихрь выплюнул ее посреди комнаты – одну, без брата.

Прокатившись по полу, Клэри села. Ее выбросило в самой середине комнаты: персидский ковер, каменные стены, мебель, накрытая белыми простынями и оттого похожая на горбатых призраков; на больших окнах – посеревшие от пыли бархатные портьеры. В лунном свете танцуют пылинки.

– Клэри? – Джейс вышел из-за накрытого простыней рояля. – Ты цела?

– Ага. – Клэри хотела подняться и поморщилась от боли в ушибленном локте. – Правда, когда вернемся, Амалис убьет меня за битую посуду и портал, открытый прямо посреди кухни.

Джейс подал ей руку:

– Лично меня ты впечатлила, чего бы нам переход ни стоил.

– Спасибо. – Клэри еще раз огляделась. – Так вот где ты рос. Похоже на домик из сказки.

– Скорее на декорации к фильму ужасов. Господи, как давно я не был дома! Уж больно тут...

– Холодно? – Клэри поежилась и застегнула плащ на все пуговицы. Однако холодом веяло не столько физически; в доме как будто никогда не топили, не зажигали света, не веселились.

– Нет, холод дома стоял всегда. Я про пыль. – Джейс достал из кармана и зажег ведьмин огонь. Магическое сияние подсветило его лицо, выхватив впадины под скулами и на висках. – Мы в кабинете, а нужно в библиотеку. Идем.

Он повел сестру по длинному, сплошь увешанному зеркалами коридору. Клэри глянула на свое отражение и ужаснулась: плащ в пыли, волосы растрепались. Украдкой она хотела привести себя в порядок и уже в следующем зеркале заметила, как ухмыляется брат. Его-то волосы – несомненно, благодаря магии нефилима – оставались в безупречном порядке.

За открытыми дверьми Клэри видела точно такие же пыльные бесхозные комнаты, как и рабочий кабинет. Валентин говорил, у Майкла Вэйланда родни не осталось. Похоже, после «смерти» владельца Валентин занял поместье, однако причина упадка была явно в другом.

Стены дома дышали скорбью и забвением. У Ренвика Валентин назвал поместье домом и показал Джейсу через порталное зеркало воспоминания о зеленых лугах и забытом поместье. Воспоминания в позолоченной раме... Врал, конечно, сейчас Клэри это отчетливо поняла. Валентин никогда здесь толком не жил: скорее всего, оставил поместье гнить без присмотра, лишь изредка наведываясь и бродя по нему, словно призрак.

Джейс плечом толкнул последнюю дверь и пропустил Клэри вперед. Библиотека нисколько не походила на институтскую: обычная комната, наполненная книжными полками, к которым крепятся лестницы на роликах. Под плоским потолком видны балки. Зеленых бархат портьер, словно изморозью, покрыт вездесущей пылью. Зеленое и синее оконное стекло в лунном свете льдисто поблескивает. За ним, снаружи, царит плотная чернота.

– Это и есть библиотека? – прошептала Клэри, боясь нарушить покой огромного пустого дома.

Джейс смотрел мимо нее, углубившись в воспоминания:

– Вон у того окна, в кресле, я читал все, что велел отец. Учил языки: по субботам – французский, по воскресеньям – английский. В какой день латынь – не помню. Понедельник ли, вторник?..

Клэри внезапно представилось, как десятилетний Джейс сидит с книгой на коленях и смотрит в окно... Куда? На сады? На высокую стену с шипами, вроде той, что окружала замок Спящей красавицы? На чересчур серьезное лицо Джейса падают квадратики зеленого и синего света...

– Забыл, – пробормотал Джейс.

Клэри погладил его по плечу:

– Теперь это неважно.

– Да, наверное. – Джейс встряхнулся, будто просыпаясь ото сна, и пошел вдоль рядов книг. Присел возле одного и взял с нижней полки томик: – «Простые рецепты для домохозяек». Вроде она.

Клэри поспешила к Джейсу и взяла у него книгу – совершенно обычную, в синем переплете. Стоило открыть ее, как со страниц, подобно моли, взметнулись хлопья пыли.

В страницах был вырезан тайник, в котором, будто драгоценный камень – в оправе, лежала книга меньших размеров: переплет из белой кожи и золотое тиснение на латыни. Клэри разобрала слова «белая» и «книга», однако в причудливой вязи на страницах самого трактата не поняла ни слова.

– Греческий. – Джейс заглянул в книгу из-за плеча Клэри. – Точнее, древнегреческий.

– Читать на нем можешь?

– С трудом, – признался брат. – Я греческий давно учил. Зато Магнус без проблем прочитает. Джейс закрыл книгу и сунул Клэри в кармана плаща. Затем пальцами пробежался по корешкам остальных книг на полках.

– Осталось еще что-нибудь? – деликатно поинтересовалась Клэри. – Если хочешь...

Джейс в ответ рассмеялся:

– Отец давал читать книги, «пригодные для образования». Прочих даже трогать не разрешал. – Джейс ткнул пальцем в ряд томов в одинаковых коричневых переплетах. – В шесть лет я достал одну и заглянул – интересно стало, чего отец над ней так трясется. Оказалось, это его дневник, «Записки о моем сыне Джонатане Кристофере». Обо мне. Отец, конечно, всыпал за проступок ремня. Зато я узнал свое второе имя.

Клэри охватил внезапный приступ ненависти к отцу:

– Ну сейчас-то Валентина в доме нет.

– Клэри... – позвал было Джейс, но поздно: сестра схватила с запретной полки том и

швырнула его на пол. Так ему! – Клэри!

– Не будь занудой! – Клэри сбрасывала с полок книги, одну за другой, поднимая тучи пыли. – Давай и ты!

Секунду Джейс смотрел на Клэри, затем уголок его рта изогнулся в усмешке. Громко рассмеявшись, нефилим смахнул с полки остаток книг... и вдруг насторожился, подобно кошке, уловившей подозрительный звук:

– Слышишь?

«Что?» – хотела спросить Клэри, но тут и до нее дошло: в стене закрипел, оживая, древний механизм. Клэри невольно отступила с места – как раз вовремя, потому что стена разошлась, открывая проход с неровными краями.

За ним шли ступеньки, уводящие во тьму подвала.

– Что-то я не припомню этого спуска, – сказал Джейс, глядя в темноту прохода.

Он подсветил ведьминым огнем, и Клэри увидела гладкие стены из неизвестного черного камня. Ступеньки влажно поблескивали, снизу доносился странный запах: сырость, затхлость с подозрительным металлическим оттенком, от которого становилось сильно не по себе.

– Что там внизу?

– Не знаю. – Ступив на первую ступеньку, Джейс как будто примерился. Затем пожал плечами и, словно плюнув на все, стал спускаться. Обернулся и позвал: – Клэри, ты со мной? Если хочешь, оставайся наверху и жди.

Оглянувшись на библиотеку, Клэри вздрогнула и поспешила вслед за братом.

Ступеньки вели вниз по спирали, сужавшейся подобно раковине гигантского моллюска.

Запах усиливался по мере приближения ко дну, и вот наконец лестница вывела в большую квадратную комнату: стены покрыты мхом, плесенью и еще какими-то темными пятнами; на полу мешанина пентаграмм и рунических символов; повсюду разбросаны белые камни.

Под ногой у Джейс хрустнуло, и он одновременно с Клэри посмотрел вниз: кости – а вовсе не белые камни – усеивали пол. Кости всех форм и размеров.

– Чем он тут занимался? – выдохнула Клэри.

Белесое свечение ведьминог огня добавляло мрачности в общую атмосферу подвала.

– Валентин проводил эксперименты, – сухим, напряженным голосом произнес Джейс. – Королева Летнего двора рассказывала...

– Чьи это кости? Животных?

– Нет. – Джейс мыском ботинка разбросал кучку костей. – По крайней мере, не все.

Клэри стало трудно дышать.

– Уйдем отсюда.

Джейс не сдвинулся с места. Лишь поднял ведьмин огонь над головой, и камень, засияв ярче, высветил углы комнаты: три пустых, в четвертом – нечто, скрытое ширмой.

– Джейс, – прошептала Клэри. – Что это?

Джейс не ответил, но в руке у него уже сверкал клинок серафима, будто ледяной в резком белом свете.

– Не надо, – попросила Клэри, однако Джейс подцепил острием клинка краешек ширмы, а потом и вовсе сдернул. В воздухе бутоном распустилось облако пыли.

Выронив ведьмин огонь, Джейс попятился. Его лицо превратилось в белую маску ужаса, и Клэри поспешила поднять магический камень, пока тот совсем не угас. Она хотела разглядеть, что же такое повергло в шок Джейса – Джейса, потрясти которого не может ничто.

Поначалу Клэри разглядела фигуру человека, цепями прикованного к стене и полу, – накрытый брезентом, тот лежал, скрючившись, на камнях.

Он еще жив?! К горлу подступила тошнота. Рука Клэри задрожала, и по спине узника запрыгали пятна света. Страшно худые конечности были покрыты следами бесконечных пыток. Пленник обратил на девушку взгляд пустых глазниц; послышалось сухое шелестение, и Клэри увидела: то, что она поначалу приняла за брезент, оказалось крыльями. Белоснежными крыльями – единственным светлым пятном в этой грязной комнате.

Клэри ахнула:

– Джейс. Ты видишь...

– Да. – Голос Джейса сильно надломился, будто стекло треснуло.

– Ты же говорил, что ангелов не осталось... и никто не видел их...

Джейс еле слышно выругался и шагнул навстречу ангелу, но его отбросило назад. Ангел скорчился внутри пентаграммы из рунических линий. Нанесенные глубокой резьбой на пол, значки слабо светились.

– Руны, – тихо сказала Клэри. – Их не обойти...

– Должен быть способ, – чуть не плача ответил Джейс. – Должен.

Ангел поднял голову: золотистые вьющиеся локоны того же оттенка, что и у Джейса. Изборожденное шрамами лицо напоминает порченный вандалами шедевр живописи. Раскрыв рот, существо издало какой-то звук, однако с губ сорвались не слова, а музыка – пронзительная чистая мелодия на одной-единственной высокой ноте. Такая сладкая, что защемило сердце...

Перед глазами у Клэри замелькали образы из прошлого. Их поток подхватил ее и унес туда, где не было ни сырого подвала, ни света ведьминог огня. Только звуки, цвета и события.

Клэри оказалась в винном погребе: сухо, чисто и совершенно пусто; посередине на полу начертана единственная руна, и подле нее – мужчина с раскрытой книгой в одной руке и белым факелом – в другой. Мужчина поднял голову, и Клэри узнала отца: молодого, без морщин и привлекательного; взгляд его темных глаз был ясен. Валентин начал читать заклинание, и руна загорелась пламенем. Когда же пламя стихло, в пределах знака, усыпанного пеплом, уже валялся ангел – распластав окровавленные крылья, словно подбитая птица...

Образ ушел, уступив место следующему: Валентин стоит у окна, а рядом с ним – рыжеволосая девушка. Валентин потянулся обнять ее, и Клэри заметила у него на пальце знакомое серебряное кольцо. С болью в сердце Клэри узнала маму – только та была моложе, ее лица еще не тронули ни годы, ни страдания. Под белой ночной сорочкой явственно проступал округлый живот.

– Договор о перемирии, – сердито говорил Валентин, – не просто худшая идея Конклава. Страшнее нефилимы ничего представить не могли. Нам теперь мириться с нежитью, с этими тварями...

– Валентин, – с улыбкой проговорила Джослин, – довольно о политике.

Глядя на мужа глазами полными любви, Джослин обхватила его за шею. Любовью наполнились и глаза Валентина, но Клэри заметила в них оттенок иного чувства, и оттого по спине побежали мурашки...

Валентин стоял на коленях в кругу деревьев; в центре опушки он начертил пентаграмму, и листья, что оказались прямо над знаком, ссохлись, почернели. Посреди пятиконечной звезды сидела женщина: точеная фигура, блестящие волосы, лица в тени не видно; кожа оголенных рук чиста и белоснежна. Левая кисть раскрыта над чашей у края пентаграммы, из длинного пореза в сосуд стекает кровь – черная в свете луны. А может, она черна и по своей природе.

– Ребенок, в чьих жилах потечет эта кровь, – заговорила женщина, – силой своей превзойдет демонов, что обитают в бездне между мирами. Он станет могущественней Асмодея^[6] и шедим^[7]. Если обучить его должным образом, он сумеет все на свете. И предупреждаю: она вытравит из него все человеческое.

– Благодарю, госпожа Едома^[8]. – Валентин потянулся за чашей, и женщина взглянула на него. От ужаса Клэри чуть не взвизгнула: женщина была прекрасна, но в пустых глазницах у нее извивались черные щупальца.

Ночь и лес ушли. Джослин стояла напротив невидимого Клэри собеседника – уже не беременная. Волосы разметались по встревоженному, полному отчаяния лицу.

– Я не могу, Рагнор. Ни дня больше не останусь в его доме. Я прочла дневник, и знаешь, что он сотворил с Джонатаном? Все границы перешел! – Джослин трясло. – Он взял кровь демона и... и... Джонатан не ребенок. Не человек. Он чудовище!..

Джослин исчезла. Валентин метался по комнате, обнажив клинок серафима.

– Не молчи, – говорил он. – Отвечай. Почему не отвечаешь?

Он полоснул клинком по телу ангела, и из раны будто заструился жидкий солнечный свет.

– Ладно, молчи, – прошипел Валентин. – Мне и моим близким послужит твоя кровь.

Клэри перенеслась в библиотеку Вэйландов. Из соседней комнаты доносились смех и громкие голоса – шел праздник, а Джослин одна прокралась в библиотеку. У стеллажа огляделась и, вытащив из кармана толстый том, поставила его на нижнюю полку...

Библиотека и мама исчезли. Перед Клэри возник подвал, в котором она стояла в этот самый момент. В одном из углов – все та же пентаграмма, и в центре – ангел. Валентин, постаревший, далеко не молодой, сжимает в руке светящийся клинок серафима.

– Итуриэль. Давненько мы с тобой знакомы. Я мог бы бросить тебя заживо погребенным под руинами того дома, но нет, принес сюда. Держал близко к себе столько лет, надеясь, что ты отдашь желаемое – необходимое! – знание. – Вытянув руку с клинком вперед, Валентин подошел к ангелу, и невидимый барьер замерцал отраженным пламенем оружия. – Призывая тебя, я жаждал ответа: зачем Разиэль создал Сумеречных охотников, не наградив их силой нежити – ни скоростью волка, ни бессмертием дивного народца, ни талантом магов, ни выносливостью вампиров? Перед лицом исчадий ада он оставил нас обнаженными, наградив лишь знаками. Почему враг сильнее Охотников? Почему нам не взять себе его мощь? Разве не будет это справедливо?

В пределах пентаграммы ангел сидел неподвижно, сложив крылья, словно мраморная статуя. Видя в глазах пленника одну лишь неизбывную скорбь, Валентин скривился:

– Что ж, молчи, молчи пока. У меня еще есть средства убеждения. – Валентин поднял клинок. – Я достал Чашу, а скоро завладею и Мечом, но без Зеркала не могу начать обряд Призыва. Мне только Зеркало и нужно. Скажи, где оно, – и я позволю тебе сдохнуть.

Видение распалось на осколки, и перед Клэри замелькали фрагменты давних снов: ангелы с черно-белыми крыльями, отраженные в зеркале водные просторы, золото и кровь... и Джейс, который отворачивается от нее всякий раз. Клэри потянулась к брату, и в голове раздался голос ангела:

«Я не впервые посылаю тебе сны».

Перед мысленным взором полыхнула фейерверком руна – незнакомая, но сильная и в то же время простая, как обыкновенный узел. Знак погас, и вместе с ним пропало пение. Клэри открыла глаза – вернулась в свое тело, топтавшееся в зловонном подвале. Ангел сидел неподвижный, сложив крылья, напоминая печальную пародию на самого себя.

Клэри выдохнула со всхлипом:

– Итуриэль. – Она протянула руки, хотя прекрасно понимала, что прикоснуться к нему не сможет. Годами ангел сидел здесь, в подземелье, храня молчание в гордом одиночестве, голодая и не в силах умереть.

По встревоженному лицу Джейса было ясно, что ангел и ему открыл страницы прошлого. Нефилим взглянул на клинок, затем – вновь на Итуриэля. Лицо небесного создания выражало немую мольбу.

Джейс сделал шаг вперед, потом еще один. Взгляд его оставался прикован к ангелу, как будто между Охотником и пленником Валентина установилась связь и шел неслышный разговор. Глаза Джейса горели золотым огнем, как будто отражая солнце.

– Итуриэль, – прошептал он.

Клинок у него в руке засиял ярче факела. Итуриэль словно увидел ослепительный блеск даже без глаз. Он вытянул руки навстречу нефилиму, немелодично звеня цепями.

Джейс обернулся к сестре:

– Клэри. Руны.

Руны... Секунду Клэри озадаченно смотрела на Джейса, затем опомнилась. Отдала ему ведьмин огонь и со стило в руке присела у края пентаграммы. Рунические линии как будто высекли в полу чем-то острым.

Клэри взглянула на Джейса и испугалась его взгляда – брат смотрел на сестру глазами полными веры, без капли сомнения в ее способностях. Клэри начертила на полу несколько рун, меняя символы оков на символы освобождения, знаки плена – на знаки свободы. Руны вспыхивали, как будто Клэри не стило по камню водила, а спичкой – по ребру коробка.

Закончив, она поднялась на ноги. Джейс встал рядом; ведьмин огонь он убрал, и единственным источником света теперь служил клинок, названный по имени ангела. Джейс вытянул руку, и оружие прошло над руническим барьером, словно преграды не было.

Итуриэль принял оружие, смежив веки и как будто улыбнувшись. Приставил острие к груди. Клэри дернулась вперед, но Джейс, будто клещами, схватил ее за руку и вернул на место.

Ангел пронзил себя. Голова откинулась, руки выпустили рукоять, которая торчала ровно из того места, где, по идее, должно быть сердце. Если только у ангелов оно есть. Из раны брызнули огни; тело осветилось белым пламенем, и кандалы покраснели, будто их надолго оставили в кузнечном горне. Вспомнились средневековые изображения святых, обьятых огнем религиозного экстаза...

Итуриэль развернул крылья, сияющие белым, и они загорелись.

Не в силах больше смотреть, Клэри уткнулась в плечо Джейсу, и брат обнял ее – крепко-крепко.

– Все хорошо, – шептал он, зарывшись лицом в волосы Клэри. – Не бойся.

Подземелье наполнилось дымом, и пол под ногами пошел ходуном. Лишь когда Джейс сам качнулся, Клэри поняла: пол и в самом деле движется. Камни терлись о камни, и с потолка сыпалась известка. Ангел превратился в столб дыма; от сияния пентаграммы резало глаз, но Клэри вчиталась в руны. Расшифровав их, она дикими глазами посмотрела на Джейса:

– Поместье. Оно было завязано на ангеле. С его смертью дом...

Договорить Клэри не успела – Джейс схватил ее за руку и понесся к выходу. Лестница разваливалась прямо под ногами, и Клэри оступилась, ударилась коленкой. Джейс, впрочем, хватки не ослабил и потащил сестру дальше. Клэри едва поспевала за ним, стараясь забыть про боль, глотая удушливую пыль.

Добравшись до выхода, они вылетели в библиотеку. Позади с глухим рокотом лестница обрушилась окончательно.

Здесь, наверху, творилось то же светопреставление: комнату трясло, с полок дождем сыпались книги. Упала и раскололась статуя. Джейс схватил стул и – Клэри не успела опомниться – швырнул его в окно.

Зазвенели цветные осколки. Джейс протянул руку Клэри: мол, хватайся, – но Клэри испугалась высоты. Джейс глянул ей за спину, и глаза у него полезли на лоб, губы изогнулись в немом предупредительном крике – с верхней полки падал мраморный бюст. Клэри едва успела отскочить в сторону. Бах! На полу осталась глубокая вмятина.

Миг – и Джейс подхватил сестру на руки. Она даже пикнуть не успела, как Джейс подскочил к окну и без лишних церемоний выпихнул ее наружу.

Приземлившись, Клэри покатила вниз по крутому склону. Больно ударилась о какой-то камень и остановилась. Пока она вытряхивала траву из волос, прибыл Джейс – в отличие от сестры, он ловко сгруппировался.

Стоя по-звериному на четвереньках, нефилим смотрел, как рушится дом. Клэри хотела

проследить за взглядом брата, но тот потащил ее дальше, к ложбинке между двух холмов. От стальной хватки позднее у Клэри выступят синяки, а сейчас она покорно следовала за Джейсом. Тот повалил ее на землю, прикрывая собственным телом. В ту же секунду со стороны дома оглушительно загрохотало, будто земля раскололась, будто извергся вулкан. В воздух ударил столб белого дыма. По земле застучало, и на долю секунды Клэри показалось, что начался дождь. Это сыпались камни, земля и осколки стекла – смертоносный град из останков дома.

Джейс еще плотнее прижал Клэри к земле. Его сердце грохотало так же громко, как распадающееся на части поместье.

Грохот постепенно стих, исчез, как исчезает дым в воздухе. На смену ему пришло возбужденное пение птиц. Клэри видела над плечом у Джейса, как мечутся на фоне темного неба их силуэты.

– Джейс, – тихо позвала Клэри. – Кажется, я потеряла твое стило.

Он слегка приподнялся на локтях и посмотрел на сестру. Даже в темноте Клэри заметила свои отражения у него в глазах. Лицо Джейса покрывали пыль и сажа; рукав сорочки порвался.

– Забудь. Главное, что ты цела.

– Цела, цела. – Клэри невольно провела рукой по волосам Джейса, и тот напрягся. Глаза его потемнели. – Я просто травинку убрала. – Во рту пересохло, в крови еще гудел адреналин. И ангел, и разрушенный дом казались какими-то нереальными.

– Не трогай меня.

Рука Клэри замерла у щеки Джейса.

– Почему?

– Сама знаешь. – Джейс перекатился на спину. – Ты видела то же, что и я: прошлое, историю ангела. наших родителей.

Первый раз он сказал не «твои», а «наши родители». Клэри повернулась на бок. Руки так и тянулись к Джейсу... Брат на нее даже не взглянул; его невидящий взгляд был устремлен в небо.

– Да, видела.

– Значит, понимаешь, что я такое, – с болью в голосе прошептал Джейс. – Я демон, Клэри, во мне течет кровь тьмы. Ты это прекрасно понимаешь. – Слова, будто сверла, впились в мозг. – Ты видела, как Валентин брал кровь у демона и одарил ею меня. Во мне живет чудовище. То, с чем я всеми силами боролся, уничтожал.

Сами собой вспомнились слова отца: «Твоя мать обвинила меня в том, что я превратил ее первенца в чудовище, и сбежала, чтобы не дать мне сделать то же самое со вторым ребенком».

– Все маги отчасти демоны. Магнус, например. Он же не злой...

– В моих жилах течет кровь высшего демона. Ты ведь слышала, что сказала та женщина.

«Вытравит из него все человеческое, как яд лишает жизни кровь...»

– Неправда! Такого не может быть. Бред какой-то...

– Нет, это правда, – отчаянно возразил Джейс. На голой шее у него тускло поблескивала серебряная цепь. – Теперь многое становится ясно.

– Ясно, что ты потрясающий Охотник? Бесстрашный, преданный, честный – наделенный всеми качествами, которых демоны лишены?

– Ясно, почему, – ровным голосом проговорил Джейс, – я так отношусь к тебе.

– В каком смысле?

Джейс замолчал и долго смотрел на Клэри.

– Мы брат и сестра. Ты мой родич, моя кровь. Я, по идее, должен защищать тебя. – Джейс беззвучно и невесело рассмеялся. – Защищать от парней, подкатывающих к тебе с дурными намерениями, с какими я сам не прочь к тебе подкатить.

У Клэри перехватило дыхание.

– Ты сказал, что хочешь быть мне братом.

– Пришлось соврать. Демоны постоянно лгут, Клэри. Сумеречные охотники получают иногда раны, невидимые глазу. От яда демона, например, открывается внутреннее кровотечение. Ты медленно истекаешь кровью, сам о том не зная. Быть тебе только братом – для меня то же, что умирать от такой раны.

– А как же Алина?..

– Я должен был попытаться полюбить кого-то другого, – безжизненным голосом ответил Джейс. – Но, Бог свидетель, мне никто, кроме тебя, не нужен. Я думать ни о ком другом не хочу. – Джейс провел кончиками пальцев по волосам Клэри, по ее щеке. – И теперь знаю почему.

– Мне тоже никто другой не нужен, – прошептала Клэри.

Поразительно, однако теперь дыхание перехватило у Джейса. Он приподнялся на локтях и посмотрел на Клэри сверху вниз. Выражение его лица изменилось, в его взгляде Клэри заметила незнакомый сонный, почти мертвенный блеск.

Джейс пальцем провел по ее щеке, вдоль линии губ:

– Тебе лучше остановить меня.

Клэри не остановила. Она устала говорить Джейсу «нет», устала запрещать себе чувствовать то, чего хочет всем сердцем. Плевать на цену.

Джейс наклонился и легонько коснулся губами ее щеки. Даже от еле заметного прикосновения Клэри затрепетала всем телом.

– Если не хочешь, останови меня прямо сейчас, – говорил Джейс, проводя губами ей по виску. – Или сейчас. – Дошел до скулы. – Или сейчас. – Настал черед губ. – Или...

Клэри не дала ему договорить, притянула к себе. Джейс целовал ее очень нежно, но хотелось другого – теперь-то, когда наконец они вместе! Клэри ухватила Джейса за рубашку и еще тесней прижала к себе.

Джейс мягко, гортанно застонал, обнимая Клэри.

Они покатались по траве, не размыкая губ. Камни впивались в тело, и плечо ныло в том месте, которым Клэри ударилась, выпав из окна. Плевать. Она забыла обо всем, кроме Джейса: им она дышала, надеялась. Его хотела.

Остальное ушло.

Даже через плащ Клэри ощущала жар, исходящий от Джейса. Стащила с брата куртку вместе с рубашкой и кончиками пальцев прошла по торсу – по нежной коже, под которой скрывались гибкие мышцы, по шрамам, похожим на тонкую проволоку. Коснулась звездообразного шрама на плече – он, будто часть тела, не выпирал как остальные рубцы, казавшиеся несовершенством, изъянами. Правда, теперь Клэри считала рубцы вехами, вырезанной в плоти летописью бесконечной войны.

Дрожащими пальцами Джейс взялся за пуговицы плаща. Прежде Клэри не видела, чтобы руки у Джейса дрожали.

– Я сама. – Она потянулась к верхней пуговице, и тут что-то холодное, металлическое ударило по ключице. От удивления Клэри ахнула.

– Что такое? – встревожился Джейс. – Я сделал тебе больно?

– Нет. Все эта штука. – Клэри имела в виду цепочку на шее у Джейса, на которой болтался металлический кружок. Клэри присмотрелась.

Кольцо – потертое кольцо со звездным узором. Знакомое.

Перстень Моргенштернов. Его Клэри и Джейс видели на руке Валентина, когда ангел открыл свое прошлое. Валентин передал реликвию Джейсу, как отец – сыну.

– Прости, – сказал Джейс, проводя кончиком пальца вдоль линии шеи Клэри. Глаза у него светились небывалой энергией. – Запомню, что ношу эту дрянь.

Все внутри Клэри похолодело.

– Джейс, – еле слышно попросила она. – Джейс, погоди. Не надо.

– Чего не надо? Кольцо носить?

– Нет... не надо... Не трогай меня. Погоди секунду.

Джейс на мгновение замер. Желание в глазах сменилось вопросительным выражением, и парень убрал руку от лица Клэри.

– Джейс, почему? Почему именно сейчас?

Он только раскрыл рот от удивления. На нижней губе отчетливо выделялась темная линия от укуса. Сам ли он губу прикусил или Клэри – в приступе страсти?

– В каком смысле, почему сейчас?

– Ты сказал, что между нами ничего быть не может, что нам нельзя поддаваться желанию. Так мы причиним боль нашим близким.

– Да, я солгал. – Взгляд Джейса смягчился. – По-твоему, я не хочу...

– Нет. Я же не глупая, вижу, как ты меня хочешь. Просто ты сказал, будто «наконец понял почему». Что ты хотел этим сказать?

Не то чтобы Клэри не знала ответ. Она хотела услышать его от Джейса.

Джейс взял ее за руки и поднес их к своему лицу, переплетая пальцы с пальцами Клэри:

– Помнишь, в доме Пенхоллоу я сказал: ты не думаешь о последствиях своих поступков и потому вредишь окружающим?

– Нет. Спасибо, что напомнил.

Сарказма в ее голосе Джейс не заметил.

– Та к вот, я имел в виду не тебя, а себя. Таков я истинный. – Он погладил себя по щеке пальцами Клэри. – Но теперь я хотя бы знаю, в чем дело. Знаю, что со мной не так. По той же причине, наверное, я и хочу тебя. Если Валентин сделал из меня демона, то из тебя он сотворил ангела. Люцифер любил Бога, если верить Мильтону.

Клэри судорожно втянула воздух:

– Я не ангел. И ты даже не знаешь, для этого ли использовал Валентин кровь Итуриэля. Может, он взял ее себе?..

– Отец сам говорил: кровь «для меня и моих близких», – тихо напомнил Джейс. – Теперь-то ясно, откуда в тебе столько силы. Королева Летнего двора сказала: мы с тобой оба – результат опытов. Не я один.

– Джейс, – повторила Клэри, – я не ангел. Не возвращаю книги в библиотеку, бесплатно качаю музыку с торрентов и вру маме. Как обычная девчонка.

– Не для меня. – Звезды сияющем ореолом обрамляли голову Джейса. Заносчивости и гордыни как не бывало. Клэри впервые видела Джейса таким открытым и беззащитным, но даже эта беззащитность имела следы глубокой ненависти к себе самому. – Клэри, я...

– Слезь с меня.

– Что? – Желание в его глазах рассыпалось на тысячи осколков, как порталное зеркало у Ренвика. Джейс пораженно взглянул на Клэри, и ей сделалось невыносимо: как можно быть рядом и вместе с тем отказывать в близости? Пусть Клэри и не любит Джейса, частичка Джослин в сердце дочери – та, что любит прекрасное за одну только красоту, – все еще тянется к Джейсу.

Но Клэри – дочь Джослин, и потому-то она не может сблизиться с ним.

– Ты слышал. И руки отпусти.

Она высвободилась и сжала кулаки, чтобы не было видно, как трясутся пальцы. Джейс не пошевелился. Поджав губы, он продолжал смотреть на Клэри, и в его глазах мелькнули хищные огоньки вперемешку с гневом.

– Объясняться ты, конечно, не станешь?

– Если думаешь, будто тебя влечет ко мне потому, что ты злой и в тебе нет ничего человеческого, то я не желаю быть доказательством. Подтверждением того, какое ты ничтожество.

– Я такого не говорил. Я не использую тебя.

– Вот и славно. Тогда скажи, что ты не чудовище и хотел бы меня, даже если бы в твоих жилах не текла демонова кровь. – «Потому что сама я не демон. И все равно хочу тебя».

Полным слепой ярости взглядом Джейс посмотрел в глаза Клэри. На какое-то время оба затаили дыхание, потом Джейс резко поднялся. Отыскал рубашку, натянул ее через голову и, глянув еще раз на Клэри, отвернулся в поисках куртки.

Клэри тоже встала на ноги, которые как будто превратились в восковые. От холодного ветра руки покрыла гусиная кожа. Онемевшими пальцами Клэри стала застегивать плащ. Страшно хотелось плакать, но она себя сдерживала. Слезами тут не поможешь...

В воздухе еще висели пыль и пепел. В траве лежали обломки мебели, трепещущие на ветру страницы из книг, позолоченные деревянные щепки, чудом уцелевший фрагмент лестницы...

Джейс остервенело пинал мелкие камни.

– Поздравляю, – сказал он. – Мы вляпались.

Клэри не сразу поняла, что он имеет в виду.

– Что?

– Ты потеряла мое стило. Как нам теперь открыть портал? – Обвиняя Клэри, Джейс будто испытывал извращенное удовольствие. – Назад придется идти пешим ходом.

* * *

Даже в мирное время Клэри вряд ли согласилась бы гулять ночью по Идрису. Привыкшая к огням большого города, она и не подозревала, как здесь темно. В тенях по сторонам от дороги словно копошились невидимые твари, а света от ведьминог огня в руке у Джейса хватало лишь на несколько шагов впереди. Клэри ужасно соскучилась по звукам города, по фонарям, по свету автомобильных фар... На ночной тропе в лесу только и слышно, что шуршание гравия под ногами да собственное ойканье, когда спотыкаешься об особенно крупный булыжник.

Прошло несколько часов. Ноги начали болеть, сильно похолодало. Дрожа, Клэри сгорбилась и как можно глубже спрятала руки в карманы. В принципе, терпеть можно, только бы Джейс разговаривал. С тех пор как они покинули территорию поместья, Клэри дождалась от него лишь отрывистых указаний: куда свернуть на развилке или где перепрыгнуть через выбоину. Джейс, впрочем, спокойно дал бы Клэри свалиться в канаву, если бы ее хромота потом не замедлила ход.

Наконец небо на востоке посветлело. Полусонная, Клэри подняла голову и удивленно заметила:

– Рановато солнце встает.

Джейс посмотрел на нее с презрением:

– В той стороне Аликанте. Солнце встанет через три часа, а ты видишь огни города.

Слишком обрадованная концом пути, Клэри не обратила внимания на грубость и ускорила шаг. За поворотом начиналась широкая грунтовая дорога, огибающая склон холма. И хотя самого города еще не было видно, в воздухе стало заметно ярче от красноватого свечения.

– Мы, наверное, близко? – сказала Клэри. – Срезать не получится?

Джейс нахмурился:

– Что-то не так. – Он помчался вниз по склону, поднимая облачка охристой в сиянии города

пыли.

Клэри, позабыв про стертые в кровь ноги, рванула следом, однако за поворотом врезалась Джейсу в спину. Впору смеяться, но...

Красноватое свечение сделалось ярче, отбрасывая блики в ночное небо, освещая холм, так что казалось, будто наступил день. Снизу поднимались дымные облака, похожие на раскрывшийся хвост черного павлина. Охранные башни Аликанте пронзали почерневшее небо огненными наконечниками стрел. Словно разбросанные по темному бархату рубины, тут и там виднелись языки пламени.

Часть вторая

Темные отсветы звезд

АНТОНИО. Значит, вы не хотите остаться у меня? И не хотите, чтоб я вас проводил?

СЕБАСТЬЯН. Простите великодушно, не хочу Звезда моя еле мерцает во мраке; судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на вас. Поэтому я должен разлучиться с вами и одиноко нести свои невзгоды. Я плохо отблагодарил бы вас за расположение ко мне, если бы переложил их хоть отчасти на ваши плечи.^[9]

Уильям Шекспир, «Двенадцатая ночь, или Что угодно»

– Ночь на дворе, – раздраженно сказала Изабель, задерживая кружевную занавеску. – Он давно должен быть дома.

– Не психуй, Изабель, – отозвался Алек тоном, которым старший брат дает понять: мол, ты истеришь, а я, посмотри, остаюсь хладнокровен. Поза Алека (он развалился у камина в мягком кресле) выдавала полную безмятежность. – В скверном настроении Джейс всегда пропадает из дому. Он же сказал, что идет проветриться. Скоро вернется.

Изабель тяжело вздохнула. Вот бы родители были дома. Так нет, заседание Совета в Гарде затянулось супротив всякой меры.

– Джейс только в Нью-Йорке ориентируется. В Аликанте ему заблудиться – как нечего делать...

– Аликанте он знает лучше твоего, – перебила ее Алина, сидевшая на диване с книгой в темно-красном кожаном переплете. Волосы она собрала в французскую косу, а к Изабель обращалась, не соизволив оторваться от чтения.

Сама Изабель читать особенно не любила, но людям, умеющим с головой погрузиться в повествование, завидовала. Впрочем, той же Алине Изабель в свое время могла позавидовать еще кое в чем: Алина невысокая и утонченно сложенная, не дылда-пацанка. Хотя не всё же на других девчонок дуться, избегать их или недолюбливать... Правда, глаза открыла Изабель лишь недавно.

– Это вы, ребята, сюда наведываетесь время от времени, а Джейс прожил тут до десяти лет. Кулон на шее у Изабель завибрировал. Нахмурившись, она потрогала его – барахлит, наверное. Обычно кулон вибрирует в присутствии демонов – где ж им взяться-то в Аликанте?

– По-моему, Джейс не просто так по улице шляется. Ясно, куда он пошел.

Алек посмотрел на сестру:

– Считаешь, он у Клэри?

– Она еще здесь? – удивленно спросила Алина, захлопывая книгу. – Вы вроде собирались ее в Нью-Йорк вернуть! Где она остановилась, кстати?

Изабель пожала плечами:

– Его спрашивай. – Она стрельнула глазами в сторону Себастьяна.

Себастьян читал книгу, развалившись на диване напротив Алины. Услышав последнюю реплику Изабель и будто ощутив на себе ее взгляд, он поднял голову.

– Ты про меня? – спокойно спросил Себастьян. Вообще он весь какой-то спокойный. Поначалу впечатлив Изабель своей внешностью – резкими чертами лица, бездонными черными глазами, – парень успел достать приветливостью и сочувствием. Ох уж эти терпеливые да рассудительные, смотреть противно!

В мире Изабель гнев выражал страсть, а значит, веселье.

– Ты что это читаешь? – спросила она, чуть резче, чем собиралась. – Комиксы Макса?

– Ага. – Себастьян взглянул на выпуск «Обитатели Ангелов», лежавший на подлокотнике. – Картинки прикольные.

Изабель раздраженно засопела. Алек, усмирив ее взглядом, обратился к Себастьяну:

– Сегодня днем... ты не рассказывал Джейсу, куда ты сам ходил?

– В смысле, к Клэри? – усмехнулся Себастьян. – Я из прогулки секрета не делаю и Джейсу расскажу обо всем. Когда встречу.

– Да и нес чего Джейсу расстраиваться, – с ноткой металла в голосе произнесла Алина,

отложив книгу. – Себастьян ничего плохого не сделал: показал нашей гостье Идрис перед отправкой домой. Джейсу должно быть приятно, что его сестренка не сидит одна и не дуется.

– В нем может разыграться... братская ревность, – слегка помявшись, ответил Алек.

Алина нахмурилась:

– Джейсу надо быть мягче. Нельзя душить сестру любовью. Клэри на нас-то смотрела, будто прежде целующуюся пару не видела. Хотя кто знает, может, и правда не видела...

– Нет, видела. – Изабель вспомнила, как Джейс целовал Клэри в Летнем дворе. Не то чтобы Изабель нравилось вспоминать тот поцелуй: она в своих-то ошибках копать не любила, а в чужих и подавно. – Ревность тут не при делах.

– Тогда из-за чего сыр-бор? – Себастьян приосанился и убрал со лба выбившуюся прядку волос. Изабель на короткое мгновение заметила у него на ладони алую линию вроде шрама. – Джейс невлюбил меня лично? Не понимаю, чем я...

– Это моя книжка! – Речь Себастьяна прервал мальчишеский голос. Проснулся Макс – он стоял в дверном проеме, одетый в серую пижаму, взъерошенный, и смотрел на мангу под рукой у Себастьяна.

– Что – эта? – Себастьян протянул Максу «Обитель Ангелов». – Держи, мелкий.

Макс подошел, забрал мангу и хмуро ответил:

– Я тебе не мелкий.

Рассмеявшись, Себастьян поднялся на ноги.

– Пойду-ка я кофейку выпью, – сказал он и пошел на кухню. У выхода из гостиной обернулся и спросил: – Никто больше не хочет?

В ответ прозвучал хор отказов. Себастьяну осталось пожать плечами и удалиться, закрыв за собой дверь.

– Макс, – одернула братишку Изабель. – Ты чего грубишь?

– Бесит, когда мои вещи берут. – Макс прижал мангу к груди.

– Что ты как маленький! Себастьян просто взял посмотреть у тебя книгу. – Назидание получилось чересчур грубым. Изабель волновалась за Джейса, вот и вымещала агрессию на братишке. – И вообще, иди спать. Поздно уже.

– На холме что-то происходит. Я услышал шум и проснулся. – Макс близоруко прищурился – без очков он видел мир слишком расплывчато. – Изабель...

Услышав вопросительный тон в его голосе, Изабель отвернулась от окна:

– Чего?

– А на сторожевые башни вообще заходят? Ну, вообще?

Алина, посмотрев на Макса, рассмеялась:

– С какой стати кому-то залезать на сторожевые башни? Нет, это, во-первых, нелегально, а во-вторых, никому даром не нужно.

Ну, Алина! Ну никакого воображения! Изабель одна могла бы назвать кучу поводов залезть на башню. Плюнуть с высоты кому-нибудь на голову – чем не повод?

Макс не переставал хмуриться:

– Я видел. Кто-то лез.

– Видел, видел... во сне, поди? – передразнила Изабель.

Мелкий скукожил мордашку. Алек, опасаясь дальнейших разборок, вскочил и подошел к брату. Протянул ему руку.

– Пошли, Макс, я провожу тебя, – не без теплоты в голосе сказал он.

– Нам всем пора ложиться, – напомнила Алина, поднимаясь с дивана и подходя к окну. Твердой рукой она задернула занавеску. – Почти полночь, и кто знает, когда собрание завершится. Смысла сидеть...

Кулон на шее у Изабель резко дернулся, и в следующее мгновение окно взорвалось.

Алина закричала. Через дыру в стекле просунулись руки – не руки даже, с внезапной ясностью поняла Изабель, а чешуйчатые лапы, вымазанные в крови и черной жидкости. Второй раз Алина крикнуть не успела – ее утащили наружу.

Хлыст лежал на столике у камина. Изабель кинулась за ним, обегая Себастьяна, который только вернулся с кухни.

– К оружию! – крикнула Изабель.

Себастьян, ничего не понимая, стоял на месте как вкопанный.

– Быстрей! – поторопила Изабель и побежала к окну.

Алек схватил Макса и тащил к выходу из гостиной. Младшенький вопил, извиваясь, но Алек держал его крепко. Все верно, мелкого надо увести подальше.

В разбитое окно влетал холодный ветер. Подобрал полы юбки, Изабель ногой выбила остатки стекла (благо подошвы туфель достаточно плотные). Вылезла наружу и прыгнула прямо на мостовую.

У канала дорожек не было, и единственным источником света служили окна соседних домов. Никого не заметив, Изабель осторожно пошла по тротуару. Хлыст из электрума она держала сбоку, скрученным в кольца. Оружие Изабель получила в подарок от отца на двенадцатый день рождения и пользовалась хлыстом так часто, что привыкла к нему, воспринимала как часть себя – смертоносное продолжение правой руки.

Чем дальше Изабель отходила от дома, тем гуще становились тени. У основания моста Олдкасл, что под странным углом к тротуару пересекал Принсуотер, они и вовсе напоминали рой черных мух. Приглядевшись, Изабель заметила, как в тени мечется нечто белое.

На пути попала низкая живая изгородь чьего-то сада, но Изабель промчалась сквозь нее и прыгнула на узкую мощеную дорожку под аркой моста. Хлыст загорелся, и в его резком беловатом свечении Изабель заметила Алину Пенхоллоу – та лежала неподвижно, а над ней склонился огромный чешуйчатый монстр. Ящероподобная тварь прижимала девушку к мостовой, уткнувшись мордой в нежную шею...

Демон? Нет, в Аликанте демоны не пройдут. Ни за что...

Пока Изабель таращилась на монстра, тот поднял голову и принялся. Совершенно точно, он был слеп, потому что на месте глаз, будто молния, проходила зубастая пасть. В нижней части морды имелась вторая – снабженная клыками. Монстр подергивал блестящим в темноте хвостом, увенчанным бритвенно-острыми роговыми пластинами.

Пошевелившись, Алина застонала. Слава богу, Изабель уж подумала, что Пенхоллоу мертва. Радость, впрочем, длилась недолго: блузка на Алине была порвана, и на груди виднелись отметины от удара когтями. Еще один коготь тварь вонзила в пояс джинсов.

Изабель накрыло волной тошноты. Демон не убил жертву. Пока не убил. Хлыст ожил подобно огненному мечу ангела возмездия, и Изабель прыгнула вперед, хлеща монстра по спине.

Взвизгнув, демон откатился от Алины. Разинул обе пасти и пошел на Изабель, метя когтями ей прямо в лицо.

Плавнo отступив, Изабель прошлась хлыстом по демонy, оставляя мириады отметин. Брызнули чешуя, кровь и иxor. Из верхней пасти вылетел раздвоенный язык с наростом на кончике – Изабель разглядела жало, похожее на скорпионье. Легким взмахом руки она набросила плетъ на язык демона, затянула потуже и дернула. Демон заверещал, а язык с влажным шлепком упал на мостовую.

Отпрянув, Изабель освободила хлыст. Демон развернулся и побежал. Изабель метнулась следом. Извиваясь по-змеиному, чудовище направлялось к лестнице, ведущей к тротуару, но путь ему загородила темная фигура. Выскерк в темноте – и демон, корчась, упал на камень.

Изабель резко остановилась. У Алины Пенхоллоу в руке блестел изящный кинжал. Выгравированные на клинке руны вспыхивали ярче молнии, когда девушка принялась колоть монстра. Колола, пока он не перестал корчиться и не исчез. Только тогда Алина посмотрела пустыми глазами на Изабель. Она даже не попыталась запахнуть края блузки; раны у нее на груди кровоточили.

Изабель медленно присвистнула:

– Алина... ты как?

Выронив оружие, Алина развернулась и убежала во тьму под мостом.

Удивлялась Изабель недолго. Выругавшись и скрутив хлыст, побежала следом. Эх, сейчас бы не в бархатном платье рассекать, а в чем-нибудь попрacticalнее. Да и ботинки не помешали бы – на каблуках особенно не побегаешь.

На Принсуотер-стрит выводила металлическая лестница. Заметив на ее вершине расплывчатое белое пятно, Изабель подхватила тяжелые полы платья и стала подниматься. Наверху Алина гроыхала подошвами ботинок о ступени, давая своеобразный ориентир.

Взобравшись наконец по лестнице, Изабель обмерла. Алина куда-то запропастилась, зато вокруг кишела толпа – и не только людей. Тут и там среди горожан сновали ящероподобные демоны. Десятки демонов, если не больше. Кого-то даже убили; всего в нескольких шагах от Изабель лежал мужчина с развороченной грудной клеткой. Седовласый – значит, почтенный горожанин... Черт, ну конечно, почтенный горожанин! Из-за паники мозг работал с трудом. Взрослые в Гарде, и на улицы высыпали дети, старики да больные...

Под окрашенным в багрянец небом витал запах гари и людские крики, вопли демонов. Двери домов стояли настежь открытые: люди выбегали из жилищ и, завидев монстров, останавливались, будто громом пораженные.

Невозможно. Такое попросту невозможно! Сквозь барьер, создаваемый башнями, проникнуть не в силах ни один демон, а здесь их десятки, сотни... может, и больше. Монстры ядовитым потоком наводнили улицы города.

Изабель словно бы оказалась запертой позади прозрачного барьера – все видела и не могла пошевелиться, предпринять что-либо. Застыв, она смотрела, как чудовище хватает бегущего мальчика и вгрызается ему в шею. Мальчик вопил, однако его крики тонули в общем гвалте. Шум нарастал, по мере того как прибывало людей и демонов. Монстры выли, горожане перекрикивались, взывая друг к другу... Грохотали по мостовой каблуки, звенело стекло.

В конце улицы кричали что-то про башни. И только взглянув на них, Изабель догадалась, как демоны прошли в город. Башни более не отражали серебристого мерцания звезд. Не отражалось в них и багряное зарево. Башни стояли, как и прежде, но побелели, как кожа мертвеца.

Их сияние погасло: исчезли барьеры, стоявшие тысячу лет.

Изабель пробрал озноб.

* * *

Сэмюель давно уже спал. Саймон пялился в темноту, как вдруг услышал крики.

Резко поднявшись, он прислушался. Все тихо. Может, приснилось? Саймон напряг слух, но даже вампирское ухо не уловило ничего подозрительного. Саймон хотел снова лечь, и тут крики повторились, иголками вонзившись в уши. Кричали за пределами Гарда.

Вампир встал ногами на койку и выглянул в окно. Зеленая лужайка, далекий город, сияющий в темноте... Нет, не сияет он больше. Свет поблек, и над башнями поднимается

тусклое облако. Вдоль улиц стрелками мелькают какие-то огоньки. В воздухе стоит запах гари.

– Сэмюель! – тревожным голосом позвал Саймон. – В городе что-то не так.

Снаружи захлопали двери, раздался топот сапог. Кто-то хрипло кричал. Саймон вплотную приник к решетке, чтобы увеличить угол обзора, и тут мимо пробежало несколько человек.

– Барьер пал! Барьер пал!

– Нельзя оставлять Гард!

– Забудь о Гарде! Думай о детях!

Постепенно крики нефилимов растаяли вдалеке.

Беззвучно хлопая губами, Саймон отпрянул от решетки.

– Сэмюель! Барьер...

– Знаю. Не глухой. – Голос Сэмюеля звучал уверенно, без тени испуга. В какой-то мере даже победно. Еще бы, ведь опальный Охотник оказался прав. – Валентин напал во время собрания Конклава. Умно.

– Гард укреплен... почему все убегают отсюда?

– Ты разве не слышал? В городе остались дети и старики. Охотники не могут бросить их без защиты.

Лайтвуды... Саймон вспомнил о Джейсе, об Изабель – о ее маленьком бледном личике в обрамлении черных волос, о смайликах в записке.

– Вы предупреждали... предупреждали Конклав, что Валентин нападет. Почему вам не поверили?

– Аликанте превратил барьер в религию. Не верить в его силу, могущество – значит не верить в собственную избранность, в защиту ангела. Разувериться в непроницаемости барьера значило признать себя примитивным.

Саймон снова приник к решетке, но дым снаружи сгустился, скрыв город сероватой завесой. Голосов слышно не было, только отдельные слабые крики разрывали ночь.

– Город, похоже, горит.

– Нет, – ответил Сэмюель. – Горит, скорее всего, Гард. Горит демоническим огнем. Валентин первым делом принялся бы за крепость.

– Но... – На языке вертелось одновременно множество слов. – За нами придут, правда? Консул или... Элдертри? Нас не бросят умирать?

– Ты – нежить. Я – предатель. Ради нас вряд ли почешутся.

* * *

– Изабель! Изабель!

Алек тряс сестру за плечи. Изабель очнулась и подняла на него взгляд: бледное лицо, похожее на белое пятно на фоне черноты, из-за плеча торчит изогнутый кусок дерева... Лук, тот самый, из которого Саймон застрелил высшего демона Авадона. Изабель не заметила, как подошел Алек, откуда он прибежал. Старший брат просто возник рядом, словно призрак.

– Алек, – тихим и срывающимся голосом обратилась к нему Изабель. – Алек, хватит трясти меня, я цела.

Алек отпустил ее:

– Мне так не показалось. – Оглядевшись, он беззвучно выругался. – Надо уходить с улицы. Где Алина?

Демонов поблизости не было. На крыльце одного дома кто-то сидел и громко, надрывно рыдал. Растерзанное тело старика никуда не делось – равно как и запах чудовищ.

– Алина... демон ее... хотел... – Изабель глубоко вздохнула и задержала дыхание. Она – Изабель Лайтвуд и ни за что не поддастся истерике. Ни за что. – Мы убили чудовище, а потом Алина бросилась наутек. Я пыталась догнать ее и не смогла. Демоны в городе, Алек. Как такое возможно?

– Не знаю. Скорее всего, барьер больше не действует. Когда я выбежал из дому, то застал четырех или пятерых демонов Они^[10]. Один засел в кустах, и я убил его. Остальные скрылись и в любой момент могут вернуться. Идем домой быстрее.

Человек на крыльце по-прежнему рыдал. Его всхлипы преследовали Алека и Изабель всю дорогу до поместья Пенхоллоу. Демоны не появлялись. Зато слышалось эхо взрывов, воплей и топота ног... У крыльца Изабель обернулась и успела заметить, как из темноты между двух домов вылезло щупальце и схватило рыдавшую женщину. Плач моментально перерос в отчаянные крики. Изабель рванулась назад, но Алек силой увлек ее внутрь дома, захлопнул и закрыл на замок дверь. Стало темно.

– Я погасил огни, чтобы не привлекать монстров, – сказал Алек по пути в гостиную.

У лестницы, ведущей на второй этаж, сидел Макс, обняв колени. Себастьян приколачивал каминные поленья поперек разбитого окна. Закончив, он отложил молоток на книжную полку:

– Готово, на какое-то время демонов сдержит.

Присев рядом с Максом, Изабель погладила его по голове:

– Ты как?

– Никак. – Братишка посмотрел на Изабель широко раскрытыми испуганными глазами. – Я хотел глянуть в окно на улицу, но Себастьян велел лечь.

– Себастьян прав, – сказал Алек. – Снаружи демоны.

– Они еще не ушли?

– Нет, они еще в городе. Затаились где-то. Что дальше делать?

Себастьян нахмурился:

– Где Алина?

– Убежала, – ответила Изабель. – Это все я виновата. Надо было...

– Ты не виновата, – резко оборвал ее Алек. – И вообще, не время для самобичеваний. Я иду искать Алину. Вы трое остаетесь. Изабель, смотришь за Максом. Себастьян, ты укрепляешь дом.

Изабель тут же возмутилась:

– Я тебя одного не отпущу!

– Я старший. Как сказал, так и будет, – ровным голосом парировал Алек. – В любой момент могут вернуться родители. Чем больше народу, тем безопасней. Снаружи нас легко разлучить, а я на такой риск пойти не могу. – Он посмотрел на Себастьяна: – Понимаете?

Себастьян достал стило:

– Начерчу в доме знаки защиты.

– Молодец. – Алек вышел из гостиной. В коридоре он обернулся и на какое-то мгновение пересекся взглядами с сестрой.

– Изабель, – очень тихо позвал Макс, когда Алек ушел. – У тебя кровь на запястье.

Изабель совсем не заметила, как поранилась, но Макс был прав: кровь успела пропитать рукав белой куртки.

– Схожу-ка за стило, – сказала Изабель, поднимаясь на ноги. – Вернусь – помогу тебе с рунами, Себастьян.

Парень кивнул:

– Помощь пригодится. Я не большой спец по знакам.

Изабель не стал спрашивать, в чем же он тогда спец, и пошла наверх. Как она устала! Нарисовать бы руны подпитки. Изабель, если надо, сумеет, хотя Джейсу и Алеку, например,

энергетические руны даются намного лучше.

У себя в комнате Изабель прихватила стило и еще кое-какое оружие. Заткнула клинки серафимов за голенища сапог и тут же вспомнила Алека, его взгляд на прощание. Не в первый раз брат с сестрой смотрели так друг на друга – Изабель привыкла, что Алек уходит туда, откуда может не вернуться. Привыкла давно и приняла как часть жизни. Только повстречав Клэри и Саймона, Изабель узнала: для обычных людей, оказывается, все не так. Смерть для них – отнюдь не привычка, они не чувствуют ежечасно ее ледяного дыхания на затылке. Как и многие Сумеречные охотники, Изабель презирала примитивных за мягкость, глупость и животную беззаботность. Теперь она задумалась: не происходит ли ненависть из зависти? Ведь как хорошо, когда не провожаешь близких, словно в последний путь.

Изабель со стило в руке почти спустилась в гостиную, как вдруг почувствовала: что-то не так. В гостиной было пусто.

Где Макс? Себастьян? На приколоченных к оконной раме досках осталась недорисованная руна. Молоток тоже пропал.

Желудок подвело от страха.

– Макс! – позвала Изабель, оборачиваясь вокруг себя. – Себастьян! Вы где?

– Мы здесь, Изабель, – позвал Себастьян из кухни.

От облегчения Изабель позабыла об осторожности. Она беспечно вошла в кухню:

– Себастьян, что за шутки?! Я думала, вас...

Дверь закрылась за спиной у Изабель, и стало еще темней. Темнее даже, чем в гостиной. Изабель пригляделась, но рассмотреть удалось только тени.

– Себастьян? – неуверенно спросила она. – Себастьян, что ты затеял? Где Макс?

– Изабель, – раздался мягкий, добрый, почти что любящий голос. На фоне теней шевельнулась тень погуще, темнее.

Какой приятный голос у Себастьяна. Неожиданно ласковый.

– Изабель, прости.

– Себастьян, хватит чудить. Прекращай...

– Жаль, что это ты. Другие мне понравились не так сильно.

– Себастьян...

– Знаешь, – продолжал Себастьян все тем же низким голосом, – ты больше всех похожа на меня.

И он опустил молоток.

* * *

Алек бежал по темным, объатым племенем улицам, постоянно зовя Алину. Покинув район Принсуотер, он оказался в самом сердце города. Пульс участился. Улицы напоминали ожившие картины Босха: гротескные и макабрические создания, жестокость, насилие, смерть... Мимо Алека с воплями, очертя голову бежали горожане. Пахло гарью и демонами. Какие-то дома полыхали, в каких-то лишь выбило стекла... Бульжник мостовой сверкал, усыпанный блестящим крошечком. На стене одного из домов Алек заметил пятно выцветшей краски, но, подойдя ближе, понял, что это кровь. Оглядевшись, труп он не заметил и побежал дальше.

Алек – единственный из детей Лайтвудов, кто помнил Аликанте. Он еще только делал первые шаги, когда семью выслали во внешний мир, однако в памяти остались мерцание башен, зимние заснеженные улицы, гирлянды ведьминог огня, опоясывающие лавки и домики, фонтан в виде русалки... Вспоминая об Аликанте, Алек всякий раз чувствовал, как болезненно екает

сердце в надежде, что семье однажды позволят вернуться. И вот – конец всем чаяниям.

Свернув на проспект, ведущий к Залу Договоров, Алек заметил стаю демонов Велиала^[11]. Шипя и завывая, монстры бежали по колонной аркаде. За собой по булыжнику они волокли нечто, что извивалось и дергалось. Монстров Алек упустил, зато у подножия одной из колонн нашел скрюченную фигуру – от нее по булыжнику паутинкой растекалась кровь. Хрустя битым стеклом под ногами, Алек приблизился и перевернул тело. При взгляде на разбитое лицо, Охотник отшатнулся. Слава богу, не друг и не родственник.

Заслышав подозрительный звук и почуяв вонь, Алек выпрямился. С дальнего конца улицы к нему, извиваясь, шло нечто крупное, сгорбленное. Старший демон?

Выяснить некогда. Алек метнулся через улицу к одному из самых высоких домов и впрыгнул в разбитое окно. Вскоре он уже вылез на крышу; рассаженные колени и ладони болели. Отряхнув руки, нефилим оглядел Аликанте.

В гаснущем, почти мертвом сиянии башен было видно, как на улицах, в тени меж домами копошатся твари, похожие на тараканов в темной кладовой. Всюду раздавались крики, вопли; люди звали друг друга... Радостный визг исчадий ада резал уши. У шпилей Зала клубился дым.

Глянув в сторону Гарда, Алек увидел, как с холма несется к городу толпа Сумеречных охотников: освещающая путь ведьмиными огнями, нефилимы устремились на битву.

Алек подошел к краю крыши: до соседнего дома расстояние – всего ничего, и до следующего – тоже. Перепрыгнуть особых усилий не надо. И Алек прыгнул. Вскоре он бежал, минувая один дом за другим. Лицо приятно обдувало прохладным ветром, который уносил прочь вонь гари и демонов.

Прошло несколько минут, и Алек заметил две любопытные вещи. Первое: впереди маячили белые шпили Зала. Второе: на площади между двух переулков бурлил фонтан искр, только не желтых, а синих. Темно-синих, как от газовой горелки. Вспомнив, где подобная иллюминация встречалась прежде, Алек направился прямо к ней.

Ближайшая к площади крыша оказалась на диво крутой. Сшибая каблуками плохо закрепленные черепицы, Алек съехал вниз и остановился в опасной близости к краю.

Внизу была Колодезная площадь, но вид загораживала вывеска на фасаде дома, крышу которого Алек и облюбовал. Выстроившись в ряд, демоны-иблисы – человекообразные клубы дыма с горящими желтым пламенем глазами – теснили к стене мага в длиннополном сером плаще. Все в обороняющемся колдуне показалось знакомым: и гибкий стан, и дикий ежик шевелюры, и синие искры, срывающиеся с кончиков пальцев подобно взбешенным светлячкам...

Магнус. Отбиваясь от иблисов огненными копьями, он пронзил одного в грудь, и демон громко зашипел, будто в огонь плеснули воды. Чудовище взорвалось облачком пепла. Иблисы большой сообразительностью не отличались, и на место павшего встал другой, чтобы тут же схлопотать удар от Магнуса. Но вот нашелся иблис поумнее и проник магу за спину. Алек без дальнейших раздумий спрыгнул с крыши, ухватившись за край и после – за штырь вывески. Сделал «солнышко» и мягко приземлился на мостовую. Демон только и успел обернуться, сверкнув янтарным пламенем глаз, – Алек пронзил его клинком серафима. М-да, Джейс выдал бы остроумную фразу, а так демон погиб, не услышав остроты. Покинул это измерение во взрыве мелкого дождика из пепельных хлопьев.

– Алек? – Магнус разделался с остатком демонического отряда. – Ты... спас мне жизнь!

Алек хотел было ответить нечто вроде: «Ну да, я же Сумеречный охотник, и это наш долг – спасать жизни» или «Я просто делаю свою работу». Джейс именно так и ответил бы, у него язык подвешен. Алек же произнес нечто иное (и слова показались дерзкими даже ему самому):

– Ты мне так и не ответил. Я столько раз звонил.

Магнус посмотрел на Алека как на умалишенного:

– Город объят пламенем, по улицам рыщут демоны, а ты спрашиваешь – почему я не перезвонил?!

Алек стиснул зубы.

– Признавайся, почему ты не ответил?

Магнус негодуяюще вскинул руки, и с кончиков пальцев сорвались искорки – будто светлячки, сбежавшие из банки.

– Ты болван!

– Поэтому ты молчал? Потому что я болван?

– Нет. – Магнус шагнул навстречу. – Мне надоело быть рядом только ради подмоги. Надоело, что ты влюбляешься в тех, кто – как ни странно – любовью тебе ответить не может. Не может так, как могу я.

– Ты меня любишь?

– Глупый ты нефилим, – мягко произнес Магнус. – Иначе зачем я здесь, по-твоему? Зачем подчищаю за твоими недалекими друзьями, случись им напортачить? Зачем спасаю вас из передраг? Я уж молчу про помощь в битве с Валентином. И заметь, каждый раз – все задаром!

– Я даже мысли не допускал...

– Ну еще бы! – Кошачьи глаза Магнуса гневно сверкнули. – Я прожил на этом свете семьсот лет, Александр, и знаю, когда дело не выгорит. Ты ни за что не заговоришь обо мне при родителях.

Алек пораженно уставился на Магнуса:

– Тебе семьсот лет?!

– Ладно, поймал. Восемьсот. Но я ведь на столько не выгляжу! И вообще, ты меня не слушаешь. Я говорю...

О чем Магнус пытался сказать, Алек в тот момент не узнал – на площадь выбежало еще с дюжину иблисов. У Алека отвисла челюсть.

– Проклятие.

Магнус проследил за взглядом нефилима – демоны окружали мага и Охотника полукругом.

– Потом договорим, Лайтвуд.

– Знаешь что? – Алек достал из-за пояса второй клинок серафима. – Если уцелеем, обещаю познакомить тебя с родителями.

Магнус принял боевую стойку, и кончики его пальцев загорелись голубым пламенем. Свечение отразилось в улыбке мага.

– Ловлю на слове.

– Валентин, – прошептал побледневший Джейс.

Клэри показалось, будто сквозь клубы дыма она различает тонкую паутинку городских улиц и крохотные темные фигурки, муравьями мечущиеся по этому лабиринту... Нет, жирные клубы дыма, испускающие удушливый запах, скрыли все.

– Валентин напал на город? – спросила Клэри. Дым щипал горло. – Больше на пожар похоже. Такое и само по себе начинается.

– Северные врата открыты. – Джейс указал в сторону чего-то, скрытого дымом и расстоянием; Клэри разглядеть не сумела. – Они всегда оставались закрыты. И еще: башни погасли. Должно быть, барьер пал. – Он вытащил из-за пояса клинок серафима и сжал рукоятку так, что побелели костяшки. – Мне нужно в Аликанте.

В горле у Клэри встал ком.

– Саймон...

– Его вытащат из Гарда, не бойся. Он в более выгодном положении, чем горожане, потому что демоны обычно нежить не трогают.

– Мне так жаль, – прошептала Клэри. – Лайтвуды... Алек... Изабель...

– Яхоэль, – произнес Джейс имя клинка, и сталь осветилась ярким пламенем. – Оставайся тут, Клэри. Я за тобой вернусь.

Гнев, полыхавший у него в глазах с того момента, как они покинули поместье, выгорел. На смену пришло боевое хладнокровие.

Клэри замотала головой:

– Нет, я с тобой.

– Клэри... – начал было Джейс, но вдруг замолчал и весь подобрался. Через секунду и Клэри услышала ритмичную дробь и потрескивание, как если бы рвались гигантские хлопушки. Постепенно звуки в уме разделились, представ по отдельности, как партии различных инструментов в симфонии.

– Это...

– Обратни.

Джейс смотрел мимо Клэри, и девушка, обернувшись, увидела, как через ближайший холм перевалил живой поток оборотней. Целая стая, нет, больше – сотни, если не тысячи волков двигались к городу живой тенью, яростно сверкая глазами. Их вой Клэри поначалу и приняла за рев пламени. Теперь же она отчетливо слышала, как он – хриплый и грубый – возносится в ночь.

Клэри замутило от страха. Она видела оборотней, билась с ними бок о бок, но то была стая Люка – команда, которой вожак приказал присматривать за ней и не трогать ее. Представив эту убийственную мощь без вожака, Клэри содрогнулась.

Джейс выругался. Достать второй клинок он не успел бы, поэтому схватил Клэри и крепко прижал к себе. Поднял над головой клинок серафима. Яркий свет оружия ослеплял.

Клэри стиснула зубы...

В этот момент волки налетели на них. Будто волна ударила, пришел ураган – первые ряды волков настигли на пару и прыгнули. Мелькнули перед лицом горящие глаза и раскрытые пасти... Пальцы Джейса больно впились в плечо.

Волки побежали дальше, обтекая нефилимов, обходя стороной на добрых два фута. Клэри не поверила глазам, глядя, как через нее перемахнули два оборотня: стройный, пятнистый и огромный, стального оттенка. Они мягко приземлились за спиной у Клэри и, не оборачиваясь,

побежали дальше. Волки были повсюду – и ни один не тронул людей. Сотрясая землю множеством лап, они проносились мимо людей, мимо Клэри и Джейса, обтекая их подобно реке, обтекающей камни. Ликантропы обращали на Сумеречных охотников внимания не больше, чем на статуи.

Когда последний оборотень пробежал мимо, Клэри и Джейс проводили его взглядом. Вновь наступила тишина, в которой с трудом слышались звуки из города.

Джейс опустил клинок:

– Ты как? – Он разжал объятия.

– Что случилось? – шепотом спросила Клэри. – Оборотни пробежали мимо...

– Они держат путь в город. В Аликанте. – Достав из-за пояса второй клинок, Джейс протянул его Клэри: – Держи. Пригодится.

– Та к ты не оставишь меня здесь?

– Смысла нет. Опасно теперь повсюду. Только... обещай держаться позади меня.

– Обещаю. Что теперь будем делать?

Обернувшись на полыхающий Аликанте, Джейс ответил:

– Побежали.

С Джейсом и так всегда было нелегко тягаться в скорости, однако сейчас Клэри и вовсе потеряла надежду его догнать. Хотя Джейс еще сдерживался, не без ущерба для себя.

У подножия холма дорога свернула в чащу деревьев, густые кроны которых образовали подобие тоннеля. Выбежав по другую сторону прохода, Клэри увидела перед собой Северные врата, а за ними – дым и огонь. Джейс ждал сестру, вооруженный Яхоэлем и еще одним клинком. Даже спаренное сияние ангельского оружия меркло на фоне ослепительно-яркого пожара.

– Стража, – задыхаясь, пробормотала Клэри. – Почему ее нет?

– Один стражник в чаще. – Джейс кивнул на древесный «тоннель». – То есть кусочки его. Нет, не смотри. – Он глянул, как Клэри держит клинок серафима. – Неправильно. Перехвати рукоять вот так. И назови его... ну, скажем, Кассиил.

– Кассиил, – произнесла Клэри, и клинок вспыхнул.

Джейс посмотрел на нее серьезным взглядом:

– Жаль, нет времени обучить тебя владению оружием. По уму, неопытным бойцам вообще нельзя давать в руки клинок серафима. Раньше я бы и не дал, но раз Валентин решился на подобное...

На что именно Валентин решился, Клэри узнавать не хотела.

– Может, ты не хочешь тренировать меня, потому что я могу оказаться способней тебя?

Джейс ухмыльнулся уголком рта.

– Что бы ни случилось, держись за мной, – сказал Джейс, глядя на Клэри сквозь сияние Яхоэля. – Обещаешь?

Джейс пристально посмотрел сестре в глаза, взглядом требуя ответа.

Почему-то вспомнился поцелуй на лужайке у поместья Вэйландов. Как будто случилось это миллион лет назад, и не с Клэри, а с кем-то другим.

– Обещаю держаться за тобой.

– Отлично, – сказал Джейс, отворачиваясь и отпуская Клэри. – Пошли.

Брат с сестрой бок о бок двинулись через врата. Клэри будто впервые слышала шум битвы – стена звука, сложенная из криков людей и завывания демонов, звона стекла и треска пламени, навалилась на нее. В ушах застучала кровь.

Внутренний дворик сразу за вратами был пуст, только валялись тут и там скорчившиеся тела. Интересно, как получается сразу определить, что человек мертв? Мертвые совершенно

непохожи на тех, кто упал без сознания. В мертвых словно отсутствует некая изначальная искра.

Джейс постарался как можно быстрее покинуть внутренний двор, уйти подальше с открытого, незащищенного пространства. Он повел Клэри по одной из улиц, ведущих в город. Витрины лавок были разбиты, товар разбросан по мостовой. В воздухе стоял тошнотворный запах, как на помойке, – смрад демонов.

– Сюда, – прошипел Джейс и нырнул на улочку поуже. На верхнем этаже одного из домов полыхал пожар, хотя прочие дома с обеих сторон оставались целы. Клэри вспомнила фотографии Лондона после бомбежки: там разрушения тоже казались бессистемными.

Крепость на вершине холма тонула в дыму.

– Гард, – сказала Клэри.

– Всех эвакуируют... – Джейс не договорил. Они вышли на главную улицу города, заваленную трупами взрослых и детей. Клэри не сразу последовала за Джейсом проверять погибших, но потом – со смесью вины и облегчения в сердце – убедилась: все погибшие дети слишком малы. Младше Макса.

Подле детей лежал старик, раскинувший руки: он словно до последнего защищал молодых.

С неподвижным лицом Джейс сказал:

– Клэри... обернись. Только медленно.

Клэри послушалась. За спиной в витрине кондитерской лавки лежали пирожные, покрытые яркой глазурью. Среди битого стекла кровь, смешиваясь с глазурью от упавших сладостей, текла розоватыми ручейками. Но Джейс обратил внимание не на разгром – из витрины выползло нечто темное, бесформенное и большое, истекающее слизью, измазанное кондитерским кремом и усыпанное битым стеклом, сверкающим, словно крупные кристаллы сахара.

Перевалившись через край витрины, демон пополз навстречу Охотникам. Глядя на бесформенную, исходящую смрадной слизью массу, Клэри ощутила, как поднимается волна тошноты. Девушка попятилась, чуть не ударившись спиной о Джейса.

– Бенемот, – сказал Джейс, глядя на тварь. – Всеядный демон.

– Он даже...

– Людей? Да, ест. Спрячься за мной.

Клэри поспешила укрыться за спиной Джейса. Своим видом Бенемот вселял куда большее отвращение, чем виденные прежде демоны. Как же воняет от этого слепого слизня! Впрочем, ползет он медленно, так что проблем Джейсу доставить не должен.

Джейс будто уловил мысли Клэри и вонзил в спину демону сияющий клинок. Раздался звук, какой слышно, если наступить на переспелый фрукт. Монстр скукожился, задрожал как желе и внезапно перенесся на несколько футов в сторону.

Джейс отвел руку с Яхоэлем:

– Этого я и боялся. Демон наполовину в другом измерении. Убить его будет трудно.

– Тогда и не пытайся. – Клэри подергала брата за рукав. – Двигается он медленно, успеем уйти.

Джейс позволил утянуть себя, затем развернулся и побежал в направлении переулка, из которого они с Клэри и попали сюда. Однако демон снова перенесся – загородил дорогу. Он как будто вырос и теперь издавал сердитый звук, похожий на стрекот кузнечика.

– Не хочет отпускать нас, – заметил нефилим.

– Джейс...

Однако Джейс кинулся на монстра, нанося удар Яхоэлем по широкой дуге. Нефилим хотел обезглавить чудовище, но оно растаяло в воздухе и материализовалось у Джейса за спиной. Демон встал на дыбы, показывая членистое, как у таракана, брюшко. Джейс вонзил меч в средний щиток, искупав сталь в зеленоватой слизи.

Скривившись, Джейс отступил. Слизь сочилась из раны на брюхе у чудища, но мерзкая тварь, похоже, не обращала на это внимания. Демон упрямо полз на врага.

– Джейс! – закричала Клэри. – Твой меч!

Кровь Бенемота гасила сияние Яхоэля, и меч шипел, словно опущенная в песок раскаленная сталь. Джейс поспешил отбросить оружие, пока слизь не добралась до пальцев.

Бенемот снова встал на дыбы. Джейс отпрыгнул, в этот момент между ним и чудовищем возникла Клэри. Она вогнала клинок серафима чуть ниже ряда зубов – отвратительно чавкнув, сталь утонула в плоти демона.

Монстр задрожал, собираясь, видимо, снова перенестись в сторону, и Клэри отскочила назад. Похоже, раны все-таки отнимают у демона силы, и телепортация дается ему с трудом. Вот бы изувечить его...

Краем глаза Клэри уловила какое-то движение – смазанные пятна серого и бурого. Мимо пронеслось нечто. Выходит, Джейс и Клэри не одни на этой улице.

– Клэри, сзади! – крикнул Джейс.

Клэри вихрем развернулась, выставляя перед собой Кассиил – как раз вовремя, потому что на нее прыгнул волк. Оборотень летел, широко раскрыв пасть.

Демон завопил – точнее, издал похожий на вопль высокий звук, как если бы открыли вентиль на воздушном баллоне. Волк подмял чудовище под себя, глубоко вонзив когти и зубы в желеобразную плоть. Бенемот дрожал, скукоживался, пытаясь залечить раны и перенестись подальше от оборотня, но волк держал его крепко, разрывая на куски трепещущее тело. Фонтаном била зеленая кровь. Тогда Бенемот предпринял последнюю попытку отбиться, пустил в ход челюсти – безуспешно. Демон погиб, оставив на мостовой лужу густой, вязкой слизи.

Волк издал довольное рычание и обернулся поприветствовать Клэри и Джейса. Глаза его серебристо блеснули.

Джейс вытащил из-за пояса еще один клинок серафима и поднял его над головой, прочертив в воздухе огненную дугу – между собой и нежитью.

Ликантроп зарычал, шерсть у него на загривке встала дыбом.

Клэри перехватила руку Джейса:

– Нет... не надо.

– Это же оборотень, Клэри...

– Он убил демона! Спас тебя и меня. – Клэри, пока Джейс не опомнился, оторвалась от него и пошла навстречу оборотню – вытянув руки раскрытыми ладонями вперед. – Простите, – заговорила девушка тихим, спокойным голосом. – Пожалуйста, простите. Вы ведь не желаете нам зла?

Клэри помолчала, не убирая рук. Волк продолжал смотреть на нее ровным взглядом.

– Кто... кто вы? – Клэри посмотрела на Джейса и нахмурилась. – Убери-ка эту штуковину.

Джейс хотел доходчиво объяснить, что если достал клинок серафима и оружие сияет перед лицом врага, то его так просто не спрячешь... Но тут оборотень поднялся на задние лапы, его конечности стали удлиняться, спина выпрямилась, а челюсти уменьшились. Спустя несколько секунд перед нефилимами стояла девушка в перепачканной белой сорочке: выющиеся локоны заплетены во множество косичек, на шее длинный шрам.

– Кто вы?.. – Она с отвращением передразнила Клэри. – Поверить не могу, что ты не узнала меня. Волки же все разные. Эх вы, люди...

Клэри облегченно выдохнула:

– Майя!

– Я, я, – широко улыбнулась девушка-оборотень. – Как обычно, спасаю ваши задницы.

На волчьей шкуре кровь и ихор были не особенно заметны, однако на смуглой коже черные

и бурые подтеки выделялись отчетливо. Майя прижала руки к животу:

– Какая гадость. Неужто я всего демона схомячила? Надеюсь, аллергии не будет.

– А здесь ты что делаешь? – спросила Клэри. – Ты не подумай, мы тебя очень рады видеть, просто...

– Разве не знаешь? – Майя удивленно посмотрела на Джейса, потом на Клэри. – Нас Люк привел.

– Люк? – выпучила глаза Клэри. – Он... он вернулся?

Майя кивнула:

– Он связался со стаей и другими оборотнями, кого вспомнил. Сказал: все – в Идрис. Ну, мы прилетели на границу и уже оттуда – сюда. Прочие стаи пришли через порталы в лес, на место встречи. Люк говорил, нефилимам потребуется помощь... – Майя замолчала. – Вы разве не в курсе?

– Нет, – сказал Джейс. – Конклав тоже вряд ли знает. Они не большие охотники принимать помощь от нежити.

Майя выпрямилась, ее глаза сверкнули гневом.

– Если бы не мы, вас бы всех перебили. Когда волки вошли в город, его никто не оборонял...

– Хватит! – Клэри метнула в Джейса сердитый взгляд. – Я очень, очень признательна волкам за спасение. Джейс тоже благодарен, хотя и упрям. Скорее выколет себе глаз, чем скажет «спасибо». Только, Майя, прошу, не сильно надейся, что он так и поступит, – быстро добавила Клэри, заметив выражение лица Майи. – Пользы от споров сейчас никакой. Нам надо пробиться к дому Лайтвудов и найти Люка...

– Лайтвудов? Они, скорее всего, в Зале Договоров, потому что туда мы всех и провожали. По крайней мере, Алека я точно видела... и того мага, у которого волосы ежиком. Магнуса.

– Если Алек там, то и остальные Лайтвуды, наверное, тоже. – Увидев облегчение на лице Джейса, Клэри хотела похлопать брата по плечу, но сдержалась. Джейс заткнул клинок серафима за пояс и сказал: – Хорошая идея собрать всех в Зале – он защищен магическим барьером. Ладно, идемте.

* * *

Зал Договоров. Да, это он! Именно здесь Клэри во сне и танцевала – сперва с Саймоном, потом с Джейсом.

Именно это место Клэри удерживала в уме, ступая в портал: бледные высокие стены, хрустальный потолок, сквозь который видно ночное небо... Во сне, правда, оно предстало огромным, а наяву оказалось поменьше, тусклее. Фонтан-русалка – на месте и журчит водой, однако блеск его как будто померк: на ступеньках, ведущих к чаше, сидят люди, раненные, перевязанные. В помещении полно нефилимов; охотники безостановочно бродят туда-сюда, вглядываясь друг другу в лица, надеясь узнать знакомого или родственника. По полу размазаны пятна грязи и крови...

Но что поразило больше всего, так это тишина. Когда в мире примитивных случается катастрофа, потерпевшие кричат, плачут, зовут родных и близких. Здесь же царило молчание. Люди сидели, уронив головы на руки или уставившись в пустоту. Дети жались к родителям, хоть и не плакали.

Было еще кое-что: у фонтана, отдельно ото всех, неровным кругом стояли люди, очень неряшливые на вид. Заметив их, Майя заулыбалась:

– Моя стая! – Девушка бросилась было к своим, но на ходу обернулась: – Уверена, Люк где-

то поблизости.

Сказав так, девушка растворилась в кругу ликантропов. Интересно, что будет, если в круг войдет Клэри? Примут ее как друга? Или отнесутся подозрительно как к любому другому нефилиму?

– Не надо, – сказал Джейс, словно прочтя мысли сестры. – Не самая хорошая...

Договорить он не успел, потому что из толпы раздался крик: «Джейс!» К ним навстречу шел Алек: волосы растрепаны, на лице кровоподтеки, глаза сияют. Схватив Джейс за грудки, Алек спосил:

– Ты где шлялся?!

– Где я шлялся? – обиженно переспросил Джейс.

Алек немилосердно затряс его:

– Ты сказал, что идешь прогуляться. Это где надо гулять, чтобы пропасть на целых шесть часов?!

– Кое-где очень далеко, – пожал плечами Джейс.

– Убить бы тебя. – Алек выпустил его. – Я серьезно, кстати.

– Это, знаешь ли, в некотором роде бессмысленно... – Джейс огляделся: – Где остальные? Изабель?..

– Изабель с Максом в доме Пенхоллоу. Мама и папа скоро должны к ним присоединиться. Зато Алина здесь, с родителями, только не разговаривает. Ей крепко досталось от демона Резкора. Хорошо, что Иззи подросла на выручку.

– А Саймон? – испуганно спросила Клэри. – Саймона ты видел? Он должен был прийти с остальными из Гарда.

Алек покачал головой:

– Нет, не видел... Инквизитора, кстати, и Консула тоже. Они, наверное, вместе в другом убежище или... – Он умолк, заслышав, как по Залу прокатился ропот. Группа оборотней насторожилась, затем подобралась, словно свора охотничьих собак, почуявших игру. В Зал через двойные двери вошел Люк – утомленный и весь в крови.

Забыв обиды и ссоры последних дней, Клэри кинулась к нему. Слишком рада она была его видеть. Оборотень слегка удивился, но протянул руки навстречу девушке. Обнял и поднял ее, как когда-то в детстве.

От Люка пахло кровью, фланелью и дымом. Клэри на какое-то мгновение зажмурилась от счастья, вспомнив, как Алек схватил за грудки Джейса. Ну и ладно. Схватить брата за грудки и высказать все, что ты о нем думаешь, – в порядке вещей. Пусть родственник и заставил волноваться, он по-прежнему твоя семья. Клэри правду сказала Валентину: Люк – ее семья.

Ликантроп бережно опустил Клэри, слегка при этом поморщившись:

– Аккуратней, у канала Мерривезер меня задел ползучий демон. – Он положил руки на плечи Клэри и взгляделся ей в лицо: – Зато с тобой, смотрю, ничего не случилось.

– Какая трогательная сцена, – произнес холодный голос. – Не находите?

Клэри обернулась. К ним шагал высокий человек в синей мантии с капюшоном, из-под которого виднелось бледное, похожее на каменное изваяние лицо: высокие скулы, резкие, орлиные черты лица, набрякшие веки.

– Люциан, – сказал он, не глядя на Клэри. – Следовало догадаться, что вторжение – твоих рук дело.

– Моих рук дело?! – эхом произнес Люк, и в мгновение ока вся стая оказалась позади него. Оборотни заняли позицию быстро и тихо, словно выросли из воздуха. – Вообще-то не мы вторглись в город, Консул. Напал Валентин, а мы лишь помогаем вам.

– Конклав не нуждается в помощи. Ни в твоей и твоих братьев. Ты нарушаешь закон одним

своим присутствием в Городе стекла, и неважно, пал барьер или нет.

– Да, я вижу, как Конклав не нуждается в помощи. Не прибудь мы в город, ваших людей погибло бы намного больше. – Люк огляделся. Приблизилось несколько групп Сумеречных охотников, привлеченных спором. Некоторые прямо встретили взгляд Люка, прочие пристыженно опустили глаза. Однако никто не злился. – Я пришел, чтобы доказать одну вещь, Малахи.

– Какую же? – ледяным тоном спросил Консул.

– Вы нуждаетесь в нас. Победа над Валентином невозможна без помощи – не только со стороны оборотней, но и со стороны всех представителей нежити.

– Что может нежить против Валентина? – презрительно отозвался Малахи. – Люциан, ты сам знаешь, ибо некогда был одним из нас: всем опасностям Конклав противостоит своими силами. Мы одни храним мир ото зла. Валентину мы противопоставим собственную мощь. Нежити лучше держаться в стороне. Мы – нефилимы и ведем свои войны.

– Не совсем правда, – раздался бархатный голос. Магнус Бейн – в сверкающем плаще, с множеством колец в ушах и проказливым выражением на лице – появился совершенно неожиданно. – В прошлом Конклав не единожды прибегал к помощи магов и прилично платил за нее.

Бросив на мага рассерженный взгляд, Малахи процедил:

– Не припомню, Магнус Бейн, чтобы Конклав приглашал тебя в Город стекла.

– Меня и не звали. Просто барьера больше нет.

– Правда? – Слова Консула сочли сарказмом. – Я что-то не заметил.

– Как ужасно, – серьезным тоном ответил Магнус. – Тебе должны были донести. – Маг посмотрел на Люка: – Доложи ему, что ли: барьер пал.

– Малахи, – устало обратился к Консулу Люк, – ради бога, признай, что нежить сильна. К тому же нас много. Мы поможем.

Консул повысил голос:

– Я уже сказал: мы не нуждаемся и не желаем вашей помощи!

– Магнус. – Клэри бесшумно подкралась к магу. Посмотреть, как спорят Малахи с Люком, собралась небольшая толпа, и на девушку никто внимания не обратил. – Отойдем, надо поговорить. Пока они там грызутся, нас не услышат и не увидят.

Удивленно глянув на Клэри, Магнус кивнул и повел ее за собой, проходя через толпу, словно консервный нож – через жестянку. Никто не хотел становиться на пути у мага ростом в шесть футов, с кошачьими глазами и безумной улыбочкой на губах. Магнус отвел Клэри в тихий уголок и спросил:

– Что у тебя?

– Я принесла книгу. – Клэри достала из кармана замызганного плаща книжицу, оставив на белой обложке грязные отпечатки пальцев. – Как ты и сказал, она хранилась в библиотеке в доме Валентина. И... – Клэри вспомнила пленного ангела. – Ничего, забудь. – Она протянула магу Белую книгу. – Держи.

Магнус вцепился в книгу длинными пальцами. Быстренько пролистал ее, впиваясь широко раскрытыми глазами в строки символов.

– Книга даже круче, чем я думал. Прямо не терпится испытать новые заклинания.

Пришлось вернуть его на землю.

– Магнус! Сначала исцели мою маму. Ты обещал.

– Клэри! – воскликнул кто-то, задыхаясь, у нее за спиной. Себастьян, в боевом облачении, которое сидит на нем словно влитое. Прочие Сумеречные охотники перепачканы кровью, у Себастьяна лишь краснеют две царапины слева на шее. – Я так за тебя волновался! Заглянул к

Аматис, но там тебя не было...

– Я не ранена. – Клэри перевела взгляд с Себастьяна на Магнуса, крепко прижавшего к груди Белую книгу.

При виде мага угловатые брови Себастьяна поползли вверх.

– Та к ты... Твое лицо...

Клэри дотронулась до кровоточащих царапин у него на шее.

Мягко взяв ее за руку, Себастьян пожал плечами:

– Демоница задела, у дома Пенхоллоу. А так я невредим. Что происходит?

– Ничего. Я только говорила с Ма... Рагнором, – поправилась Клэри, вспомнив, что Себастьян не знает, кто такой Рагнор Фелл на самом деле.

– С Марагнором? – Себастьян снова выгнул брови. – Ну ладно. – Он посмотрел на Белую книгу, которую было бы неплохо спрятать. Увидев золотое тиснение, он спросил: – Что это у вас?

Магнус посмотрел на него внимательным взглядом и ответил:

– Книга заклинаний. Интересна и полезна лишь магам.

– Сказать по правде, моя тетушка коллекционирует книги заклинаний. Можно взглянуть? – Он протянул руку, и Магнус хотел уже отказать в просьбе, но тут кто-то окликнул Клэри: в сторону троицы шли Алек и Джейс. Ни один из них явно не обрадовался Себастьяну.

– Я же велел присматривать за Максом и Изабель! – с ходу накинулся на него Алек. – Ты что, бросил их?

Себастьян медленно перевел взгляд с Магнуса на Алека:

– Ваши родители просили передать, что все хорошо. Они вернулись. – Голос Себастьяна звучал спокойно. – Изабель и Макс тоже в безопасности. Скоро придут.

– Ну спасибо, – полным сарказма голосом произнес Джейс, – что сообщил эти новости сразу, как вошел в Зал.

– Я не заметил вас. Только Клэри.

– Только ее ты и искал.

– Именно. Мне надо с ней потолковать. С глазу на глаз. – От прямого взгляда Себастьяна Клэри замерла. Хотелось попросить не смотреть на нее так в присутствии Джейса... Глупости! Тем более, вдруг Себастьяну есть что сказать, нечто очень важное? – Клэри?

Клэри кивнула:

– Хорошо, отойдем на секунду. – Она обернулась к Джейсу: брат не хмурился, не сердился. Напротив, его лицо оставалось безучастным. – Сейчас вернусь, – добавила Клэри, однако Джейс не смотрел на нее. Он смотрел на Себастьяна.

Взяв Клэри за руку, Себастьян повел ее прочь, в гущу толпы. Клэри оглянулась: все смотрели ей вслед, даже Магнус – колдун легонько всего один раз мотнул головой.

Девушка резко остановилась:

– Себастьян, погоди. В чем дело? Что такого важного ты хочешь сказать?

Себастьян оглянулся на нее, продолжая удерживать за руку:

– Снаружи поговорим. Там нас никто не услышит...

– Нет, мы останемся здесь. – Голос Клэри чуть дрогнул, как будто она потеряла уверенность. Впрочем, руку из хватки Себастьяна Клэри высвободила очень даже уверенно. – Что с тобой?

– Та книга... в руках у Фелла. Белая книга. Где Фелл ее взял?

– Ты о книге хотел поговорить?

– Белая книга содержит невероятно могущественные заклинания. За ней... охотится очень много народу. Уже давно.

Клэри устало вздохнула:

– Ладно, Себастьян, слушай: это не Рагнор Фелл. Его зовут Магнус Бейн.

– Магнус Бейн?! – Себастьян резко обернулся, потом снова посмотрел на Клэри: – Ты знаешь Магнуса Бейна? И молчишь?!

– Да, прости. Магнус просил не выдавать его тайну тебе. Он знает, как помочь моей маме и просил принести ему Белую книгу. В ней содержится нужное знание.

В глубине глаз Себастьяна сверкнул странный проблеск, и Клэри ощутила то же чувство, что пришло во время поцелуя: она словно ступила на твердую почву, которая провалилась, открывая под ногой зияющую бездну.

Себастьян вновь схватил Клэри за руку:

– Ты отдала книгу – Белую книгу – магу? Поганой нежити?!

Клэри застыла:

– Как ты мог сказать такое? – Она глянула на запястье, за которое Себастьян ее удерживал. – Магнус мой друг.

Себастьян ослабил хватку, самую малость.

– Прости, да, не стоило так выражаться. Только... давно ли ты знаешь Магнуса Бейна?

– Да уж подольше, чем тебя, – холодно ответила Клэри. Она снова обернулась, желая увидеть Магнуса, но... Алек и Джейс стояли совершенно одни на том месте, где Клэри их и покинула. Магнус исчез.

Джейс излучал волны негодования, словно открытая печка – жар.

Себастьян тоже заметил отсутствие Магнуса, и его взгляд потемнел.

– Если знаешь его так хорошо, тогда скажи: куда он делся с твоей книгой?

– Книга – не моя. Я принесла ее Магнусу, – резко ответила Клэри. В желудке похолодело от страха. – Какое тебе до нее дело? Слушай, спасибо, что предложил вчера помочь найти Рагнора Фелла, но сейчас ты меня реально бесишь. Все, я возвращаюсь к друзьям.

Она развернулась и пошла к Джейсу с Алеком, однако Себастьян загородил дорогу:

– Постой. Да, я виноват, не стоило горячиться. Только... все отнюдь не так просто, как тебе кажется.

– Ну давай объясни.

– Выйдем из Зала, я все расскажу. – Себастьян умолял ее встревоженным голосом. – Прощу тебя.

Клэри покачала головой:

– Мне надо остаться. Ждать Саймона. – Не чистая правда, но за отмазку сойдет. – Алек сказал, что узников из Гарда приведут сюда...

Себастьян замотал головой:

– Клэри, тебе что, не передали? Узников Гарда бросили в темнице. Малахи сам так говорил, я слышал. Когда на город напали, из Гарда эвакуировали всех, кроме заключенных. Малахи сказал, будто они все равно в сговоре с Валентином, так зачем рисковать, вытаскивая их?

В глазах у Клэри помутилось, голова начала кружиться, и к горлу подступила тошнота.

– Не может быть...

– Еще как может. Клянусь, так и есть. – Себастьян вновь стиснул ей руку. Ноги у Клэри чуть не подкосились. – Идем со мной, я проведу тебя в Гард. Прямо к Саймону. Вместе мы поможем ему. Пообещай...

– Не станет она тебе ничего обещать, – сказал Джейс. – Отпусти ее, Себастьян.

Захваченный врасплох, Себастьян отпустил Клэри. Джейс и Алек встали по обе стороны от девушки и посмотрели на Себастьяна грозно. Джейс, как бы ненавязчиво, положил руку на рукоять клинка серафима.

– Клэри вольна делать все, что сочтет нужным. – Говорил Себастьян беззлобно, но на лице

его застыло странное выражение. – И прямо сейчас она считает нужным спасти друга. Друга, которого вы бросили в темницу.

При упоминании Саймона Алек побледнел, однако Джейс только покачал головой:

– Не нравишься ты мне, хоть все тебя и любят. Может, потому что ты так усердно распространяешь свои чары. А может, я откровенная сволочь... Мне противно, как ты лапаешь мою сестру. Если она решит спасти Саймона, то пойдет с нами. Не с тобой.

Выражение лица Себастьяна не изменилось.

– А мне кажется, что выбор – за Клэри. Не согласен?

Оба парня посмотрели на Клэри. Та устремила взгляд на Люка, который все еще спорил с Малахи.

– Я пойду с братом, – ответила Клэри.

В глазах у Себастьяна мелькнуло нечто злое, отчего по спине Клэри пробежал холодок.

– Ну конечно, как пожелаешь, – сдался Себастьян, отступая в сторону.

Первым ожил Алек. Подтолкнул Джейса: мол, иди давай, не стой на месте. У самых дверей Клэри опомнилась. Чувствуя жжение – там, где Себастьян держал ее за руку, – оглядела запястье, ожидая увидеть красные пятна. Нет, ничего, чистая кожа. Только рукав испачкан кровью Себастьяна. Опустив манжету, Клэри поспешила за Джейсом и Алеком.

Руки Саймона почернели от крови.

Он пытался выдрать решетку из оконного проема, бился о дверь камеры... Все без толку. Зачарованная сталь обжигала, секла ладони в кровь. Наконец Саймон сдался. Повалился на пол, глядя, как заживают раны, и хлопьями отваливается мертвая плоть – очень быстро, будто на видеозаписи при перемотке вперед.

По ту стороны стены Сэмюэль молился:

– ...Если придет на нас бедствие: меч наказующий, или язва, или голод, то мы станем пред домом сим и пред лицом Твоим, ибо имя Твое в доме сем; и воззовем к Тебе в тесноте нашей, и Ты услышишь и спасешь...^[13]

Саймон молчал, потому как молиться не умел. Молитва обжигала ему язык и запирали горло. Как же получается, что думать о Боге Саймон может, а вслух воззвать к Нему – нет? Почему он, вампир, не горит на дневном свете и при этом не в силах прочесть последнюю молитву?

По коридору призраком пополз дым. Слышно было, как трещит на этаже пламя, однако Саймон чувствовал странную отрешенность. Зачем судьба сделала его кровососом, подарив так называемую вечную жизнь, которую сама же вознамерилась оборвать в шестнадцать лет?

– Саймон! – позвал вдруг слабый, но различимый на фоне треска и гудения пламени голос. Вслед за дымом давящей, плотной стеной накатил жар. – Саймон!

Клэри! Ее голос Саймон узнал бы везде и всегда. Похоже, разум играет с ним, тешит перед смертью.

– Саймон, дурак! Я здесь! У окна, идиот!

А вот на такие игры разум уже неспособен. Саймон вскочил на ноги и вгляделся в клубы дыма, из которых проступили две смутные белые тени – чьи-то руки. Они ухватились за прутья решетки, и Саймон запрыгнул на кровать:

– Клэри?

– Слава богу! – Одна из рук просунулась внутрь и легла ему на плечо. – Сейчас мы тебя вытащим.

– Как? – спросил Саймон, ведь причина для сомнений была веская. Снаружи тем временем послышалась возня, и руки Клэри выпустили прутья. На смену им пришли другие – крупнее, мускулистей; костяшки покрыты шрамами; пальцы тонкие, как у пианиста.

– Держись, – сказал Джейс. Сказал спокойно, уверенно, будто обращался к Саймону не через решетку горящего подземелья, а на вечеринке у друзей. – Пожалуй, тебе лучше отойти от окна.

Пораженный, Саймон не стал ничего спрашивать и послушно отошел в сторонку. Руки Джейса напряглись, вдавливая прутья внутрь, костяшки угрожающе побелели, и... решетка провалилась в камеру, увлекая за собой облако удушливой каменной пыли.

В пустом окне возникло лицо Джейса.

– Саймон! Давай сюда, живо!

Ухватив Джейса за руки, Саймон подтянулся к подоконнику и втиснулся в узкий оконный проем, словно змея в тоннель. Вылез наружу и рухнул спиной на влажную траву, глядя на круг встревоженных лиц – Алека, Джейса и Клэри – над собой.

– Фигово выглядишь, вампир, – заметил Джейс. – Что с руками?

Саймон сел. Раны на ладонях зажили, однако черные отметины остались. Саймон рта

раскрыть не успел, как Клэри горячо и крепко обняла его.

– Саймон, – выдохнула она. – Невероятно. Я не знала, что ты в Идрисе. Думала, ты в Нью-Йорке...

– Ну... я, в общем, тоже не знал, что ты в Идрисе. – Саймон глянул на Джейса. – Если честно, мне как раз сказали, что тебя тут нет.

– Я такого не говорил, – ответил Джейс. – Просто не поправил тебя, когда ты... ну, высказал неверное предположение. И вообще, ты чуть заживо не сгорел, так что не позволяй себе лишнего.

Чуть заживо не сгорел... Разомкнув объятия с Клэри, Саймон огляделся. Они находились посреди квадратного сада, с двух сторон огороженного каменными стенами, а с двух других – густыми деревьями, заросли которых были прорежены там, где гравийная дорожка уводила вниз, к городу. На обочинах ведьмины огни почти все погасли; оставшиеся камни светили неверно, обманчиво. Гард стоял как будто бы целый, и только дым плыл над ним по небу да в нескольких окнах горел неестественно яркий свет.

– Сэмюель, – вспомнил Саймон. – Надо вытащить Сэмюеля.

– Кого? – ошеломленно спросила Клэри.

– Я не один сидел в темнице. Сэмюель – в соседней камере.

– Груда тряпья, которую я видел через окно? – спросил Джейс.

– Ага, он странный, но хороший. Надо его вытащить. – Саймон поднялся на ноги. – Сэмюель? Сэмюель!

Ответа не последовало, и тогда Саймон подполз к решетке соседней от своей камеры. Внутри он увидел только клубящийся дым.

– Сэмюель! Вы там?

В темноте шевельнулась сторбленная фигура, и еще больше охрипший от дыма голос произнес:

– Брось меня! Спасайся!

– Сэмюель! Вы же погибнете! – Саймон потянул за прутья решетки, но те прочно сидели в гнездах.

– Не надо! Брось! Я хочу остаться!

Саймон в отчаянии обернулся к Джейсу, и тот сказал:

– Подвинься.

Саймон отполз в сторону, и Джейс легко выбил решетку ударом ноги.

Внутри камеры хрипло закричали.

– Сэмюель! Вы целы? – Не дай бог, решеткой ему разmozжило голову!

Сэмюель крикнул в ответ:

– УХОДИ!

Саймон посмотрел на Джейса:

– Его не переубедить.

Джейс в ответ устало покачал головой:

– Надо же было тебе сдружиться с психом. Нет бы, как нормальному заключенному, считать потолочные плитки и мышей дрессировать.

Не говоря больше не слова, он лег на живот и вполз в камеру к Сэмюелю.

– Джейс! – крикнула Клэри и вместе с Алеком попыталась перехватить брата.

Не успели.

Тогда Клэри гневно посмотрела на Саймона:

– Как ты мог отпустить его?!

– Лучше, по-твоему, бросить человека умирать? – неожиданно произнес Алек, хотя видно

было: и он сердится. – Джейс, он ведь...

Договорить Алек не успел – из дыма показались две руки. Алек ухватился за одну, Саймон – за вторую, и вместе они вытянули на лужайку Сэмюеля, безвольного, как мешок картошки. Потом настал черед Джейса – нефилим, впрочем, безволен не был и крепко выругался, когда его случайно ударили головой о краешек окна.

Выбравшись из подвала, Джейс стряхнул с себя горе-помощников и на лужайку выкарабкался своими силами. Упал на спину и, глядя в ночное небо, произнес:

– Ай... Кажется, мышцу растянул. – Он сел и, глянув на Сэмюеля, поинтересовался: – Ну как, живой?

Сэмюель сидел, сгорбившись, на траве и, спрятав лицо в ладони, раскачивался взад-вперед.

– Что-то с ним не так, – сказал Алек и подошел к бывшему пленнику Гарда. Стоило дотронуться до Сэмюеля, как он дернулся и чуть не упал навзничь.

– Оставьте меня, – попросил он надломившимся голосом. – Оставь меня, Алек.

Алек застыл, будто громом пораженный:

– Что вы сказали?

– Попросил оставить его, – ответил за Сэмюеля Саймон, но Алек словно не слышал вампира. Он смотрел на Джейса – неожиданно бледный, тот пытался встать на ноги.

– Сэмюель. – Голос Алека резко погрубел. – Откройте лицо.

– Нет. – Сэмюель еще ниже опустил голову, и плечи его затряслись. – Нет, прошу вас, не надо.

– Алек! – позвал Саймон. – Неужели не видишь – ему плохо!

Клэри поймала Саймона за руку:

– погоди, Саймон. Что-то не так...

Девушка смотрела на Джейса – когда бы она на него не смотрела! – как он подходит к сгорбленной фигуре Сэмюеля. Оцарапанными пальцами Джейс убрал упавшие на глаза локоны, и на лбу остались кровоподтеки. Парень их не заметил. Широко раскрыв глаза и сжав губы в тонкую линию, он неотрывно взирал на Сэмюеля.

– Сумеречный охотник, – произнес Джейс. – Покажи лицо.

Помедлив немного, Сэмюель наконец опустил руки. Саймон прежде не видел этого лица – изможденного, старого, наполовину скрытого густой бородой. Вампир прежде не видел этих глубоко запавших глаз и морщинистых скул, и все же внешность Сэмюеля показалась смутно знакомой.

Алек беззвучно шевелил губами.

– Ходж, – первым заговорил Джейс.

– Ходж? – изумился Саймон. – Не может быть! Ходж, он ведь... Сэмюель, он...

– В этом весь Ходж, – горько ответил Алек. – Выставляет себя тем, кем не является.

– Он же говорил... – Клэри сильнее сжала пальцы, и Саймон предпочел промолчать. На Ходжа было невозможно смотреть: на лице его читалась не столько вина и даже не страх, сколько печаль.

– Джейс, – очень тихо произнес Ходж. – Алек... простите меня.

Джейс плавно и быстро – как в драке – метнулся к Ходжу и приставил ему нож к горлу. В клинке жидким светом отражался огонь.

– Зачем мне твои извинения? Лучше разубеди меня, иначе убью прямо сейчас, прямо здесь.

– Джейс, – испуганно произнес Алек. – Джейс, погоди.

С диким ревом сквозь крышу Гарда прорвалось оранжевое пламя и озарило ночь. На лужайке стала видна каждая травинка, и лицо Ходжа – грязное, худое – предстало перед молодыми людьми в малейших деталях.

– Нет, – ответил Джейс, глядя на старого учителя. При этом его неподвижное лицо напоминало лицо Валентина. – Ты, выходит, знал, что сотворил со мной отец? Тебе известны все его грязные тайны?

Алек переводил непонимающий взгляд с Джейса на бывшего наставника и обратно:

– Ты о чем, Джейс? Какие тайны?

Ходж скорчил гримасу:

– Джонатан...

– Ты все знал и не говорил ни слова. Все время, пока я обучался в Институте. Ты молчал.

Ходж поджал губы:

– Я... я не догадывался. Я не видел тебя с младенчества и... Не до конца был уверен, кто ты и тем более что ты.

– Джейс? – Алек перевел взгляд с лучшего друга на учителя, но ни один из них не обернулся. Ходжа будто зажало в тиски, руки у него дрожали, взгляд метался из стороны в сторону. Клэри вспомнила о чистеньком, опрятном старике, обитавшем в библиотеке и всегда готовом предложить чашку чая или добрый совет. Однако с тех пор, казалось, минуло несколько веков...

– Я тебе не верю, – сказал Джейс. – Ты знал, что Валентин жив. Он наверняка связывался с тобой...

– Он никак не давал о себе знать, – задыхаясь, произнес Ходж. – С самого Восстания о Валентине ни слуху ни духу. Я даже думал, что хозяин погиб, молился о его смерти... Потом Лайтвуды взяли на попечение ребенка Майкла Вэйланда, и за ночь до твоего прибытия Хьюго принес послание: «Мальчик – мой сын», вот и все... – Ходж, все еще дрожа, глубоко вздохнул. – Я сомневался, верить ли записке. Думал, смогу узнать тебя с первого взгляда, но нет, ничего в тебе не выдавало черт Валентина. Может, то была уловка? Только в чем? Сам ты ничего не знал, я сразу понял, однако, что до цели Валентина...

– Ты должен был сказать, что я такое, – на одном дыхании произнес Джейс. – Я бы что-нибудь предпринял. Убил бы себя.

Ходж посмотрел на Джейса из-под спутанных сальных волос.

– Я не знал, – повторил он, обращаясь больше к себе самому. – И потом, мне казалось... еще тогда... я думал, воспитание пересилит кровь... Хотел выучить тебя...

– Чему? Как не стать чудовищем? – Голос Джейса дрожал, но рука оставалась тверда. – Ты ведь не дурак. Валентин просто запугал тебя до смерти, сделал трусом, пресмыкающимся. Однако ты мог дать отпор, ведь он не со слабаком имел дело, не с ребенком.

Ходж опустил взгляд.

– Я воспитывал тебя, как мог, старался, – произнес он. Впрочем, даже Клэри верила ему с трудом.

– Старался, пока не пришел Валентин? – подсказал Джейс. – И тогда ты отдал меня – как собаку, которую хозяин оставил на пару лет и попросил присмотреть...

– И бежал сам, – продолжил Алек обвинительную речь. – Бросил нас всех. Надеялся укрыться тут, в Аликанте?

– Я сюда не прятаться пришел, – безжизненным голосом ответил Ходж. – Остановить Валентина.

– Так мы тебе и поверили, – злобно проговорил Алек. – Ты всегда держался стороны Валентина. Хотя мог отвернуться от него...

– Нет, не мог! – слегка оживился Ходж. – Твоим родителям дали шанс изменить жизнь, а меня прокляли. Заперли в Институте на пятнадцать лет...

– Институт стал нашим домом! Тебе что, не нравилось с нами? Быть членом нашей семьи в тягость?

– Не из-за вас, дети, не из-за вас. – Голос Ходжа снова утратил твердость. – Мне вы всегда нравились, но вы – дети. Нельзя назвать домом место, покинуть которое ты не в силах. Случалось, я неделями не мог поговорить ни с одним зрелым человеком. Сумеречные охотники мне больше не доверяли. Ваши родители тоже, они лишь терпели меня – выбора не оставалось. Семью создать я не мог... ни жены, ни ребенка. Никакой жизни. В конце концов вы бы возмужали и покинули Институт, а я остался бы. Сколько ни живу – если вообще живу, – меня постоянно терзает страх.

– Жалеть тебя мы не станем, – сказал Джейс. – Не дождешься. Чего ты, отсиживаясь в библиотеке, боялся? Пылевых клещей? Мы одни выходили в город и били демонов!

– Он Валентина боялся, – заговорил Саймон. – Что тут непонятного...

Джейс метнул в него ядовитый взгляд:

– Заткнись, вампир. Тебя это вообще не касается.

– Нет, не самого Валентина. – Ходж впервые, оказавшись вне камеры, посмотрел на Саймона. Клэри с удивлением заметила подобие теплоты во взгляде измученного узника. – Боялся я своей слабости – Валентин о ней знал прекрасно. Он рано или поздно вернулся бы, чтобы снова попытаться захватить власть над Конклавом. И предложил бы мне свободу. Свободу от проклятия. Жизнь. Место в мире. Я снова стал бы Сумеречным охотником в мире Валентина, ведь в вашем мире место утрачено. – Было больно слышать тоску в его голосе. – Я не смог бы устоять перед такой приманкой.

– Посмотри, что ты получил, – ядовито заметил Джейс. – Гниешь в темнице Гарда. Достойная награда за предательство?

– Ответ ты сам знаешь, – обессиленно сказал Ходж. – Валентин пообещал снять проклятие – и снял. Я надеялся, он примет меня в Круг или то, что от него осталось. Не тут-то было: даже Валентину я оказался не нужен. И в его новом мире места мне не нашлось. Я ничего не мог предложить... – Ходж посмотрел на свои грязные трясущиеся руки. – Оставался единственный шанс доказать свою значимость, пользу. Узнав, как Валентин расправился с Братством молчания, заполучил Меч смерти, я понял – теперь ему нужно Зеркало смерти. Ему ведь требуются все три Орудия. А Зеркало смерти здесь, в Идрисе.

– Погоди-ка! – поднял руку Алек. – Хочешь сказать, что Зеркало смерти всегда хранилось в Городе стекла? У кого же?

– Ни у кого. Им никто не может обладать: ни нефилим, ни нежить.

– Смотрю, ты окончательно спятил, пока в тюрьме сидел... – Джейс кивнул в сторону чадающих дымом окон подземелья.

– Джейс! – Клэри испуганно смотрела на желтые и красные языки пламени, пробивающиеся через крышу Гарда. – Огонь расходится. Надо уходить. Хотя бы в город...

– Меня заперли в Институте, – продолжал рассказ Ходж, будто не слыша Клэри. – Пятнадцать лет я не мог носа из него высунуть и сидел в библиотеке, прочитывая книгу за книгой, ища способ снять проклятие. И нашел: обратить проклятие можно с помощью Орудия смерти. Тогда я зарылся в легенды об ангеле, о том, как он даровал первому из Охотников, Джонатану, Чашу, Меч и Зеркало...

– Да знаем мы, – нетерпеливо перебил его Джейс. – Ты рассказывал.

– Вам только кажется, будто вы все знаете. Я же вновь и вновь перечитывал различные версии легенд и везде наткнулся на одну и ту же – знакомую нам всем – иллюстрацию, как ангел восстает из озера. В одной руке он сжимает Меч, в другой – Чашу. Но где Зеркало? Его не нашлось ни на одном изображении. Тогда я понял: Зеркало – это озеро. Озеро Лин и есть Зеркало смерти.

Джейс медленно опустил нож:

– Озеро Лин?

Клэри вспомнила, как упала в озеро, как оно неслось ей навстречу – словно поверхность настоящего зеркала – и как оно «раскололось» при ударе...

– Прибыв сюда, я чуть не утонула в Лин. Люк еще рассказывал, что вода в нем необычная. Дивный народец называет озеро Зеркалом снов.

– Совершенно точно! – оживился Ходж. – Правда, Конклаву неведома истинная природа озера. Знание со временем было утрачено. Валентин тоже не в курсе...

Его слова прервал грохот – обрушилась дальняя башня Гарда, и в озарившееся красным небо выстрелил гигантский сноп искр.

– Джейс, – тревожно огляделся Алек. – Пора уходить. Ну-ка вставай, – поднял он под руку Ходжа. – Расскажешь все Конклаву.

Ходж поднялся на слабые, дрожащие ноги. Клэри стало его жаль, и жалость вызвала в ней отвращение. Разве это жизнь – постоянно стыдиться, но стыдиться не сделанного, а того, что делаешь и делать будешь! Ходж сдался, бросив попытки наладить нормальную жизнь, желая лишь одного – перестать бояться. И собственно, потому бояться никогда не переставал.

– Побежали. – Алек потащил Ходжа прочь из сада, однако Джейс загородил им путь:

– Вдруг Зеркало достанется Валентину? Ты об этом подумал?

– Джейс, – попросил Алек, не отпуская Ходжа, – давай потом...

– Если Ходж расскажет Конклаву о тайне Зеркала, мы о ней не узнаем. Для Конклава мы – дети, а Ходж нам обязан. – Джейс обратился к бывшему учителю: – Ты сказал, что хочешь остановить Валентина. Как ты намерен был ему помешать? Для чего Валентину мощь Зеркала?

Ходж замотал головой:

– Нет, нельзя...

– Не лги мне. – В руке у Джейс сверкнул нож. – За каждый неправдивый ответ я буду отрезать тебе по пальцу. Или по два.

Ходж дернулся, и в глазах у него отразился неподдельный страх.

– Джейс, – потрясенно произнес Алек. – Ты что?! Та к действует твой отец, пытки – в его духе. Ты не такой.

– Алек, – ответил Джейс, не глядя на друга, таким тоном, будто с большим сожалением кладет руку ему на плечо. – Ты даже не представляешь, какой я на самом деле.

Алек посмотрел на Клэри непонимающим взглядом. Правильно, он-то ничего о Джейсе не знает.

Клэри шагнула к брату:

– Джейс, Алек прав. Надо отвести Ходжа в Зал, и пусть он все расскажет Конклаву...

– Хотел бы – давно просветил бы Охотников, – отрезал Джейс, даже не глядя на нее. – Раз молчал – значит врет.

– Конклаву нельзя доверять! – отчаянно запротестовал Ходж. – В нем остались шпионы, люди Валентина. Откройся я Конклаву, шпионы бы узнали о Зеркале, и тогда...

Договорить он не успел. В лунном свете мелькнула серебристая молния. Алек вскрикнул, а Ходж попятился, выпучив глаза и хватаясь за грудь – между ребер у него, словно древко пораженной стрелы, засела рукоять длинного кинжала.

У самой земли Алек подхватил Ходжа и дал ему мягко опуститься на траву. Поднял беспомощный взгляд на Джейса:

– За что?.. – По лицу у него стекала кровь учителя.

– Это не я... – Побледневший Джейс показал крепко зажатый в руке нож.

Саймон развернулся на месте, и Клэри – вместе с ним. Оба взгляделись в темноту между деревьев. Пожар адовым пламенем освещал сад, но в роще сохранялась тьма. И вот из тени

выступила фигура: длинные волосы и темные глаза, которые в свете пламени как будто горят...

– Себастьян? – позвала Клэри.

Джейса словно оглушили. Он перевел безумный взгляд с Ходжа на Себастьяна, застывшего в нерешительности на краю лужайки.

– Ты... как ты мог?

– Пришлось, – ответил Себастьян. – Он чуть не убил тебя.

– Чем?! – Голос у Джейса надломился. – Голыми руками?!

– Джейс, – перекричал его Алек. – Иди сюда, помоги.

– Он чуть не убил тебя, – повторил Себастьян. – Он...

Джейс его не слушал. Убрав нож за пояс, он опустился на колени рядом с Алеком, который – весь в крови – держал старого учителя.

– Достань у меня из кармана стило, – велел Алек. – И начерти руну иратце.

Пораженная, Клэри не смела пошевелиться. Заслышав странные звуки со стороны Саймона, она обернулась – и обомлела. Саймон стоял белый как полотно, только алел на скулах чахоточный румянец. Под кожей веточками тонкого, изящного коралла проступали вены.

– Кровь, – прохрипел Саймон, не глядя на Клэри. – Лучше мне уйти пока.

Клэри попыталась поймать его за рукав и не успела – Саймон оказался быстрее.

– Нет, не надо, прошу тебя. Клэри, я уйду на время. Просто... – Он побежал, так быстро, что Клэри не могла с ним тягаться, и растворился во тьме между деревьев.

– Ходж! – отчаянно звал Алек. – Ходж, не шевелись!

Ходж слабенько отбивался от него, от стило в руке Джейса. Лицо старого библиотекаря приобрело землистый оттенок. Взгляд метался между Джейсом и Себастьяном, который все еще стоял в тени на краю рощи.

– Джонатан...

– Джейс, – прошептал Джейс. – Зови меня Джейс.

Взгляд Ходжа наконец остановился – на Джейсе. Клэри никак не могла понять, что видит в глазах старика. Мольбу и еще... страх или нечто подобное вперемешку с нуждой.

Ходж предостерегающе поднял руку.

– Не ты, – прохрипел он, харкая кровью, и вцепился Джейсу в рукав. – Ты... не...

Не договорив, он впал в забытие, умирая долго и мучительно, – закатив глаза и захлебнувшись кровью.

Алек опустил ему веки:

– Прощай, Ходж Старквезер.

– Он не заслужил почестей, – рявкнул Себастьян. – Ходж перестал быть Сумеречным охотником, он предатель. Такие не заслуживают прощального слова.

Алек посмотрел на Себастьяна. Бережно отпустил Ходжа и поднялся на ноги. Его голубые глаза были холодны, словно лед. По лицу стекала кровь.

– Ты ничего о нем не знаешь. Ты убил безоружного человека, нефилима. Убийца!

Себастьян скривился:

– По-твоему, мне неизвестно, кто это? – Он указал рукой в сторону Ходжа. – Старквезер состоял в Круге. Он предал Конклав, и его в наказание проклинали. За предательство ему полагалось умереть, но Конклав проявил милость... и что в благодарность? Старквезер снова предал всех, отдав Валентину Чашу смерти. Только для того, чтобы Валентин снял с него проклятие. Заслуженное проклятие. – Себастьян сделал паузу, отдышался. – Убивать его, может, и не следовало, однако он того заслужил.

– Откуда ты столько знаешь о Ходже? – спросила Клэри. – И почему ты здесь? Ты ведь согласился ждать в Зале.

Помолчав, Себастьян ответил:

– Вас слишком долго не было. Я и решил: вдруг помощь нужна?

– Помог, называется. Убил того, с кем мы разговаривали! Просто потому, что у человека темное прошлое! Кто... кто так поступает?! Это бессмысленно!

– Он врет, – сказал Джейс, холодно и внимательно глядя на Себастьяна. – Неубедительно, впрочем. Я-то думал, ты скор на побег, Верлак.

Себастьян спокойно посмотрел на него в ответ:

– Не понимаю, о чем ты, Моргенштерн.

– Если ты действительно считаешь убийство Ходжа оправданным, – вступил в разговор Алек, – то соизволишь пойти с нами и обо всем рассказать Конклаву.

Минул один удар сердца, прежде чем Себастьян улыбнулся – точно такой улыбкой, которая очаровала Клэри. Правда, вышла она кривобокая.

– Ну разумеется, – ответил Себастьян, медленно, прогулочным шагом подходя к компании. Будто ничто в мире его не заботило. Будто он не убил минуту назад человека. – Хотя странно, чего вы так суетитесь из-за предателя. Джейс и так собирался оттяпать ему пальцы.

Алек поджал губы:

– Джейс бы не пошел на такое.

– Ты... – Джейс с отвращением посмотрел на Себастьяна. – Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Может, – сказал Себастьян, – ты просто зол на меня за то, что я целовался с твоей сестрой? За то, что она меня хочет?

– Неправда, – сказала Клэри, однако никто не обернулся. – Я не хочу тебя.

– Есть одна небольшая деталь, и ты, наверное, заметил... – Себастьян остановился перед Джейсом, улыбаясь по-ангельски. – Когда целуешь Клэри, она глотает воздух. Испуганно так.

Джейса, казалось, сейчас стошнит.

– Моя сестра...

– Сестра, как же! Вы ведете себя совсем не как брат с сестрой. Думаете, никто ваших шашней не замечает? Будто никому неизвестно о ваших чувствах друг к другу? Будто никому это не кажется отвратительным?! Тьфу, мерзость какая!

– Заткнись! – Джейс смотрел на Себастьяна так, словно готов был убить его.

– Зачем ты так, Себастьян? – спросила Клэри. – Зачем говоришь такие вещи?

– Потому что могу больше не притворяться. Надоело делать вид, что вы не противны мне. Я устал, меня тошнит от вас. Ты, – обратился Себастьян к Джейсу, – если не ухлестываешь за сестрицей, то ноешь, как твой папочка тебя не любил. Хотя кому, как не тебе, его винить! А ты, – обратился он к Клэри, – глупая сучка, отдала магу-полукровке бесценную книгу. Неужели в твоей милой головке совсем нет мозгов?! И наконец, ты! – Себастьян повернулся к Алеку. – Все знают, что с тобой не так. Подобных тебе нельзя принимать в члены Конклава. Извращенец!

Алек побледнел, но не от страха – от крайнего удивления. Невероятно было слышать подобное от Себастьяна, когда у него на губах играет ангельская улыбка.

– Ты притворялся? – переспросила Клэри. – Зачем? Если только... ты не шпионил, – закончила она, поражаясь собственной догадке. – Ты шпион Валентина.

Полные губы Себастьяна вытянулись в тонкую линию, красивые овальные глаза превратились в щелки.

– Дошло наконец-то. В мире есть измерения демонов, куда свет не проходит вовсе, но, клянусь, даже в них светлей, чем в ваших головах.

– Может, мы и не такие умные, – сказал Джейс. – Зато живые.

Себастьян посмотрел на него с ненавистью:

– Поправочка: это я живой.

– Ненадолго.

Лунный свет взорвался на клинке ножа. Джейс кинулся на Себастьяна. Клэри первый раз видела, чтобы человек перемещался так стремительно.

Себастьян ушел с линии атаки. Перехватил Джейса за руку, за шиворот и со страшной силой бросил о стену Гарда. Джейс ударился спиной – казалось, кости затрещали – и упал в траву.

– Джейс! – Клэри бросилась на Себастьяна. Хотела задушить его, но враг снова отошел в сторону и походя, будто отмахиваясь от насекомого, ударил девушку по голове. Клэри упала и, преодолевая боль, попыталась встать.

Алек достал лук и наложил стрелу на тетиву. Рука его была крепка, не дрогнула.

– Стой, где стоишь. Руки за спину.

Себастьян рассмеялся:

– Ты не выстрелишь. – Он направился к Алеку спокойным шагом, как если бы поднимался на крыльцо собственного дома.

Алек сощурился. Грациозно, одним движением, поднял лук, натянул тетиву и, прицелившись, выстрелил. Мимо. Себастьян то ли нырнул в сторону, то ли еще что. Алек только и успел удивиться, как Себастьян выкрутил у него из рук оружие.

Хрустнул переломленный лук, и Клэри вздрогнула – будто сломали кому-то руку. Преодолевая боль в голове, девушка села. Джейс лежал рядом, не шевелясь. Встать не вышло и у Клэри – ноги не слушались.

Отбросив половинки лука, Себастьян взялся за самого Алека; тот выхватил нож, но Себастьян отбил удар и вцепился Алеку в горло, оторвал от земли.

– Лайтвуд, – ухмыляясь, произнес Себастьян. – Об одном я уже позаботился. Не ожидал, что подвернется второй удобный случай...

Его внезапно дернуло назад – словно марионетку за ниточки.

Алек упал на землю, схватился за горло, захрипел, пытаясь продышаться. Взгляд Клэри оставался прикован к Себастьяну. Кто-то запрыгнул ему на спину. Себастьян вертелся на месте, задыхаясь и кашляя. Только когда он повернулся спиной, Клэри заметила, что напал на него...

Саймон.

Руками вампир обхватил шею Себастьяна – цепко, словно пиявка, – и показал клыки. Озверевшим, яростным Клэри видела его второй раз. Первый был, когда Саймон восстал из могилы. Пораженная и перепуганная, Клэри взидала на схватку, не смея отвернуться. Вот острые, словно костяные иглы, зубы вонзились Себастьяну в предплечье, содрав кожу, пустив кровь...

Завопив, Себастьян упал на спину, перекатился. Саймон держал его, не ослабляя хватки. Противники мутузили друг друга, словно псы в яме, пока Себастьян – раненный в нескольких местах, – шатаясь, не поднялся на ноги. Пнул Саймона по ребрам.

– Поганый мелкий клещ, – сказал Себастьян, занося ногу.

– Я бы угомонился, – произнес тихий голос.

Клэри повернула голову, и позади лба звездой полыхнула боль. В нескольких футах за спиной у Себастьяна стоял Джейс: один глаз опух и закрылся, однако рука крепко держит сияющий клинок серафима.

– Людей мне убивать не доводилось, – сказал Джейс. – Но попробовать хочется.

Себастьян скривился. Он глянул на Саймона, потом на Джейса и выплюнул тому в лицо несколько слов на непонятном языке. Развернулся и с той же устрашающей скоростью, с какой бил Джейса и Алека, побежал. Растворился во тьме рощи.

– Нет! – закричала Клэри. Попробовала встать. Новый приступ боли заставил повалиться на

бок. В следующее мгновение над ней склонился Джейс, бледный, взволнованный. В глазах помутилось: голову Джейса нимбом окружило белое сияние. Раздался голос Саймона, затем – Алека. Джейсу передали какой-то предмет... стило. Руку будто сунули в огонь, и тут же боль начала стихать. Зрение прояснилось, Клэри четко увидела лица склонившихся над ней.

– Голова...

– У тебя сотрясение, – объяснил Джейс. – Руна поможет, временно. Лучше показаться лекарю. Травмы бывают обманчивы. – Он отдал стило Алеку. – Ты как, встать сможешь?

Клэри кивнула... и поняла, что ошиблась. Саймон помог ей встать, но голову тут же пронзила дикая боль. Саймон подставил плечо, и Клэри благодарно оперлась на него. Казалось, она может участвовать в любую секунду.

Джейс сердито нахмурился:

– И чего ты полезла драться с Себастьяном? У тебя даже оружия не было. Чем ты думала?!

– О чем мы все думали?! – Алек неожиданно вступился за Клэри. – Себастьян отшвырнул тебя как бейсбольный мяч. Джейс, прежде никто с тобой так легко управиться не мог.

– Я... не ожидал. Себастьян, скорее всего, владеет особым приемом. Вот и застиг меня врасплох.

– Врасплох – это точно, – подал голос Саймон и поморщился, ощупывая бок. – Парочку ребер мне точно сломали. Все нормально, – сказал он в ответ на встревоженный взгляд Клэри. – Они заживают. А Себастьян и правда силен... – Саймон посмотрел на Джейса: – Сколько, по-твоему, он простоял в тени, подслушивая нас?

Помрачнев, Джейс оглянулся в сторону рощи:

– Далеко Себастьян не уйдет. Конклав его схватит... и наложит проклятие. То же, какое досталось Ходжу. Вот это будет торжество справедливости.

Саймон отвернулся и сплюнул в кусты. Утерев губы тыльной стороной ладони, он заметил:

– Кровь у Себастьяна поганая. На вкус как яд.

– Он вообще полон приятных сюрпризов, – иронично заметил Джейс. – Как думаете, что еще он задумал этой ночью?

– Возвращаемся в Зал, – подытожил Алек. Взглянув на его встревоженное, напряженное лицо, Клэри вспомнила, как Себастьян говорил об остальных Лайтвудах. – Клэри, идти сможешь?

Клэри отстранилась от Саймона:

– Да, могу. А что с Ходжем? Нельзя его просто так бросить.

– Придется. Вернемся за ним позже, если сумеем пережить ночь.

Когда они готовились покинуть сад, Джейс вернулся к телу учителя и накрыл ему лицо своей курткой. Клэри хотела подойти к брату, похлопать его плечу, но что-то подсказало: лучше не надо. Даже Алек не решился предложить другу исцеление руной, хотя Джейс сильно хромал.

Спускаясь с холма по змеящейся тропинке, нефилимы обнажили оружие. Демонов, впрочем, не встретилось.

Из-за тишины и зловещего света Клэри казалось, будто она во сне. Кровь гудела в ушах, и шагать получалось с огромным трудом – словно не собственные ноги передвигаешь, а бетонные блоки. Алек и Джейс впереди о чем-то переговаривались, однако слова звучали смазанно.

Алек говорил мягко, почти умоляя:

– Джейс, то, как ты разговаривал с Ходжем... так нельзя. Родство с Валентином не делает тебя монстром. Когда Валентин злодействовал, ты еще был ребенком, и не твоя вина в том, чему тебя учил отец...

– Не желаю думать о детстве и воспитании. Ни сейчас, ни когда-либо еще. И ты, Алек, не напоминай, не спрашивай. – Джейс говорил жестко, и Алек умолк.

Клэри как будто передались его терзания. Что за ночь выдалась! Столько страданий выпало на долю каждого...

Клэри постаралась забыть жалобное, просящее выражение на лице Ходжа. Библиотекарь ей никогда не нравился, но он – и никто другой – не заслуживал того, как с ним поступил Себастьян. Себастьян... как он быстр. Словно искры, взлетающие к небу.

На памяти Клэри столь быстро двигался один только Джейс. Как Пенхоллоу не заметили подмены? Как не распознали лазутчика? Себастьян притворялся, будто хочет помочь в спасении Джослин, а сам лишь желал заполучить Белую книгу. Магнус не прав – не из-за Лайтвудов погиб Рагнор Фелл. Погиб он потому, что Клэри проболталась о своей цели Себастьяну. Вот дура!

Клэри не заметила, как тропинка перешла в аллею, ведущую к городу. Улицы были пусты, колпаки многих фонарей разбиты. Под ногами хрустело стеклянное крошево. Тут и там в тени меж домов мерцало пламя ведьминых огней, эхом разносились далекие, едва слышные выкрики...

– Тихо-то как, – заметил Алек, озираясь по сторонам. – И...

– Вони демонов нет, – нахмурился Джейс. – Странно. Идемте, надо скорее добраться до Зала Договоров.

Хотя Клэри наполовину была готова к внезапной схватке, демонов по пути к Залу не встретилось. По крайней мере, живых – в одном из переулков Сумеречные охотники собрались вокруг чего-то извивающегося на земле и по очереди кололи его копьями. Вздвогнув, Клэри отвернулась.

Зал Договоров сиял, будто костер, – из окон и дверей лился свет ведьминогo огня. Клэри споткнулась на ступенях и едва не упала. Все вокруг вертелось, будто ее поместили внутрь вращающегося глобуса. Звезды в ночном небе напоминали потеки белой краски на черном фоне.

– Тебе лучше прилечь, – сказал Саймон, но Клэри не ответила. – Клэри?

Невероятным усилием воли она выдавила улыбку:

– Все нормально.

У входа в Зал Джейс молча обернулся. В ярком свете кровь у него на лице смотрелась черной, а заплывший глаз выглядел особенно неприятно.

Из Зала доносился приглушенный рокот – бормотание сотен голосов походило на биение гигантского сердца. Свет от факелов, смешиваясь с сиянием ведьминогo огня, резал глаз, отчего Клэри видела теперь только размытые формы и цвета: белый, золотой... Ночное небо из черного становилось бледно-синим.

Который час?

– Их нигде нет. – Алек рыскал по залу. Его голос будто доносился из-под воды или за тысячи миль отсюда. – Они должны были давно прийти...

Голова закружилась еще сильнее, и конец речи Алека смазался. Клэри, чтобы не упасть, оперлась о колонну. Кто-то погладил по спине... Саймон. Он о чем-то встревоженно говорил Джейсу, но слова смешались с десятками других голосов, накатывающих, словно волны – на берег.

– Невиданно! Чудовища развернулись и покинули город. Ушли.

– Может, из-за восхода? Демоны боятся солнца, а до рассвета уже недалеко.

– Нет, дело в другом.

– Не уговаривай себя, ночью демоны вернутся. Не сегодня завтра они придут опять.

– Ну что ты говоришь! Причин так думать нет. Барьер восстановят.

– Ага, и Валентин его снова нарушит.

– Может, мы заслужили кару? И Валентин прав – сдружившись с нежитью, мы утратили благословение Ангела?

– Тихо! Прояви хоть каплю уважения. Ликантропы считают своих павших на площади Ангелов.

– Вон они, – раздался голос Алека. – Там, у подиума. Кажется... – Алек умолк и стал продираться через толпу.

Клэри прищурилась, но в глазах по-прежнему стояла мутная пелена. Джейс отдышался и пошел следом за Алеком. Опустив голову, Клэри хотела последовать за братом, однако ее перехватил Саймон.

– Тебе надо прилечь, Клэри.

– Нет, – прошептала она. – Я хочу увидеть, что случилось...

Заметив, как Саймон пораженно смотрит мимо нее – в сторону, куда ушел Джейс, – Клэри вновь обхватила колонну руками и встала на цыпочки. Наконец получилось заглянуть поверх толпы...

Вон они, Лайтвуды. Мариза обняла всхлипывающую Изабель, а Роберт сидит на полу, и на руках у него что-то... нет, кто-то. Клэри вспоминала, как первый раз увидела Макса – в Институте, когда парнишка дрых на кушетке: очки съехали на бок, рука упала на пол... Джейс говорил, дескать, Макс спит где и когда угодно. И сейчас, лежа на коленях у отца, он словно опять прикорнул, хотя Клэри поняла сразу: мелкий не спит.

Алек, упав на колени, взял Макса за руки. Джейс остался чуть поодаль, совершенно потерянный. Клэри захотелось броситься к нему, обнять, но взгляд Саймона говорил: не надо. Собственная память, память о том, как Джейс обнимал ее в поместье, твердила то же самое. Утешить брата Клэри точно не сможет.

– Клэри, – позвал Саймон.

Позабыв о боли и головокружении, она оттолкнула друга, пробежала через весь зал, распахнула двери и вышла на крыльцо. Глядя, как на востоке разгорается алое пламя и гаснут на небе звезды, Клэри судорожно глотала холодный воздух.

Ночь прошла, наступил рассвет.

Запутавшись в простыне и задыхаясь, Клэри проснулась от кошмара, в котором видела истекающих кровью ангелов. В спальне у Аманис было темно, как в заколоченном гробу. Клэри потянулась к окну, отодвинула занавеску, и в комнату хлынул яркий дневной свет. Зажмурившись, девушка вернула занавеску на место.

Небо на западе так и не расчистилось – дым застилал его с самой атаки демонов. Правда, на этот раз – от погребальных костров. Сумеречные охотники сжигали тела погибших.

От мрачного зрелища Клэри замутило, и она предпочла больше не открывать занавесок. Лежа в темноте и закрыв глаза, она попыталась припомнить сон. Ангелы... и образ той самой руны, что показал Итуриэль. Магический знак горел, как человек с зеленой лампы светофора, запечатленный на внутренней стороне века. Руна была проста, как самый обычный узел, однако ее никак не удавалось прочесть. словно бы тот, кто создавал руны, не закончил начатое.

«Я не впервые посылаю тебе сны».

Так сказал Итуриэль... Клэри припомнила остальные видения: выжженные на руках Саймона кресты, крылатый Джейс, замерзшие и сверкающие, словно зеркала, озера. Не их ли показывал ангел?

Вздыхнув, Клэри села. Может, ей и снятся кошмары, однако образы в голове ничуть не спокойнее. Изабель рыдает, вцепившись самой себе в волосы, будто вот-вот готова их вырвать. Мариза кричит на Цзя Пенхоллоу: дескать, привели в дома этого парня, а он сотворил такое, и раз уж он вам кузен и так близок к Валентину, то что сказать о вас?! Алек пытается успокоить мать и просит Джейса помочь, но тот стоит ни жив ни мертв. Над Аликанте восходит солнце, и его лучи просачиваются сквозь хрустальную крышу.

– Рассвет, – сказал тогда Люк. Таким измотанным Клэри еще ни разу его не видела. – Время позаботиться о погибших.

Он выслал отряды, чтобы те собрали мертвых нефилимов и оборотней с улиц и принесли их на площадь у Зала. На площадь, где Клэри совсем недавно прогуливалась под ручку с Себастьяном и говорила, будто Зал походит на церковь. Тогда площадь, окруженная клумбами и яркими лавками, показалась очень даже милой. Теперь она наполнилась трупами.

И Макс – среди них. Желудок у Клэри сжался в комок. Паренек столь серьезно рассуждал о манге, а Клэри обещала сводить его в «Запретную планету»^[14]... Теперь этому не бывать. «Я бы купила ему еще книжек, – подумала Клэри. – Неважно каких. Любых, лишь бы он попросил».

Клэри решительно выбралась из постели. «Все, хватит!» Она быстренько приняла душ, натянула джинсы, прижала к лицу свитер, ожидая уловить хоть капельку бруклинского запаха или обычного порошка. Однако свитер пах лимонным мылом. Вздыхнув еще раз, Клэри надела свитер и спустилась на первый этаж.

В доме остался один Саймон. Он сидел в зале на диване – у раскрытого окна в пятне солнечного света: совсем как кот, который всегда рад погреться на солнышке. Саймон использовал любую возможность принять «солнечную ванну», и неважно, скуден свет или ярок, кожа вампира сохраняла бледность и оттенок слоновой кости.

Клэри взяла яблоко из чаши на столике и присела рядом, подобрав под себя ноги:

– Ты хоть немного поспал?

– Чуть-чуть. – Саймон посмотрел на нее. – Могу задать тот же вопрос, потому что синяки под глазами не у меня. Снова кошмары снятся?

Клэри пожала плечами:

– Есть такое. Смерть, разрушения, плохие ангелы...

– Больше на жизнь похоже.

– Угу, но стоит проснуться – и все уходит. – Она надкусила яблоко. – Дай угадаю, Аматис и Люк – в Зале, на собрании?

– Ага. Собрались там и решают, по каким поводам еще можно собраться. – Саймон лениво потеребил бахрому на декоративной подушке. – От Магнуса ничего не слышно?

– Нет.

О том, что Магнус без вести пропал уже три дня назад, Клэри старалась не думать. Магу ничего не стоит исчезнуть навсегда, прихватив Белую книгу и позабыв про обещание. Разве можно доверять мужчине, который густо подводит глаза тушью?!

Клэри легонько дотронулась до руки Саймона:

– А ты? Еще не передумал? Остаешься?

Ей хотелось, чтобы Саймон вернулся домой сразу после окончания битвы, ведь в Нью-Йорке для него безопасней. Однако друг почему-то воспротивился, всеми силами желая остаться. Клэри надеялась, это потому, что Саймон считает себя обязанным о ней позаботиться, – и ей духу не хватило отказаться от помощи, ведь часть души желала присутствия Саймона. Поэтому Клэри втайне радовалась, хотя и чувствовала себя виноватой.

– Ты... получаешь, что надо?

– Кровь-то? Ага, Майя приносит по бутылочке в день. Только не спрашивай, где она берет эту кровь.

В первое утро, проведенное в доме Аматис, Саймон получил неожиданный подарок: в дверь постучались – на пороге стоял оборотень. Ослабившись, он протянул Саймону живого котенка.

– Кровь, – с сильным акцентом сказал ликантроп. – Тебе. Свежая!

Саймон котенка принял и, дождавшись, пока оборотень уйдет, отпустил животное.

– Придется тебе самому искать кровь, – сказал тогда удивленный Люк.

– У меня дома кошка живет. Коты мне не пища.

– Хорошо, я передам Майе, – пообещал вожак оборотней, и с тех пор кровь Саймону присылали в молочных бутылках. Откуда и чья это кровь, Клэри не знала и, подобно Саймону, спрашивать у Майи не хотела. К тому же девушка-волк с самой ночи сражения больше на глаза не показывалась. Люк один остался в городе – стая ушла в лес неподалеку.

– В чем дело? – спросил вампир, откинувшись на спинку дивана. – Спросить о чем-то хочешь?

Да, вопросы имелись, однако спросить Клэри решила только об одном:

– Ходж... Когда вы сидели в тюрьме, ты и правда не узнал его?

– Я же не видел Ходжа. Нас держали в соседних камерах. Мы переговаривались... очень часто.

– И Ходж тебе понравился? В смысле, он был добр к тебе?

– Добр? Не сказал бы. Я думал, за стеной сидит человек, замученный, печальный, образованный, порой сострадательный... В общем, да, он мне понравился. Ходж видел во мне, наверное, себя...

– Не говори так! – Клэри резко выпрямилась и чуть не выронила яблоко. – Ты нисколько на него не похож.

– По-твоему, меня не мучили и я необразованный?

– Ходж был злой, а ты нет, – решительно заявила Клэри. – Вот в чем дело.

Саймон тяжело вздохнул:

– Клэри, люди не рождаются злыми или добрыми. Есть, наверное, изначальные наклонности, однако все зависит от воспитания и образа жизни. От того, с кем мы дружим.

Ходж тусовался с Валентином, и вряд ли был еще кто-то, кто мог бы повлиять на Ходжа в лучшую сторону. Будь у меня такая жизнь, не знаю, как все бы обернулось... Но я жил как жил, у меня есть семья. Есть ты.

Клэри в ответ улыбнулась, хотя слова Саймона ранили. Когда-то сама Клэри верила, будто люди не рождаются добрыми или злыми, вот только образы, явленные ангелом, перевернули ее мировоззрение. Джослин назвала родное дитя чудовищем. Рассказать бы Саймону, но как? Это ведь секрет Джейса, и не ей выбалтывать тайну. Саймон, конечно, спрашивал, почему Джейс в разговоре с Ходжем назвал себя монстром, и Клэри придумала отговорку: мол, Джейса и в обычной-то беседе трудно понять. Вряд ли Саймон купился, но больше с расспросами не приставал.

Сейчас от объяснений спас неожиданный визитер – в дверь постучали. Нахмурившись, Клэри отложила на стол огрызок:

– Я открою.

Отворив дверь, она впустила волну свежего воздуха и... замерла на пороге. Вот так сюрприз, Алина Пенхоллоу – в темно-розовом жакете (почти в тон опухшим векам).

– Надо поговорить, – сразу, в лоб, заявила гостья.

Клэри, кивнув, пропустила Алину в дом:

– Конечно, входи.

– Спасибо. – Без лишних церемоний Алина прошла в гостиную и встала как вкопанная, раскрыв рот. – Это разве не...

– Вампир? – подсказал Саймон, ухмыляясь. Он всегда так поступал, желая ненавязчиво показать чудовищную остроту клыков. И зря.

Алина обернулась к Клэри:

– Наедине поговорить можем?

– Нет. – Клэри вернулась на диван. – От Саймона у меня секретов нет.

Алина прикусила губу:

– Ладно. Мне надо кое-что сказать Алеку, Джейсу и Изабель, но я понятия не имею, где их искать.

Клэри вздохнула:

– Лайтвудам по благу отдали пустой дом, хозяева которого сейчас за городом.

Алина кивнула. После битвы многие семьи предпочли сняться с места и покинуть Идрис. Большинство, впрочем, оставалось, несмотря ни на что.

– Лайтвуды справились, если ты об этом хотела спросить, – сказала Клэри. – Я, конечно, сама их после боя не видела, но могу передать сообщение через Люка...

– Не знаю... – Алина пожевала нижнюю губу. – Моим родителям пришлось сообщить обо всем тетушке Себастьяна в Париж. Она так расстроена...

– Любой расстроится, узнав, что его племянник – злобный гений, – вмешался Саймон.

Алина метнула в него мрачный взгляд:

– Тетушка Элоди сказала, что мы совершили ошибку. Такое поведение совершенно не в духе Себастьяна. Она даже передала его фото. – Достав из кармана стопку мятых фотографий, Алина отдала их Клэри. – Вот взгляни.

Клэри пригляделась к фотопортрету смеющегося парня: темные волосы, кривая ухмылка, непропорционально большой нос. С таким мальчиком всегда приятно сходить на свидание. Правда, он нисколько не похож на Себастьяна, которого Клэри повстречала здесь, в Идрисе.

– Это и есть твой кузен?

– Да, Себастьян Верлак. А значит...

– Мы общались с самозванцем. – Клэри со все возрастающим возбуждением перебирала

фотографии.

– Я подумала... – Алина вновь принялась кусать губу. – Если Лайтвуды узнают, что Себастьян – или кто он там на самом деле – не наш родственник, то простят меня. Простят мою семью.

– Простят, я уверена, – как можно теплее пообещала Клэри. – Правда, дело на том не заканчивается. Конклав должен знать, что Себастьян – не просто заблудший нефилим. Его подослали шпионить за нами.

– Он так убедительно говорил о вещах, о которых посторонний знать не мог. Вспоминал наше детство...

– Впору задуматься, – снова заговорил Саймон, – что же случилось с настоящим Себастьяном. Получается, он выехал из Парижа, но так сюда и не добрался. Куда он мог деться?

– Попал к Валентину, – предположила Клэри. – Валентин узнал, куда и как собирается поехать Себастьян, и перехватил его. Если так, то...

– Могут быть и другие шпионы, – закончила за нее Алина. – Надо сообщить Конклаву. Поговори с Люцианом Грэймарком. – Встретив удивленный взгляд Клэри, Алина объяснила: – Люди его слушают. Та к родители сказали.

– Идем в Зал вместе с нами, – предложил Саймон. – Доложи обо всем сама.

Алина покачала головой:

– Я не могу смотреть в глаза Лайтвудам. Особенно Изабель. Она спасла мне жизнь, а я... взяла и убежала. Не пойму, что на меня нашло. Я просто не могла не бежать.

– Это все шок, не вини себя.

Алину слова Саймона не убедили.

– И ее братишка... – Пенхоллоу замолчала, кусая губу. – Ладно, как бы там ни было, я должна кое-что тебе сказать, Клэри.

– Мне? – удивилась Клэри.

– Да. – Алина глубоко вздохнула. – Слушай, когда ты застала нас с Джейсом в библиотеке, ничего не было. Это я его целовала. Эксперимент такой. Неудачный.

Клэри залилась густой-густой, яркой краской. Зачем Алине такое рассказывать?!

– Да ладно, забыли. Не мое дело. Джейса.

– Мне показалось, ты в тот момент неслабо расстроилась. – ухмыляясь проговорила Алина. – Похоже, я знаю причину.

Клэри сглотнула – во рту ощущалась сильная горечь.

– Знаешь?

– Твой брат частенько сюда навещается. Все давно в курсе – он перевстречался со многими девушками. Ты испугалась, что если Джейс свяжется со мной, то ему светят неприятности. В конце концов, наши семьи дружат... то есть дружили. Не бойся, Джейс не в моем вкусе.

– Такого еще ни одна из его подружек не говорила, – сказал Саймон. – Джейс, он в чьем угодно вкусе.

– И я так думала, потому и целовалась с ним. Просто никак не найду парня на свой вкус.

Значит, Алина целовала Джейса. Не он ее, а она – его.

Клэри заметила, как Саймон следит за ней. Следит и улыбается.

– Ну, так что ты решила?

Алина пожала плечами:

– Пока не уверена. Но за Джейса, по крайней мере, тебе волноваться не стоит.

Ой ли!

– Я всегда за него волнуюсь.

Зал Договоров на скорую руку переоборудовали под место встречи – для тех, кто ищет пропавших друзей и родных, тех, кто желает узнать последние новости. Фонтан осушили, а по обеим сторонам от него выставили скамьи – лицом к подиуму в дальнем конце. И пока одни Сумеречные охотники присутствовали на заседании Конклава, прочие беспокойно бродили по кольцевой аркаде вдоль стен. Сейчас казалось, что помещение строили совсем не для танцев. В воздухе витала смесь тревоги и предчувствия чего-то недоброго.

Тогда как заседание Конклава сосредоточилось в центре, разговоры и толки шли по всему Залу: башни наконец отладили, и они снова работают. Барьер восстановлен, но защищает не так, как прежде. Барьер восстановлен и защищает еще лучше, чем прежде. На холмах к югу от города видели демонов. Идрисцы – даже те, кто живет за городом, – покидают страну и заодно выходят из Конклава.

На подиуме, в окружении карт города, стоял мрачный Консул, будто телохранитель пухлого коротышки в сером. Коротышка что-то говорил, отчаянно жестикулируя, однако никто не обращал на него внимания.

– Вот гадство, это же Инквизитор, – прошептал Саймон, указывая на коротышку. – Элдертри.

– Вижу Люка, – сказала Клэри, выцепив оборотня из толпы. Вожак стаи беседовал с нефилимом в потрепанном боевом облачении; левая половина лица Охотника скрывалась под бинтами. Аматис сидела молча на самом краю скамьи, подальше от прочих нефилимов. Заметив Клэри, Аматис сделала удивленное лицо и встала.

Люк, увидев Клэри и Саймона, нахмурился. Понизив голос, он извинился перед собеседником и пошел к подопечным, хмурясь на ходу все сильнее и сильнее.

– Вы что тут делаете?! Детям на заседание Конклава нельзя. Тебе, – Люк посмотрел на Саймона, – вообще лучше не показываться на глаза Инквизитору. Хоть он ничего и не сделает, – оборотень усмехнулся краем рта, – без угрозы будущему союзу нефилимов и нежити.

– Вот именно, – сказал Саймон, посылая Инквизитору шаловливый привет взмахом ладони. Инквизитор даже не посмотрел в его сторону.

– Хватит, Саймон, мы по делу пришли. – Клэри передала Люку стопку фотографий. – Это Себастьян Верлак. Настоящий.

Люк мрачно перебирал снимки, в то время как Клэри пересказывала историю Алины. Саймон же весь извелся, посылая в сторону Элдертри хмурые взгляды. Все напрасно – Инквизитор упорно не замечал вампира.

– Самозванец сильно похож на истинного Себастьяна? – спросил наконец Люк.

– Не очень. Выше ростом и, скорее всего, волосы у него светлые. Таких черных волос ни у кого не бывает, и к тому же Себастьян-шпион их подкрашивает. – «Краска слезает с волос, если коснуться их, пачкает пальцы». – Алина просила показать фотки тебе и Лайтвудам. Если Лайтвуды узнают, что этот вот Себастьян ничего плохо не сделал...

– Родителям, я так понимаю, она ничего не говорила?

– Нет, скорее всего. Она сразу прибежала к нам, попросила передать новости. Говорит, люди слушают тебя.

– Ну, кое-кто и впрямь прислушивается. – Люк обернулся и посмотрел на человека с забинтованным лицом. – Я, если что, беседовал с Патриком Пенхоллоу. В былые дни они дружили с Валентином, и тот, наверное, пометил его семью. Та к ты говоришь, Ходж упоминал шпионов в Конклаве? Жаль, но Лайтвуды на заседание не пришли. Они, должно быть, на

кладбище – сегодня утром хоронили Макса. – Заметив выражение на лице Клэри, ликантроп добавил: – Церемония получилось небольшая. Исключительно для своих.

«Я и есть семья Джейса», – напомнил слабый отголосок сознания. Но тут же горько зазвучало: «Вот только Джейс говорил, что быть рядом с тобой для него равносильно медленной смерти. Этого ты для него хочешь? Когда он хоронит Макса?»

– Передашь им новости вечером? – предложила Клэри. – В смысле... новости-то хорошие. Кто бы ни выдавал себя за Себастьяна, он друзьям Лайтвудов не родня.

– Кстати пришлась бы новость о том, где фальшивый Себастьян прячется, – пробормотал Люк. – Или кто здесь шпион Валентина. Их, должно быть, несколько. Барьер отключить можно со стороны города, изнутри.

– Ходж говорил, якобы Валентин вычислил, как отключается барьер, – вспомнил Саймон. – Нужна кровь демона, которую в город не пронести. Если только Валентин не нашел способ.

– На вершине одной из башен кто-то намалевал кровью демона руну, – вздохнул Люк. – Так что Ходж не ошибся. Конклав слишком сильно полагался на непроницаемость барьера. Любая головоломка всегда имеет разгадку.

– Ага, и тот, кто ее разгадает, надерет всем задницу. Стоит защитить город заклятием полной непроницаемости, как найдется умник и загадит место изнутри.

– Саймон, – прикрикнула Клэри. – Заткнись.

– Он не так уж и не прав, – высказался Люк. – Надо лишь выяснить, как людям Валентина удалось пронести в город кровь демона, не вызвав тревогу. Впрочем, сейчас находка Валентина не главное. – Он пожал плечами. – Барьер снова работает, однако все убедились – полной непроницаемости он не дает. Валентин вернется и приведет армию куда больше, против которой сил у нас не хватит. Нефилимов мало, боевой дух оставляет желать лучшего.

– А нежить? – спросила Клэри. – Ты убедил Консула, что Конклаву лучше биться вместе с нежитью.

– Малахи и Элдертри я могу убеждать до посинения, но они ко мне вряд ли прислушаются, – устало объяснил Люк. – Меня из города до сих пор не выгнали только потому, что большая часть Конклава проголосовала за меня в качестве советника. Многих из них моя стая спасла во время битвы. Так-то нежитьи в Идрисе никто не рад.

Раздался вопль.

Аматис, прижав руки к губам, смотрела в сторону главного входа. На пороге, силуэтом на фоне яркого света, стоял мужчина. Стоило ему шагнуть вперед, и Клэри моментально узнала его.

Валентин.

Первым в глаза бросилось то, что он гладко выбрит и выглядит гораздо моложе, как тот разгневанный юноша в памяти Итуриэля. Вместо боевого облачения на Валентине были элегантный костюм в тонкую светлую полоску и галстук. Никакого оружия. В таком виде Валентин мог пройти по улице Манхэттена и слиться с толпой, сойти за обычного человека. Чьего-нибудь отца.

Ступая вдоль узкого прохода между скамей, он не смотрел на Клэри, не видел ее. Взгляд ренегата был обращен на Люка.

Как он прошел в Идрис, совершенно безоружный?! Ответ пришел сам собой. Элдертри взревел раненым медведем и, отбившись от Малахи, который пытался его удержать, ринулся на Валентина. Сквозь врага Инквизитор прошел, как нож через бумагу. Налетел на колонну и рухнул на пол.

Подошел Консул и с нескрываемым отвращением – к Валентину ли? к самому Инквизитору? – принялся поднимать его.

По Залу прошла волна приглушенного ропота. Элдертри верещал и бился, словно крыса в

ловушке, но Малахи крепко держал его за руки. Остальные Охотники расступались перед Валентином, словно Красное море перед Моисеем. Клэри вздрогнула и попыталась успокоить себя: мол, это лишь проекция, и Валентин никому не причинит вреда.

Саймон затрясся, и Клэри взяла его за руку. В этот момент Валентин остановился на ступеньках подиума и бегло взглянул на Клэри, совершенно не заметив Саймона.

– Люциан. – Взгляд Валентина уперся в ликантропа.

Люк смотрел на Валентина, не отводя глаз. Впервые оборотень с ренегатом сошлись под одной крышей с того памятного дня у Ренвика, когда Люк едва не погиб. Они были совершенно непохожи друг на друга: Люк – в заношенных фланелевых брюках и джинсовке; Валентин – в дорогом, стильном костюме. У Люка на щеках дневная щетина, а в волосах – седина; Валентину же на вид двадцать пять, лишь глаза холоднее и жестче, как будто годы постепенно превращают его в камень.

– Слышал, тебя пригласили в Совет, – сказал Валентин. – Вполне в духе утратившего изначальную суть Конклава, который только рад допустить в свои ряды полукровных дегенератов. – Говорил Валентин безмятежно, даже немного весело, отчего в его словах не слышалось яда. Не верилось, будто он способен такое сказать. – Кларисса, – Валентин обратил взгляд на дочь, – за ручку с вампиром. Когда все утрясется, я с тобой серьезно поговорю. Берешь в питомцы кого попало!

Саймон глухо зарычал, и Клэри сжала ему руку – сжала очень сильно, так что живой Саймон дернулся бы от боли. Но Саймон-вампир боли, казалось, не испытывал.

– Не смей, – прошептала Клэри. – Не смей.

Валентин уже забыл о них и вошел на подиум.

Оглядел толпу собравшихся:

– Сколько знакомых лиц. Патрик. Малахи. Аматис.

Аматис застыла, гневно сверкая глазами.

Инквизитор все еще пытался вырваться из хватки Консула. Валентин взглянул на него почти что весело:

– И даже Элдертри. Слышал, ты частично повинен в гибели моего старого друга, Ходжа Старквезера. Жаль его.

– Значит, признаешь, – заговорил Люк. – Ты разрушил барьер и наслал на город демонов.

– Да, наслал. Могу еще, причем намного больше. Даже Конклав, каким бы глупым он ни был, ожидал моей атаки. Ожидал и ты, Люциан, правда?

Взгляд голубых глаз Люка оставался холоден, спокоен.

– Ожидал. Зачем пришел, Валентин? Торговаться или злорадствовать?

– Ни то ни другое. – Валентин оглядел молчавшую толпу. – Мне не за что с вами торговаться, – спокойно и громко продолжил он. – Нет и желания злорадствовать. Жаль чинить смерть нефилимам. В мире, где так нужны Сумеречные охотники, нас и без того осталось слишком мало. Правда, Конклаву это лишь на руку. Их идиотские правила на то и нацелены, чтобы стирать в пыль обычных нефилимов. Я решился на отчаянный шаг, ибо так было нужно. Я решился на него, чтобы Конклав ко мне прислушался. Сумеречные охотники погибли не из-за меня – из-за Конклава, не желавшего со мной считаться.

Валентин взглянул на Элдертри – Инквизитор побледнел и поморщился.

– Столь многие из вас когда-то состояли в Круге, – медленно проговорил Валентин. – К вам взываю и к тем, кто слышал о Круге и остался в стороне. Помните, о чем говорил я пятнадцать лет назад? Если мы не воспротивимся Перемирию, то Аликанте, наша бесценная столица, наполнится толпами слюнвяых полукровок, выроdkов, которые топчут все, что нам дорого. Так и случилось. Гард обратился в прах, портал разрушен, по улицам шастают демоны, и нелюди,

звериное отродье, пытаются командовать нами. Ну, друзья мои, враги и братья под ангелом, теперь-то вы мне верите? – Голос Валентина сорвался на крик: – ТЕПЕРЬ-ТО ВЫ МНЕ ВЕРИТЕ?!

Он оглядел толпу, ожидая ответа.

– Валентин, – разорвал тишину тихий голос Люка. – Разве ты не видишь, что натворил? Договоры, которых ты так боялся, не сделали нежить равной нефилимам. Не подарили нам места в Совете. Старые распри, непонимание сохранились. Тебе следовало больше доверять Конклаву, но ты не хотел – не мог! – и вот посмотри: ты сам подарил нам то единственное, что объединило нас. – Он попытался заглянуть Валентину в глаза. – Общего врага.

Бледное лицо Валентина вспыхнуло.

– Я не враг. Не для Охотников! Враг – ты. Пытаешься втянуть их в безнадежный бой. Думаешь, хилые демоны, напавшие на город, – единственное, что у меня было? Они лишь капля моей армии. Я могу призвать демонов больше и сильнее.

– Нас тоже будет немало. И нефилимов, и нежити.

– Нежити... – Валентин усмехнулся. – Вы обратитесь в бегство при первой настоящей опасности. Нефилимы – вот истинные, прирожденные воины, защитники мира. Вас же мир ненавидит. Не зря чистое серебро и солнце жгут Детей ночи.

– Мне солнце не помеха, – чистым, сильным голосом отозвался Саймон, позабыв про хватку Клэри. – Вот он я, стою на свету.

Валентин рассмеялся:

– Ты «бог» сказать не можешь – задыхаешься. Что до твоей терпимости к свету, вампир... – он ухмыльнулся, – ты просто аномалия. Урод среди чудовищ.

Чудовищ... На корабле Валентин говорил: «Твоя мать обвинила меня в том, что я превратил ее первенца в чудовище, и сбежала, чтобы не дать мне сделать то же самое со вторым ребенком». Джейс. Даже имя его вспоминать больно.

И после того, что Валентин сотворил с сыном, он рассуждает о чудовищах!..

– Здесь только одно чудовище, – заговорила Клэри, преодолевая страх и забыв данное себе обещание держать язык за зубами. – Ты. Я встретила Итуриэля, – продолжила она, увидев изумление на лице Валентина, – и теперь знаю все...

– Нет, не знаешь. Если бы знала, молчала бы, ради братца. Если не ради себя.

«Не смей говорить при мне о Джейсе!» – хотела закричать Клэри, но не успела раскрыть рта, как заговорил другой – женский, бесстрашный и полный горечи, – голос.

– Как насчет моего брата? – спросила Аматис, становясь у подножия подиума и не обращая внимания на Люка; тот пораженно смотрел на сестру и мотал головой.

Валентин нахмурился:

– Люциана? – Вопрос застал его врасплох, наверное, потому, что Аматис стояла прямо перед ним и спрашивала открыто, тогда как сам Валентин забыл о ней, списал со счетов как слабую, неравную по духу. И вот теперь такой сюрприз, настоящий вызов!

– Да, ты сказал: Люк мне больше не брат. Отнял у меня Стивена. Разрушил мою семью. Ты утверждаешь, будто не хочешь зла нефилимам, будто ты нам не враг, но меж тем без угрызений совести восстанавливаешь нас друг против друга, семью против семьи. Ломаешь жизни. Ненавидишь Конклав, хотя сам же превращаешь всех в жалких параноиков. Прежде мы, нефилимы, верили друг другу, а ты нарушил эту веру. Нет тебе прощения. – Голос Аматис дрогнул. – Ни тебя, ни себя не прошу за то, что отреклась от Люциана.

– Аматис... – Люк шагнул ей навстречу, однако сестра остановила его жестом. Глаза ее блеснули от слез, но спина оставалась ровной, и голос звучал твердо.

– Было время, Валентин, когда мы все охотно тебя слушали. По доброй воле. Сейчас же твое

время закончилось. Есть в этом зале кто-нибудь, кто со мной не согласен?

Толпа Охотников показалась Клэри похожей на шарж: резкие контуры, смазанные лица. Патрик Пенхоллоу стоял, плотно сжав челюсти. Элдертри трясся, словно хилое деревце на ветру. Смуглое, утонченное лицо Малахи оставалось непроницаемым.

Все молчали.

Клэри ждала, что Валентин взорвется от гнева, не получив желанного ответа от людей, которых надеялся возглавить. Однако отец оставался невозмутим. Лишь слегка пошевелил желваками, будто не случилось ничего неожиданного.

– Будь по-вашему. Не прислушались к голосу разума – значит прислушаетесь к силе. Я уже показал, как легко могу снять защиту с города. Вы ее отладили, но это ненадолго. Штурм повторится. Вы либо уступите, либо встретитесь со всеми демонами, каких может призвать Меч смерти. На сей раз они не пощадят никого: ни мужчин, ни женщин, ни детей. Вы сами выбрали смерть.

Собравшиеся засуетились, загомонили. Люк пристально посмотрел на Валентина:

– Ты готов уничтожить свой род?!

– Дабы спасти весь сад, больные растения выкорчевывают. Если болен весь сад... – Валентин обернулся к испуганной толпе. – Вы сами избрали свою участь. У меня есть Чаша смерти, и я готов начать новый род Сумеречных охотников, сотворенных и обученных мною. Впрочем, даю шанс: если Конклав отпишет правление Советом мне и примет мою единоличную, неограниченную власть, я остановлюсь. Все нефилимы присягнут на верность и примут печать – руну вечной преданности, которая свяжет их со мной. Таковы условия.

Повисла тишина. Ааматис накрыла рот ладонью. В глазах у Клэри помутилось, Зал Договоров поплыл. Нельзя, нельзя поддаваться врагу! А есть ли выбор? Какой остался выбор нефилимам, запертым в ловушке? Как и сама Клэри с Джейсом – они в ловушке кровных уз.

Через минуту – растянувшуюся, как показалось Клэри, на целый час – тишину нарушил тонкий голос Инквизитора:

– Единоличную, неограниченную власть? Твою власть?!

– Элдертри... – Консул не успел перехватить Инквизитора – тот вывернулся и побежал к подиуму.

На бегу Инквизитор вопил, повторяя одни и те же слова. Он как будто совершенно утратил рассудок; глаза у него закатились. Отпихнув Ааматис в сторону, Элдертри вскарабкался на подиум к Валентину и проорал:

– Я Инквизитор, понимаешь ты, нет?! Я Инквизитор, часть Конклава и Совета! Я тут правлю, не ты. Я создаю законы и не позволю тебе командовать, выскочка! Мразь, заводчик демонов...

Со скучающим выражением на лице Валентин протянул руку, словно бы намереваясь похлопать Элдертри по плечу.

«Он не может, никак не может ничего коснуться, ведь он же проекция!» – думала Клэри. Тем не менее рука Валентина по самое запястье погрузилась в грудную клетку Элдертри и на глазах у изумленной толпы резко дернулась влево, будто проворачивая непослушную дверную ручку.

Коротко вскрикнув, Инквизитор камнем рухнул на пол.

Опустив руку – покрытую кровью, словно пурпурной перчаткой, – Валентин оглядел пораженную толпу, и его взгляд остановился на Люке.

– Даю срок до завтрашней полуночи, – медленно проговорил Валентин. – К тому времени моя армия встанет на равнине Брослин. Если же в означенный срок вы не капитулируете, мои силы войдут в город и на этот раз не оставят в живых никого. Время я дал, используйте его

мудро, решайте.
На том он исчез.

– Вот не повезло, – сказал Джейс, не глядя на Клэри. Он на нее, по правде, не взглянул ни разу с того момента, как Клэри с Саймоном ступили на порог занятого Лайтвудами дома. Опершись плечом об оконную раму, Джейс смотрел на быстро темнеющее небо. – Пошел хоронить братишку и пропустил все веселье.

– Джейс, – тихо и очень устало одернул его Алек. – Перестань.

Он сидел в пухлом потертом кресле – наверное, потому, что больше сидеть было негде. Обстановка казалась странной, чужой, как и в любом не своем доме. На стенах обои с навязчивым цветочным орнаментом; мебель выглядела ветхой, старомодной. На столике возле кресла стояла стеклянная чаша, полная шоколадных конфет. Клэри с голоду съела парочку, от старости они были безвкусными и крошились во рту. Что за люди тут обитают? Такие, которые бегут, стоит прийтись беде. Забрать у них дом не жалко.

– Чего «перестань»? – обернулся Джейс. В отражении на стекле глаза его почернели.

Джейс надел траурный наряд: не черный, поскольку черный – цвет боевого облачения, а белый, с алыми рунами вдоль ворота и манжет. Только эти руны, в отличие от боевых – настроенных на агрессию и защиту, – сообщали исцеление и скорбь. На руки Джейс нацепил кованные браслеты с теми же рунами. Алек оделся точно так же, и на белом фоне его волосы смотрелись темными-темными.

Джейс, напротив, походил на ангела. Из тех, что приносят возмездие.

– Ты ведь не сердишься на Клэри? Или Саймона? По крайней мере, я надеюсь, – слегка обеспокоенно добавил Алек, – что на Саймона ты не сердишься.

Клэри ждала, что Джейс огрызнется в ответ, однако брат лишь ответил:

– Клэри знает, что я на нее не сержусь.

Саймон, облокотившись на спинку дивана, закатил глаза:

– Чего я не понимаю, так это как Валентин умудрился убить Инквизитора. Проекция в принципе никому не может навредить.

– В принципе, да, – согласился Алек. – Проекция – это иллюзия. Подкрашенный воздух, если можно так выразиться.

– Только не та, что мы видели. – Клэри передернуло. – Валентин просунул руку в грудь Элдертри, и... кровищи было...

– Как по заказу, а? – поддел Саймона Джейс.

Вампир не обратил внимания.

– Инквизиторы вообще своей смертью умирают? – подумал он вслух. – Или они как ударники «Спайнэл тэп»? ^[15]

Алек провел ладонью по лицу:

– И ведь родители до сих пор ничего не знают. Не то чтобы я тороплюсь им сообщать...

– Где они? – спросила Клэри. – Не наверху?

Алек покачал головой:

– До сих пор в некрополе. Хотели побыть на могиле Макса одни и отослали нас домой.

– А Изабель? – спросил Саймон. – Она-то где?

– Заперлась в спальне. Считает, что гибель Макса – ее вина. Даже на похороны не явилась.

– Ты говорил с ней?

– Нет, по щекам хлестал. Как думаешь, почему не сработало?

– Уже и спросить нельзя? – мягким голосом выразил обиду Саймон.

– Тогда расскажи ей историю с поддельным Себастьяном, – предложил Алек. – Может, Изабель полегчает? Она ведь казнит себя за то, что не сумела распознать в нем подвох. Однако если он шпион... – Алек пожал плечами. – Подвоха не заметили даже Пенхоллоу.

– Так и думал, что он сволочь, – сказал Джейс.

– Да, но только потому, что... – Алек еще больше съехал по спинке кресла. Его лицо на фоне ярко-белого костюма смотрелось бледно-серым. – Неважно. Стоит сказать Изабель, чем нас запугивает Валентин, и ее уже ничто не взбодрит.

– Разве он может на такое решиться? – спросила Клэри. – Наслать армию демонов на нефилимов? Ведь он Сумеречный охотник. Как можно погубить собственный род?!

– Ему на родных-то детей наплевать, – напомнил Джейс и посмотрел Клэри в глаза. – Так с чего о народе печься?

Алек посмотрел на Клэри, затем на Джейса. Интересно, сказал ему Джейс о встрече с Итуриэлем или нет?

– Джейс... – грустно и недоуменно произнес Алек.

– Одно остается неясным, – говорил Джейс, не глядя на Алека. – Магнус предложил использовать следящую руну на чем-нибудь, что Себастьян оставил в доме Пенхоллоу. Правда, ничего не вышло. Магнус сказал, предметы... пусты.

– В каком смысле?

– Вещи принадлежат настоящему Себастьяну Верлаку. Самозванец забрал их у него, когда перехватил по пути сюда. Пусты вещи потому, что настоящий Себастьян...

– Скорее всего, мертв, – закончил предложение Алек. – Самозванец достаточно умен, чтобы не оставить следов. Для поиска абы что не сгодится. Нужны предметы, которые плотно связаны с искомым человеком. Семейная реликвия подошла бы, стило, расческа с волосами... что-нибудь в этом роде.

– Плохо дело, – заключил Джейс. – Такой предмет вывел бы прямиком на Валентина. Фальшивый Себастьян бежал к хозяину с полным отчетом и наверняка поведал бредовую теорию Ходжа о том, что Зеркало смерти – это озеро Лин.

– Теория вполне может оказаться верной, – возразил Алек. – На пути к озеру выставили стражу и навели барьер – на случай, если кто-то попытается телепортироваться к Лин.

– Фантастика! Теперь можно расслабиться. – Джейс оперся спиной о стену.

– Мне все еще непонятно, – заговорил Саймон, – почему Себастьян остался в городе. После того, как убил Макса и оглушил Иззи. Его повязали бы, и никакое притворство не спасло бы. Пусть Себастьян и думал, что убил Иззи, но сам-то остался цел – как такое объяснить? Нет, он растерялся. Иначе не бегал бы по улицам в разгар битвы, не пришел бы в Гард за мной. Уверен, ему плевать, жив я или мертв.

– Зачем так строго? – спросил Джейс. – Себастьян определенно болел за тебя мертвого.

– Вообще-то, – сказала Клэри, – остался он из-за меня. Я так думаю.

Джейс метнул в нее взгляд золотистых глаз:

– Из-за тебя? Надеешься на повторное пылкое свидание?

Клэри залилась краской:

– Нет. Первое-то пылким не вышло. Это даже не свидание было. Короче, не в том дело. Придя в Зал, он пытался выманить меня наружу. Хотел сказать что-то...

– Или тебя хотел. – Заметив выражение на лице сестренки, Джейс поправился: – Не в том смысле. Для Валентина хотел.

– Я не нужна Валентину. Его только ты заботишь.

В глубине глаз Джейса сверкнул странный огонек.

– Ты так это называешь? – Черты его лица сделались пугающе невыразительными. – После

битвы на корабле Валентин хочет именно тебя. Значит, тебе стоит быть осторожнее. Намного осторожнее, чем прежде. Запрись в комнате и носу не кажи оттуда, как Изабель.

– Не дождешься!

– Правильно, тебе лишь бы мучить меня.

– Слишком много думаешь о себе, – яростно возразила Клэри.

– Может, и так. Но признай: чаще всего ты просто мне перечишь.

Клэри едва сдержала рвущийся наружу крик.

Саймон откашлялся:

– Раз уж речь об Изабель зашла повторно – первый раз Иззи упомянули вскользь, и поэтому беру на себя смелость говорить о ней сейчас, пока ее совсем не забыли, – то может, мне пойти поговорить с Иззи?

– Тебе?! – вскинулся Алек и сразу же, смущенный поражением, добавил: – Просто... она к родным-то не выходит, так почему должна тебе открыть?

– Может, потому, что я не родственник? – Саймон встал, гордо расправив плечи и сунув руки в карманы. На шее у него – где по горлу ударил Валентин – и на запястьях белели тонкие шрамы. Знакомство с миром Сумеречных охотников изменило Саймона: не только внешне или на уровне крови – изменился характер – Саймон спокойно переносил нападки Джейса и Алека, словно не замечая подколов и оскорблений. Того Саймона, который испугался бы или обиделся, уже нет.

Клэри ощутила укол боли. Как же не хватает прежнего Саймона.

– Хоть попробую разговорить Изабель, – сказал Саймон. – Попытка не пытка.

– Уже почти стемнело, – напомнила Клэри. – Мы обещали Люку и Ааматис, что вернемся до захода солнца.

– Я тебя провожу, – сказал Джейс. – Саймон дорогу в темноте сам найдет. Правда, Саймон?

– Разумеется, найдет! – с негодованием произнес Алек, как будто решивший загладить вину за недостойное поведение. – Он же вампир, и до меня только дошло, что ты, похоже, шутишь. Не обращай внимания.

Саймон улыбнулся. Клэри раскрыла рот, чтобы снова высказать несогласие, – и тут же закрыла его, поняв, что отчасти поступает неразумно. И отчасти – потому что заметила взгляд, которым Джейс мимо нее смотрел на Саймона. В этом взгляде читалось изумление вперемешку с благодарностью и – ничего себе! – толикой уважения. Потому-то, пораженная, Клэри и не решилась говорить.

* * *

Дорога от нового дома Лайтвудов до Ааматис вышла короткой. Лучше бы времени ушло больше. Казалось, бесценно каждое мгновение, проведенное с Джейсом. Словно стоит расстаться, и новой встречи не будет.

Клэри искоса глянула на брата. Тот смотрел прямо перед собой, будто шел по улице один. В резком свете ведьминых огней линии его профиля выглядели четко очерченными; локоны вились у висков, не скрывая шрама-знака; на шее поблескивала цепочка с кольцом Моргенштернов. Бинтов на левой руке не было, и Клэри заметила царапины на костяшках. Так значит, Джейс послушал Алека и лечится, как примитивный?

Она вздрогнула, и Джейс спросил:

– Холодно?

– Так, задумалась: почему Валентин убил именно Инквизитора? Инквизитор – нефилим, а

Люк – нежить. К тому же у Валентина с Люком личные счеты.

– В каком-то смысле Валентин уважает Люка, – возразил Джейс, и Клэри вспомнила, как он смотрел на Саймона. Она постаралась выбросить из головы эти мысли, потому что ненавидела сравнивать Джейса с Валентином, пусть даже в такой мелочи, как взгляд. – Люк хочет заставить Конклав думать иначе, того же добивается Валентин, хотя цели у них... не совсем одинаковые. Люк – бунтарь, жаждет перемен. Инквизитор для Валентина представлял старый, толстокожий Конклав, и от него предстояло избавиться.

– Когда-то эти двое дружили. Люк и Валентин.

– И они разошлись, чтобы не встретиться вновь ^[16]. – Судя по насмешливой интонации, Джейс кого-то цитировал. – К несчастью, именно тех, кто был нам некогда дорог, мы ненавидим больше всего. Спорю, Валентин приготовил для Люка нечто особенное. Преподнесет сюрприз, когда добьется власти.

– Он не придет к власти, – сказала Клэри, а когда Джейс не ответил, добавила повышенным тоном: – Валентин не победит... не сумеет. Ему на самом деле не нужна война против нефилимов и нежити.

– Почему ты решила, будто нефилимы станут биться с нежитью? – Джейс по-прежнему не глядел на Клэри. Он шагал, плотно сжав челюсти и отвернувшись к воде в канале. – Люк сказал? Он идеалист.

– Разве союз – это плохо?

– Нет, просто сам я не такой. – Клэри ощутила холодный укол в сердце, услышав пустоту в голосе брата. Отчаяние, гнев, ненависть – качества демонов. Джейс примеряет их на себя вместе с ролью чудовища.

У дома Аматис Клэри остановилась и посмотрела на Джейса:

– Может быть. Но ты не Валентин и не похож на него.

От этих слов – или от уверенности Клэри – Джейс вздрогнул и обернулся. Посмотрел на сестру впервые с тех пор, как они покинули дом Лайтвудов.

– Клэри... – начал было он и замолчал на вздохе. – У тебя кровь на рукаве. Ты поранилась?

Он взял ее за руку, и Клэри с удивлением обнаружила на рукаве плаща алое пятно неправильной формы. Действительно кровь... Разве она не темнеет со временем?

– Это не моя, – нахмурилась Клэри.

Джейс немного расслабился и разжал пальцы у нее на запястье:

– Чья тогда? Инквизитора?

Клэри покачала головой:

– Себастьяна.

– Себастьяна?

– Помнишь, он приходил за мной в Зал? У него на шее были царапины – видимо, Изабель задела ногтями, – и, похоже, кровь из них попала мне на рукав. Я думала, Аматис простирнула плащ... оказывается, нет.

Джейс неожиданно долго держал руку Клэри, изучая пятнышко. Потом все же выпустил.

– Спасибо. – Клэри какое-то время смотрела на брата, потом, покачивая головой, спросила: – Что это значит, ты, конечно, не скажешь?

– Ни за что.

Клэри устало вскинула руки и попрощалась:

– Все, я в дом. Увидимся позже.

Поднялась по ступенькам крыльца и, разумеется, не увидела, как Джейс, глядя ей вслед, перестал улыбаться. Дверь закрылась, но он еще долго стоял в темноте перед домом, вертя в пальцах ниточку.

– Изабель! – позвал Саймон. Он постучался в несколько дверей, и только крик «Убирайся!» подсказал, какая из них ведет в спальню Иззи. – Изабель,пусти.

В дверь что-то ударилося. Видимо, запущенная рукой Изабель туфля.

– Видеть не хочу – ни тебя, ни Клэри! Уходи, Саймон!

– Клэри со мной нет. И я не уйду, пока не поговорю с тобой.

– Алек! Джейс! Уведите его!

Саймон выждал некоторое время, но шагов на лестнице не услышал. Алек либо ушел из дому, либо затаился где-то, предпочитая не вмешиваться.

– Их тут нет, Изабель. Я один.

После недолгой паузы Изабель заговорила вновь. На сей раз ее голос звучал ближе, как будто девушка подошла к самой двери.

– Ты точно один?

– Один, один.

Дверь открылась. Изабель вышла к Саймону в черной комбинашке, босая, ненакрашенная; спутанные волосы ниспадали на плечи черными космами.

– Входи.

При свете из коридора комната Изабель выглядела так, будто по ней прошелся смерч (как любила выражаться мама Саймона): одежда разбросана, дорожная сумка раскрыта, словно взорвалась; на одном кроватном столбике висит электрумный хлыст, на другом – белый кружевной лифчик... Ой! Саймон отвернулся. Шторы задернуты, лампы погашены.

Изабель плюхнулась на край кровати и с мрачным задором заметила:

– Вампир покраснел. Кто бы мог подумать! – Она посмотрела на Саймона: – Ну,пустила я тебя. Говори, чего хочешь?

Изабель выглядела совсем юной: большие черные глаза на узком бледном лице, шрамы – на руках, спине, ключицах, ногах... Если Клэри и дальше пойдет по стезе нефилима, то однажды станет такой же, всё ее тело покроют рубцы. Подобная мысль прежде испугала бы Саймона, но не сейчас. Изабель, например, своими шрамами гордилась.

Она вертела в пальцах некий предмет – маленький, тускло поблескивающий. Какое-то украшение?

– То, что случилось с Максом, – заговорил Саймон, – не твоя вина.

Изабель неотрывно смотрела на маленький предмет у себя в руках.

– Знаешь, что это? – Она протянула Саймону игрушечного деревянного солдатика – раскрашенного вручную Сумеречного охотника в полном вооружении. В руке у него поблескивал меч, краска на котором почти стерлась. – Солдатык Джейса, – сказала Изабель. – Он только его и принес из Идриса. Может, когда-то солдатиков было больше, целый набор... Я лично думаю, Джейс этого нефилима сам вырезал. Он вечно таскал игрушку с собой. Потом я заметила однажды, как с солдатиком играет Макс. Наверное, в тринадцать лет Джейс почувствовал себя слишком взрослым и отдал игрушку Макс. В общем, когда Макса нашли, то в руке он сжимал именно этого Охотника. Наверное, схватился за него, когда Себастьян... когда... – Изабель замолчала. Стараясь не заплакать, она сильно искривила губы. – Я должна была быть рядом, защищать Макса. Я, а не тупая деревянная игрушка... – Она с силой швырнула солдатика на кровать. На глазах заблестели слезы.

– Ты чуть сама не погибла, Иззи. Ты ничего не могла поделать.

Покачав головой, Изабель яростно, дико посмотрела на Саймона:

– Что ты знаешь?! В ту ночь Макс видел, как кто-то лезет на башню. Мы не поверили и отправили его спать. А ведь Макс оказался прав. Спорю, он видел, как на башню лез ублюдок Себастьян. И Себастьян убил Макса, чтобы тот замолчал. Прислушайся я к Максусу... хоть на секунду, на мгновение... ничего не случилось бы.

– Вы не могли знать заранее. Что до Себастьяна, то... он и не племянник Пенхоллоу. Нас всех одурачили.

Изабель не удивилась:

– Знаю. Вы уже говорили Алеку и Джейсу. Я стояла на лестнице и слушала.

– Подслушивала.

Изабель пожала плечами:

– Только до того момента, как ты собрался пойти поговорить со мной. Потом смылась к себе. Не хотела видеть тебя. Впрочем, ты настойчивый, заслужил разговор.

– Послушай, Изабель. – Саймон шагнул ей навстречу и вдруг очень отчетливо осознал, что Изабель не особенно обременена одеждой, и потому не решился положить ей руку на плечо или сделать иной успокаивающий жест. – Когда у меня умер папа, я точно знал: моей вины в том нет. Однако я все время думал, чего не успел сделать или сказать ему.

– Ага, но здесь-то – моя вина. Единственное, что от меня требовалось, – это выслушать Макса. Теперь остается найти подонка Себастьяна и прикончить его.

– Вряд ли поможет...

– Откуда тебе знать? Ты что, отыскал виновного в смерти отца и убил его?

– Папа умер от сердечного приступа. Та к что нет.

– Значит, ты понятия не имеешь, о чем говоришь. – Изабель посмотрела ему в лицо. – Иди сюда.

– Что?

Она властно поманила его пальцем:

– Подойди, Саймон.

Саймон неохотно сделал еще шаг навстречу. Когда его от Изабель отделял какой-то фут, девушка схватила Саймона за грудки и притянула к себе. Их лица сблизились настолько, что Саймон разглядел следы недавних слез на щеках девушки.

– Знаешь, что мне сейчас нужно? – спросила Изабель, отчетливо проговаривая каждое слово.

– Э... нет.

– Отвлекись. – Она повернулась, опрокидывая Саймона на кровать рядом с собой.

Приземлившись на кучу белья, Вампир слабо запротестовал:

– Изабель, думаешь, тебе станет легче?

– Расслабься, – ответила она, кладя руки ему на грудь, поверх застывшего сердца. – Мне уже лучше.

* * *

Клэри лежала в кровати и следила, как ползет по потолку пятнышко лунного света. За день нервы напряглись чересчур сильно, к тому же Саймон так и не пришел к ужину.

Перед сном Клэри рассказала об опасениях Люку, и тот, перекинувшись волком, побежал к Лайтвудам. Вернулся ликантроп слегка озадаченный.

– С Саймоном все в порядке, – сказал он. – Иди спать.

Затем он вместе с Аматис отправился на очередное собрание, которым конца и краю видно

не было. Интересно, кровь инквизитора уже смыли с пола?

Не найдя иного занятия, Клэри отправилась спать, однако сон все не шел и не шел. Мысли упрямо возвращались к сцене, когда Валентин вырвал Инквизитору сердце, к моменту, когда Валентин предупредил: «Молчала бы, ради братца». Тяжелее всего давили на сердце открытые Итуриэлем тайны, и терзал страх: вдруг мама умрет? Куда скрылся Магнус?

Занавески зашелестели, и в комнату из открытого окна хлынул поток лунного света. Резко сев, Клэри потянулась за клинком серафима на столике.

Ее остановила знакомая рука – изящная, покрытая шрамами.

– Успокойся. Свои.

Клэри ахнула, и ночной гость убрал руку.

– Джейс? Ты зачем пришел? Что случилось?

Джейс не отвечал, и Клэри, не сводя с него глаз, поспешила прикрыться одеялом. На ней только и было, что пижамные штаны да тонкая ночная кофта. Клэри залилась краской, однако стоило увидеть выражение лица Джейса, как смущение испарилось.

– Джейс? – шепотом позвала Клэри. Он по-прежнему стоял у изголовья кровати в траурном облачении, в глазах – ничего, даже отдаленно напоминающего сарказм. Бледный Джейс смотрел на сестру испуганными, потемневшими от напряжения глазами. – Что с тобой?

– Сам не знаю, – как будто очнувшись ото сна, произнес Джейс. – Я и не хотел приходить. Шатался по улицам – не мог уснуть, – и ноги сами привели к тебе.

Клэри выпрямилась, и одеяло выскользнуло у нее из рук.

– Почему тебе не спится? Что-то случилось? – Она тут же сама поняла, насколько глупо прозвучал последний вопрос. Чего только не случилось! Джейс, впрочем, как будто и не услышал вопроса.

– Мне надо было увидеть тебя. Понимаю, что нежелательно, но... надо.

– Садись, раз пришел. – Клэри подобрала ноги, освобождая место на краю кровати. – Ты меня пугаешь. Уверен, что ничего не случилось?

– Я и не говорил, что ничего не случилось. – Джейс присел. Казалось, наклонись – и можно поцеловать его...

В груди сильно сжало.

– Что... что-то плохое? Кто?..

– Нет, ничего дурного. Это даже не новости. Все и так известно – и мне, и тебе, наверное. Бог судья, я ничего не скрывал. – Джейс скользил взглядом по лицу Клэри, словно запоминая его. – Я... понял одну вещь.

– Джейс, – прошептала Клэри. Она боялась того, что может сказать брат. – Тебе не обязательно...

– Я хотел уйти куда-нибудь... в другое место. Но меня что-то толкало сюда, и я просто не мог остановиться. Думал, не переставая, о том, как встретил тебя и как не мог забыть. Как заставил Ходжа отправить за тобой именно меня. И как потом увидел тебя в кофейне с Саймоном – картина сразу показалась неверной, потому что вместо Саймона рядом с тобой должен был сидеть и веселить тебя я. От того чувства избавиться никак не получалось. Со временем оно лишь усилилось. Я и прежде хотел девушек, однако стоило сойтись с ними, как влечение пропадало. С тобой все иначе – влечение крепло день ото дня, пока не настала та ночь в приюте у Ренвика. Мне открылась природа чувства – чувства, что ты частичка меня, которую я однажды утратил и не знал о ней, пока вновь не обрел. Ты оказалась пропавшей сестренкой. Такая вот шутка. Словно Бог оплевал меня. И главное – за что?! За мысли об обладании тобой, о заслуженном счастье? Чем я заработал кару?..

– Наказали нас обоих, – произнесла Клэри. – Меня терзают такие же чувства. Но нам

нельзя... мы должны убить их. Это единственный шанс...

– Шанс на что? – Джейс сжал кулаки.

– Быть вместе. Иначе – никак. Иначе нельзя находиться рядом, даже в одной комнате. Я не выдержу. Лучше будь мне братом, чем вообще никем...

– Буду пассивно смотреть, как ты встречаешься с другими парнями, влюбляешься, выходишь замуж?.. – Голос Джейса звучал натянуто. – Буду умирать понемногу каждый день?

– Нет. Тебе к тому времени станет безразлично, – ответила Клэри – и только сейчас поняла, что не может представить Джейса, которому плевать, с кем она. Только сейчас Клэри попыталась вообразить, как Джейс влюбляется в кого-то, женится, но увидела перед мысленным взором лишь долгий, длиною в вечность, темный тоннель. – Прошу... если будем молчать в присутствии друг друга, притворяясь...

– Никто не притворяется, – абсолютно четко проговорил Джейс. – Я люблю тебя и буду любить до самой смерти. И после, если есть жизнь после смерти.

Клэри задержала дыхание. Наконец Джейс произнес заветные слова, и обратной дороги нет. Она попыталась ответить и не придумала как.

– Ты считаешь, будто я хочу быть ближе к тебе, лишь бы показать, что я монстр. Может, и так, может, я и есть монстр, не знаю. Но даже если во мне и течет кровь демона, в моих жилах есть и кровь человека. Не будь во мне хоть капли человечности, я не смог бы любить так, как люблю. Демоны вожделеют, не любят. Я...

Джейс неожиданно и очень резко поднялся. Совершенно потерянный – как тогда, когда стоял над телом Макса, – подошел к окну.

– Джейс? – Клэри внезапно испугалась. Выбравшись из постели, она встала рядом с ним, взяла за руку. Джейс продолжал смотреть в окно, на бледные, полупрозрачные, словно призраки, отражения высокого парня и девушки ростом пониже. – Что не так?

– Зря я столько наговорил. Прости. У тебя вид был такой, будто... ты не все сумела переварить. – Его голос буквально звенел от напряжения.

– Та к и есть. Все эти дни я думала, что ты меня ненавидишь. Сегодня ты чуть не подтвердил мои опасения.

– Ненавижу тебя? – Джейс посмотрел на Клэри безумными глазами. Прикоснулся – совсем легонько, кончиками пальцев, – к ее щекам. – Да я спать не могу! Завтра к полуночи мы либо станем сражаться, либо признаем власть Валентина. Сегодняшняя ночь может стать последней. По крайней мере, последней в обычном понимании. Нам уже не ложиться и не просыпаться, как всегда. Я хочу провести сегодняшнюю ночь с тобой.

Сердце как будто перестало биться.

– Джейс...

– Не в том смысле. Я не осмею прикоснуться к тебе, если не захочешь. Ведь это неправильно... один Бог видит насколько! Я лишь хочу лечь с тобой и проснуться в одной постели. Хотя бы раз в жизни. – В его голосе зазвучали нотки отчаяния. – Всего одну ночь. Что такое одна ночь в грандиозной схеме мироздания?!

«И что потом? – подумала Клэри. – Утром станет хуже. Как мы будем смотреть в глаза окружающим, хотя между нами ничего и не было? Хотя мы только спали на одной кровати? Это как очередная доза наркотика, после которой хочется еще».

Именно поэтому Джейс и признался. Хуже не будет, и лучше – тоже. И Джейсу, и Клэри как будто вынесли окончательный приговор. Сколько Клэри ни пыталась представить, что однажды время, рассудок или постепенное угасание чувства смогут убедить ее в обратном, не получалось. Ничего так сильно она не хотела, как провести эту ночь с Джейсом.

– Когда будешь ложиться, задерни занавески, – попросила она. – Не могу спать при ярком

свете.

На лице Джейса отразилось полнейшее недоумение. Он не ожидал, что Клэри скажет подобное, и через секунду – уже к удивлению Клэри – обнял ее, прижал к себе, зарывшись лицом в спутанные волосы:

– Клэри...

– Ложись. Уже поздно.

Отстранившись от Джейса, Клэри вернулась в постель и накрыла одеялом ноги. Действие показалось ей привычным, как если бы прошло уже много-много лет, и они с Джейсом проделывали такое сотни раз, и каждая ночь – не только эта – принадлежала им двоим. Подперев подбородок руками, Клэри смотрела, как Джейс задерживает занавески, снимает и вешает на спинку стула белую куртку, под которой оказалась бледно-серая футболка. Знаки на голых руках Джейса тускло сияли, пока он избавлялся от оружейного пояса и расшнуровывал ботинки. Разувшись, он подошел, лег на спину и осторожно вытянулся на кровати. Капельки лунного света хватило, чтобы разглядеть его лицо в темноте.

– Спокойно ночи, Клэри, – пожелал Джейс.

Он сложил руки по бокам и словно перестал дышать. Клэри и сама задержала дыхание. Она протянула руку и кончиками пальцев дотянулась – настолько слабо, легонько, что прикоснись она к кому-то другому, то не ощутила бы контакта, – до руки Джейса. Возникло легкое покалывание, как если бы Клэри задержала ладонь над открытым огнем. Джейс вздрогнул и тут же расслабился. Закрыв глаза, и от ресниц на щеки легли легкие тени. Чувствуя, что Клэри наблюдает за ним, Джейс улыбнулся. Интересно, какой он с утра – лохматый, с припухшими веками?

Несмотря ни на что, Клэри вдруг почувствовала себя счастливой.

Взяв Джейса за руку, она прошептала:

– Спокойной ночи.

Они уснули, как дети в сказке.

Большую часть ночи Люк наблюдал за движением луны. Сквозь прозрачную крышу Зала чудилось, будто сребреник катится по стеклянной крышке стола. В полнолуние, как сегодня, зрение и прочие чувства оборотней сильно обостряются: даже в человеческом обличье Люк ощущал кисловатый душок сомнений, издаваемый людьми в Зале, и резкий аромат страха. Прямо отсюда ликантроп чувствовал, как беспокойно, в ожидании вести от вожака, меряют шагами темный лес его братья.

– Люциан, – позвал низкий и в то же время пронзительный голос Аматис. – Люциан!

Вынырнув из задумчивости, Люк с трудом сосредоточил взгляд усталых глаз на разрозненной группе людей. Тех немногих, кто согласился хотя бы выслушать его план. Знакомые по прошлой жизни в Идрисе: Пенхоллоу, Лайтвуды, Рэйвенскары – и те, кого он встретил впервые. Например, Монтеверде, семья, содержащая Институт в Лисабоне и говорящая на смеси португальского и английского. Или Насрин Чодри из Института в Мумбаи. Она носила темно-зеленое сари, расшитое рунами из чистого серебра, отчего Люк невольно морщился, стоило девушке подойти слишком близко.

– В самом деле, Люциан, – согласилась Мариза. Ее маленькое бледное личико несло отпечаток глубокой усталости. Люк не ожидал, что она или ее муж придут, и потому был благодарен за присутствие, хотя горе и ожесточило Маризу сверх меры. – Ты сам созвал нас, так будь добр, удели нам внимание.

– Он и уделяет. – Аматис сидела, подобрав под себя ноги, как молоденькая девушка. Взгляд ее оставался твердым. – Люциан не виноват, что последний час мы только и ходим кругами.

– И будем ходить, пока не найдем решения, – резко заявил Патрик Пенхоллоу.

– При всем уважении, Патрик, – с сильным акцентом перебила его Насрин, – решения может совсем не найтись. Лучшее, на что можно надеяться, это план Люка.

– План, который не предусматривает нашего рабства и... – начала было Цзя, жена Патрика, но замолчала, прикусив губу. Это была привлекательная, стройная женщина, очень похожая на дочь Алину. Люк хорошо помнил, как Патрик бежал в Китай и там женился на Цзя. Тогда чуть не разразился скандал, потому что родители выбрали Патрику невесту из Идриса. Однако Патрик прославился бунтарским характером, который сейчас здорово помогал.

– Или содружества с нежитью? – подсказал Люк. – Как раз его избежать не получится.

– Само содружество не проблема, – заметила Мариза. – Дело в местах на Совете. Конклав не отдаст их нежити. Рогом упрется, но не отдаст. Сам знаешь, целых четыре...

– Не четыре, – возразил Люк. – Одно – Дивному народцу, второе – Детям луны, третье – Детям Лилит.

– Магам, феям и ликантропам, – тихом голосом и выгнув брови заключил сеньор Монтеверде. – Что же вампиры?

– Они ничего не обещали, как и я – им. Вампирам, похоже, не особенно хочется вступать в Совет. Они не любят мой народ, равно как и всякие собрания и правила. Впрочем, если передумают, дверь для них открыта.

– Малахи и его шайка ни за что не отдадут места вампирам. А без вампиров нам не набрать достаточно голосов в Совете, – пробормотал Патрик.

– К тому же без них нет шансов на победу.

– Вообще-то есть, – сказала Аматис, верившая в план Люка больше самого брата. – И без вампиров в Идрисе хватит нежити, которая выступит на нашей стороне. Неслабой нежити. Одни

только маги...

Покачав головой, сеньора Монтеверде обратилась к мужу:

– План – бредовый, он ни за что не сработает. Нежити нельзя доверять.

– Этот план сработал во время Восстания, – напомнил Люк.

Сеньора Монтеверде скривила губы:

– Тогда Валентин набрал армию из идиотов. На сей раз у него полчища демонов. Откуда нам знать, что бывшие члены его Круга не примкнут к хозяину, услышав призыв?

– Думайте, что говорите, сеньора, – пророкотал Роберт Лайтвуд. За целый час он заговорил впервые. Большую часть времени глава семейства Лайтвудов провел в молчании, обездвиженный горем. За последние три дня у него на лице прибавилось морщин. По сгорбленным плечам и сжатым кулакам было видно, как человек страдает; Люк не мог винить его – хоть он и недолюбливал самого Роберта, однако видеть, как такой великан от горя теряет силы...

– Думаете, я вернусь к Валентину после гибели Макса? Моего сына убили...

– Роберт, – пробормотала Мариза, кладя руку на плечо мужу.

– Если не сдадимся, погибнут наши дети, – сказал сеньор Монтеверде.

– Если вы так считаете, то зачем пришли? – спросила Аматис, вставая. – Я думала, мы все согласны...

«Я тоже так думал», – сказал про себя Люк. Та к всегда с нефилимами – шаг вперед, два назад. Они сами ничем не лучше нежити. Видели бы себя со стороны. Привыкли решать дела боем, как стая оборотней.

У дверей что-то мелькнуло. Если бы не полная луна, Люк и не заметил бы, не узнал того, кто проскользнул мимо входа. Не разыгралось ли воображение? Порой, когда Люк очень уставал, в игре света и тени мерещилась Джослин.

Откуда ей тут взяться?

Люк поднялся на ноги.

– Пойду подышу. Скоро вернусь, – сказал он и двинулся к дверям, спиной чувствуя взгляды собравшихся, даже Аматис.

Сеньор Монтеверде зашептал на ухо жене, и в потоке слов Люк уловил *lobo*, «волк» по-португальски. Небось решили, что Люк идет нарезать круги по площади и выть на луну.

Воздух на улице был свеж и прохладен. Небо отливало серым, как листовое железо. На востоке алела полоска рассвета, окрасившая ступени крыльца бледно-розовым. На ступенях Люка дожидался Джейс. Его белый траурный наряд, словно пощечина, напомнил о потерях – уже понесенных и тех, которые еще предстоит понести.

Люк остановился за несколько ступеней до Джейса:

– Зачем пришел, Джонатан?

Джейс не ответил, и Люк мысленно проклял себя за забывчивость. Джейс страшно не любил, когда его называют полным именем, и обычно отвечал очень резко. В этот раз полное имя, похоже, не резало Джейсу слух. Его лицо было ничуть не менее мрачным, чем лица взрослых в Зале. И хотя, по закону Конклава, Джейса только через год признают совершеннолетним, он уже хлебнул столько лиха, сколько иной взрослый не видит за всю жизнь.

– К родителям пришел?

– К Лайтвудам? Нет, – Джейс покачал головой, – я к тебе.

– Хочешь о Клэри поговорить? – Люк спустился на несколько ступенек. – С ней все хорошо?

– Да, все путем. – Услышав имя сестры, Джейс напрягся, отчего беспокойно стало самому Люку. Впрочем, Джейс не соврет, если с Клэри что-то случилось.

– Тогда в чем дело?

Джейс заглянул мимо Люка в Зал через открытые двери:

– Как собрание?

– Не особенно бодро. Охотники не желают сдаваться Валентину, но еще меньше они желают присутствия в Совете нежити. Не получив мест в Совете, мой народ биться не станет.

Глаза Джейса вспыхнули.

– Конклав будет не в восторге от твоего плана.

– Я не развлекать их пришел. Лишь бы поняли: мой план лучше, чем заведомое самоубийство.

– Конклав будет тянуть резину. На твоём месте я бы поставил им крайний срок. Та к они лучше работают.

Люк невольно улыбнулся:

– К закату все, кого я призову, явятся к Северным вратам. Если к тому времени Конклав не даст согласия, мои воины развернутся и уйдут. Дольше мы ждать не сможем, иначе до полуночи в лесу не укрыться.

Джейс присвистнул:

– Эффектно получится. Надеешься, толпа нежити вдохновит Конклав или хотя бы напугает?

– Отчасти и то, и другое. Многие члены Конклава связаны с Институтами и к виду нежити привычны. А вот реакция коренных идрисцев меня волнует: нежить у врат может их сильно напугать, посеять панику. Впрочем, не помешает лишний раз напомнить горожанам, насколько они уязвимы.

Джейс взглянул на руины Гарда, черным шрамом уродующие холм.

– Вряд ли кому-то нужны еще напоминания. – Джейс ясным, серьезным взглядом посмотрел на Люка. – Я тебе кое-что скажу, но это между нами.

– Зачем же мне? – Люк не сумел скрыть удивления. – Скажи Лайтвудам.

– Ты здесь по-настоящему главный, сам знаешь.

Люк не спешил отвечать. Глядя в бледное, изможденное лицо Джейса, он внезапно – позабыв о собственной усталости – ощутил, как в сердце рождается сочувствие. Захотелось доказать пареньку, которого столько раз предавали взрослые, что эти самые взрослые не все одинаковы.

– Ладно, говори.

– Я доверяю тебе и потому, что ты сумеешь все объяснить Клэри.

– Объяснить?

– Мой поступок. – В широко раскрытых глазах Джейса отражалось восходящее солнце, отчего парень выглядел моложе своих лет. – Я иду за Себастьяном, Люк. Буду преследовать самозванца, пока он не выведет меня к Валентину.

Люк пораженно выдохнул:

– Ты знаешь, как выследить его?!

– Еще в Бруклине Магнус показывал, как использовать следящее заклинание. Мы при помощи фамильного перстня хотели найти моего отца. Ничего тогда не получилось, зато...

– Ты не маг. Заклинание тебе не дастся.

– Это всего лишь руны. Инквизитор примерно так же следила за мной, когда я отправился на корабль к Валентину. Для работы понадобится лишь нечто, принадлежащее Себастьяну.

– После Себастьяна ничего не осталось. Он тщательно прибрался в комнате. Видимо, знал, что его попробуют выследить.

– Кое-что есть: нитка, пропитанная кровью. Немного, но для поисков хватит. Заклятие действует, я проверил.

– Нельзя вот так просто срываться в погоню, Джейс. Я не пущу тебя.

– Не выйдет, Люк. Сначала побей меня прямо здесь, на крыльце. Однако побить меня ты не

сумеешь. – В голосе Джейса звучала странная смесь уверенности и отвращения к самому себе.

– Понимаю, хочется побыть героем-одиночкой...

– Я не герой, – безо всякой интонации произнес Джейс, словно констатируя простейший из фактов.

– Даже если с тобой ничего не случится... Ты о Лайтвудах подумал? О Клэри?..

– По-твоему, о Клэри я не подумал? И о семье тоже? Почему тогда я решился на слежку?

– Как будто мне не было семнадцать лет! Кажется, что у тебя есть сила спасти мир... и ты в ответе за планету...

– Взгляни на меня. Взгляни и скажи, что я обычный семнадцатилетний парень.

Люк тяжело вздохнул:

– Ты далеко не обычный.

– Теперь скажи, что я задумал невозможное. – Люк не ответил, и Джейс продолжил: – Не спорю, твой план хорош: собрать нежить и гнать демонов до самых врат Аликанте – это лучше, чем покорно позволить им растоптать себя. Но Валентин того и ждет. Сопровилением его врасплох не застанешь. А вот слежки за Себастьяном он не предвидел. Нам выпал шанс, который нельзя так просто отбрасывать. Сейчас любой шанс – подарок.

– Может быть, – согласился Люк. – Однако для одиночки эта миссия слишком опасна. Даже для тебя.

– Как ты не поймешь, она по плечу лишь мне! – В голос Джейса закрались нотки отчаяния. – Если Валентин и почувствует слежку, меня он подпустит достаточно близко...

– Близко для чего?

– Чтобы убить его. А ты как думал?

Люк посмотрел на паренька сверху вниз, стараясь разглядеть в нем черты Джослин. В Клэри они проступали отчетливо, однако Джейс всегда и везде оставался самим собой: замкнутый, сдержанный, одинокий.

– Силенок хватит? – спросил наконец Люк. – Отца-то убить?

– Хватит, – далеким и глухим, словно эхо, голосом ответил Джейс. – Ты, наверное, скажешь: нельзя убивать Валентина, потому что он мой отец, а отцеубийство – непростительное преступление?

– Нет. Я скажу: ты должен быть стопроцентно готов. – Внезапно Люк ощутил, как какая-то часть его смирилась и приняла решение Джейса. – Нельзя оборвать все связи здесь, погнаться за Валентином, настигнуть его и сдать перед последним барьером.

– О, я не сдам. – Джейс отвернулся, глядя на площадь, которая еще до вчерашнего утра полнилась трупами. – Мой отец сделал меня таким. Ненавижу его за это и потому убью. Пусть себе «спасибо» скажет.

Люк покачал головой:

– Твое воспитание, Джейс, не имеет над тобой власти. Ты поборол его. Валентин не сумел очернить твою душу...

– И не надо было. – Джейс посмотрел на небо, на полосы синего и серого; в роще вокруг площади начинали просыпаться птицы. – Мне пора.

– Лайтвудам передать что-нибудь?

– Нет. Они тебя возненавидят за то, что отпустил меня. Я им записки оставил – сами все поймут.

– Тогда зачем...

– Зачем я рассказал тебе о задумке? Чтобы ты был в курсе. Составляя план действий, помни: я слежу за Валентином. Найду – пришлю весточку. – Джейс бегло улыбнулся. – Такой вот запасной вариант.

Люк пожал ему руку:

– Будь твой отец другим, он бы гордился тобой.

Удивленный на мгновение, Джейс покраснел и одернул руку:

– Знал бы ты... – Он прикусил губу. – Ладно, забудь. Удачи, Люциан Грэймарк. *Ave atque vale.*

– Надеюсь, не прощаемся.

Солнце быстро поднималось над горизонтом. Джейс прищурился от резкого света, и на его лице вновь появилось выражение упорства и покорности.

– Ты напоминаешь мне одного давнего знакомого.

– Ну да, – горько улыбнулся Джейс. – Валентина.

– Нет, – удивленно проговорил Люк, но тут Джейс отвернулся, и призраки воспоминаний отступили. – Не Валентина я вспомнил.

* * *

Клэри проснулась. Она еще не открыла глаза, но уже знала: Джейса рядом нет. Рука ее была пуста.

Чувствуя, как сжимает в груди, Клэри медленно села.

Джейс, должно быть, ушел через окно; сквозь занавески на кровать падали косые столбики яркого света. Судя по тому, как высоко стояло солнце, время перевалило за полдень. И как Клэри не проснулась от света в лицо? Голова тяжелая, веки набрякли... Видимо, в отсутствии кошмаров организм решил наверстать упущенный сон.

Только поднявшись, Клэри заметила на прикроватном столике сложенный лист бумаги. Улыбаясь – все-таки Джейс оставил записку, – девушка взяла его, и на пол соскользнуло нечто тяжелое. Клэри отпрыгнула – а вдруг оно живое?

У ног лежало кольцо. Фамильный перстень Моргенштернов на цепочке. Джейс редко снимал его... Внезапный ужас охватил Клэри.

Она развернула записку и прочла первые строки:

«Как бы дорого ни было для меня это кольцо, я могу его бросить. Не могу я бросить тебя, однако выбирать не мне. Перстень же от сердца отрываю сам».

Остальная часть письма слилась в неразборчивую массу букв. Пришлось перечитывать несколько раз, прежде чем смысл окончательно прояснился. Понятно, почему Джейс вчера излил душу и сказал, что одна ночь вместе ничего не изменит. Легко изливать душу тому, кого больше никогда не увидишь.

Позднее Клэри не могла вспомнить, как приняла следующее решение и наскоро собралась, но помнила, как сбегала вниз по лестнице, облаченная в боевой костюм, сжимая в руке письмо и повесив на шею цепочку с перстнем.

В гостиной было пусто, и огонь в камине перегорел до золы, однако из кухни доносились голоса и запах... оладий? Неужели Аматаис умеет готовить?!

Оказывается, Аматаис и не умела. Клэри вошла в кухню, и глаза у нее полезли на лоб: у плиты – в фартуке, собрав волосы в узелок на затылке, – шаманила Изабель, а Саймон сидел на столе, поставив ноги на стул. Как ни странно, хозяйка и не думала просить его сесть по-людски. Она смотрела на молодых, облокотившись на кухонную стойку, и явно радовалась.

Изабель приветственно взмахнула ложкой:

– С добрым утром, Клэри! Завтракать будешь? Время, правда, в сторону обеда.

Не в силах вымолвить ни слова, Клэри посмотрела на Аमतис. Та лишь пожала плечами:

– Они взяли и пришли. Сказали, что хотят позавтракать, а из меня повар никудышный.

Вспомнив бурду, которую Изабель выдавала за суп, Клэри поежилась.

– Где Люк?

– В лесу, со стаей. Что-нибудь случилось, Клэри? Выглядишь немного...

– Диковато, – закончил предложение Саймон. – В чем дело?

На какое-то время Клэри вновь утратила дар речи. «Они взяли и пришли...» – сказала Аमतис. Значит, всю ночь Саймон провел в доме у Изабель. Оглядев друга, она не заметила никаких перемен.

– Со мной все хорошо, – ответила наконец Клэри. Сейчас не время интересоваться любовными похождениями Саймона. – Мне надо поговорить с Изабель.

– Ну так говори, – сказала дочь Лайтвудов, тыча ложкой в бесформенный кусок теста на сковородке. И вот это она называет оладьей?! – Я вся внимание.

– С глазу на глаз.

Изабель нахмурилась:

– Давай чуть позже. У меня почти все.

– Нет, – сказала Клэри таким голосом, что Саймон удивленно выпрямился. – Сейчас.

Саймон слез со стола:

– Ладно, поворкуйте пока. Мы пойдем посмотрим детские фотографии Люка. – Он обернулся к Аमतис: – Вы о них столько рассказывали.

Обеспокоенно глянув на Клэри, Аमतис все же покинула кухню.

– Да, пожалуй, посмотрим... – бормотала она на ходу.

Когда дверь за нею захлопнулась, Изабель покачала головой, и в узелке волос блеснул тонкий изящный ножик-заколка. Даже притворяясь домохозяйкой, Изабель не переставала быть Сумеречной охотницей.

– Послушай, если ты насчет Саймона...

– Забудь про Саймона. Речь о Джейсе. – Клэри протянула Изабель записку: – Читай.

Вздохнув, Изабель уселась за стол. Клэри, взяв из чаши яблоко, села напротив и стала молча очищать его от кожицы. Съесть яблоко она не могла. Аппетит пропал начисто.

Выгнув брови, Изабель посмотрела на Клэри:

– Это вроде как личное. Мне точно стоит читать?

Может, и нет... Клэри не могла вспомнить слова записки. При других обстоятельствах она никому не позволила бы читать письмо от Джейса, однако тревога пересилила все предрассудки.

– Дочитай до конца.

Изабель вернулась к чтению.

– Ну, я догадывалась, что Джейс на такое решится.

– Понимаешь, к чему я? – запинаясь, пробормотала Клэри. – Джейс не мог уйти далеко. Надо пойти за ним и... – Мозг пронзила внезапная догадка. Что там Изабель говорила?.. – То есть как это ты «догадывалась»?!

– Так. – Изабель убрала за ухо непослушную прядку. – Когда Себастьян смылся, мы начали искать способ выследить его. Я перерыла его комнату в доме Пенхоллоу – и ничего, никаких «живых» личных предметов. Следовало догадаться, что Джейс, найдя хотя бы малую зацепку, пулей сорвется в погоню. – Она прикусила губу. – Жаль только, Алека он с собой не взял. Старшой не обрадуется.

– То есть он отправится вслед за Джейсом? – Клэри уловила отблеск новой надежды.

– Клэри, – слегка усталым голосом сказала Изабель. – Как узнать, куда отправился Джейс?

Хотя бы приблизительно?

– Должен быть способ...

– Можно попробовать выследить Джейса. Правда, он умен – наверняка выставил защиту.

Как Себастьян.

В груди разлилась холодная волна гнева.

– Ты что, совсем не хочешь отыскать его? Тебе плевать на Джейса? Он взял на себя самоубийственную миссию. С Валентином ему в одиночку не справиться!

– Не справиться... хотя я надеюсь, Джейс все заранее продумал.

– Что продумал? Свою смерть?

– Клэри! – В глазах Изабель полыхнула ярость. – Как будто остальные в безопасности! Мы сидим и ждем – либо смерти, либо рабства. Джейс не может сидеть сложа руки, разве не видишь? Не видишь, что...

– Я вижу, что Джейс – твой брат, как и Макс, на которого тебе не было плевать.

В тот же миг Клэри раскаялась. Изабель побледнела, будто слова Клэри стерли у нее с лица всю краску.

– Макс, – проговорила Изабель, едва сдерживая ярость, – был всего лишь мальчиком, девяти лет от роду. Джейс – воин, Сумеречный охотник. По-твоему, Алек не выйдет на бой с Валентином? По-твоему, мы не готовы принять смерть в бою, когда дело того стоит? Джейс – сын Валентина и сумеет подобраться к нему достаточно близко, чтобы выполнить предназначение...

– Валентин убьет Джейса, если придется. Пощады не будет.

– Знаю.

– Вас заботит лишь, умрет ли Джейс героически? Ты не будешь тосковать по нему?

– Я буду тосковать по нему каждый день оставшейся жизни. А если Джейс потерпит неудачу, жизни нам осталось – давай признаем – самое большее, неделя. – Изабель покачала головой. – Ты не понимаешь, Клэри, каково постоянно жить войной и жертвами. С самого детства. Впрочем, не твоя в том вина, тебя такой воспитали...

Клэри подняла руки:

– Все я понимаю. Ты ненавидишь меня, Изабель. Я примитивная.

– Не поэтому... – Изабель не договорила. Ее глаза заблестели – не только от гнева, но и от слез. – Господи, ты же ничего не понимаешь. Сколько ты знакома с Джейсом, месяц? Я – семь лет. Ни разу не видела его влюбленным, спокойным, как все. Джейс цеплял девчонок, и они влюблялись в него, однако Джейса их чувства не заботили. Наверное, поэтому Алек решил... – Изабель, которая, казалось, никогда не плачет, с трудом сдерживала слезы. – Меня и маму тоже тревожило, отчего такой парень не может ни в кого влюбиться. Важные для всех дела его ничуть не заботили. Я испугалась, думала, случай с отцом нанес ему тяжелую травму, навсегда лишив возможности любить. Вот если бы узнать, что случилось с отцом Джейса... хотя какая разница? В смысле, такое кого хочешь травмирует. Потом встретила ты, и Джейс словно проснулся. Ты не знала иного Джейса, но я, Ходж... нам все стало ясно. Алеку тоже. Почему, думаешь, он тебя невлюбил? С первой секунды? Тебе встречи с нами приносили радость, а знаешь, что приносило радость мне? То, что Джейс встречался с тобой. В Институте он только о тебе и говорил, потом уболтал Ходжа выслать его за тобой. И не хотел тебя отпускать. Постоянно следил, ревновал к Саймону... Сам, может, и не догадывался о ревности, однако я видела: Джейс ревновал тебя к примитивному! Он пошел вызволять Саймона из отеля «Дюмор»; нарушил закон – ради тебя, спасая смертного, которого терпеть не мог. Ты страдала бы, случись что с Саймоном. Из посторонних ты первая так взволновала Джейса. Он озабочен твоим счастьем из любви.

Клэри судорожно сглотнула:

– Джейс не знал...

– Что ты его сестра? Правильно. Ты не виновата, потому как сама не знала о брате. Само собой, ты согласилась встречаться с Саймоном. Я надеялась, что Джейс, узнав правду, разлюбит тебя, однако он не разлюбил. Не сумел. Уж не знаю, как Валентин обработал его в детстве. Сам ли Джейс по себе такой или его так воспитали... Тебя он не разлюбит, Клэри. Не сможет. Я возненавидела моменты, когда Джейс виделся с тобой, – за боль, которую он терпел, как при ударе когтей демонов. Раны надо оставить в покое, скрыть под бинтами и ждать, пока затянутся. Джейс, видя тебя, словно срывал бинты с незалеченных ран.

– Знаю, – прошептала Клэри. – А как, по-твоему, я себя чувствую?

– Понятия не имею. Ты мне не сестра. Я, правда, не испытываю к тебе ненависти, Клэри. Ты мне даже нравишься. В каком-то смысле я не желаю Джейсу иной пары. Но надеюсь, если мы выживем, то моя семья переедет подальше, где Джейс не сможет видаться с тобой.

Слезы жгли глаза. Странно было вот так сидеть за одним столом с Изабель и плакать по Джейсу по причинам совершенно разным и одновременно похожим.

– Зачем ты говоришь мне такое?

– По-твоему, я не защищаю Джейса? Нет, я хочу его защитить. Потому и расстроилась, когда ты пришла в дом Пенхоллоу. Ты ведешь себя так, будто не являешься частью этого мира, его событий. Нет, Клэри, ты в самой середине нашей вселенной. Тебе досталась одна из главных ролей, ведь ты дочь Валентина! Джейс решился на столь отчаянный поступок и ради тебя тоже.

– Ради меня?

– Знаешь, почему он рискует жизнью? Почему ему плевать, жив он или мертв? – Слова Изабель острыми иглами вонзались в мозг. Почему?.. Потому что считает себя демоном, нелюдем. Только об этом никому не скажешь, не намекнешь. – Он и так считал себя ненормальным, а из-за тебя – так и вовсе проклятым. Джейс сам говорил Алеку. Зачем беречь жизнь, если жить неохота? Отчего не рискнуть, если никогда больше счастлив не будешь?

– Изабель, замолчи. – Саймон почти бесшумно распахнул дверь. Черт, он же вампир и слышит чересчур тонко! – Клэри ни в чем не виновата.

Изабель залилась краской:

– Не лезь, Саймон. Ты понятия не имеешь, в чем дело.

Саймон вошел на кухню, закрыв за собой дверь.

– Я достаточно слышал, – сказал он будничным тоном. – Даже через стену. Значит, ты, типа, не знаешь о чувствах Клэри? Типа, она тебе не сестра и все такое? Ну так слушай: Джейс тут не единственный мученик.

Повисла тишина. Ярость Изабель постепенно угасала.

В этот момент вроде кто-то постучал в парадную дверь: скорее всего, кто-то из оборотней – Люк или Майя – принес Саймону свежую кровь.

– Джейс не из-за меня ушел, – сказала Клэри, и сердце бешено заколотилось. Можно ли раскрыть тайну Джейса теперь, когда его нет? Тайну, из-за которой ему наплевать на жизнь? Слова посыпались сами собой как горох: – Когда мы с Джейсом были в поместье Вэйландов... когда искали Белую книгу...

Внезапно дверь распахнулась – вошла Ааматис. Она странно взглянула на Клэри, отчего ее сердце чуть не остановилось. Хозяйка словно была напугана, но, присмотревшись, девушка поняла: взгляд у Ааматис тот же, какого удостоился Люк, принеся Клэри в дом сестры. Ааматис выглядела так, будто повстречала призрак.

– Клэри, – медленно произнесла она. – Тебя хотят видеть...

Договорить хозяйка не успела – пришлось посторониться, чтобы пропустить в кухню гостя.

Поначалу Клэри разглядела только боевое облачение, стройную фигуру. Едва взгляд дошел до лица гостыи, желудок ухнул в пустоту – как тогда, когда Джейс на мотоцикле съехал с крыши отеля «Дюмор».

В кухню вошла мать.

Часть третья

Дорога в небеса

*О, знаю, легок был на небо путь.
Цвела там наша страсть в своем же королевстве,
Открытом всякому на радостной любви тропе.
В сокрытом счастье мы без памяти купались,
И в чувствах наших гром гремел, и сотрясался мир.*

Зигфрид Сассун, «Несовершенный любовник»

Клэри столько раз представляла, как встретит мать – живой и здоровой, – что образы превратились в подобию выцветших фотографий, которые слишком часто извлекали на свет. Даже сейчас, когда Клэри смотрела неверящим взглядом на маму, перед глазами возникали картинки: Джослин, здоровая и счастливая, обнимает дочь, говорит слова утешения...

Та Джослин мало чем походила на грозного воина: милая художница, немного богемная, в замызанном красками комбинезоне, рыжие волосы собраны в косичку или в пучок, скрепленный карандашом. Джослин, вошедшая в кухню, была подобна стальному клинку – блестящему и острому: волосы туго собраны назад, ни прядки не выбивается; бледное лицо на фоне черного облачения выглядит суровым.

И выражение на лице – ни капельки очарования, лишь некое подобие ужаса, с каким мать смотрела на дочь.

– Клэри, – сказала Джослин, – что за вид?

Клэри осмотрела себя: на ней было боевое облачение Аматис, а ведь Джослин полжизни потратила на то, чтобы дочь никогда этой одежды не надевала. Сглотнув, Клэри поднялась, цепляясь за края столешницы. Костяшки побелели от напряжения, однако пальцев девушка не чувствовала, будто рука принадлежала кому-то иному.

Джослин, раскрыв объятия, шагнула навстречу дочери:

– Клэри...

Клэри инстинктивно подалась назад, стукнувшись поясницей о кухонную стойку. Боль пронзила спину, однако Клэри ничего не заметила – она во все глаза смотрела на мать. Саймон тоже глядел на Джослин, приоткрыв рот. Недоумение читалось и на лице Аматис.

Изабель вскочила на ноги, встав между Клэри и Джослин. Ее рука скользнула под фартук, где наверняка прятался хлыст.

– Что происходит? Вы кто такая?

Ее сильный голос слегка дрогнул, стоило заметить выражение на лице Джослин – та смотрела на Изабель, приложив руку к сердцу.

– Мариза, – едва слышно произнесла Джослин.

– Откуда вы знаете мою мать?!

Джослин резко покраснела:

– Ну конечно же ты ее дочь. Просто... вы так похожи. – Она медленно опустила руку. – Я Джослин Фр... Фэйрчайлд. Мама Клэри.

Убрав руку из-под фартука, Изабель полными смущения глазами глянула на Клэри:

– Вы разве не в больнице? В Нью-Йорке?

– Я там была, – окрепшим голосом ответила Джослин. – Однако с тех пор успела поправиться, спасибо Клэри. И мне бы с ней поговорить наедине.

– Вряд ли Клэри захочет остаться с тобой наедине, – сказала Аматис, примирительно касаясь плеча Джослин. – Слишком сильное потрясение...

Джослин шагнула к Клэри, вновь протягивая к ней руки:

– Клэри...

Вернулся дар речи, и Клэри заговорила поразительно холодным голосом:

– Как ты сюда попала, Джослин?

Мать остановилась, неуверенно глядя на дочь:

– Прошла через портал, наведенный на пригород Аликанте. С Магнусом Бейном. Вчера

Магнус принес противоядие... и все рассказал. Я сразу захотела увидеть тебя. Клэри, что-то не так?

– Почему ты никогда не упоминала, что у меня есть брат? – Клэри даже не думала спрашивать, но слова сорвались с языка сами собой.

Джослин бессильно опустила руки:

– Я думала, он погиб. Не хотела причинять тебе боль.

– Послушай, мама, лучше знать, чем оставаться в неведении, что бы ни случилось.

– Прости...

– Простить? – Клэри повысила голос. У нее внутри как будто что-то прорвалось, и наружу вылился весь гнев, все негодование, которое она сдерживала долгое время. – Почему ты скрыла мое происхождение? И отца? О... и то, что Магнус по твоей просьбе украл мою память?

– Я защищала тебя...

– Плохо старалась! Да еще бросила. Если бы не Джейс и Лайтвуды, я бы погибла. Ты не учила обороняться, не рассказывала, как мир на самом деле опасен. На что ты надеялась? Думала, зло не тронет меня? – Глаза девушки горели. – Ты знала, что Валентин жив. Сама делилась подозрениями с Люком.

– Поэтому я тебя и прятала от Валентина.

– Потому что он превратил твоего первенца в чудовище, а ты не хотела той же судьбы для меня?

Потрясенная, Джослин молча смотрела на дочь.

– Да. Да, но это не все, Клэри...

– Ты похитила у меня память. Забрала настоящую жизнь, происхождение.

– Это не твоя жизнь! Я никогда ее для тебя не хотела...

– Какая разница, чего ты хотела! Главное, кто я есть! Ты забрала то, что тебе не принадлежит!

Лицо Джослин приобрело пепельный оттенок, и на глазах у Клэри выступили слезы. Тяжело было видеть мать такой – когда ей больно, и боль ей причиняла сама Клэри. Однако стоит открыть рот, и с губ сорвется еще больше обвинительных слов, ранящих в самое сердце. Зажав рот ладонью, Клэри бросилась на выход – мимо матери, мимо протянутых рук Саймона. В прихожей она слепо толкнула парадную дверь и чуть не вывалилась на улицу. За спиной кто-то звал ее по имени, но Клэри не оборачивалась – она бежала вперед сломя голову.

* * *

Удивительно, как Себастьян в ночь бегства спасался на своих двух, оставив Путника в конюшне Верлаков. Видимо, из страха, что по скакуну его и выследят.

Джейсу приятно было оседлать коня и выехать на нем из города. Если бы Себастьян и правда нуждался в Путнике, то ни за что бы не бросил его, к тому же конь принадлежит Верлакам, а не ему лично. И потом, Джейс лошадей любил. В последний раз он ездил верхом лет в десять, однако забытые навыки быстро возвращались.

Пешком от поместья Вэйландов до Аликанте Джейс и Клэри топали полдня, а галопом на Путнике на дорогу ушло всего часа два. Взмыленный, конь поднялся на гребень холма у разрушенного поместья.

Плутающие чары развеялись, когда рухнуло основание дома – осталась груда дымящихся камней. Опаленные по краям сады все еще навевали воспоминания о детстве: голые розовые кусты, увитые стеблями сорной травы, каменные скамейки у пустых прудов и канава, где Джейс

и Клэри прятались в роковую для дома ночь. Сквозь кроны деревьев мерцали голубые проблески близлежащего озера.

Джейс ощутил горечь в душе.

Он достал из кармана стил, которое перед уходом «позаимствовал» у Алека (старшему новое достать – раз плюнуть) и пропитанную кровью нитку. Нить, бурая с одного кончика, ровно лежала на ладони. Джейс стиснул кулак – так крепко, что костяшки побелели, – и начертил на тыльной стороне ладони следящую руну. Жжение вызвало скорее привычные воспоминания, нежели боль. Магический знак ушел вглубь кожи, как камень уходит под воду.

Джейс закрыл глаза.

Вместо внутренней стороны век юноша увидел долину. Он стоял на гребне холма и, словно бы взирая на карту, точно определил, где находится. Точно так же Инквизитор обнаружила корабль Валентина посреди Ист-Ривер. Та к вот как оно работает! Джейс отчетливо увидел каждую травинку, каждый пожухлый листик на земле, но при этом ничего не слышал. Кругом царила зловещая тишина.

Долина имела форму подковы, посередине которой протекала серебристая лента воды – ручей или речка, – исчезающая потом среди скал в суженном конце впадины. У воды стоял большой серокаменный дом; из квадратного отверстия трубы поднимались облачка белого дыма. В общем, неожиданный пасторальный пейзаж под голубым небом. Внезапно в поле зрения возникла стройная фигура. Себастьян. Теперь, когда не было нужды притворяться, в его походке и осанке сквозила и заносчивость, высокомерие; на губах играла самодовольная ухмылка. Припав на колено у воды, Себастьян плеснул себе в лицо, смочил волосы.

Открыв глаза, Джейс увидел, как Путник довольно щиплет травку. Нефилим спрятал стил и нить в карман и, глянув на руины дома в последний раз, пришпорил коня.

* * *

Сидя у холма, Клэри угрюмо пялилась на Аликанте. Следовало признать, вид отсюда открывался отличный: крыши домов, покрытые причудливой резьбой, испещренные рунами флюгеры, шпили Зала Договоров, а вдалеке – нечто, сверкающее, словно кромка серебряника. Может, озеро Лин? Позади чернели развалины крепости; башни сверкали, подобно кристаллам. Клэри даже казалось, что вдоль периметра города видно мерцание барьера, похожее на еле заметную паутинку.

Девушка взглянула на руки, покрытые липким травяным соком и кровью там, где сломался ноготь, когда в последнем порыве гнева девушка вцепилась в дерн. Ярость прошла, и на смену ей пришло ощущение чудовищной пустоты. До того момента, как Джослин переступила порог кухни, Клэри и не подозревала, сколь силен ее гнев. Отпала нужда бояться за жизнь матери, и наружу вылезло то, что хоронилось под тревогой и страхом. Успокоившись, Клэри размышляла, не хотела ли она наказать мать за многолетнюю ложь, ведь иначе потрясение от тайн Итуриэля могло быть не столь мощным. И Джейс не пошел бы на откровенное самоубийство.

– Можно к тебе?

Подпрыгнув от неожиданности, Клэри перекатилась на бок и обернулась. Рядом, спрятав руки в карманы, стоял Саймон. Изабель, должно быть, одолжила ему куртку нефилима. Надо же, вампир в облачении Охотника... может, даже и не первый раз.

– Ты так незаметно подкрался! Фиговый из меня нефилим.

Саймон пожал плечами:

– Ладно тебе. Я крадусь, как пантера.

Клэри невольно улыбнулась и стряхнула грязь с рук:

– Валяй садись. Праздник дураков для всех открыт.

Присев, Саймон посмотрел на город и присвистнул:

– Хороший видок.

– Да, согласна. – Клэри искоса глянула на друга. – Как ты нашел меня?

– Ну, пришлось побродить по городу пару часов. – Саймон криво усмехнулся. – Потом я вспомнил, как после драк в первом классе ты постоянно залазила к нам на крышу и дулась на всех. А моя мама тебя потом снимала.

– И?..

– В дурном настроении ты всегда залазишь куда-нибудь повыше.

Вампир протянул ей аккуратно сложенный плащ, и Клэри накинула его на плечи. Бедный плащик, уже видно, как износился – на локте образовалась дырочка, в которую легко можно просунуть палец.

– Спасибо, Саймон. – Клэри обняла колени и продолжила смотреть на город. Солнце опустилось к самому горизонту, и башни начинали отражать красновато-розовое сияние. – Тебя мама прислала?

Саймон покачал головой:

– Люк. Сказал: к закату тебе, скорее всего, захочется вернуться, потому что началась движуха.

– В смысле?

– Люк дал Конклаву время до захода солнца, чтобы те решили: принимать в Совет нежить или отказаться? Нежить собирается у Северных врат, и если Конклав согласен – они войдут в город. Ну а если откажет...

– Нежить уходит, и Конклав сдается на милость Валентину.

– Ага.

– Конклав согласится. Им некуда деваться. – Клэри еще плотнее обняла колени. – Валентин Идрису не нужен. Захватчику никто не покорится.

– Рад, что твой идеализм не пострадал. – Саймон говорил беззлобно, однако в его словах послышался отголосок речей Джейса.

Клэри, хоть под плащом и было тепло, вздрогнула:

– Саймон. Можно глупый вопрос?

– Спрашивай.

– Ты переспал с Изабель?

Саймон закашлялся, и Клэри обернулась к нему:

– Что с тобой?

– Ничего, – ответил Саймон, не без усилий возвращая себе самообладание. – Ты серьезно спрашиваешь?

– Тебя всю ночь не было.

Промолчав некоторое время, Саймон все же ответил:

– Это, конечно, не твое дело, но я скажу: нет.

– Хотя, – рассудительно заметила Клэри, выдержав паузу, – ты не воспользовался бы ее горем.

Саймон хмыкнул:

– Покажи того, кто сумеет воспользоваться Изабель, и я ему руку пожму. Или смотаюсь подальше.

– Значит, с Изабель вы не встречаетесь?

– Клэри, может, хватит о ней? Давай о твоей маме поговорим? Или о Джейсе? Иззи сказала,

он ушел. Представляю, каково тебе.

– Вряд ли.

– Не одну тебя в жизни бросали, – упрекнул подругу Саймон. – Я тут подумал... ты никогда так не злилась. Особенно на маму. Ты вроде скучала по ней.

– Конечно, скучала! – воскликнула Клэри и только сейчас поняла, как, должно быть, со стороны выглядела сцена на кухне. Особенно для матери. Клэри постаралась прогнать эту мысль. – Просто я увлеклась спасением ее от Валентина, а после – поисками лекарства... и ни разу не задумалась, как сильно ненавижу ее за ложь. За то, что она скрыла правду, кто я такая.

– На кухне я услышал другое. Ты обвинила мать в том, что она утаила от тебя брата.

– Знаю. – Клэри выдернула травинку и принялась мять ее в пальцах. – Если бы мать сказала, что у меня есть брат, я бы познакомилась с Джейсом иначе. Не влюбилась бы.

Какое-то время Саймон хранил молчание.

– Раньше ты о чувствах молчала.

– О любви к Джейсу? – Клэри печально рассмеялась. – Бесполезно притворяться... сейчас-то! Я, может, никогда больше его не увижу.

– Джейс вернется.

– Не исключено.

– Вернется, – повторил Саймон. – Ради тебя.

– Не уверена. – Солнце все ниже опускалось к краю горизонта; становилось холоднее. Клэри сощурилась, подавшись вперед: – Саймон, смотри-ка.

Проследив за ее взглядом, Саймон заметил у Северных врат сотни темных фигурок – какие-то держались группами, прочие стояли порознь. Пришедшая защищать город нежить ждала решения Конклава. По спине Клэри пробежала дрожь. Девушка сейчас видела не просто край города с высоты холма – переломный момент, когда решится судьба мира Сумеречных охотников.

– Пришли, – пробормотал Саймон. – Интересно, Конклав принял решение?

– Надеюсь. – Травинка в руке превратилась в бесформенную зеленую массу, и Клэри отбросила ее. Сорвала новую. – Не знаю, что делать, если Конклав все же уступит Валентину. Наведу, наверное, портал куда-нибудь, где Валентин нас не достанет. На необитаемый остров, скажем.

– Слушай, теперь у меня глупый вопрос: если у тебя получается создавать новые руны, то почему бы не сотворить такую, которая погубит всех до единого демонов? Или самого Валентина?

– Не выйдет. Чтобы сотворить руну, мне надо ее полностью представить и только потом начертить. Когда я пытаюсь представить «как убить Валентина» или «завладеть миром», то в голову приходит один белый шум.

– Откуда тогда являются образы рун?

– Понятия не имею. Руны, известные Сумеречным охотникам, взяты из Серой книги и применяться могут лишь нефилимами. Они нам и предназначены. Правда, Магнус говорил, что есть руны древнее. Например, Каинов знак служит для защиты, но в Серой книге его нет. И потому, когда в голову приходят символы, вроде руны Бесстрашия, я сама не понимаю, создаю ли их наново или вспоминаю нечто древнее нефилимов. Как сами ангелы.

Вспомнилась руна, показанная Итуриэлем, – простая, как узел. Откуда она? Вырвана ангелом из пластов своей памяти или из памяти Клэри? Может, она существовала всегда, как море и небо? Клэри вздрогнула.

– Замерзла? – спросил Саймон.

– Да. А ты – нет?

– Я больше не мерзну. – Саймон стал поглаживать Клэри по спине и тут же сам грустно

усмехнулся: – Поди, не греет? Я ведь не излучаю тепла.

– Нет... то есть да. Греет. Продолжай. – Клэри взглянула на Саймона. Тот по-прежнему следил, как у Северных врат собирается нежить. Красноватое сияние башен отражалось у вампира в глазах, отчего Саймон выглядел будто на фотографии, сделанной ночью со вспышкой. У висков и ключиц, там, где кожа тоньше всего, проступали синие венки. Значит, Саймон давненько не ел. – Ты голоден?

Саймон наконец-то посмотрела на Клэри:

– Боишься, что укушу?

– Моя кровь всегда твоим услугам.

Саймон вздрогнул и плотнее прижал к себе Клэри.

– Не будет такого, – пообещал он и чуть веселее добавил: – К тому же я пил кровь Джейса.

Хватит друзьями кормиться.

Клэри вспомнила серый шрам сбоку на шее у Джейса и медленно спросила:

– Думаешь, поэтому...

– Поэтому – что?

– Солнце не страшно тебе? Ведь ты не мог прежде показываться на свету, до той ночи на корабле.

Саймон неохотно кивнул.

– Что-нибудь еще происходило? – спросила Клэри. – Или все дело в крови Джейса?

– Крови нефилима? Нет, должно быть что-то еще. Вы с Джейсом не совсем обычные. В смысле, не как прочие Сумеречные охотники. В вас есть нечто особенное. Говорила же королева Благословенного двора: мол, вы оба – эксперименты. – Заметив изумление на лице Клэри, Саймон усмехнулся: – Я же не идиот.

Умею складывать детали в единое целое. Ты создаешь новые руны. Джейс... такого мегазануду могли сотворить исключительно сверхсилы.

– Он тебе так не нравится?

– Он нравится тебе. Ну да, я сначала его ненавидел, не спорю. Он заносчивый, самоуверенный, а ты смотрела на него как на супермена какого-то...

– Ничего подобного.

– Клэри, дай закончить. – Если бы Саймон дышал, в этом месте ему полагалось бы затаить дыхание. Он явно чего-то недоговаривал и как будто спешил куда-то. – Я и правда видел, как сильно он тебе нравится, и поначалу испугался, что он тебя использует. Словно примитивную девчонку, которую легко впечатлить нефилимскими трюками. Потом я сказал себе: ты на такое не поддашься, а если и поддашься, Джейс от тебя вскоре устанет, и ты вернешься ко мне. Гордиться нечем, но отчаяние заставляет верить во что угодно. Потом, когда выяснилось, что Джейс твой брат, я обрадовался, словно смертник, помилованный в последнюю минуту. Мне даже было приятно видеть мучения Джейса – до того момента при Благословенном дворе, когда ты его поцеловала. Ясно же...

– Что? – спросила Клэри, не в силах вынести паузу.

– Джейс смотрел на тебя так... в общем, я сразу понял, что он не играет с тобой. Любит по-настоящему. Очень мучается.

– Ты поэтому отправился в «Дюмор»? – Клэри давно хотела задать этот вопрос, но все не решалась.

– Из-за вас с Джейсом? Нет, совсем нет. В отель хотелось вернуться постоянно. Обратная дорога мне снилась. Я просыпался уже на улице, одетый, на полпути к отелю. По ночам тянуло особенно сильно. И чем ближе к отелю – тем страшнее становилась тяга. Мне в голову не приходило, что на меня действует магия. Вроде обычный посттравматический стресс. В ту

самую ночь я был так зол, устал, и вообще мы подобрались близко к отелю... я почти не помню ничего. Только выход из парка.

– Если бы ты не разозлился на меня... если бы мы тебя не обидели...

– У вас выбора не было. К тому же я сам все прекрасно знал. Правду сколько ни топи, все равно всплывет. Жаль, я не рассказал, что со мной творится. Не рассказал о снах. Однако я не жалею, что мы встречались, использовали попытку. Ты мне с тех пор еще больше нравишься.

– Я сама надеялась, что у нас все получится, – тихо ответила Клэри. – Не хотела обижать тебя.

– Я бы не согласился изменить свои чувства. Не перестал бы тебя любить. Знаешь, что сказал Рафаэль? Типа, вампира из меня не выйдет, потому что вампиры принимают смерть, а я цепляюсь за прежнюю жизнь. Помня о любви к тебе, я чувствую себя живым.

– Саймон...

– Смотри. – Саймон жестом оборвал ее, и его темные глаза округлились. – Вон там, внизу.

От солнца на горизонте осталась красная полоска света. Вот и она растаяла, исчезла за краем мира. Башни Аликанте вспыхнули огнем, и в их сиянии Клэри увидела толпы нежити, которые все еще мялись у Северных врат.

– В чем дело? – спросила она. – Почему Врата до сих пор не открыли?

– Конклав, – ответил сидевший неподвижно Саймон. – Они, должно быть, ответили отказом.

– Как они могли?! – резко воскликнула Клэри. – Значит...

– Они сдаются Валентину.

– Та к нельзя! – вскрикнула Клэри, однако темные фигурки у Северных врат уже разворачивались и уходили прочь от города, словно муравьи от порушенного муравейника.

В гаснущем свете лицо Саймона казалось восковым.

– Выходит, нас ненавидят до того сильно, что предпочитают сдаться Валентину.

– Это не ненависть. Это страх. Страх, которого не избежал сам Валентин. – До Клэри не сразу дошла истинность собственных слов. – Конклав боится и... и завидует.

Саймон метнул в нее удивленный взгляд:

– Завидует?

Клэри не слышала друга. Она вспоминала видение, явленное Итуриэлем; в ушах звенел голос Валентина: «Я жаждал ответа: зачем Разиэль создал Сумеречных охотников, не наградив их силой нежити – ни скоростью волка, ни бессмертием дивного народца, ни талантом магов, ни выносливостью вампиров? Перед лицом исчадий ада он оставил нас обнаженными, наградив лишь знаками. Почему враг сильнее нефилимов? Почему бы нам не взять себе его мощь? Разве не будет это справедливо?»

Клэри продолжала смотреть на Аликанте, раскрыв рот и ничего не слыша. Саймон звал ее, однако мыслями Клэри унеслась прочь отсюда. Ангел мог показать что угодно и при этом выбрал именно те воспоминания. Намеренно. Вспомнилось, как Валентин кричал: «Да чтобы мы связались с нежитью?! С этими тварями?!»

И руна. Та, что приходит во сне. Простая, как узел.

«Почему бы нам не взять себе его мощь?»

– Связь, – вслух сказала Клэри. – Она связывает. Объединяет непохожее.

– Чего? – непонимающе уставился на нее Саймон.

Поднявшись с земли, Клэри отряхнулась:

– Мне надо вниз. Где они?

– Кто где? Клэри...

Но Клэри уже неслась по извилистой тропинке, ведущей к городу. Ругаясь про себя, Саймон

Говорят, все дороги ведут в Зал Договоров. Эти слова Себастьяна набатом гудели в ушах, и Клэри надеялась, что поговорка не врет. Иначе плутать ей по улочкам Аликанте, которые изгибались под странными углами, не то что милые сердцу прямые улицы родного Манхэттена. В Манхэттене нельзя заблудиться, там все ясно, понятно, а здесь – лабиринт.

Промчавшись через чей-то внутренний дворик, Клэри выбежала на тротуар вдоль канала. Если идти вдоль воды, то обязательно выйдешь на Ангельскую площадь. Неожиданно для себя Клэри миновала домик Агатис и после него, задышавшись, свернула на знакомую широкую дорожку. Зал Договоров высился впереди – огромный и белоснежный; в центре площади сверкала статуя ангела. У постамента, скрестив руки на груди, стоял Саймон.

– Могла бы и подождать, – мрачно произнес вампир.

Клэри уперлась руками в колени, хватая ртом воздух.

– Кто бы... говорил... сам... первым пришел.

– Вампирская скорость, – гордо заметил Саймон. – Вернемся в Нью-Йорк – займусь бегом.

– Жулик ты. – Сделав еще один глубокий вдох, Клэри выпрямилась и откинула с потного лба прилипшую челку. – Пошли. Нам надо в Зал.

Внутри собралось столько Сумеречных охотников, сколько Клэри не видела в одном месте даже в ночь, когда Валентин штурмовал Аликанте. Нефилимы спорили в голос, и в Зале будто рокотала снежная лавина. Подиум оставался пуст, и карта Идриса одиноко висела на дальней стене.

Клэри взглядом поискала Люка. Оборотень стоял, прислонившись к колонне, полуживой от усталости.

Рядом Агатис ободряюще похлопывала его по плечу. Клэри огляделась еще раз, но Джослин нигде не заметила.

На какое-то время Клэри впала в прострацию. Потом вспомнила о Джейсе, который сейчас ищет Валентина и вполне может погибнуть. Брат сознает себя частью войны, как и Клэри, – она всегда принадлежала миру нефилимов, даже когда понятия о нем не имела. В крови все еще гудел адреналин, обостряя все чувства. Пожалуй, даже чересчур обостряя.

Клэри сжала Саймону руку:

– Пожелай мне удачи. – Ноги сами понесли к подиуму, и Клэри не заметила, как поднялась на платформу и развернулась лицом к толпе.

Она не знала, чего ждать. Взмолнованных вздохов? Моря лиц, обращенных к ней в предвосхищении? Один Люк заметил Клэри, словно почувствовал ее присутствие – замер и смотрел на воспитанницу изумленными глазами. Из толпы ее заприметил лишь один человек – тот, чьи лицевые кости выпирали, словно нос парусного судна. Консул Малахи. Он пробирался к подиуму, крича что-то на ходу и жестами приказывая Клэри покинуть сцену. Впрочем, криками он только больше обращал внимание Охотников на Клэри.

Она получила желаемое. Взгляды обратились на нее, и в толпе зашептали с придыханием: «Это она! Дочь Валентина!»

– Все верно, – сказала Клэри, стараясь говорить как можно громче и отчетливее. – Валентин – мой отец, но я узнала о нем лишь несколько недель назад. До того я даже не подозревала, кто мой отец. Многие не поверят, и ладно. Верьте во что хотите. Однако поверьте и в другое: мне известно о Валентине нечто, что поможет в битве с ним. Позвольте же говорить.

– Глупости. – Малахи подошел вплотную к подиуму. – Несусветные глупости! Ты всего лишь девчонка...

– Она дочь Джослин Фэйрчайлд. – Протолкавшись через толпу и подняв руку, говорил Патрик Пенхоллоу. – Пусть держит речь, Малахи.

Толпа загомонила.

– Вы, – обратилась к Малахи Клэри, – вместе с Инквизитором бросили моего друга Саймона в темницу...

Консул усмехнулся:

– Вампира-то?

– Допытывались у него, что стало с кораблем Валентина. Думали, Валентин использовал на Саймоне черную магию. Не было такого. Хотите знать, что разрушило судно? Я. Я уничтожила корабль.

Малахи недоверчиво рассмеялся, и ему вторили несколько Охотников. Люк смотрел на Клэри и качал головой, однако девушка продолжала:

– Я начертила руну, очень мощную, и судно распалось на части. Мне под силу создавать новые знаки – не те, которые записаны в Серой книге, а такие, о которых вы даже не слышали. Очень мощные...

– Довольно, – взревел Консул. – Новые руны творить нельзя. Это абсолютно невозможно. – Он обратился к толпе: – Девчонка вся в отца, лжет да и только!

– Она не лжет, – раздался сильный, уверенный голос из дальней части Зала. Пришел Алек, а с ним Изабель, Магнус и Саймон. Пришла и Мариза Лайтвуд. – Я сам видел, как Клэри создала новую руну, а потом применила ее на мне. Знак сработал.

– Ложь, – ответил Консул, однако во взгляде его читалось сомнение. – Ты выгораживаешь друга...

– Полноте, Малахи, – жестко одернула его Мариза. – С чего бы моему сыну лгать, если истину легко проверить. Выдай девочке стило, и пусть она сотворит неизвестную руну.

В толпе согласно забормотали. Патрик Пенхоллоу выступил вперед и протянул Клэри стило. Та благодарно приняла стержень и развернулась к людям спиной.

Во рту пересохло. Адреналин еще не выветрился, но его не хватало, чтобы преодолеть боязнь сцены. Что такого создать, какую руну явить нефилимам? Какой знак докажет правоту Клэри?

Обернувшись, она встретила взглядом с Саймоном. Он смотрел на Клэри точно так же, как Джейс смотрел на нее в поместье. Именно этот взгляд и объединяет двух разных парней, которых Клэри так любит – оба верят в нее, даже когда у Клэри опускаются руки.

Продолжая смотреть на Саймона и думать о Джейсе, Клэри опустила пишущий кончик стило себе на запястье. Она чертила, не глядя, доверившись интуиции, давя на стержень очень легко, ведь знак понадобится совсем ненадолго. Закончив, Клэри подняла голову и открыла глаза.

Первым делом она заметила, как пятится от нее побледневший Малахи. В ужасе Консул пробормотал что-то на неизвестном языке, и тут у него за спиной возник Люк. Оборотень смотрел на Клэри, слегка приоткрыв рот.

– Джослин?

Клэри легонько покачала головой и оглядела толпу. Лица расплывались, теряя и вновь обретая четкость. Кто-то смотрел на Клэри, улыбаясь, кто-то удивленно озирался вокруг, кто-то смотрел на стоящих поблизости. Клэри заметила еще несколько искаженных страхом лиц, лиц удивленных, и рук, прижатых к губам. Алек посмотрел на Магнуса и вновь перевел на нее недоверчивый взгляд. Саймон стоял озадаченный.

Аматис, протиснувшись мимо Патрика Пенхоллоу, устремила к подиуму.

– Стивен! – кричала она на ходу, будто ослепленная радостью. – Стивен!

– Нет-нет, Аматис. – Клэри ощутила, как прекращается действие магии, словно девушка стряхнула с себя некий покров.

Заметив перемену, Аматис отступила от подиума. На лице у нее отразилась смесь уныния и крайнего удивления.

Оглядев толпу, каждое лицо в ней, Клэри сказала:

– Я знаю, что вы сейчас видели. Эта магия – не обычные маскирующие чары. Сработала всего одна руна – руна, которую я придумала. Способность создавать руны досталась мне не просто так, и причина вам наверняка не понравится. Кое-кто вообще не поверит, но это неважно. Важно то, что я могу помочь в сражении против Валентина, если мне только позволят.

– Сражения не будет, – сказал Малахи, избегая взгляда Клэри. – Конклав принял решение: на рассвете мы сложим оружие и сдадимся.

– Так нельзя! – отчаянно воскликнула Клэри. – Думаете, Валентин позволит сохранить прежний уклад жизни? По-вашему, он ограничится убийствами нежити и демонов? – Она пробежалась взглядом по толпе. – Многие не видели его уже пятнадцать лет и забыли, на что он способен. Зато я знаю, я слышала о его планах. Под игом Валентина прежняя жизнь умрет. Он разрушит ее, станет запугивать Орудиями смерти. Начнет с нежити, затем возьмется за Конклав, потому что считает его слабым и отжившим свое. Потом придет черед всякого, у кого в роду, в семье есть нежить. Например, брат-оборотень... – Взгляд Клэри коснулся Аматис. – Или бунтарка-дочь, встречающаяся с рыцарем-фейри. – Девушка посмотрела на Лайтвудов. – Да любой, кто хотя бы дружил с нежитью или хоть раз обращался к услугам чаровника. Сколько вас здесь таких?

– Бред, – твердо возразил Малахи. – Валентину незачем уничтожать нефилимов.

– Он более не считает нефилимом всякого, кто замарал себя общением с нежитью. Послушайте, ваша война – не против Валентина, а против демонов. Вот ваше предназначение, божественная миссия. Нежить ненавидит демонов не меньше вашего, они сами уничтожают монстров. Если Валентин своего добьется, он забудет о долге, потому как его всецело займет истребление нежити и грешных нефилимов. Он забудет о демонах, и те наводнят мир. Та к и будет.

– Я вижу, к чему ты ведешь, – процедил сквозь зубы Малахи. – Мы не станем сражаться бок о бок с нежитью в бессмысленной битве...

– Нет, станете! – В горле пересохло, голова разболелась. Лица собравшихся расплывались, в глазах замелькали белые вспышки. Нельзя останавливаться. Надо довести начатое до конца. – Мой отец ненавидит нежить, потому что завидует им, – запинаясь, продолжила Клэри. – Он завидует их силе. Ненавидит, потому что они в чем-то сильнее нефилимов. Спорю, отец не один такой. Легко бояться того, чем сам не обладаешь. – Клэри перевела дыхание. – Но вдруг вы овладеете силами друг друга, вдруг вам достанется способность нежити-напарника? Вдруг удастся сотворить руну, которая наделит вас выносливостью вампира, силой оборотня или скоростью рыцаря-фейри? Нежить в свою очередь получит ваш опыт, навыки боя. Только позвольте создать связующую руну, и вы обратитесь в непобедимую силу. Однако руна не подействует, если не встать рядом с нежитью. – Клэри перевела дыхание. – Прошу, – почти неслышно проговорила она, – прошу, позвольте пометить вас.

Последние слова прозвучали в звенящей тишине. Мир поплыл перед глазами; оказывается, вторую половину речи Клэри произносила, глядя в прозрачный потолок, и белые вспышки – это звезды, одна за другой возникающие на небосводе. Сжав кулаки, Клэри вслушивалась в тишину, затем медленно, очень медленно опустила голову и встретила взглядом с толпой.

Клэри сидела на верхней ступеньке перед Залом Договоров и смотрела на луну, взошедшую раньше обычного. Башни отражали ее слабое бело-серебристое сияние, и тьма надежно скрывала рубцы города. Под ночным небом Аликанте выглядел мирным и спокойным, если только не обращать внимания на холм, где покоились остатки Гарда. То и дело из тени в свет ведьминых огней выходили часовые. Они старательно делали вид, будто не замечают Клэри.

Немного ниже Саймон, засунув руки в карманы, бесшумно мерил шагами ступеньку. Дойдя до одного края, он разворачивался, и в этот момент лунный свет падал ему на лицо, бледная кожа которого начинала светиться.

– Хватит круги нарезать, – сказала Клэри. – Только зря нервируешь.

– Ну извиняй.

– Мы здесь уже вечность сидим. – Из-за двойных дверей доносилось неразборчивое бормотание множества голосов. – Слышишь, о чем они говорят?

Прикрыв глаза, Саймон изо всех сил сосредоточился:

– Совсем чуть-чуть.

– Жаль, меня там нет, – сказала Клэри, гневно ударив каблуками по ступеньке. Люк попросил ее выйти, пока Конклав совещается. Он хотел отправить с ней Амалис, но Саймон вызвался проводить девушку, сказав, что, мол, Амалис должна быть внутри, поддерживать предложение Клэри. – Мне бы участвовать в совещании.

– Нет, – возразил Саймон. – Не надо тебе туда.

Клэри и сама догадывалась, почему Люк спровадил ее. Догадывалась, как ее там поносят: лгунья, дура, уродка, сумасшедшая, безумная, чудовище, дочь Валентина... Может, ей и лучше оставаться вне Зала, но ждать решения невыносимо.

– Слезить, что ли, на крышу вон того дома? – Саймон пригляделся к одной из колонн, поддерживающих крышу Зала. По ней внахлест шли рунические знаки, однако другого пути вверх не было. – Выпущу пар.

– Брось, ты же вампир, а не Человек-паук.

Саймон вприпрыжку поднялся по лестнице и встал у цоколя колонны. Примерился к рельефной поверхности, а Клэри раскрыла рот от изумления, когда вампир стал взбираться по столбу, цепляясь пальцами и мысками ботинок за мелкие бороздки и выступы.

– Да ты и правда Человек-паук!

Саймон, одолев половину высоты, глянул вниз.

– Тогда ты Мэри-Джейн. Она тоже рыжая. – Он посмотрел вдаль и нахмурился: – Слишком низко, Северных врат не видать.

Понятно, зачем ему нужно видеть Северные врата. Люк послал гонцов с просьбой к нежити подождать, пока Конклав совещается. Интересно, согласилась ли нежить? И если да, то каково там сейчас, у врат? Клэри попыталась представить толпы оборотней, нетерпеливо ходящих кругами...

Большие двери, скрипнув, отворились, показалась стройная фигура. Лишь когда она выступила из тени на свет, Клэри заметила огненно-рыжие волосы. Мама.

Джослин глянула вверх и, заметив на колонне вампира, весело его поприветствовала:

– О, привет, Саймон. Рада, что ты... адаптируешься.

Спрыгнув, Саймон легко приземлился на ноги.

– Здравсьте, миссис Фрэй, – чуть сконфуженно ответил он.

– Думаю, звать меня так смысла нет. Просто Джослин. И... – Она немного помялась. – Какие бы странности ни творились, я рада видеть вас с Клэри вместе. Вы повсюду парой ходите.

Саймон заметно смутился:

– Я тоже рад вас видеть.

– Спасибо, Саймон. – Джослин посмотрела на дочь. – А теперь, Клэри, может, поговорим? Вдвоем, только ты да я?

Какое-то время Клэри оставалась сидеть на ступеньках, глядя на мать с таким чувством, будто видит перед собой чужака. Горло перехватило так сильно, что, казалось, ни слова не скажешь. Саймон топтался неподалеку, ожидая сигнала: уйти или остаться?

– Ладно, – вздохнула Клэри. – Поговорим.

Показав напоследок оттопыренные большие пальцы, Саймон исчез за дверьми. Клэри вновь устояла на площадке, где несли стражу часовые, а Джослин присела рядом. Клэри хотелось придвинуться к матери, положить ей голову на плечо и закрыть глаза, забыть обо всем. Бесполезно. Нельзя всю жизнь прятаться от беды.

– Клэри, – очень тихо сказала Джослин. – Прости меня.

Клэри взглянула на руки – она так и не вернула Патрику Пенхоллоу стило. Будем надеяться, он не решит, будто Клэри вздумала присвоить стержень себе.

– Я уже не надеялась вновь увидеть Аликанте, – сказала Джослин, и Клэри украдкой глянула на мать. Та смотрела на город, на башни, подсвечивающие небо белесым мерцанием. – Он снился мне, и я даже хотела написать этот пейзаж, но испугалась. Испугалась, что ты, взглянув на картину, спросишь – откуда такой образ? как он пришел ко мне в голову? Ты могла догадаться, откуда я сама. Кто я такая.

– И вот я все узнала.

– Узнала, – тоскливо повторила Джослин. – У тебя есть все причины ненавидеть меня.

– Все не так, мама. Просто...

– Ты мне не доверяешь. Не виню тебя. Надо было все рассказать. – Джослин коснулась плеча дочери и, когда та не отстранилась, продолжила: – Можно, конечно, оправдываться, будто я тебя защищала, но понимаю, как это звучит со стороны. Я слышала твою речь...

– Слышала? Как я тебя не заметила?!

– Я укрылась в самом дальнем конце Зала. Люк предупредил: якобы мое присутствие только всех расстроит – и был, наверное, прав. Мне так сильно хотелось видеть тебя, что я проскользнула внутрь после начала встречи и спряталась в тени. Сегодня...

– Я выставила себя полной дурой? Сама догадалась.

– Нет. Сегодня я тобой горжусь.

Клэри обернулась к матери:

– Гордишься?

Джослин кивнула:

– Конечно. Ты показала Конклаву, на что способна, явила каждому самых дорогих для них людей.

– Ага. Откуда знаешь?

– Они все звали тебя разными именами. Я же видела свою дочь.

– О... – Клэри опустила взгляд себе под ноги. – А поверят ли насчет рун? Надеюсь, правда, что поверят...

– Можно мне взглянуть?

– На что?

– На руну. Ту, которой ты намерена скрепить нефилимов и нежить. Впрочем... если не можешь...

– Да нет, могу, конечно.

Клэри принялась чертить знак на мраморной ступеньке. Линии – простые и сложные одновременно, прямые внахлест с извилистыми, – загорались золотым огнем. Клэри наконец поняла, почему эта сильная руна выглядит незаконченной: ей нужно отражение. Знак-близнец, знак-партнер.

– Союз, – сказала Клэри, убирая стило. – Та к я называю эту руну.

Джослин смотрела, как линии, вспыхнув напоследок, гаснут, оставляя в мраморе тлеющий черный след.

– Еще в молодости, – заговорила она, – я изо всех сил пыталась объединить нефилимов и нежить, чтобы вместе мы могли защитить Договоры. Тогда казалось, что я преследую мечту, непостижимую для прочих нефилимов. И вот ты показала ее буквальное воплощение.

Джослин крепко-крепко зажмурилась:

– Сегодня в Зале я кое-что поняла. Столько лет я прятала тебя от нашего мира, не разрешала ходить в «Адское логово». Там пересекаются нежить и примитивные, а значит, и нефилимы. Тебя тянуло туда нечто, позволяющее видеть сумеречный мир. Я скрывала его, желая защитить свою дочь. Нет бы заниматься с тобой, учить приемам, воспитывать в тебе дух. – Джослин говорила очень грустно. – Однако ты повзрослела и обрела силы. Теперь я могу открыть тебе правду. Если захочешь.

– Не знаю... – Вспомнились страшные картины прошлого, явленные ангелом. – Я обозлилась на тебя из-за неправды. Теперь вот не уверена, готова ли принять что-то ужаснее.

– Я посоветовалась с Люком, и он говорит: лучше все тебе рассказать. Даже то, что я никогда не рассказывала ни ему, ни кому-то еще. Вещи неприятные, зато правда.

Закон суров, но он закон. Клэри обязана выяснить правду – всю, до конца. Ради Джейса. Ради себя. Она сжала стило так, что побелели костяшки.

– Говори, я готова.

– Значит, готова... – Джослин глубоко вздохнула. – Даже не знаю, с чего начать.

– Начни с того, как ты додумалась выйти замуж за Валентина. За такого человека... родила ему меня. Он же чудовище!

– Нет, он человек. Не самый добрый, но если хочешь знать, почему я вышла за него, то вот причина: любовь.

– Неправда. Валентина нельзя любить.

– Я влюбилась в него в твоём возрасте, Клэри. Тогда Валентин казался совершенным: умный, забавный, прекрасный, очаровательный... Понимаю, ты думаешь, полюбить его могла только безумная. Однако ты видела нынешнего Валентина. А тогда, в школе, его все обожали. Юный Валентин излучал свет, словно открыл дверь в некую часть вселенной, к источнику этого света, которым еще можно и делиться с окружающими. По Валентину все девчонки сохли, и казалось, у меня ни единого шанса. Во мне ведь ничего особенного парни не находили. Моим лучшим другом стал Люк, и я держалась ближе к нему. Однако твой отец выбрал меня.

Клэри хотела сказать: «Вот ведь не повезло», – но сдержалась. Может, из-за тоски в голосе матери, из-за печали и сожаления. Может, из-за слов о том, как Валентин словно бы излучал свет... Самой Клэри показалось, будто свет излучает Джейс. Сейчас такая мысль выглядит глупой... влюбленные, похоже, думают одинаково.

– Понятно, – сказала дочь. – Тебе тогда исполнилось шестнадцать, но позднее-то выходить за Валентина было необязательно.

– Я вышла за него в восемнадцать. Валентину исполнилось девятнадцать, – буднично ответила Джослин.

– Господи! – ужаснулась Клэри. – Меня бы ты убила, выскочи я замуж в восемнадцать.

– Точно. Однако Сумеречные охотники, мы то есть, живут меньше примитивных, часто гибнут жестокой смертью. Потому стараются успеть все раньше обычного срока. Хотя, даже по нашим меркам, с замужеством я поторопилась. Впрочем, родные – и Люк – радовались. Думали, Валентин – отличная пара. Он и был отличной парой... в юности... Единственный, кто отговаривал меня от свадьбы, это Мадлен. Мы дружили со школы, и, когда я рассказала о помолвке, она заявила, будто Валентин на самом деле эгоистичен и нетерпим и под маской шарма прячется страшная аморальность. Я упрекнула Мадлен в ревности.

– Она и правда ревновала?

– Нет. Мадлен оказалась права. Просто я не хотела слышать обвинений в адрес любимого. – Джослин посмотрела себе на руки.

– Ты раскаялась? Пожалела, что вышла за Валентина?

– Клэри, – устало произнесла Джослин. – Мы жили счастливо, по крайней мере, первые годы. В поместье родителей, за городом. Валентин не хотел жить в пределах Аликанте и то же советовал остальным членам Круга. Хотел избежать любопытных глаз Конклава. Вэйланды поселились всего в миле от нас, недалеко обосновались и прочие: Лайтвуды, Пенхоллоу. Вокруг нас кипела жизнь, работа, и я ощущала себя словно бы в центре мира, подле Валентина. Он же ни разу не дал мне почувствовать себя не у дел, ненужной. Напротив, я стала ключевым элементом Круга. Одной из тех, к чьему мнению Валентин прислушивался. А он все твердил, что без меня ничего не добился бы, остался бы никем.

– Правда? – Клэри с трудом могла представить, как Валентин говорит нечто подобное. Как признается в... слабости.

– Правда... то есть Валентин так говорил – и при этом лгал. Он просто не мог остаться никем. Он родился быть вождем революции. Все больше и больше народу присоединялось к Кругу. Все больше людей заражал Валентин своей страстью, блеском новой мысли. В ту пору он почти не заговаривал о нежити, только о старых, негибких и неверных законах. О реформе Конклава. Дескать, в мире должно быть больше нефилимов, мы должны сражаться с демонами в открытую, не прятаться. Гордо исполнять миссию. Соблазнительная идея: мир, где монстры нас боятся, а примитивные боготворят. Мы были молоды и считали: да, благодарность необходима. И ни о чем не догадывались. – Джослин сделала глубокий вдох, как будто собираясь нырнуть в воду. – Потом я забеременела.

Клэри ощутила холодное покалывание в затылке. Она снова засомневалась, хочет ли слышать правду, в том числе о том, как Валентин превратил Джейса в монстра.

– Мам...

Джослин покачала головой:

– Ты спросила, почему я не рассказывала о брате. Слушай. – Джослин судорожно вздохнула. – Я была счастлива узнать, что скоро стану матерью. Валентин – тоже. Он говорил, будто мечтает стать отцом, помочь сыну стать воином, как ему самому помог отец. «А если родится дочь?» – спросила я. «Девочка тоже станет бойцом, не хуже мальчика», – с улыбкой отвечал Валентин, и мне тогда все казалось идеальным... Затем покусали Люка. Говорят, шансов, что с укусом передастся ликантропия, – один из двух. Я бы сказала: три из четырех. На моей памяти ни один укушенный не избежал инфекции, и Люк – не исключение. В следующее полнолуние он обратился, а наутро пришел к нам на порог, весь в крови и лохмотьях. Я хотела утешить друга, однако Валентин загородил меня, сказав: «Ты беременна». Как будто Люк собирался вырвать у меня дитя из-под сердца. Я по-прежнему видела перед собой Люка. Но Валентин увел его в лес и вернулся позднее один. На расспросы ответил: дескать, Люк в отчаянии покончил с собой. Предпочел... смерть.

Джослин как будто заново переживала горе. Клэри вспомнила, как у нее самой на руках

умирал Саймон. Есть в мире вещи, которые не забудутся.

– А на самом деле Валентин просто дал Люку нож, – тихо проговорила Клэри. – И заставил Стивена развестись с Аматис. Только потому, что его шурин стал оборотнем.

– Я не знала. После известия о смерти Люка я словно провалилась в бездонный колодец. Все время спала, ела только из-за ребенка. Примитивные такое состояние называют депрессией, но у нефилимов подобных слов нет. Валентин решил, что у меня трудная беременность, и сказал всем, будто я заболела. Потом и правда напала болезнь – бессонница. По ночам мерещились странные звуки, вопли. Валентин снабдил меня снотворными зельями, но от них только снились кошмары. Очень страшные: словно Валентин вонзает в меня нож или травит удушающим ядом. Утром я просыпалась измученной. О событиях во внешнем мире никто не сообщал. Оказывается, Стивен развелся с Аматис, взял в жены Селин. Я жила как в тумане. Потом... – Джослин сцепила дрожащие руки, – родился ребенок.

Мать надолго замолчала, и Клэри даже решила, что она больше не заговорит. Джослин слепо смотрела на башни, пальцами выбивая на коленях странную дробь.

– При родах мне помогала мать. Ты ее не видела, свою бабушку. Добрейшая женщина. Она бы тебе понравилась, это точно. Мама передала мне сына, и в первый момент я лишь чувствовала, как удобно он лег мне на руки и в какое мягкое одеяльце его запеленали. И макушка его была покрыта светлыми легкими волосками... затем он открыл глаза...

Джослин говорила бесцветным голосом, и Клэри затрепетала, предчувствуя продолжение. «Нет, не надо, – чуть не попросила она. – Не говори больше ничего...» Однако мать продолжила рассказ, и слова стали ледяными.

– Меня накрыло волной ужаса. Я словно окунулась в кислоту, плоть как будто начала сползать с костей. Я чуть не отбросила младенца с диким воплем. Говорят, родное дитя мать узнает моментально. Обратное, пожалуй, тоже правда. Мне дали не родного ребенка. Что-то совершенно чуждое, паразита... Почему мама не заметила?! Она улыбалась, как ни в чем не бывало. «Назовем его Джонатан», – произнес от дверей Валентин, и ребенок вновь открыл глаза, как будто узнав его довольный голос. Глаза младенца были черны, как ночь, и бездонны, как два тоннеля. Я не заметила в них ни капли человеческого...

Повисла пауза. Клэри взирала на мать в ужасе, раскрыв рот. Это она про Джейса так говорит? Как можно? О родном-то ребенке!

– Мам, – прошептала Клэри. – Может... может, у тебя случился шок? Или ты не поправились до конца...

– То же самое говорил Валентин, – бесцветным голосом ответила Джослин. – Я-де больна, как можно не любить родного сына?! Сам Валентин в Джонатане души не чаял. Я думала, он прав, и чудовище – я, потому что не терплю родное чадо. В голову пришла мысль о самоубийстве, и я поддалась бы ей... если бы не огненное письмо от Рагнора Фелла, мага и друга семьи. Именно его мы звали, когда случалась болезнь или другая беда. Рагнор писал, что Люк жив и сделался вожаком стаи, обитавшей у восточных пределов леса Брослин. Письмо я сразу сожгла. И когда лично убедилась, что Люк и правда жив, что Валентин солгал, то возненавидела мужа всем сердцем.

– По словам Люка, ты знала, что с Валентином творится неладное, что он замышляет нечто ужасное. Еще до того, как сам Люк стал оборотнем.

Джослин замолчала на какое-то время.

– Люка вообще не должны были покусать. Они с Валентином отправились патрулировать лес, но... нападения не ждали.

– Мам...

– Я призналась ему в страхах, будто слышу в стенах поместья какие-то крики. И Люк –

бедный, наивный Люк! – спросил обо всем у Валентина. В ту же ночь мой муж взял его на охоту, и Люка укусил оборотень. Валентин заставил меня забыть о страхах, заставил думать, будто это сон, кошмары. Он же, скорее всего, и подстроил нападение оборотня. Убрал Люка с пути, чтобы никто не напомнил, как я боюсь мужа. Я сама догадалась обо всем, но не сразу. После отчуждения с Люком мы повидались мельком, и я так хотела рассказать о Джонатане... и не успела, не смогла. Джонатан мой сын, а встреча с Люком придала сил. Я возвращалась домой, веря, что сумею полюбить ребенка, научусь быть к нему ласковой. Заставлю себя. Той же ночью я проснулась от детского плача. Села одна в кровати – Валентин ушел на заседание Круга, и поделиться впечатлением я ни с кем не могла. Видишь ли, Джонатан никогда не плакал, даже не хныкал. Его молчание тяготило... Тогда я побежала вниз, в его комнату. Сын мирно спал в кроватке, однако детский плач продолжался. Я пошла на звук, исходивший как будто из пустого винного погреба. Дверь была заперта, потому что погребом не пользовались, однако я выросла в поместье и знала, где отец хранит ключ...

Говоря, Джослин не смотрела на Клэри. С головой ушла в исповедь, в воспоминания.

– Я не рассказывала историю Синей Бороды? Он запретил супруге входить в запертую комнату, но однажды женщина ослушалась наказа и обнаружила за замком останки своих предшественниц, которые муж хранил, как засушенных бабочек. Спускаясь в погреб, я понятия не имела, что застану внизу. И теперь, задавая себе вопрос: спустилась я бы заново, позволила бы свету ведьминому огня вновь увести меня вглубь по спиральным ступенькам? – я не могу ответить, Клэри. Не могу! Какой там стоял запах... Запах крови, смерти, гниения. Но я не могла забыть о плаче ребенка. Валентин очистил погреб и заставил его клетками с существами, демоническими тварями, закованными в цепи из электрума. Они корчились, извивались, издавали странные звуки... и это не все. Была там и нежить: оборотни, чьи тела наполовину растворили серебряной пылью; вампиры, которых свежевали, макая вниз головой в святую воду; феи, чью кожу пронзили холодным железом... Впрочем, даже сейчас Валентин не представляется мне мучителем. Он скорее напоминал ученого. На дверце каждой клетки висело по отчету об эксперименте: как долго какая тварь продержалась. Я видела вампира, кожу которому жгли раз за разом, проверяя, до каких пор бедняга сможет регенерировать. Меня тошнило, я чуть не падала в обморок, но держалась...

Джослин с усилием перевела дух.

– Нашелся и отчет об опытах, поставленных Валентином на себе. Он где-то вычитал, будто кровь демона усиливает способности нефилима, и кололся ею. Правда, безрезультатно. Ему лишь сделалось дурно. Мой муж в конце концов пришел к выводу, что он слишком стар для такого эксперимента и нужен ребенок. Предпочтительно нерожденный. Среди заголовков в дневнике я нашла свое имя: Джослин Моргенштерн. Помню, как дрожали руки, когда я листала записи, и слова врезались каленым железом мне в мозг. «Джослин приняла на ночь микстуру. Видимых изменений нет, однако меня интересует плод... Если продолжать поить Джослин ихором в тех же пропорциях, то ребенок приобретет невиданные способности... Прошлой ночью я слышал биение сердца младенца, оно сильнее, чем у кого-либо из ныне живущих. Сердце стучит, словно колокол, возвещающий о рождении новой расы Охотников, наследников мощи ангельской и демонической крови... Конец превосходству нежити...» Там говорилось еще много о чем. Я с ужасом вспомнила микстуры. Вспомнила кошмары: как меня режут, душат, травят... Валентин осквернил кровь Джонатана, превратил его в полудемона. И вот тогда, Клэри, тогда я поняла, кто такой на самом деле твой отец...

Клэри Моргенштерн задержала дыхание, забыв выдохнуть.

Ужасно... просто ужасно! Мамин рассказ полностью совпадает с тем, что показывал Итуриэль. Но кого жалеть – маму или Джонатана? Джонатан... Клэри даже в мыслях не могла

назвать его Джейсом. Не теперь, когда мать сидит и, превозмогая боль, вспоминает историю первенца. Ребенка, приговоренного к нечеловеческой жизни отцом, озабоченным не семьей, а тем, как погубить нежить.

– Но... ты не ушла от Валентина? – очень тихо напомнила Клэри. – Осталась...

– По двум причинам. Первая – Восстание. Находка пробудила меня, словно пощечина. В своем неведении я была ничтожна – и вот прозрела. Узнав о плане Валентина – устроить резню среди нежити, – я решила воспрепятствовать ему и начала тайком встречаться с Люком. Рассказать о крови демона я не могла, знала: Люк взбесится, попытается убить Валентина и сам погибнет. И потом, тайну узнали бы другие, а Джонатан оставался моим сыном. Однако об ужасах в погребке я поведала без утайки, поделилась опасениями, что Валентин постепенно все больше теряет рассудок. Мы решили предотвратить Восстание. Я не могла не принять участие в заговоре – лишь так мне казалось возможным отплатить за грехи: за вступление в Круг, за веру в Валентина. За любовь к нему.

– Отец не узнал? Не раскусил ваш замысел?

Джослин покачала головой:

– Когда человек тебя любит, то не замечает подвоха. Кроме того, я притворилась, что больше не питаю к Джонатану отвращения, что меня все устраивает. Временами я ходила в гости к Маризе Лайтвуд, где Джонатан играл с ее сыном, Алеком. Иногда встречалась с Селин Эрондейл, в ту пору беременной. «Твой муж такой добрый, заботливый, – говорила она. – Печется обо мне и Стивене. Дает зелья, чтобы ребенок родился здоровым и сильным. Чудесные зелья».

– О боже, – ахнула Клэри. – Боже мой!

– Точно так подумала и я, – мрачно произнесла Джослин. – Но не решилась предупредить Селин. Стивен близко дружил с моим мужем, и Селин могла меня выдать. Я смолчала. А потом...

– Селин наложила на себя руки... – Клэри вспомнила рассказа Аматис. – Из-за козней Валентина?

Джослин покачала головой:

– Если честно, я так не думаю. Стивен погиб во время рейда, и Селин вскрыла вены. Она была на восьмом месяце... – Джослин помолчала. – Ее нашел Ходж, а Валентин заметно расстроился из-за гибели всей семьи. Пропал из дому почти на день и вернулся заплаканный. Его горю я обрадовалась: отвлеченный, Валентин точно не раскрыл бы наш заговор. К тому времени я начала опасаться, как бы он не заподозрил меня и не начал пытаться: сколько еще заговорщиков? много ли я узнала и выдала? Мне вряд ли хватило бы сил пережить пытки. Со своими страхами я пошла к Феллу. Маг приготовил зелье...

– По рецепту из Белой книги? Вот зачем зелье и антидот... Как книга оказалась в библиотеке Вэйландов?

– Я укрывала ее среди прочих книг во время званого ужина. – Губ Джослин коснулась тень улыбки. – Люку ничего рассказывать не стала: он отверг бы саму идею погрузить меня в магический сон. Остальные знакомые состояли в Круге. Я послала сообщение Рагнору. Он собирался уехать из Идриса, а когда вернется – не предупредил. Рекомендовал писать письма. Кто передавал их? Человек, ненавидевший Валентина достаточно сильно, чтобы сохранить мою тайну. Я написала Мадлен о планах и объяснила, что разбудить меня может Рагнор Фелл. Ответа не пришло, однако Мадлен точно прочла послание. Большого мне не требовалось.

– А вторая причина? – напомнила Клэри. – Ты сказала, что осталась с Валентином по двум причинам. Первая – Восстание. Какая вторая?

В широко раскрытых глазах матери она видела одновременно усталость и живой блеск.

– Клэри, ты разве еще не догадалась? Я забеременела второй раз. Тобой.

– О... – тихонько ответила Клэри, вспоминая слова Люка: дескать, Джослин тогда вынашивала второго ребенка. – Разве не потому тебе захотелось бежать поскорее?

– Та к и есть. Только я не могла бежать. Валентин сделал бы все возможное и невозможное, чтобы вернуть меня, потому что я принадлежала ему. И может быть, я позволила бы владеть собой, однако владеть дочерью не дала бы. – Джослин откинула с усталого лица волосы. – Имелся лишь один способ навсегда отгородить тебя от отца. Его смерть...

Лицо Джослин выглядело очень усталым и в то же время излучало ярость.

– Сама убить Валентина я не могла – рука не поднималась – и от души надеялась, что он сгинет во время Восстания. Когда поместье сгорело, я думала, надежды сбылись. Столько раз твердила себе: Валентин с Джонатаном погибли в огне. Хотя кого я обманывала... Единственным шансом показалось стереть тебе память, превратить свою дочь в примитивную и спрятать в их мире. Теперь-то ошибка ясна. Надеюсь, ты меня простишь, Клэри. Не сейчас, так потом.

– Мам. – Клэри прокашлялась. Последние десять минут она чуть не плакала. – Все хорошо, только... одного не пойму. – Она сжала кулаки, комкая полы плаща. – Я кое-что знала о том, как Валентин поступил с Джейсом... то есть Джонатаном. Ты говоришь о нем как о чудовище. Джейс не такой. Мам, он совершенно другой. Ты бы видела его хоть раз...

– Клэри. – Джослин взяла дочь за руки. – Есть еще кое-что. Я больше не таю от тебя ничего, лжи не осталось. Однако есть вещи, о которых я прежде не знала сама. Правда, которая может быть очень нелегкой.

Что может быть страшнее рассказанного? Прикусив губу, Клэри кивнула:

– Продолжай. Я хочу знать.

– Доротея передала, что в городе видели Валентина, и я моментально догадалась: муж пришел за мной. За Чашей. Надо было бежать, спастись, но я никак не могла раскрыть причину побега тебе. Клэри, я не виню тебя за побег в ту ужасную ночь. Я порадовалась, когда твой отец... Валентин и его демоны не застали тебя в нашей квартире. Они уже ломали дверь, и мне хватило времени лишь выпить снадобье... – Голос матери звенел от напряжения. – Валентин не бросил меня умирать. Отнес к Ренвику и чего только не перепробовал, желая разбудить. Я словно погрузилась в сон и одновременно с тем чувствовала близость Валентина. Он вряд ли догадывался о моем истинном состоянии и все же сидел у кровати. Говорил.

– Говорил? О чем?

– О прошлом. О браке. Как любил меня, а я предала его. Как не любил никого после... Наверное, то была правда, как и остальное. Только мне муж поверял свои чувства, сомнения, вину, и вряд ли после меня сыскалась хоть одна женщина, которой он бы раскрылся. Он выговаривался, хотя и понимал, скорее всего, что не должен. Не обманывай себя, он не каялся в том, как создал из тех бедняг отреченных или как планировал расправиться с Конклавом. Он говорил о Джонатане.

– И что же?

Губы Джослин вытянулись в узкую линию.

– Валентин сожалел об эксперименте над Джонатаном, ведь из-за сына я чуть не покончила с собой... хотя в то же время Валентин не догадывался, в какое отчаяние я впала, раскрыв тайные опыты. Он неким образом заполучил ангельскую кровь, легендарное вещество для нас, нефилимов. Она в разы увеличивает мощь. Валентин опробовал ее на себе и выяснил: кровь ангела не просто усиливает дар Разиэля. Она еще приносит ощущение эйфории, счастья. Муж изготовил из нее порошок и стал давать мне, надеясь побороть отчаяние.

Ну, теперь-то источник ангельской крови – не секрет. Клэри с неожиданной скорбью

вспомнила Итуриэля.

– И как, помогло? – спросила она у матери.

– Сама гадаю: из-за крови ли получилось найти в себе силы и продолжить начатое, помогать Люку с пред отвращением Восстания? Если помогла кровь, и если вспомнить, зачем Валентин вообще давал мне ангельский порошок, то получается вообще нечто странное. О чем он точно не догадывался, так это о моей второй беременности. И если на меня порошок повлиял отчасти, то тебя изменил намного сильнее. Скорее всего, он и есть источник твоего таланта.

– Может, и твоя способность прятать образ Чаши смерти в картах Таро – тоже от крови ангела? Валентин, например, сумел снять проклятие с Ходжа.

– Твой отец много экспериментировал над собой, долгие годы. Он теперь ближе всякого человека или даже нефилима к уровню мага. Однако, что бы он ни предпринял, какой бы опыт над собой ни поставил, таких изменений, какие произошли у вас с Джонатаном, ему не добиться. Вы были очень малы. До Валентина с нерожденными детьми никто опытов не проводил. Особенно таких.

– Значит, Джейс... Джонатан и я – и правда результаты экспериментов?

– Над тобой экспериментов отец проводить не думал. Он хотел создать сверхвоина, сильнее и быстрее любого нефилима. В приюте у Ренвика он признался, что Джонатан как раз таким и получился, однако при этом вышел жестоким и пустым. Отцу Джонатан был предан, но истинной любви не испытывал. Валентин в погоне за улучшенными боевыми качествами забыл о человечности.

Клэри вспомнила лицо Джейса, когда тот вцепился в осколок порталного зеркала. Вцепился так сильно, что порезался.

– Нет. Нет и нет. Джейс не такой, он любит Валентина. Ты как будто не о нем рассказываешь.

Джослин заломила руки, покрытые тонкой паутинкой шрамов, которых Клэри толком не помнила: магия Магнуса стирала из памяти маленькой дочери Джослин эти следы пропавших знаков. На внутренней стороне материнского запястья белела звездообразная отметка.

Когда же мать снова заговорила, все посторонние мысли вылетели из головы.

– Я не про Джейса рассказываю.

– Тогда... – Время потекло очень медленно, как во сне. А может, это и правда сон? И Джослин сама лежит в магическом забытьи? – Джейс – сын Валентина. Других сыновей у Валентина нет.

Джослин посмотрела в глаза дочери:

– Когда Селин Эрондейл умерла, она была на восьмом месяце. Валентин пичкал ее порошками из крови Итуриэля в надежде, что у Стивена родится сын, столь же сильный, как и Джонатан, только наделенный человеческими качествами. С потерей плода опытов Валентин смириться не мог, поэтому подрядил Ходжа, и вместе, пока труп Селин не остыл, они вырезали дитя из утробы...

Клэри чуть не стошнило.

– Не может быть!

Джослин будто не слышала дочь.

– Ходж отнес младенца к себе в дом, неподалеку от озера Лин. Твой отец сопровождал их, поэтому и не возвратился в ту ночь ко мне. До самого Восстания присматривал Ходж за ребенком, а после Валентин, выдав себя за Майкла Вэйланда, забрал мальчика в поместье Вэйландов и растил как сына Майкла.

– Джейс... – прошептала Клэри. – Он мне не брат?

Мать сочувственно сжала ей руку:

– Нет, Клэри. Вы не родня.

В глазах потемнело. Биение сердца казалось далеким, чужим; руки дрожали. «Мама жалеет меня, думает, сообщила дурную весть...»

– Люк сказал, что на пепелище нашлись детские кости. Чьи они?

Джослин покачала головой:

– Вэйланды, отец и сын. Мой муж умертвил их и сжег, хотел сбить Конклав со следа.

– Получается, Джонатан...

– Жив, – с болью в глазах подтвердила догадку Джослин. – Валентин так и сказал мне тогда, у Ренвика. Он растил мальчиков в разных домах: Джейса – у Вэйландов, Джонатана – в озерном доме. Умудрялся совмещать воспитание двух сыновей, оставляя порой обоих на долгое время. Джейс вряд ли знал о Джонатане, зато Джонатан о Джейсе знать мог. Мальчики никогда не встречались, хоть и жили друг от друга в нескольких милях.

– В жилах Джейса не течет демонова кровь? Он... не проклят?

– Проклят? – удивилась Джослин. – Нет, Валентин не дал ему крови демона. Пока Селин носила Джейса в утробе, мой муж пичкал ее ангельским порошком. Тем же, которым снабжал и меня, беременную тобой. Джейс не проклят. Скорее наоборот. Все нефилимы имеют частицу ангельской крови, но вам с Джейсом ее досталось чуточку больше.

Голова закружилась. Клэри попыталась представить, как Валентин растит двоих сыновей. Первый – полудемон, второй – полуангел. И обоих Валентин любит, как только может любить. Джейс о Джонатане не знал. Однако, что ведал о Джейсе, своей зеркальной половинке, Джонатан? Что испытывал? Ненависть? Желание встретиться? Безразличие? Оба росли в одиночестве, и один из них – брат Клэри. Единоутробный.

– Брат не мог измениться? Джонатан все тот же? Вдруг он... подобрел?

– Не думаю, – мягко ответила Джослин.

– Почему ты так уверена? – Клэри живо посмотрела на мать. – Прошло столько лет. Люди меняются.

– Бывает... Валентин годами учил Джонатана производить приятное впечатление и даже маскироваться особыми чарами – чарами привлекательности. Хотел сделать из сына шпиона, а шпиону не пристало пугать всех в стане врага. – Джослин вздохнула. – Не вини себя за беспечность, Клэри. Ты повстречалась с Джонатаном, просто он не раскрыл своего настоящего имени. Джонатан выдавал себя за Себастьяна Верлака.

Клэри пораженно уставилась на мать. Кузен Пенхоллоу... вернее самозванец! То есть... Клэри вспомнила впечатление от первой встречи с Джонатаном: будто увидела кого-то, кого знала всю жизнь очень близко, как саму себя. С Джейсом такого не чувствуется.

– Себастьян – мой брат?!

Тонкие черты лица матери вытянулись. Сцепленные пальцы побелели от напряжения.

– Мы с Люком сегодня долго беседовали. Он рассказал, что случилось после вашего сюда прибытия: о башнях, о подозрении, что барьер снял Себастьян. Люк понятия не имеет, как самозванцу удалось отключить защиту. Я, впрочем, сразу догадалась, кого вы приняли за кузена Пенхоллоу.

– По тому, как он притворялся Верлаком? И что шпионил для Валентина?

– Поэтому тоже, однако в первую очередь потому, что Себастьян красил волосы. Я, конечно, могла ошибаться, хотя... Мальчик, чуть старше тебя, темноглазый, сирота, бесконечно преданный Валентину. Джонатан. К тому же Валентин был одержим идеей сокрушить городской барьер. Он верил: способ есть, – и эти эксперименты на Джонатане с кровью демона... На первый взгляд Валентин желал создать совершенного воина. Оказалось, опыты преследовали и другую цель.

Клэри уставилась на мать:

– Какую?

– Отыскать слабое место в барьере. Для снятия защиты нужна кровь демона. У Джонатана она в жилах, и в то же время он – нефилим и в любой момент имеет право войти в город. Башни он отключил при помощи собственной крови, я уверена.

Клэри вспомнила, как Себастьян стоял тогда перед ней у поместья Фэйрчайлдов, как падали ему на лицо темные локоны, как он держал ее за руки и как его ногти впивались ей в кожу. Как самозванец говорил, будто Валентин не мог любить Джейса. Казалось бы, произнес он те слова из ненависти. По правде же... из сыновней ревности.

Вспомнился герой комиксов, так похожий на Себастьяна. Клэри списала схожесть на игру воображения. Не кровные ли узы заставили наделить несчастного принца внешностью брата? Клэри попыталась вспомнить лицо героя, но его образ распадался на части, словно горстка пепла на ветру. Клэри видела только самозванца, в чьих глазах отражалось красное зарево огня.

– Джейс... Кто-то должен открыть ему правду. – Мысли путались, вихрились. Знай Джейс, что в жилах у него не течет кровь демона, он не пошел бы за Валентином. Знай он, что Клэри ему не сестра...

– Я думала, – произнесла Джослин со смесью сочувствия и озадаченности в голосе, – что никто не знает, где он...

Ответить Клэри не успела – двери распахнулись, и на ступени хлынул свет вместе с гулом множества голосов. Люк вышел из Зала. Он по-прежнему выглядел изможденным, однако на Джослин и Клэри смотрел с облегчением. Впервые за несколько дней.

Джослин встала:

– Что решили, Люк?

Люциан приблизился еще на несколько шагов:

– Джослин, прости, что перебиваю.

– Не волнуйся, Люк, все нормально. – Даже затуманенный, разум Клэри уловил странность в том, как Джослин и Люк обращаются друг к другу по имени. Чувствуют себя подозрительно неловко. – Все так плохо?

Люк покачал головой:

– Нет. Напротив, все хорошо. – Он посмотрел на Клэри и – без малейшей неловкости, даже с гордостью, – улыбнулся: – Ты молодец, Клэри. Конклав согласился применить знак. Мы не сдаемся.

В реальности долина оказалась еще красивее.

Может, дело в лунном свете, серебрящем ленту реки? По краям впадины росли березы и осины, дрожащие на холодном ветру, от которого на гребне холма не было спасения.

Сюда Себастьян и пришел. Наконец-то Джейс нагнал его! Привязав Путника к дереву, юный нефилим достал из кармана стило и окровавленную нитку и повторил ритуал поиска – на всякий случай.

Закрыв глаза, ожидая увидеть Себастьяна где-нибудь поблизости, может, и здесь, в долине, однако... перед глазами стояла плотная темнота.

Сердце ускорило темп.

Джейс взял нитку в левую руку и неловко начертил руну на тыльной стороне ладони менее развитой правой рукой. Перед тем как закрыть глаза, он сделал глубокий вдох.

Опять ничего. Только дрожащая завеса тьмы.

Простояв так с минуту, скрипя зубами и дубея на холодном ветру, Джейс открыл глаза, и с ними – разжал пальцы. Ветер подхватил ниточку и унес так быстро, что Джейс не успел бы ее поймать, опомнись он даже мгновенно.

Мозг заработал, лихорадочно перебирая идеи. Следящая руна больше не действует. Значит, Себастьян понял, что за ним гонятся, и оборвал связь. Как? Вода, например, в больших количествах нарушает действие магии.

Не очень-то полезные сведения. Не обойдешь ведь озера Идриса, проверяя, не плещется ли в одном из них Себастьян. И ведь подобрался так близко, даже чересчур близко. Джейс видел эту долину и Себастьяна в ней... и вон тот дом вдалеке, едва заметный у рощи деревьев. Ну хотя бы его осмотреть не помешает – вдруг там завалюсь нечто, что выведет на Себастьяна или Валентина?

Смирившись, Джейс снова использовал на себе стило – начертил быстродействующие знаки: приглушить походку, придать ей уверенность и плавность. Кожу пронзило знакомое жжение. Джейс убрал стило в карман и, коротко хлопнув Путника по шее, начал спускаться в долину.

Склон оказался крутым и обманчиво-плотным: тут и там попадалась щебенка, ступив на которую Джейс скользил, как по снегу. К тому времени как нефилим достиг дна, он успел упасть не один раз и тут же, в потоке ледяной воды, омыл израненные ладони.

Теперь Джейс смотрел на впадину под иным углом, не так как в видении: роща кривых деревьев, переплетенные ветви, вокруг скальные стены... маленький домик. Заметив, что окна темны и из трубы не идет дым, Джейс испытал одновременно и облегчение, и разочарование. Дом намного легче обыскивать, если внутри никого. С другой стороны, внутри – никого...

Домик отчего-то показался зловещим. Вроде обычный коттедж, каких полно в Идрисе: сложен из блоков серого и белого камня; выкрашенные некогда в ярко-синий цвет, ставни поблекли и облупились.

Поднявшись на карниз одного из окон, Джейс заглянул внутрь через мутное стекло: большая пыльная комната, длинный верстак у стены, на нем – всевозможные инструменты. Не плотницкие, правда, магические: штабеля грязных свитков, свечи из черного воска, крутобокие медные котлы в присохших пятнах зелий, целый набор ножей – от тонких, словно шило, до широких, почти квадратных. На полу мелом начерчена поблекшая от времени пентаграмма, у каждой из вершин – руна. При виде знаков у Джейса засосало под ложечкой. Точно такие

Валентин вычертил вокруг Итуриэля! Может, домик – тайное прибежище отца?

И магическая атрибутика тоже принадлежит Валентину?

Джейс спрыгнул с карниза, и как раз вовремя. В следующее мгновение черная тень закрыла луну. Здесь же нет птиц! Однако с неба кругами спускался черный ворон. Джейс отступил в рощу и продолжил следить за ним сквозь ветки. Интуиция не обманула. Это не просто ворон, а Хьюго, посыльная птица Ходжа. Правда, до того как перейти к библиотекарю, Хьюго служил Валентину.

Джейс плотнее прижался к стволу дерева, чувствуя, как от радостного возбуждения бешено стучит сердце. Раз Хьюго здесь, значит, он принес послание отцу. Иначе быть не может. Надо проследить за птицей... Ворон сел на карниз и заглянул внутрь дома. Убедившись, видимо, что никого нет, он раздраженно каркнул и полетел в сторону реки.

Джейс поспешил следом.

* * *

– Выходит, – сказал Саймон, – что технически, пусть Джейс тебе и не родственник, ты все-таки целовалась с братом.

– Саймон! – в ужасе вскричала Клэри. – ЗАТКНИСЬ!

Девушка обернулась посмотреть, не услышал ли кто. Она сидела на высоком стуле посреди подиума. Саймон стоял рядом. Джослин – у края платформы: наклонилась и говорит с Аматис.

В Зале Договоров царил хаос, и порядка становилось все меньше по мере того, как в помещение набивалась нежить: оборотни (Клэри узнала стаю Люка и Майю – та улыбнулась ей); фейри, бледные, холодные и прекрасные, как снежинки; маги, с кожистыми крыльями, копытами и даже рогами, стреляющие синими искрами из пальцев. Нежить постепенно смешивалась с нефилимами, которые не спешили радоваться новым союзникам.

Нервно перехватив стило обеими руками, Клэри искала в толпе Люка. Где же он? Ага, вон там, разговаривает с Малахи. Консул исступленно мотает головой, а стоящая рядом Аматис уперла в него кинжальный взгляд.

– Я начинаю жалеть, что раскрылась, Саймон. – Вампир помог Клэри протолкаться через толпу к подиуму, выслушав по пути историю Джослин в сжатом виде. (Большую часть Клэри пришлось озвучивать шепотом.) Сейчас странно было сидеть на высоком стуле, взирая на Зал Договоров... прямо королева какая-то. Хотя нет, королевы не паникуют. – И потом, Себастьян ужасно целуется.

– Может, тебе было противно, потому что он... ну, твой брат? – Саймона история, похоже, забавляла. Да как он смеет потешаться?!

– Не дай бог, моя мама тебя услышит, – ответила Клэри, укоризненно посмотрев на Саймона. – Меня и так тошнит, я сознание вот-вот потеряю. Ты только хуже делаешь.

Джослин, вернувшись от края сцены, услышала слова дочери. Впрочем, о теме спора она не догадалась и просто похлопала Клэри по плечу:

– Не волнуйся так, детка. Ты здорово выступила в первый раз. Принести тебе чего-нибудь? Плед? Грелку?

– Меня не знобит, – терпеливо ответила Клэри. – Все хорошо. Мне бы с Люком поговорить.

Джослин махнула рукой, привлекая внимание Люка, и прошептала что-то одними губами.

– Мам, – вскинулась дочь, – не надо...

Поздно. Люк поднял взгляд, а вместе с ним и немало Сумеречных охотников. Кое-кто почти сразу отвернулся, в глазах прочих Клэри увидела восхищение. Занятно, когда мама у тебя – почти

легенда. Все в Зале слышали о Джослин Фэйрчайлд и имели о ней свое мнение, дурное ли, хорошее...

Поразительно, как мама держится бодрячком: хладнокровная, собранная, опасная. Ни капли усталости.

Не теряя времени, Люк поднялся на подиум, и вместе с ним – Аматис. Оборотень, по-прежнему усталый, не утратил наблюдательности.

– Погоди еще немного, – попросил он. – Почти все пришли.

– Малахи все еще против? – не глядя на Люка, поинтересовалась Джослин.

Люк отмахнулся:

– Консул предлагает заявить Валентину о том, что мы отвергаем его условия. Я же не хочу выдавать нас. Пусть армия демонов выйдет на равнину Брослин, ожидая нашей капитуляции. Малахи настаивает, что это, дескать, нечестно и не по правилам, а по-моему, война – отнюдь не игры на детской площадке. Консул угрожает разорвать договор, если хоть кто из нежити распояшется. Уж и не знаю, чего он ждет... как будто нежить бьется очертя голову и нас потом разнять нельзя.

– Именно, – ответила Аматис. – Это ведь Малахи. Он думает, что вы начнете жрать друг друга.

– Аматис, тебя могут слышать, – предостерег Люк.

На подиум поднялись двое. Первый – высокий, стройный рыцарь-фейри: длинные прямые черные волосы обрамляют тонкое лицо; чешуйчатый панцирь, глаза цвета листвы.

Второй, Магнус Бейн, в длиннополом темном плаще, застегнутом под самое горло; волосы зачесаны назад. Взойдя на сцену, он не улыбнулся Клэри, а сразу подошел к Люку.

– Ты такой... обычный, – уставилась на мага Клэри.

Магнус только слегка улыбнулся:

– Говорят, ты хочешь показать нам новую руну.

Девушка вопросительно посмотрела на Люка, и тот кивнул.

– Да, – заговорила Клэри, – мне только нужен... лист бумаги.

– Я же спрашивала: принести что-нибудь? – прошептала на ухо Джослин, совсем как мать, запомнившаяся Клэри.

– У меня есть, – вспомнил Саймон и достал из кармана джинсов мятый флаер на июльский концерт своей группы (тот, который прошел на прядильной фабрике). Клэри перевернула листок чистой стороной вверх. Пишущий кончик стило слегка заискрился. Как бы бумага не сгорела... нет, держит. Приступив к написанию руны, Клэри изо всех сил постаралась отгородиться от шума в Зале и от ощущения, что все на нее смотрят.

Как и в первый раз, руна проявилась узором тесно переплетенных линий, не имеющих завершения. Смахнув с флайера пепел, Клэри показала его присутствующим. Чувствовала она себя при этом донельзя глупо: словно школьница представляет проект одноклассникам.

– Вот она. Чтобы руна подействовала, нужна вторая, руна-партнер.

– Одна нежить – один Сумеречный охотник. Каждая половинка пары должна быть помечена, – сказал Люк. Он нарисовал внизу флаера партнерскую руну и, разорвав бумажку надвое, отдал ее Аматис. – Передавайте руну по кругу. Покажи, как она действует.

Кивнув, Аматис отправилась вниз. Рыцарь, глядя ей вслед, покачал головой.

– Нам всегда говорили, что ангельские знаки носить могут исключительно нефилимы, – произнес он с недоверием в голосе. – Если нежить пометить руной, она сойдет с ума или умрет.

– Эта руна – не от ангела, – успокоила его Клэри. – Она не из Серой книги и потому безопасна, обещаю.

Рыцаря это заверение не впечатлило.

Магнус, напротив, со вздохом закатал рукав и протянул руку:

– Давай уже меть.

– Нельзя. Охотник, который пометит тебя, станет твоим партнером. Я в бой не полезу.

– Буду надеяться, что не полезешь... – Магнус посмотрел на Люка и Джослин: – Эй, вы двое. Покажите фейри, как руна действует.

Джослин удивленно моргнула:

– Что?

– Я подумал, что вам двоим стоит быть в паре, поскольку вы все равно почти женаты.

Джослин залилась краской и отвернулась от Люка:

– У меня стило нет...

– Возьми у меня, – сказала Клэри. – Покажи всем пример.

Джослин взглянула на Люка, и он тут же подставил ей свою ладонь. Джослин быстро, но тщательно стала выводить на руке знак. Оборотень задрожал, да так, что пришлось ухватить его за запястье. Он смотрел на мать Клэри, а сама Клэри с грустью вспомнила, как он рассказывал о чувствах к Джослин. Знала ли Джослин о них? И если узнает, что ответит?

– Все. – Джослин убрала стило. – Готово.

Люк поднял руку, показав черный змеящийся знак рыцарю:

– Доволен, Мелиорн?

– Мелиорн? – вспомнила Клэри. – Мы с тобой виделись, да? Ты раньше встречался с Изабель Лайтвуд.

На лице Мелиорна, казалось бы, не отразилось ни единой эмоции, однако Клэри все же заметила капельку смущения.

– Клэри, – покачал головой Люк. – Мелиорн – рыцарь Благословенного двора. Вряд ли он...

– Он с ней всерьез встречался, – сказал Саймон. – Иззи и его бросила. По крайней мере, она так сказала. Сочувствую, чувак.

Мелиорн, сощурившись, посмотрел на него.

– Ты избран представлять Детей ночи? – с отвращением произнес рыцарь.

Саймон покачал головой:

– Нет. Я здесь только ради нее. – Он указал в сторону Клэри.

– Дети ночи в битве не участвуют, – ответил Люк. – Эту новость я уже передал твоей госпоже. Вампиры выбрали... свой путь.

Мелиорн нахмурил тонкие брови:

– Если бы я знал... Дети ночи осмотрительны и мудры. Все, что вызывает у них гнев, у меня вызывает подозрение.

– Кто говорит о гневе вампиров? – произнес Люк со смесью нарочитого хладнокровия и еле заметной усталости. Только тот, кто хорошо знал Люка, понял бы, что в этот момент вожак оборотней по-настоящему раздражен. Люк перевел взгляд на Зал, и Клэри вдруг тоже заметила знакомую фигуру: через толпу шла Изабель; ее волосы развевались, а хлыст блестел, обмотанный вокруг запястья, словно золотые браслеты.

Клэри ухватила Саймона за руку:

– Лайтвуды пришли. Я видела Изабель.

Саймон, нахмурившись, посмотрел в Зал:

– Они тебе нужны, что ли?

– Пожалуйста, Саймон, сходи, поговори за меня с Изабель, – прошептала Клэри и огляделась, не слышит ли кто. Все были заняты. Люк указывал на кого-то в толпе, Джослин пыталась что-то втолковать Мелиорну, который смотрел на нее в ответ со страхом. – Саймон, мне надо оставаться здесь. Ты иди и передай Лайтвудам мамин рассказ. Лайтвуды должны знать,

кто такие на самом деле Джейс и Себастьян. Потом пусть они подойдут ко мне.

– Ладно, – сдался Саймон, обеспокоенный напряженностью в ее голосе. Высвободил руку и ободряюще коснулся щеки девушки. – Я быстро.

Клэри отвернулась и увидела Магнуса, который смотрел на нее, криво усмехаясь.

– Все нормально, – проговорил он в ответ на вопрос, который, видимо, задал ему Люк. – Я знаком с равниной Брослин. Наведу на нее портал с площади. Портал такой величины, правда, долго не продержится, поэтому те, кого пометили, пусть не задерживаются.

Как только Люк кивнул, Клэри прошептала магу:

– Спасибо, кстати. За все, что сделал для моей мамы.

Кривая ухмылка стала шире.

– Признайся, ты испугалась, что я пропаду с книгой?

– Было такое. Особенно после того, как ты не счел нужным сообщить, что Джейс притащил в Аликанте Саймона. Поорать на тебя не вышло, но о чем ты думал? Будто мне все равно?

– Что тебе очень не все равно. Что ты кинешься в Гард, позабыв обо всем. Тебя еще надо было за книгой отправить.

– Сердца у тебя нет, – гневно произнесла Клэри. – К тому же я...

– Сделала бы то же самое, что и другой на твоем месте. Что сделал бы я, попади в беду дорогой мне человек. Я не виню тебя, Клэри, и таил от тебя присутствие здесь Саймона не потому, что счел тебя слабой. Ты человек, а людей я хорошо знаю. Много лет слежу за вами.

– Как будто сам глупостей из-за эмоций не делаешь. Ладно, где Алек-то? Почему вы до сих пор не связались руной?

Магнус слегка поморщился:

– Я не хочу... при его родителях. Сама понимаешь.

Клэри уронила подбородок на ладони:

– Порой фигово поступать верно из-за любви.

– Фигово, – согласился Магнус.

* * *

Ворон медленными, ленивыми кругами летел к западной стене долины. Луна светила ярко, и Джейсу, бежавшему краем рощи, не пришлось зажигать ведьмин огонь.

Над головой высились скалы. Ворон же летел себе вдоль направления реки, которая наконец уперлась в западную стену, исчезая в узкой трещине. Джейс пару раз чуть не вывихнул себе лодыжку, карабкаясь по мокрым камням. Матюгнуться бы в голос, да Хьюго услышит. Поэтому Джейс пригнулся и сосредоточился на том, как не сломать себе ноги.

Взмыленный, он наконец дошел до края долины. На мгновение Джейс решил, что упустил Хьюго, и сердце чуть не перестало биться, но вот он заметил в небе черную тень, которая нырнула вниз, пропадая в скальной расселине. Джейс сорвался на бег: хватит уже карабкаться! Вблизи расселина оказалась входом в пещеру. Достав из кармана ведьмин огонь, Джейс нырнул в темноту.

Внутри просачивалось совсем немного света, да и те капли скоро поглотила тьма. Джейс поднял над головой ведьмин огонь, позволяя свету брызнуть сквозь пальцы.

Сначала почудилось, что это выход из долины, и над головой во всем своем великолепии сверкнули звезды. Нигде звезды не светят по-настоящему, кроме как в Идрисе... Не сияли они и здесь: свет отразился во вкраплениях слюды, и стены вокруг замерцали.

Джейс стоял в пещере, выдолбленной в теле скалы. Позади остался вход, впереди тянулся

тоннель с развилкой. Отец рассказывал истории о героях, которые заблудились в лабиринте пещер, понадеявшись на веревку или клубок нитки в качестве ориентира на обратный путь. У Джейса не было ни того, ни другого. Подойдя ближе к развилке, он прислушался: капает вода, очень слабо, вдалеке... шумит поток... шелестят крылья... голоса...

Джейс отпрянул. Голоса доносились из левой ветки. Прикрыв ведьмин огонь в кулаке большим пальцем, чтобы приглушить лишний свет, Джейс ступил во тьму тоннеля.

* * *

– Саймон, ты уверен?! Правда-правда? Обалдеть! Потрясающе! – Изабель потянулась к старшему брату. – Алек, ты слышал? Джейс Валентину не сын. Они вообще не родные.

– Кому же он тогда сын? – ответил Алек, хотя видно было: новость его слабо тронула. Он озирался в поисках кого-то, а родители стояли неподалеку, бросая на детей хмурые взгляды. Поначалу Саймон испугался, что придется и им все рассказывать, однако Роберт и Мариза отпустили сына и дочь на личный разговор с вампиром.

– Какая разница! – Изабель радостно вскинула руки. – Хотя нет, погодите. Вопрос уместный: кто отец Джейса? Настоящий Майкл Вэйланд?

Саймон покачал головой:

– Стивен Эрондейл.

– Выходит, Джейс – внук Инквизитора, – подытожил Алек. – Потому она, наверное, и...

Алек замолчал, уставившись куда-то вдаль.

– Потому она – что? – спросила Изабель. – Алек, говори давай. На что ты уставился?

– Не на что, а на кого. Я ищу Магнуса. Хочу просить его стать моим напарником в битве. Ты, – обратился Алек к Саймону, – не знаешь, где Магнус?

Саймон покачал головой.

– Он был на сцене с Клэри, но... – Саймон оглянулся. – Сейчас его там нет. Где-нибудь в Зале, наверное.

– Правда? – спросила Изабель. – Ты собираешься биться в паре с Магнусом? Вроде котильона получается. Только с убийствами.

– Тогда уж точно котильон, – заметил Саймон.

– Может, я тебя приглашу в партнеры, Саймон? – сказала Изабель, изящно выгибая бровку.

Алек нахмурился. Как и остальные Охотники в Зале, он был вооружен до зубов: полное облачение, оружейный пояс и лук за спиной. Хорошо, что нашлась замена тому луку, который Себастьян переломил надвое.

– Изабель, тебе партнер не нужен. Ты в бой не пойдешь. Молода еще. Только подумай о битве – сам убью. – Алек резко обернулся. – Погодите-ка, это... Магнус?

Изабель, проследив за его взглядом, прыснула:

– Алек, это же оборотень. Волчица Как-ее-там. Мэй?

– Майя, – поправил Саймон, глядя на девушку в коричневых кожаных штанах и черной футболке с девизом: «ЧТО НЕ УБИВАЕТ МЕНЯ... ПУСТЬ УНОСИТ НОГИ». Волосы она заплела в косичку и скрепила шнурком.

Почувствовав на себе взгляд, волчица повернула голову и улыбнулась Саймону. Вампир улыбнулся в ответ, но под сердитым взглядом Изабель стер улыбочку с лица. И когда его личная жизнь так успела так осложниться?

– А вон и Магнус, – просиял Алек. Он, не оглядываясь, пошел к пятачку свободного пространства, где стоял высокий маг. Удивление Магнуса стало заметно еще издали.

– Как мило, – сказала Изабель, глядя на парочку. – Слегка неправильно, но мило.

– Почему неправильно? – спросил Саймон.

– Алек хочет, чтобы Магнус воспринимал его серьезно, хотя сам не представил его родителям. Не сказал даже, что ему нравятся... ну ты понял.

– Маги?

– Очень смешно. – Изабель сердито посмотрела на Саймона. – Ты понял, о чем я. Здесь творится просто...

– Просто – что? – спросила подошедшая Майя. – В смысле, я недопоняла, как работает партнерство. Объясните?

– Сама посмотри. – Саймон указал на Алека с Магнусом, которые отошли в сторонку от толпы. Нефилим рисовал руну на ладони у мага, наклонившись так низко, что волосы упали на глаза.

– Значит, это всем надо проделать? – спросила Майя. – Пометиться?

– Если собираешься биться, – ответила Изабель, холодно глядя на волчицу. – Тебе на вид восемнадцати нет.

Майя улыбнулась плотно сжатыми губами:

– Я же не Охотник. У ликантропов зрелость наступает в шестнадцать.

– Ну вот и иди помечайся. Знак рисует нефилим. Найди себе пару.

– Но... – По-прежнему глядя на Магнуса и Алека, Майя вдруг замолчала и удивленно выгнула брови. Саймон посмотрел в ту же сторону и... остолебенел.

Алек обнял Магнуса и целовал его взасос. Пораженный, маг оцепенел. Все вокруг смотрели на парочку и шептались. Мариза Лайтвуд прикрыла рот ладонью, Роберт молчал.

– Погодите, – произнесла сбитая с толку Майя. – Поцелуй – тоже часть ритуала?

* * *

Клэри шестой раз поискала глазами Саймона в бурлящей толпе нежити и Охотников. Народ постепенно пробирался к выходу; всюду мерцали огоньки стило: нефилимы связывали себя с союзниками новой руной. Мариза обменивалась меткой с высокой зеленокожей феей, такой же бледной и величественной на вид, как и мать семейства Лайтвудов. Патрик Пенхоллоу торжественно протянул руку волшебнику, у которого в волосах сверкали синие искорки. Связанные меткой, пары выходили на площадь, где уже светился портал. Льющийся сквозь прозрачный потолок звездный свет только добавлял происходящему нереальности.

– Восхитительно, – произнес Люк, стоя на краю подиума. – Нежить и нефилимы объединяются в союз в одном зале. Идут воевать вместе.

Говорил оборотень вдохновенно, однако Клэри его не слушала. Все ее мысли занимал Джейс. Вот бы он присутствовал здесь, видел ее триумф. Как Клэри ни старалась прогнать страх за Джейса, ничего не выходило. Он отправился к Валентину, сочтя себя проклятым, и может погибнуть, так и не узнав правды...

– Клэри, – насмешливо позвала Джослин. – Ты меня слышишь, нет?

– Слышу. Все и правда восхитительно. Знаю.

Джослин положила руку дочери на макушку:

– Это не я сказала. Я говорю: мы с Люком бьемся в паре. Сама понимаешь... Ты останешься тут, с Изабель и остальными детьми.

– Я не ребенок.

– Не ребенок, но для битвы слишком молода. А если и была бы зрелой, то ты все равно не

обучена.

– Я не могу сидеть тут, ничего не делая.

– Как это «ничего»? Если бы не ты, мы не добились бы союза. Не пошли на битву все вместе. Я так тобой горжусь! И запомни: хоть мы с Люком и уходим сражаться, мы вернемся. Все будет хорошо.

Клэри посмотрела в глаза матери – такие же зеленые, как и у нее самой:

– Мам, не лги, пожалуйста.

Резко втянув воздух, Джослин выпрямилась и убрала руку. Не успела она ответить, как Клэри уловила в толпе нечто знакомое. К подиуму от дверей, ловко маневрируя в толпе, словно дымка, проходящая сквозь щели в заборе, двигался темный силуэт.

«Ну надо же, – поняла Клэри, – Рафаэль!»

Вампир, как и при первой их встрече, одетый в белую сорочку и черные брюки, казался пятнадцатилетним подростком: лицо спокойное и невозмутимое, как у ангела, – прямо мальчик-хорист на пути к алтарю.

– Рафаэль! – Люк приветствовал вампира со смесью удивления и облегчения в голосе. – Дети ночи передумали и будут биться с нами против Валентина? Если так, мы приберегли вам место в Совете.

Оборотень протянул руку вампиру.

Рафаэль едва взглянул на него:

– Я не подам тебе руки, оборотень. – Глядя на оскорбленного Люка, Рафаэль слегка улыбнулся. Блеснули кончики клыков. – Я – проекция. – Он вытянул руку, показывая, как свет проходит сквозь ладонь. – Ничего не могу коснуться.

– Но... – Люк посмотрел на прозрачный потолок. – Зачем?.. – Он опустил протянутую руку. – Что ж, я рад видеть тебя. В любом виде.

Рафаэль покачал головой. На мгновение его взгляд задержался на Клэри, и взгляд этот девушке не понравился. Потом вампир посмотрел на Джослин, и улыбка его стала шире.

– Супруга Валентина. Мои братья, бывшие против твоего мужа, рассказывали о тебе. Признаться, не думал, что увижу тебя своими глазами.

Джослин склонила голову набок:

– Многие Дети ночи храбро сражались. Можно ли расценивать твое присутствие, как знак согласия сражаться снова?

Странно было слышать, как Джослин говорит столь холодным формальным тоном. И в то же время казалось, что для Джослин говорить так естественно. Столь же естественно, как сидеть на полу квартиры с кистью в руках и в стареньком комбинезоне, запачканном краской.

– Смею на то рассчитывать, – ответил Рафаэль и снова скользнул по Клэри взглядом, будто холодной рукой прикоснулся. – Есть лишь одно – маленькое и простое – условие. Удовлетворите его, и Дети ночи из многих концов света с радостью займут место в строю.

– Членство в Совете, – сказал Люк. – Ну конечно... формально устроить недолго. За час подготовим бумаги...

– Нет, – перебил его Рафаэль. – Не место в Совете. Кое-что другое.

– Кое-что... другое? – глухо переспросил Люк. – Что же? Будь уверен, если это в наших силах...

– О, еще как в ваших, – ослепительно улыбнулся вампир. – По правде, то, чего мы хотим, находится в пределах Зала. – Он элегантно указал рукой в сторону толпы. – Нам нужен мальчик Саймон. Светолуб.

Джейс как будто очутился во внутренностях гигантского монстра: тоннель петлял и изгибался. Пахло мокрыми камнями, прахом и чем-то еще – чем-то странным, напоминающим о Городе костей.

Наконец тоннель превратился в круглую пещеру, где с потолка свисали гладкие, словно отполированные драгоценные камни, сталактиты. Ровный пол украшали мозаичные колдовские символы. По кругу шли гигантские сталагмиты, а в самом центре высился столб из полированного кварца, похожий на огромный клык с красноватым узором. Сквозь прозрачные бока Джейс увидел, что узор – это нечто, курящееся внутри сталагмита, будто подкрашенный дымок в пробирке.

Высоко над головой сквозь круглое отверстие струился наружный свет. Пещера не была естественного происхождения, ее выдолбили, и узор на полу подтверждал догадку лучше всего. Вот только кому и зачем понадобилось обустраивать под землей огромное помещение?

Тишину вспорол резкое «Кар!», и Джейс, вздрогнув от неожиданности, нырнул за ближайший сталагмит. Приглушив свет ведьминог огня, стал следить, как из тени в дальнем конце пещеры выходят две фигуры. Они шагали в сторону Джейса, погруженные в разговор, не глядя по сторонам. Когда двое вошли в пятно света посередине, Джейс моментально узнал их.

Себастьян.

И Валентин.

Стараясь избегать толпы, Саймон возвращался к подиуму вдоль периметра Зала, нырнув за колонны. Он глубоко погрузился в раздумья: странно, что Алек, который всего на пару лет старше Изабель, идет на войну, тогда как сестра остается ждать. Остается молча, спокойно – ни слез, ни истерики. Как будто была готова. Впрочем, кто знает, может, и была. Как и остальные Охотники и их семьи.

Саймон достиг подиума и уже почти ступил на лестницу, но посмотрел вверх и заметил... Рафаэля. Старший вампир стоял перед Люком, спокойный как удав, в своей обычной манере. Люк же, напротив, негодуя мотал головой, подняв в знак отрицания руки. Рядом, возмущенная, стояла Джослин. Лица Клэри Саймон не видел, однако по напряженности плеч угадал ее состояние.

Не желая попадаться на глаза Рафаэлю, Саймон спрятался за колонной и прислушался. Даже сквозь бормотание толпы удалось расслышать Люка. Оборотень говорил на повышенных тонах.

– ...даже не обсуждается. Как вы смеее об этом просить?!

– Я знаю, вы не откажете. – Голос Рафаэля был чистым, спокойным и высоким, как у подростка. – В такой-то мелочи.

– Это вам не мелочь, – сердито возразила Клэри. – Это Саймон. Он живой.

– Он вампир, – напомнил Рафаэль. – Ты, похоже, забываешь о сути Саймона.

– Ты сам вампир, – произнесла Джослин ледяным тоном, каким всякий раз отчитывала за глупости Клэри и Саймона. – Хочешь сказать, и твоя жизнь ничего не стоит?

Саймон плотнее вжался в колонну. Что происходит?

– Моя жизнь значение имеет огромное, поскольку она вечна. Ей нет определенного конца,

назначенного людям. Дело в другом: Саймон – вампир и принадлежит мне. Прошу его вернуть.

– Не имеешь права, – отрезала Клэри. – Хотя бы потому, что Саймон тебе никогда не принадлежал, никогда не был интересен. Ты плевал на него, пока не обнаружилась способность терпеть дневной свет...

– Возможно. Хотя насчет причин ты ошибаешься. – Рафаэль запрокинул голову, сверкнув темными, словно у птицы, газами. – Ни один вампир не должен обладать даром Саймона, как ни один Охотник не должен иметь дар, доставшийся тебе и твоему брату. Нам постоянно твердили, что вампиры – существа противоестественные. Однако вот он, Саймон, противоестественный.

– Рафаэль, – угрожающе произнес Люк. – Не знаю, на что ты рассчитываешь, но Саймона я тебе не отдам.

– Зато отдаешь Валентину и его армии демонов... – Рафаэль широким жестом обвел Зал. – Всех этих людей, своих союзников. Ты позволил им отправиться на смерть по собственному выбору, однако Саймону выбора не даешь. Вдруг он сам решит иначе? – Рафаэль опустил руку. – Мы не станем биться, если не получим желаемого. Ни один из Детей ночи не примет участия в сегодняшней битве.

– Ну так и не участвуйте. Я не Валентин и не покупаю союзников за невинные жизни.

Рафаэль посмотрел на Джослин:

– А ты, Сумеречный охотник, что скажешь? Позволишь оборотню решать судьбу твоего народа?

Джослин посмотрела на Рафаэля, как на таракана, которого застукала посреди чистой кухни.

– Тронешь Саймона, вампир, – очень медленно произнесла она, – и я порублю тебя на кошачий корм. Понял?

Рафаэль поджал губы:

– Ладно. Лежа и умирая на равнине Брослин, спросите себя: стоила ли одна жизнь столь многих?

С тем он исчез. Люк обернулся к Клэри, но Саймон уже не смотрел на них. Он опустил взгляд на руки, ожидая увидеть в них дрожь. Нет, руки оставались неподвижны, как у трупа. Очень медленно Саймон сжал кулаки.

* * *

Валентин ничуть не изменился: гигант, чьи широкие плечи никак не вяжутся с тонкими чертами лица; за спиной Меч смерти и объемная котомка; на поясе широкий ремень, увешанный оружием – охотничьи кинжалы, кинжалы узкие, ножи для свежевания. Подглядывая за Валентином, Джейс испытывал полузабытое чувство – любовь, привязанность, оскверненную унынием, разочарованием, недоверием.

Странно было видеть отца в компании Себастьяна, который... поразительно изменился. Однако не формой нефилима и не мечом с серебряной рукоятью на поясе удивил он Джейса. Вместо шапки черных волос на голове самозванца сияли светлые, похожие на белое золото локоны. И шли они Себастьяну гораздо больше – лицо не выглядело болезненно бледным. Должно быть, Себастьян выкрасил их, маскируясь под кузена Пенхоллоу. Волна горькой ненависти поднялась в груди Джейса, но броситься на Себастьяна и задушить его на месте он не мог.

Каркнув еще раз, Хьюго приземлился на плечо Валентину, и Джейс испытал непонятное чувство. Птица практически жила на плече Ходжа, и видеть ее подчиняющейся отцу, что бы там

Ходж ни натворил, было очень непривычно. Как-то неправильно.

Валентин погладил Хьюго по лоснящимся перьям и кивнул, словно беседовал со старинным приятелем.

– Есть новости из Аликанте? – спросил Себастьян, выгнув светлые брови, когда ворон снялся с плеча хозяина и воспарил под сводами пещеры.

– Не все так ясно, как хотелось бы. – Спокойный голос отца стрелой пронзил сердце. Руки непроизвольно дернулись, и Джейс как можно сильнее прижал их к бокам, благодарный, что сталагмит скрывает его. – Конклав объединяется с Люцианом и силами нежити.

Себастьян нахмурился:

– Малахи говорил...

– Малахи все испортил. – Валентин плотно сжал челюсти.

В следующую секунду Себастьян поразил Джейса тем, как шагнул вперед и коснулся руки Валентина – уверенно, доверительно. Желудок у Джейса свело, будто он проглотил клубок червей. Никто не смеет прикасаться к Валентину. Джейс и тот не позволял себе подобных жестов.

– Ты огорчен? – спросил Себастьян с оттенком той же неуместной доверительности.

– Конклав прогнал куда больше, чем я ожидал. Лайтвуды испорчены безнадежно, и порча эта заразна. Потому я и стремился не пускать их в Идрис. Прочие же Охотники... как могли они столь легко поддаться яду Люциана, который даже не нефилим! – Отвращение ясно слышалось в голосе отца, и все же он не спешил отталкивать руку Себастьяна. Невероятно! – Я разочарован. Думал, они образумятся. Не хотелось бы такого исхода.

Себастьяна ситуация позабавила.

– Не согласен. Подумай, как нефилимы приготовятся к битве, выйдут на нее, ожидая погибнуть в сиянии славы, только за тем, чтобы понять: все напрасно. Их шаг лишен смысла. Представь выражение на их лицах.

Он широко улыбнулся.

– Джонатан, – вздохнул Валентин. – Война – суровая необходимость, и радоваться нечему.

Джонатан?!

Джейс вцепился в камень скользкими от пота ладонями. Почему Валентин обращается к Себастьяну по имени сына? Оговорился? Правда, Себастьян ни капельки не смущен.

– Может, позволишь наслаждаться собственными делами? – спросил он. – В Аликанте мне определенно понравилось. И Лайтвуды – компания куда лучше, чем ты рассказывал. Особенно Изабель. Хотя с ней мы расстались не лучшим образом. Что до Клэри...

По сердцу словно ножом полоснули.

– Она не оправдала моих ожиданий, – обиженно закончил Себастьян. – Ни капли на меня не похожа.

– Во всем мире не сыщется подобных тебе, Джонатан. Клэри целиком пошла в мать.

– Не признает своих истинных желаний. Пока. Но после образумится.

Валентин выгнул брови:

– В каком смысле, образумится?

Себастьян ухмыльнулся. Эта ухмылка так разозлила Джейса, что он сильно, до крови, прикусил губу.

– Сам знаешь, – сказал Себастьян. – Она перейдет на нашу сторону. Жду не дожусь. Сто лет так не веселился, пока дурачил ее.

– Я тебя не развлекаться посылал. Надо было выяснить, чего она ищет. И когда она нашла искомое – без твоего участия, смею добавить, – ты позволил находке перейти к магу. А после, покидая город, ушел без Клэри. И это притом что она опасна. Не очень-то ты преуспел,

Джонатан.

– Я пытался увести Клэри, – обиженно возразил Себастьян, – но с нее глаз не сводили. Не похищать же ее прямо посреди Зала Договоров. К тому же она не умеет пользоваться рунической магией. Слишком наивна, чтобы употребить свой талант по назначению, и поэтому не опасна...

– Что бы Конклав ни придумал, затея вертится вокруг Клэри. Хьюджин говорит то же самое. Он видел Клэри на подиуме. Стоит ей показать Конклаву свою силу...

Джейс испытал приступ страха вперемешку с гордостью. Еще бы, затея вертится вокруг Клэри. Это же Клэри!

– Значит, битва состоится, – подытожил Себастьян. – Вот и славно, мы же крови хотим! Плевать на Клэри. Сражение – вот, что важно.

– Ты ее недооцениваешь, – тихо произнес Валентин.

– Я наблюдал за ней и понял: будь она всемогуща, как ты говоришь, она бы применила силу, чтобы вызволить из темницы своего дружка-вампиреньца. Или чтобы спасти идиота Ходжа, когда он умирал...

– Убийственная сила необязательно дает всемогущество. Что касается Ходжа, то раз его убил ты, изволь выражаться о его смерти немного сдержанней.

– Пришлось. Он чуть не выболтал про ангела.

– Нет, ты хотел его убить. Всегда. – Достав из кармана пару плотных кожаных перчаток, Валентин неторопливо надел их. – Может, и проболтался бы Ходж, а может, и нет. Все эти годы он присматривал за Джейсом в Институте, гадая, что же такое он растит. Ходж один из немногих, кто знал о втором мальчике. Он не выдал бы меня – трусость бы не дала.

Хмурясь, Валентин сжал затянутый в кожу кулак.

Второй мальчик? О чем он?!

Себастьян тем временем отмахнулся:

– Кому какое дело, что думал Ходж? Умер, и поделом ему. – Он мрачно сверкнул глазами. – Ты сейчас к озеру?

– Да. Ты понял, что нужно сделать? – Валентин кивнул на меч у Себастьяна на поясе. – Не Меч смерти, конечно, но демонической силы в нем хватит.

– Мне с тобой нельзя? – спросил Себастьян, и в его голосе отчетливо послышались капризные нотки. – Почему не выпустить армию демонов прямо сейчас?

– Еще не полночь. Я обещал Конклаву время – вдруг передумают?

– Не передумают...

– Я дал слово и сдержу его, – не терпящим возражений тоном сказал Валентин. – Если к полуночи вестей от Малахи не получишь – открывай ворота.

Увидев на лице Себастьяна неуверенное выражение, Валентин добавил нетерпеливо:

– Джонатан, я полагаюсь на тебя. До самой полуночи ждать не выйдет: путь через тоннели до озера займет целый час, а битву задерживать нельзя ни на секунду. Будущие поколения обязаны знать, как решительно мы победили и как молниеносно пал Конклав.

– Мне только жаль, что я не увижу ангела. Хочу быть с тобой в этот момент. – Во взгляде Себастьяна была тоска, под которой, однако, скрывались тщательный расчет, насмешка, цепкость, меркантильность и странное... хладнокровие. Валентин, впрочем, не обращал на них внимания. К вящему удивлению Джейса, он погладил Себастьяна по щеке – жестом быстрым и полным откровенной теплоты – и сразу отправился в дальний конец пещеры, где сгустились тени. У выхода отец, такой бледный на фоне тьмы, задержался.

– Джонатан, – позвал Валентин, и Джейс невольно приподнял голову. – Когда-нибудь и ты взглянешь в лицо ангелу. Ты унаследуешь Орудия смерти, когда меня не станет и однажды, возможно, и тебе придется призвать Разиэля.

– Хотелось бы, – ответил Себастьян и дождался, пока Валентин исчезнет в тени. Затем шепотом закончил: – Очень хочется плюнуть в его ублюдочную рожу. – Он развернулся, и Джейс увидел лицо, подобное белой маске в темноте. – Джейс, можешь не прятаться. Я знаю, ты здесь.

Джейс замер на секунду – разум не успел ничего осознать, а ноги сами понесли тело к выходу из пещеры. Надо как-то выбраться наружу и сообщить обо всем Люку.

Однако выход оказался перекрыт: Себастьян уже стоял там, раскинув руки.

– Ну, – злорадно произнес он, – ты ведь не думал обогнать меня, правда?

Джейс резко остановился. Сердце билось неровно, как сломанный метроном, но голос звучал твердо.

– Зато в остальном я лучше тебя.

Себастьян улыбнулся.

– Я слышал, как бьется твое сердце, – тихо произнес он. – Когда ты смотрел на нас с Валентином. Тебя ничего не встревожило?

– Только то, что ты встречаешься с моим папашей, – пожал плечами Джейс. – Ты мелковат для него, если честно.

– Что? – Джейсу впервые удалось ошеломить Себастьяна. Впрочем, наслаждался победой Джейс недолго, противник сразу вернул себе самообладание. И его потерю Джейсу не простят, так говорил темный блеск в глазах Себастьяна. – Мне случалось думать о тебе, – все тем же тихим голосом продолжал самозванец. – Порой я видел в твоих желтых глазах нечто, проблеск разума, не то что у твоей дегенеративной приемной семьи. Но потом я сообразил: это лишь заносчивость, позерство. На самом деле ты столь же туп, сколь и они. Десяток лет хорошего воспитания пропал даром.

– Ты не знаешь, как меня воспитывали.

– Еще как знаю. – Себастьян опустил руки. – Нас с тобой вырастил один человек. Только от меня потом не стали избавляться.

– В каком смысле? – прошептал Джейс. И вдруг, глядя в неподвижное, улыбающееся лицо Себастьяна, он словно заново увидел соперника: белокурые локоны, черные, антрацитовые глаза, жесткие линии лица, будто вырезанные из камня... и в уме представился отцовский лик, каким показывал его ангел: юный, резкий, полный энергии, голода. – Ты... тоже сын Валентина. Мой брат.

Себастьян неожиданно переместился Джейсу за спину и, стиснув кулаки, обнял его за плечи.

– Здравствуй и прощай, братец, – выплюнул он и сжал объятия, перекрывая Джейсу дыхание.

* * *

Измощенная, Клэри чувствовала, как пульсирует во лбу тупая боль – эффект от создания руны Союза. Ощущение было, словно кто-то ломится из головы наружу.

– Ты как? – Джослин положила ей руку на плечо. – Неважно выглядишь.

Глянув матери на руку, Клэри заметила черный змеящийся узор, близняшку которого носил теперь Люк. Под ложечкой засосало. Всего через пару часов мама отправится сражаться против армии демонов, и, сколько ни глуши эту мысль, она приходит снова и снова.

– Я все думаю, куда Саймон запропастился, – сказала Клэри, вставая. – Пойду поищу его.

– Там? – Джослин указала на толпу, которая заметно поредела. Пометившие друг друга нефилимы и нежить спешили покинуть Зал. Малахи, с неподвижным бронзовым лицом,

указывал, куда именно выходить на площадь.

– Ничего страшного! – Клэри прошла мимо матери и Люка к ступенькам. – Скоро вернусь.

Люди оборачивались, смотрели на нее, и Клэри чувствовала на себе тяжесть их взглядов. Она высматривала в толпе Лайтвудов и Саймона, однако не могла найти ни одного знакомого лица. Вообще трудно ориентироваться в столпотворении при таком-то низком росте. Вздохнув, Клэри решила ретироваться в западную часть Зала, где людей оставалось поменьше.

Стоило приблизиться к ряду высоких колонн, как откуда-то сбоку появилась рука и утянула Клэри за самую высокую из колонн. Клэри только ахнуть успела, как оказалась в темноте, прижатой к холодному мрамору. За руки ее держал Саймон.

– Не кричи, ладно? Это я.

– Не тупи. С чего мне кричать? – Клэри огляделась по сторонам, но из-за колонн Зал было видно не полностью. – Зачем эти игры в джеймсбондов? Я тебя сама искала?

– Знаю. Потому и засел в засаде, ждал, пока ты спустишься, чтобы поговорить с тобой наедине. – Саймон нервно облизнул губы. – Я слышал, чего требовал Рафаэль.

Клэри поникла:

– Послушай, Саймон, мы не сдали тебя. Люк послал Рафаэля.

– Не стоило, пожалуй. Лучше бы Люк отдал Рафаэлю просимое.

Клэри уставилась на Саймона, прищурившись:

– Тебя-то? Сбрэндил! Ни за что...

– А вот и есть за что. – Саймон сильнее сжал ей руки. – Я сам так решил. Пусть Люк ответит Рафаэлю согласием. Или я без вас сдамся.

– Я понимаю твоё решение. Респект и уважуха, но ты не обязан, Саймон. Рафаэль не прав, и никто не осудит тебя за то, что ты не пожертвовал собой во имя победы в чужой войне.

– Та к будет справедливо. Рафаэль прав: я вампир, о чем ты забываешь. Может, даже намеренно. Однако я нежить, а ты – нефилим, и война – наша.

– Ты не такой, как они.

– Я один из них. – Говорил Саймон медленно, отчетливо, чтобы Клэри точно поняла все до последнего слова. – И всегда им буду. Если нефилимы выйдут на битву без воинов Рафаэля, то в Совете не останется мест для Детей ночи. Вампиры не будут частью мира, который хочет создать Люк. Мира, в котором нежить и Сумеречные охотники действуют заодно. Сосуществуют. Вампиры окажутся за бортом и превратятся во врагов нефилимов. Мы с тобой станем врагами, Клэри.

– Не стану я враждовать.

– Я не переживу войны между нами, – просто сказал Саймон. – Но стоя в стороне и притворяясь, будто моя хата с краю, я никому не помогу. Я не спрашиваю разрешения, Клэри. Нужна твоя помощь. Если не согласишься, я отыщу Майю, попрошу ее отвести меня в лагерь вампиров, где сдамся Рафаэлю. Понимаешь?

Клэри уставилась на Саймона, чувствуя, как пульсирует кровь в пережатых артериях на запястьях. Во рту ощущалась горечь; Клэри облизнула пересохшие губы.

– Чем тебе помочь? – шепотом спросила она.

Саймон ответил, и Клэри посмотрела на него неверящим взглядом. Замотала головой, так что волосы разметались по лицу:

– Нет. Это сумасшествие, Саймон. Это не дар, а проклятие...

– Не для меня, пожалуй, – сказал Саймон. Он посмотрел в сторону толпы, и Клэри заметила там Майю. Волчица смотрела на них с неприкрытым любопытством. Как быстро, чересчур быстро все происходит. – Это меньшее из зол, Клэри.

– Нет...

– Вряд ли мне будет больно. В смысле, я уже наказан: ни в церковь сходить, в синагогу, ни к... в общем, ни помолиться, ни состариться. Я вырван из жизни. Вряд ли что-то изменится.

– А вдруг?

Саймон отпустил ее руки и приобнял за талию, вытащив из-за пояса стило. Протянул стержень подруге и попросил:

– Клэри, ради меня. Пожалуйста.

Негнушмиися пальцами Клэри приняла стило и приставила пишущим кончиком ко лбу Саймона. Это первый знак, говорил Магнус. Самый первый. Вызвав в уме образ руны, Клэри повела стило, как ведет партнершу танцор с первыми аккордами музыки. На лбу у Саймона проявлялись черные линии, словно распускающийся бутон на экране при перемотке фильма, и, когда Клэри закончила, руку ей жгло. Однако девушка знала: она сотворила нечто совершенное, странное и древнее, как сама история. Руна звездой сияла во лбу у Саймона. Вампир ошеломленно провел рукой над бровями.

– Жжется, – сказал он.

– Не знаю, что выйдет в итоге, – прошептала Клэри. – Какой будет побочный эффект.

Криво усмехнувшись половинкой рта, Саймон погладил ее по щеке:

– Поживем – увидим.

Большую часть дороги Майя молчала, глядя себе под ноги и морща нос. Наверное, путь вынюхивала. Странная привычка, но полезная. И как бы быстро ни шагала волчица, Саймону не было нужды ускорять шаг, он легко поспевал за ней. Даже когда Майя, достигнув протоптанной тропинки в лес, побежала – легко и бесшумно, низко пригибаясь к земле, – Саймон без труда взял ее темп. Вот они, прелести вампиризма.

Тропинка закончилась слишком скоро; лес постепенно сгущался, из-под земли, покрытой опавшими листьями, появились спутанные корни. Звездное небо спряталось за кружевом переплетенных ветвей.

Выбежали на опушку, усыпанную валунами и кучками листьев, словно кто-то прошелся по земле гигантскими граблями. Камни сверкали в лунном свете подобно квадратным зубам.

– Рафаэль! – позвала Майя, рупором приложив ко рту ладони. Кричала она так громко, что проснулись птицы на верхушках деревьев. – Рафаэль, выходи!

Тишина. Потом зашелестели тени. Застучало, и кучки листьев взметнулись небольшими торнадо. Майя закашлялась, отбиваясь от них.

Ветер погас так же резко, как начался. В нескольких шагах от Саймона стоял Рафаэль в окружении бледных приспешников, неподвижных в лунном свете, словно деревья. Невыразительность на их лицах граничила с неприкрытой враждебностью. Некоторых Саймон узнал: маленькую Лили и блондинистого Джейкоба; их узкие холодные глаза. Прочих вампиров Саймон видел впервые.

Рафаэль выступил вперед. Кожа его была желтовата, вокруг глаз залегли черные круги, но при виде Саймона мальчик улыбнулся.

– Светолуб, – выдохнул он. – Явился.

– Я пришел, – ответил Саймон. – Сдаюсь, а значит, все готово.

– Далеко не всё, светолуб. – Рафаэль посмотрел на Майю. – Ликантроп, беги к вожаку и передай мои благодарности. Дети ночи выйдут биться на равнине Брослин.

Лицо Майи окаменело.

– Это не Люк...

Саймон поспешил ее перебить:

– Майя, все хорошо. Иди.

Глаза волчицы озарились печальным блеском.

– Саймон, подумай. Ты не обязан...

– Нет, обязан, – твердо возразил вампир. – Спасибо, что проводила, Майя. Теперь иди.

– Саймон...

Тот едва слышно предупредил ее:

– Если не уйдешь, нас обоих убьют, и все окажется напрасным. Иди давай. Пожалуйста.

Кивнув, Майя развернулась, на ходу перекидываясь волком. Еще секунду назад она была стройной девушкой с заплетенными в косу волосами, а в следующую – она уже волк, который на всех четырех убегает в чащу.

Проводив ее взглядом, Саймон обернулся и чуть не вскрикнул – в нескольких дюймах от него стоял Рафаэль.

Вблизи на щеках мальчика виднелись красноречивые следы голода. Вспомнив, как в «Дюморе» из темноты возникали лица, как шелестел в пустоте смех и пахло кровью, Саймон вздрогнул.

Рафаэль взял Саймона за плечи – хватка его обманчиво тонких рук оказалась железной.

– Запрокинь голову и посмотри на звезды. Та к будет легче.

– Все-таки убьешь меня, – сказал Саймон. К собственному удивлению, ни страха, ни возбуждения он не испытывал. Время потекло медленно, и мир предстал перед Саймоном с поразительной ясностью: каждый листик, каждый камушек на прогалине виделись целиком и очень четко.

– А ты как думал? – ответил Рафаэль. Немного грустно, пожалуй. – Ничего личного, поверь. Как я сказал прежде, в таком виде ты для нас слишком опасен. Знать бы заранее...

– Ну да, ты не позволил бы мне восстать из могилы.

Рафаэль посмотрел в глаза Саймону:

– Каждый выживает как может. Не только люди. – Он оголил клыки, похожие на два тонких лезвия. – Не дергайся. Я быстро, – сказал Рафаэль и подался вперед.

– Пстой, – сказал Саймон, и Рафаэль отстранился, нахмурившись. – Пстой, – увереннее попросил Саймон. – Я тебе покажу кое-что.

Рафаэль зашипел:

– Перед смертью, светолуб, не надьшишься.

– Я и не пытаюсь. Просто взгляни сюда. – Саймон откинул со лба челку, понимая, как глупо и театрально выглядит этот жест. Саймон вспомнил бледное, отчаянное лицо Клэри, стило у нее в руке... Ну, хотя бы попытался. Ради нее.

Эффект вышел поразительный, моментальный. Рафаэль отшатнулся, как от распытия.

– Кто это сделал с тобой, светолуб? – сплюнул он. Саймон в ответ уставился на Рафаэля. Он не знал, чего ожидать, но такой реакции точно не предвидел.

– Клэри, – сам себе ответил Рафаэль. – Ну конечно. Лишь наделенный ее силой сумеет пометить вампира... таким вот знаком.

– Каким «таким»? – спросил из-за спины у Рафаэля Джейкоб, стройный парень. Прочие вампиры пялились на Саймона со смесью непонимания и страха на лицах. Что напугает Рафаэля, пугает и их.

– Этот знак, – ответил Рафаэль, по-прежнему глядя на Саймона, – не из Серой книги. Он старше изложенных в ней рун. Это один из древнейших символов, начертанных рукой самого Творца. – Он хотел было прикоснуться к метке, но рука замерла, едва поднявшись, и опустилась. – Я слышал о них, правда, никогда не видел. Этот знак...

– «Зато всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро, – процитировал Саймон. – И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его»^[18]. Можешь попытаться убить меня, Рафаэль, хотя я не советую.

– Каинов знак? – недоверчиво спросил Джейкоб. – У тебя на лбу Каинов знак?

– Убей его, – велела рыжая вампирша, стоявшая рядом с Джейкобом. Говорила она с сильным акцентом, похожим на русский. – Все равно убей.

На лице Рафаэля смешались две эмоции: ярость и недоверие.

– Нет. Всякий ущерб, причиненный ему, вернется, семикратно усиленный. Такова природа знака. Впрочем, если кто-то желает рискнуть – милости прошу.

Никто не шевельнулся.

– Кто бы мог подумать! – сказал Рафаэль. – Люциан Грэймарк, словно королева-ведьма, прислал отравленное яблоко. Рассчитывал, что я причиню тебе вред и огребу семикратное наказание.

– Нет, – поспешил возразить Саймон. – Нет... Люк о нашей затее не знает. Он сделал жест доброй воли, цени его.

– Значит, таков твой выбор. – Презрение во взгляде Рафаэля наконец сменилось чем-то

иным. – Каинов знак – не простое защитное заклятие, светолуб. Знаешь, каково было наказание Каину? – Говорил он тихо, словно делаясь с Саймоном неким секретом. – «И ныне проклят ты от земли... ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

– Вот и выясним, что меня ждет. Я свой долг выполняю.

– И все из-за нефилима.

– Не только. Я поступаю так и ради вас, пусть вы того и не хотите. – Саймон повысил голос, чтобы остальные вампиры, немой полукругом стоявшие позади Рафаэля, могли слышать. – Вы боялись, что если обо мне узнают другие Дети ночи, то решат, будто во всем повинна кровь Охотника. Но светолубом меня сделала не кровь Джейса, а магия Валентина. Эффект не удастся воспроизвести. Подобных мне больше не будет.

– Сдается мне, он говорит правду, – сказал Джейкоб. – В прошлом я знал одного-двух Детей ночи, которые испили крови Охотников. Терпимее к свету они не стали.

– Одно дело было отказывать Сумеречным охотникам прежде, – снова заговорил Саймон, поворачиваясь к Рафаэлю, – и другое – теперь, когда они прислали меня к вам...

Договаривать он не стал.

– Не надо меня шантажировать, светолуб, – сказал Рафаэль. – Если Дети ночи дали слово, они держат его при любых условиях. Даже очень невыгодных. – Он легонько улыбнулся, обнажив кончики клыков. – Однако я попрошу тебя о последнем одолжении: докажи свою добрую волю. – Последние слова прозвучали холодно и тяжело.

– И как же?

– В битве Люциана Грэймарка... участие примешь и ты.

* * *

Открыв глаза, Джейс увидел серебристый водоворот. Во рту плескалась горькая жидкость. Джейс закашлялся и подумал на мгновение: не тонет ли он? Нет, сидит на твердой поверхности, спиной к сталагмиту; руки связаны. Джейс снова закашлялся, ощутив соленый привкус собственной крови.

– Очнулся, братишка? – Рядом опустился на колени Себастьян с веревкой в руках. – Отлично. Я уж испугался, что убил тебя чуть раньше срока.

Отвернувшись, Джейс сплюнул кровь. Его мутило и будто огненный шар крутился над головой. Наконец он остановился – оказалось, это звезды, видимые через отверстие в потолке.

– Тебе особый повод нужен? Скоро Рождество.

Себастьян задумчиво посмотрел на Джейса:

– Острый у тебя язык. Этот талант ты не от Валентина перенял. Тогда чему он тебя научил? Не драться, сразу видно... – Он наклонился ближе: – Знаешь, что Валентин подарил мне на девятый день рождения? Урок: у человека на спине есть особое место, и если вонзить в него клинок, то можно поразить и сердце, и позвоночник одновременно. А что тебе подарили на девять лет, ангелочек? Печенюшку?

Девятый день рождения? Джейс тяжело сглотнул.

– В какой дыре тебя держали, пока я воспитывался в поместье? Мы что-то не встречались.

– Я рос в долине. – Себастьян кивнул в сторону выхода из пещеры. – Представь, и я тебя не встречал, зато был в курсе, что ты есть. А вот ты обо мне – ни слухом ни духом.

Джейс покачал головой:

– Валентин не имел привычки тобой хвастаться. Теперь понятно почему.

В глазах Себастьяна полыхнул гнев. Сходство с Валентином проступило отчетливо: то же

необычное сочетание серебристо-белых волос и темных глаз; нервное лицо, которое у другого человека показалось бы изнеженным.

– Я о тебе знал все, а ты обо мне – ничего, ведь так? – Себастьян поднялся. – Я не хотел убивать тебя прежде срока, чтобы ты все видел. Та к что смотри, братишка, и смотри внимательно.

Движением быстрым, почти неуловимым, Себастьян извлек из ножен меч с серебряной рукоятью и клинком, как у Меча смерти, – отливающим темноватым пламенем, с вытравленным звездным узором. Меч поймал свет настоящих звезд и запылал огнем.

Джейс затаил дыхание. Убьет? Вряд ли. Если бы Себастьян хотел убить Джейса, то убил бы, пока Джейс был без сознания. Себастьян тем временем отошел в центр пещеры, легко держа в одной руке меч, который на вид казался довольно тяжелым. Разум лихорадочно заработал: откуда у Валентина второй сын? От другой жены, тоже из Круга? Старше Себастьян или младше Джейса?

При приближении Себастьяна в одном из сталагмитов запульсировал красный дымок, завращался быстрее. Себастьян поднял меч и, произнеся какое-то слово на грубом языке демонов, резко взмахнул им.

Верхушка сталагмита отвалилась, и наружу вырвался черный с красным дым, словно из пробитого шара. Что-то взревело. Но это был не столько звук, сколько давление воздуха. Уши заложило, стало трудно дышать. Джейс хотел рвануть ворот куртки и не смог – руки слишком прочно держала веревка.

Себастьян наполовину скрылся позади столба черно-красного дыма, который завивался кольцами, поднимаясь вверх.

– Смотри! – воскликнул Себастьян. Его лицо сияло, глаза горели, волосы трепетали на ветру. Неужели отец в молодости выглядел так же: страшно и в то же время завораживающе? – Узри армию Валентина!

Его голос потонул в нарастающем шуме, похожем на грохот прибоя, который выбрасывает на берег останки древних городов. Та к рокотала великая злая сила. Сталагмит продолжал изрыгать высоченный столб клубящейся тьмы, и тот взлетал вверх сквозь отверстие в потолке. Прибыли демоны. Бурлящая масса чудовищ: вопли, вой, рычание, когти, лапы, зубы, горящие глаза...

Джейс вспомнил, как лежал на палубе отцовского судна: и небо, и земля, и вода вокруг – все обратилось кошмаром. Сейчас было хуже: земля разверзлась, и ад хлынул наружу. Расползлась вонь, как от тысячи трупов. Джейс старался высвободить связанные за спиной руки, пока веревки не содрали с запястий кожу. Оставалось давиться кровью и желчью, глядеть, как последние демоны черным потоком ужаса вылетают из пещеры, закрывая своими телами звезды.

Провалиться бы в обморок на минуту-другую! В какой-то момент Джейсу показалось, будто он завис между сознанием и забытием: вой стих, пришла темнота и... покой. Впрочем, ненадолго. Джейса рывком вернуло в сознание, обратно в тело. Запястья горели, плечи оттягивало назад. Вонь от демонов висела настолько густая, что Джейса невольно стошнило. Услышав сухой смешок, он сглотнул желчь.

Сверкая глазами, Себастьян присел напротив, прямо над коленями Джейса:

– Все хорошо, братишка. Они ушли.

В глазах плыло, в горле стояла горечь, и голос прозвучал похожим на карканье.

– Валентин сказал, в полночь. Велел открыть врата в полночь, а до нее еще...

– В таких ситуациях лучше потом извиниться, нежели просить дозволения. – Себастьян глянул на расчистившееся небо. – Отсюда до равнины Брослин демоны доберутся минут за пять. Немного быстрее, чем отец – до озера. Пусть прольется немного крови нефилимов. Хочу, чтобы

они мучились и дохли... Охотники заслужили не просто забвение, а вечный позор.

– Думаешь, нефилимы беззащитны перед демонами? Думаешь, они не приготовились?

– Ты же подслушал наш с отцом разговор, – отмахнулся Себастьян. – Разве не понял нашего плана? Не понял, чего мой отец добивается?

Джейс не ответил.

– Молодец, – снова заговорил Себастьян, – что проводил меня той ночью к Ходжу. Если бы старик не выдал тайны озера, сегодняшняя ночь вряд ли была бы такой. Любой, кто обладает двумя Орудиями смерти, способен вызвать из озера Лин ангела Разиэля и просить его об одном... одолжении.

– Одолжении? – Джейс начинал мерзнуть. – Уничтожить всех Охотников на равнине Брослин?

Себастьян встал:

– Слишком просто. Нет, Валентин попросит лишить дара всякого Охотника, не испившего из Чаши, то есть не принявшего нашу сторону. Лишившись дара, нефилимы, как носители знаков, превратятся в отреченных. – Себастьян улыбнулся. – Они станут легкой добычей для демонов. Нежить, которая не поспешила убраться восвояси, будет перебита без труда.

В ушах резко и тонко звенело. Голова закружилась.

– Даже Валентин, – сказал Джейс, – на такое бы не пошел...

– Я тебя умоляю! Отец не откажется от задуманного!

– Отец – наш.

Себастьян посмотрел на Джейса сверху вниз. Шапка светлых волос сверкала, подобно венцу, и казалось, будто Себастьян – возгордившийся ангел, принявший сторону Люцифера.

– Отче наш? – чуть изумленно спросил Себастьян. – Ты молишься?

– Нет. Я сказал: отец – наш. Валентин. Он не только тебе отец, но и мне.

Немного помолчав, Себастьян улыбнулся краешком губ:

– Ангелочек. Дурак несчастный. Отец всегда о тебе так отзывался.

– Хватит дразниться. Треплешься об ангелах...

– А... ну ты ведь ничего не знаешь! Отец тебе хоть слово правды говорил, нет?

Джейс покачал головой. Он продолжал упорно дергать за веревки, но с каждым рывком узлы как будто затягивались туже. В пережатых кистях и пальцах пульсировала кровь.

– Откуда ты знаешь, вдруг он и тебе лгал?

– Я его кровь. Я – это он. Когда отца не станет, Конклавом буду править я.

– На твоём месте я бы не стал хвастать такой наследственностью.

– Опять-таки, – без интонаций в голосе проговорил Себастьян, – я не стремлюсь быть кем-то иным. Мне не страшно от того, что моей отец делает все возможное для спасения своего рода, который не желает – или, если на то пошло, не заслуживает – спасения. Кого бы ты выбрал в наследники: сына, гордящегося тобой, или сына, отрекающегося от тебя из стыда и страха?

– Я Валентина не боюсь.

– И не надо. Бойся меня.

Заслышав перемену в голосе Себастьяна, Джейс перестал возиться с веревками и посмотрел вверх. Себастьян опустил поблескивающий темным светом меч к самой ключице Джейса. И хотя острие чуть не пронзило гортань, Джейс не мог не восхититься красотой темной стали.

– И что? – как можно спокойнее произнес Джейс. – Прикончишь меня связанного? Неужто боишься драться по-честному?

На бледном лице Себастьяна не отразилось ни малейшей эмоции.

– Ты мне не угроза. Ты паразит, надоедливое насекомое.

– Так, может, развяжешь мне руки?

Себастьян смотрел на Джейса, сохраняя абсолютную неподвижность. Словно статуя давно умершего принца, погибшего молодым и испорченным. Себастьян унаследовал холодный, мертвенный взгляд Валентина и в то же время излучал собственную ауру, ореол пустоты, словно был лишен внутренней сути.

– Я не глупец, – сказал Себастьян, – и ты меня не проведешь. Я оставил тебя в живых, чтобы показать армию демонов. Теперь ты сдохнешь, а когда повстречаешь своих ангельских предков, то передай им: для них в этом мире места не осталось. Они подвели Конклав, и Конклав больше в них не нуждается. У нас теперь есть Валентин.

– Передать за тебя весточку Богу? – Джейс покачал головой, задев горлом острие меча. – Да ты еще больший псих, чем я думал.

Улыбнувшись, Себастьян упер меч Джейсу в гортань:

– Если хочешь помолиться, братишка, то начинай.

– Молиться не буду. Передай привет нашему папе. Уважишь?

– Ну конечно, – спокойно произнес Себастьян, однако перед ответом он слегка помедлил, что подтвердило догадку Джейса.

– Лжешь, – сказал он. – Ты ничего не передашь Валентину, потому что не собираешься рассказывать о содеянном. Отец не требовал моей смерти, так?

– Бред. Ты ему никто. Ничто для него.

– Надеешься, будто Валентин не узнает о том, что ты меня убил? Скажешь: я погиб во время битвы, – или папа сам решит, что так и было? Со временем правда всплывет. Валентин всегда ее добывается.

– Ты сам не знаешь, о чем говоришь, – так же спокойно ответил Себастьян, однако черты его лица напряглись.

Джейс продолжал говорить, используя преимущество:

– Ты все равно не убьешь меня, потому что есть свидетель.

– Свидетель? – Легкое удивление Себастьяна Джейс принял за своего рода победу. – О чем ты?

– О вóроне. Он следил за нами из тени и все передаст Валентину.

– Хьюджин? – Себастьян огляделся. И хотя вóрона он нигде не заметил, на лице его отразилось сомнение.

– Если Валентин узнает, как ты убил меня, связанного и беспощадного, то ты станешь ему противен. – Джейс сам не заметил, как вдруг заговорил мягко, вкрадчиво, так же, как Валентин, когда желал кого-то убедить. – Он назовет тебя трусом и ни за что не простит.

Себастьян молча смотрел на Джейса, кривя губы. Внутри у него вскипал ядовитый гнев.

– Развяжи меня, – тихо произнес Джейс. – Развяжи и бейся, как мужчина. По-другому не выйдет.

Себастьян вновь скривил губы, на этот раз плотно их сжав, и Джейсу показалось, что в последнем предложении он перегнул палку. Себастьян поднял меч, и лунный свет взорвался в нем тысячью осколков, серебристых, словно звезды, словно локоны Себастьяна. Оскалившись, Себастьян опустил клинок по дуге, с шипением порвавшей ночной воздух.

* * *

Сидя на ступеньках подиума, Клэри вертела в руках стило. Еще никогда она не чувствовала себя такой одинокой. В Зале Договоров сделалось невыносимо пусто. Когда все бойцы прошли сквозь портал, Клэри обошла помещение в поисках Изабель, но нигде ее не застала. Скорее

всего, Изабель перебралась в дом Пенхоллоу, где вместе с дочерью Патрика и Цзя и другими подростками будет следить за десятком детей небоевого возраста. Алина попыталась увлечь за собой Клэри, однако та отказалась, решив, что Изабель ей лучше искать в одиночку, чем в толпе незнакомцев. Пока же она чувствовала нарастающее давление тишины, всеми силами стараясь не думать о Джейсе, Саймоне, маме, Люке, Алеке... Единственным действенным способом показалось сидеть и неподвижно созерцать плитку мрамора в полу, раз за разом пересчитывая трещинки.

Всего их шесть. Одна, две, три. Четыре, пять, шесть. Досчитав, Клэри начала заново. Одна... и тут небо взорвалось. Звук был именно такой. Клэри уставилась в прозрачный потолок и увидела, что небо, ясное всего несколько мгновений назад, заволокло пламенем и тьмой с тошнотворными проблесками оранжевых сполохов.

На фоне огня летели твари – ужасные твари, смотреть на которых никак не хотелось. Хорошо, что темнота мешает видеть их четко. Мимолетного взгляда хватило с лихвой.

Прозрачный небесный свет дрожал, будто марево в воздухе при страшной жаре. Раздался грохот, похожий на выстрел, и купол пошел трещинами. Клэри едва успела пригнуться и накрыть голову руками, как осколки посыпались на нее, словно слезы.

* * *

Они почти добрались до поля битвы, когда внезапный грохот расколол ночь надвое. Только что лес стоял темный и молчаливый, и вот небо полыхает оранжевым пламенем. Саймон покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за ствол дерева. Глянул вверх и не поверил глазам. Рафаэль и остальные вампиры смотрели в небо; их глаза, словно ночные цветы, ловили лунное сияние, а по небу в это время проносился один кошмар за другим.

* * *

– Ты уже который раз при мне теряешь сознание, – пожаловался Себастьян. – Твоя чувствительность начинает утомлять.

Джейс открыл глаза. Голову пронзила боль, и он поднял руку, желая ощупать висок... А ведь правда – руки свободны. С запястья свисает обрывок веревки. От прикосновения к голове ладонь потемнела... испачкалась в крови. В крови, казавшейся черной в лунном свете.

Джейс огляделся: он лежал на траве у реки. Себастьян вынес его из пещеры в долину, к домику. Переплетенные узловатые ветви деревьев частично скрадывали небо, слегка оттеняя лунный свет.

– Вставай, – сказал Себастьян. – Даю пять секунд, а после убью на месте.

Джейс с трудом встал на ноги и, борясь с головокружением, утоптался, погрузил каблуки ботинок в мягкую землю.

– Зачем ты принес меня сюда?

– Есть две причины. Первая – мне понравилось мутузить тебя. Вторая: если кто-то из нас прольет свою кровь на пол пещеры, добром это для нас не закончится, уж поверь. Я же собираюсь пролить очень много твоей кровушки.

Джейс потянулся к поясу, и сердце опустилось в пятки. Оружие пропало. Либо выпало, пока Себастьян тащил Джейса по тоннелю, либо Себастьян сам забрал и выбросил. Остался один кинжал, короткий, даже слишком, – мечу такой не противопоставишь.

– Оружие у тебя не ахти какое, – улыбнулся Себастьян, и его зубы белоснежно блеснули в лунном свете.

– Я не могу биться этим, – ответил Джейс, постаравшись добавить в голос как можно больше дрожи и нервов.

– Позор! – Себастьян приблизился, держась за меч с показной непринужденностью и отбивая пальцами на рукояти незамысловатый ритм.

Пожалуй, вот он, удобный случай!

Джейс изо всех сил ударил Себастьяна по лицу.

Хрустнула кость. Себастьяна отбросило на землю, меч выпал у него из руки. Джейс подхватил оружие в воздухе и через мгновение уже стоял над Себастьяном.

У того носом шла кровь, карминовой струйкой сбегая вниз по лицу. Себастьян рванул ворот, обнажая бледную шею:

– Ну добей меня.

Джейс не спешил. Сама собой пришла неуверенность: как так, лишить кого-то жизни? Валентин в приюте у Ренвика подстрекал сына к убийству, однако Джейс и тогда не решился. Правда, Себастьян – подлый убийца, погубил Макса и Ходжа.

Джейс поднял меч.

Внезапно Себастьян вскочил неувловимым для глаза движением, сделал невозможное, казалось бы, сальто назад и выбил меч из руки Джейса, перехватив оружие. Приземлившись всего в футе от Джейса, Себастьян рассмеялся и ударил, метя в сердце. Джейс отскочил, и острое вспорол рубашку на груди.

Из небольшого пореза потекла кровь.

Посмеиваясь, Себастьян наступал, а Джейс пятился. Он выхватил смешное оружие – кинжал – и огляделся в поисках чего-нибудь, что сгодилось бы для защиты: длинная палка, например, но ничего не нашел. Вокруг – лишь трава, река, да деревья закрывают небосвод густыми кронами. И вдруг вспомнилась «конфигурация Малахи», куда бросила его Инквизитор. Себастьян – не единственный, кто прыгать умеет.

Себастьян сделал выпад, однако Джейс прыгнул на добрых двадцать футов вверх и ухватился за нижнюю ветку. Подтянулся и сел на ней. Себастьян, потеряв Джейса, крутился на месте. Джейс метнул кинжал – послышался крик. Затаив дыхание, нефилим выпрямился... и в следующее мгновение Себастьян уже стоял на соседней ветке. Без меча, лицо перекошено, рука в крови. Шансы, правда, не уравнились, ведь Джейс и сам остался без оружия.

Джейсу отрадно было видеть гнев и удивление на лице врага: словно того цапнула за руку зверушка, которую он полагал одомашненной.

– Ну все, – сказал Себастьян, – игры закончились.

Он прыгнул на Джейса, и оба, сцепившись, пролетели двадцать футов вниз. Грохнулись о землю, да так, что у Джейса в глазах полыхнули звезды. Нащупав рану на руке Себастьяна, он погрузил в нее пальцы. Себастьян, завопив, ударил Джейса наотмашь по лицу. Рот наполнился кровью; Джейс чуть не захлебнулся, пока они с Себастьяном обменивались ударами. Тело вдруг сковало жутким холодом – оказалось, юноши, катясь по земле, по незаметному наклону, угодили в воду. Себастьян на мгновение отвлекся и, вздрогнув, судорожно хватил ртом воздух. Джейс сомкнул пальцы вокруг горла противника и начал душить. Себастьян перехватил его за запястье и дернул, ломая кость. Джейс закричал; собственный крик показался далеким, чужим. Себастьян давил на сломанное запястье до тех пор, пока Джейс – в агонии – не разжал хватку и повалился в прибрежный ил.

Уперев колено в ребра поверженного соперника, Себастьян оскалился под маской грязи и крови. В правой руке у него что-то блеснуло: кинжал Джейса. Острие нависло над самым

сердцем.

– Мы вернулись к тому, с чего начали пять минут назад. Свой шанс ты упустил, Вэйланд. Скажешь что-нибудь на прощание?

Джейс посмотрел на врага. Во рту кровь, глаза щиплет от пота, а в душе только усталость и пустота. Неужели так и предстоит умереть?

– Вэйланд? – произнес Джейс. – Сам знаешь, меня не так зовут.

– На имя Вэйланд у тебя прав не больше, чем на имя Моргенштерн, – прошипел Себастьян, нависая над Джейсом и коля его кончиком кинжала в грудь. Металл неглубоко вошел в плоть, и от этого места по телу прошла легкая волна боли. – Ты что, поверил, будто Валентин – твой отец? Будто плакса, задохлик вроде тебя достоин быть продолжателем рода Моргенштернов? Быть моим братом? – Он откинул со лба слипшиеся от пота и речной воды белые волосы. – Ты подменяш. Отец вырезал тебя из трупа матери, чтобы завершить опыт, а после хотел вырастить как родного сына. Ничего не вышло, ведь ты слаб, не годишься в воины. Ты ничто, пустое место. Вот отец и сбаврил тебя Лайтвудам, решив использовать позже в качестве ловушки или предмета торга. Он не любил тебя... никогда.

Джейс сморгнул пот с глаз:

– Значит, ты...

– Сын Валентина, Джонатан Кристофер Моргенштерн. А ты – призрак, недостойный нашего имени. Притворщик.

Черные глаза Себастьяна блестели, похожие на панцирь насекомого. В голове у Джейса зазвучал голос матери – не родной, как оказалось: «Джонатан не ребенок и вообще не человек. Монстр».

– Так это ты! – задыхаясь, проговорил Джейс. – В тебя влили кровь демона. Не в меня.

– Именно. – Себастьян опустил кинжал еще на миллиметр. При этом он продолжал скалиться, словно череп. – Ты наш ангелочек. Отец только и говорил о тебе: мол, ты такой милый личиком, манерный, утонченный, чувственный... даже на смерть птички без слез смотреть не можешь. Неудивительно, что Валентин стыдился тебя!

– Нет, – ответил Джейс, забыв о крови во рту, забыв про боль. – Стыдился и стыдится он не меня. Знаешь, почему Валентин не взял тебя с собой к озеру и оставил здесь? Думаешь, он не догадывался, что ты не утратишь и откроешь ворота демонам еще до полуночи? Нет, ему стыдно показываться перед ангелом. Стыдно за творение рук своих. За тебя. – Джейс посмотрел в глаза Себастьяну, чувствуя жалость победителя. – Отец знает: в тебе нет ни капли от человека. Может, он и любит тебя, но он тебя же и ненавидит...

– Заткнись! – Себастьян надавил на рукоять кинжала, одновременно поворачивая ее.

Джейс выгнулся дугой; от боли в глазах сверкнула молния. Вот она, смерть! Пришла. Сталь, похоже, пронзила сердце: ни вздохнуть, ни шевельнуться. Та к чувствует себя бабочка, пригвожденная к листу картона. Джейс хотел позвать кого-то по имени, однако с уст не сорвалось ни звука, лишь кровь.

Зато Себастьян прочел по глазам.

– Ах да, Клэри! Я и забыл уже. Твоя любовь... Стыд за порыв к кровосмешению, наверное, тебя чуть не убил. Жаль, ты так и не узнал, что она тебе не сестра вовсе. Ты мог провести с возлюбленной остаток жизни, не прояви столь безотчетную глупость. – Себастьян наклонился еще ниже, вжимая кинжал в грудь Джейсу; лезвие заскребло о кость. – Она тебя тоже любит, – прошептал он в ухо Джейсу. – Помни об этом, пока умираешь.

Перед глазами разлилась тьма, словно чернила из опрокинутой на фотографию баночки. Боль вдруг пропала, Себастьян стал легче и больше не давил на грудь. Джейса как будто приподняло над землей, и лицо Себастьяна – бледное на черном – поплыло прочь. На запястье у

Себастьяна светилось нечто золотистое, вроде браслета, только живое. Себастьян, пораженно глянув себе на руку, выронил кинжал, и тот с плеском ушел под воду.

И вдруг отпала сама кисть. Джейс удивленно посмотрел, как отвалившаяся часть тела упала, спружинив, на траву у ног в черных сапогах. Голени и бедра, точеные и гибкие, переходили в стройный торс. Голову и знакомое лицо обрамлял водопад черных волос. Изабель, сжимая в руке окровавленный хлыст, смотрела на Себастьяна, который пялился, раскрыв рот, на обрубок правой руки.

– Это тебе за Макса, сволочь, – мрачно проговорила девушка.

– Падла, – прошипел Себастьян... и отпрыгнул, когда хлыст с невероятной скоростью полетел ему навстречу. Себастьян нырнул в сторону и скрылся в роще деревьев. Джейс не стал поворачивать голову и смотреть. Слишком было больно.

– Джейс! – Изабель упала рядом на колени, доставая стило. Ее глаза блестели от слез. Дела и правда фиговы, раз она плачет.

– Изабель, – попытался произнести Джейс. Хотел отпустить ее, велеть бежать отсюда; сколь ни была Изабель отважной и сильной – а таковой она и правду была, – Себастьяну она не ровня. Он не позволит такой мелочи, как отнятая кисть руки, остановить себя.

– Не разговаривай. – Изабель приставила к его груди стило. – Сейчас мы тебя подлечим. – Девушка робко улыбнулась. – Ты, наверное, удивляешься, какого черта я тут делаю? Уж не знаю, что именно известно тебе и чего наговорил Себастьян, но Валентин тебе не отец.

Изабель заканчивала исцеляющую руну; боль почти прошла. Джейс еле-еле кивнул и попытался ответить:

– Знаю.

– Я сначала и не думала бросаться в погоню: в записке ты просил не следовать за тобой, но не могла же я позволить тебе умереть в заблуждении, будто в твоих жилах течет кровь демона. Глупости такие... – Рука Изабель дрогнула, и девушка замерла, не желая испортить руну. – И еще: Клэри тебе не сестра, – уже мягче добавила Изабель. – Потому что... ну, не сестра, и точка. В общем, нашла я Магнуса, и он помог тебя выследить. При помощи деревянного солдатика. Я сомневалась, что Магнус выполнит просьбу как следует, однако он пребывал в добром настроении... К тому же его попросил Алек... то есть Алек не просил, хотя Магнус этого еще не знает. Короче, выяснили мы, где ты, и Магнус навел портал. Дальше я подкралась к вам с Себастьяном, у меня хорошо получается...

Изабель закричала.

Джейс потянулся к ней – тщетно. Ее отшвырнуло слишком далеко в сторону; хлыст выпал из руки. Пока Изабель поднималась на четвереньки, к ней спереди подошел Себастьян: глаза горят яростью, обрубок руки забинтован. Девушка кинулась было за оружием, однако Себастьян оказался быстрее – пнул ее с разворота по ребрам. Казалось, даже кости хрустнули; Изабель неуклюже повалилась на бок. Она – впервые! – закричала от боли, когда Себастьян пнул ее по ребрам второй раз. Затем подобрал хлыст из электрума.

Джейс перекатился на бок. Незаконченная руна иратце помогла – боль приутихла, но не пропала совсем. Джейс харкал кровью, значит, легкое пробито. Сколько еще времени осталось? Пара минут, не больше. Джейс поискал под водой кинжал. Нашел и поднялся на ноги. От запаха крови повсюду вспомнилось видение Магнуса – о том, как кровью заливает весь мир. Рука еще крепче сжала рукоять.

Шаг. Второй. Ноги двигались, словно утопленные в цементном растворе. Себастьян охаживал Изабель по спине ее же хлыстом, и девушка осыпала его проклятиями. Крики тянули Джейса вперед, словно леска с крючком – пойманную рыбу. Правда, звучали они все тише и слабее, и мир перед глазами кружился каруселью.

Давай еще шаг, другой... Себастьян стоял, отвернувшись от Джейса, решив, наверное, что противник мертв. Не так уж он и неправ... Еще шаг. Еще... не получается. Не выходит заставить себя шагнуть дальше. Зрение постепенно застила тьма, тьма темнее приходящей во сне. Тьма, которая отнимет все и погрузит в покой, длящийся вечно.

Покой. Джейс внезапно подумал о Клэри... спящая Клэри. Ничего умиротвореннее он и представить не мог, хотя Клэри всего лишь спала, как спят обычные люди. Однако не ее покой удивил Джейса, а собственный. Покой, испытанный от близости Клэри, не походил ни на что, пережитое ранее.

Спину вдруг пронзила боль, и Джейс понял, что тело само сделало последний, решающий, рывок. Себастьян замахнулся хлыстом над Изабель – та лежала, скорчившись, не крича и даже не шевелясь.

– Ты, мелкая сучка из рода Лайтвудов, – говорил Себастьян. – Надо было разmozжить тебе голову молотком, пока имелся шанс...

Джейс вонзил ему кинжал в спину.

Покачнувшись, Себастьян выронил хлыст, развернулся, и Джейс на мгновение опешил: что, если Себастьян и правда демон, бессмертная тварь?! Его лицо утратило выражение ярости, огонь в глазах погас. Себастьян больше не походил на Валентина. Он был... напуган.

Себастьян раскрыл рот, собираясь, что-то сказать, но колени подогнулись, и он упал. Покатился по склону, съехал в воду на спине, взгляд его остановился. Вниз по течению устремились черные ручейки крови.

Себастьян говорил: «У человека на спине есть особое место, и если вонзить в него клинок, то можно поразить и сердце, и позвоночник одновременно», – и Джейс подумал: «На девятый день рождения, брат, подарок мы получили одинаковый».

– Джейс! – позвала Изабель. Он пыталась подняться; лицо ее заливала кровь. – Джейс!

Джейс хотел повернуться к ней, сказать что-то, но упал на колени. На плечи давил тяжкий груз, и земля звала: падай, падай, падай. Джейс больше не слышал, как Изабель зовет его по имени. Тьма уносила его прочь.

* * *

В том, что касается битв, Саймон считал себя ветераном... если за битвы принять игру в «Подземелья и драконы». Эрик, друг Саймона, повернутый на военной истории, обычно занимался стратегией: выстраивал миниатюрные фигурки вдоль прямых линий игровой карты.

В принципе, Саймон так себе битвы и представлял. Или какими их показывают в кино: две армии наступают друг на друга, рядами перемещаясь по плоскому полю. Все строго и по порядку.

На деле же оказалось иначе.

Саймона встретил хаос: крики, мельтешение; вместо ровной земли – грязь и кровь, перетоптанные в зыбкую массу. Парень думал, вампиры выйдут на бранное поле, и противник их встретит лицом к лицу; думал, увидит место битвы еще издали, когда противоборствующие стороны сойдутся. Напрасно: никто их лицом к лицу не встречал, да и сторон не было видно. Сражение само настигло вампиров: будто идешь-идешь по пустой улице и вдруг выныриваешь прямо в центр погрома на Таймс-сквер. Саймона окружила толпа, со всех сторон его пихали, отталкивая с пути; вампиры, не оборачиваясь, кинулись в самую мясорубку.

И всюду демоны: визжат, воют, гикают... Саймон и не думал, что такие звуки существуют в природе. Но хуже было слышать, как разрывают на части тела, как вопят чудовища, утоляя жажду

крови. Барабанные перепонки, казалось, вот-вот лопнут. Отключить бы вампирский слух, да никак.

Наткнувшись на тело, наполовину утонувшее в грязи, Саймон нагнулся проверить – может, нужна помощь? Его чуть не вырвало, когда он увидел: у нефилима нет головы, и на черном фоне блестит белая кость.

«Я, наверное, единственный вампир, которого мутит при виде крови», – успел подумать Саймон, когда в спину ему ударилось нечто тяжелое, и он покатился в ближайший овраг.

Перевернувшись, Саймон увидел над собой Смерть. То есть оживший скелет с косой, похожий на средневековые изображения Смерти. Саймон едва успел откатиться в сторону – и буквально в дюйме от его лица в землю вонзилось окровавленное лезвие. Скелет досадливо засопел через пустые ноздри и выдернул оружие. Замахнулся... и тут его в бок ударила узловатая дубина. Демон взорвался, будто наполненная костями пиньята, застучал, как кастаньеты, и исчез.

Над Саймоном стоял незнакомый Охотник: высоченный бородач, забрызганный кровью. Глядя на Саймона, он провел по лбу рукой, и на лице осталась темная полоса.

– Живой?

С трудом придя в себя, Саймон кивнул и попытался встать:

– Да, спасибо.

Незнакомец протянул руку, и Саймон, ухватившись за нее, буквально вылетел из оврага. Приземлился на скользкий край и оглянулся. Нефилим, скромно улыбнувшись, сказал:

– Извини. Я в паре с оборотнем – еще не привык к его силушке. – Приглядевшись к Саймону, он спросил: – Ты вампир, да?

– Как вы узнали?

Нефилим осклабился. В его улыбке не было ни капли усталости, но и враждебности не читалось.

– Клыки. Во время драки они обнажаются. Знаю, потому что... – Нефилим не договорил, однако Саймон и так понял: знаю, потому что мочил твоего брата. – Ну ладно, спасибо вам. Спасибо за помощь.

– Да я... – Саймон хотел было сказать: дескать, еще и не сражался-то толком, не внес свою лепту, – но тут на Охотника спикировала невероятных размеров крылатая тварь и вонзила ему в спину когти. Воин даже не вскрикнул, только глянул вверх посмотреть, что же схватило его, и взлетел, увлекаемый чудовищной силой. Исчез в мешанине зубов и крыльев.

К ногам Саймона упала дубина.

Парень не смел пошевелиться. С момента падения в овраг прошло не больше минуты. Юный вампир неловко огляделся. Темноту вспарывали металл и когти, тут и там метались короткие молнии, похожие на светлячков, – клинки серафимов...

Ни Лайтвудов, ни Пенхоллоу, вообще никого из знакомых поблизости не было видно. Саймон не Сумеречный охотник, и все же тот нефилим благодарил его, благодарил за помощь. Получается, Саймон не солгал Клэри: это и его битва тоже. Саймон здесь нужен. Только не тот паренек, изнеженный ботаник, боящийся вида крови, а Саймон-вампир. Существо, которое нужно в себе пробудить.

Настоящие вампиры знают, что они мертвы. Саймон же мертвым себя не считал. Напротив, еще никогда он не чувствовал жизнь так остро, так ярко... Позади в овраг спрыгнул еще один демон, и Саймон развернулся. Ящероподобный монстр с крысиными зубами протянул к нему черные когти.

Саймон прыгнул на него, вонзая пальцы под пластинки чешуи. Впился клыками в шею чудовищу, и знак на лбу запульсировал.

На вкус кровь демона была отвратительна.

* * *

Стекло перестало сыпаться, и Клэри посмотрела вверх. В потолке зияла дыра в несколько футов диаметром, как будто пробитая метеором. Дул холодный ветер. Дрожа, Клэри поднялась на ноги, стряхнула стеклянную крошку.

Освещавший Зал ведьмин огонь постепенно гас, скрытый пылью и тенями. С площади доносилось слабое сияние почти закрывшегося портала.

Похоже, в Зале оставаться небезопасно. Лучше пойти в дом Пенхоллоу. Клэри двинулась к выходу, как вдруг услышала шаги. С замирающим сердцем она обернулась и увидела, как к подиуму идет Малахи – тонкая скрюченная фигура, в гаснущем свете похожая на паука. Что он здесь делает? Разве ему не положено биться вместе со всеми?

Малахи приблизился к подиуму, и Клэри прикрыла рот ладонью, чтобы подавить невольный вскрик удивления. На плече у Консула восседала черная сгорбленная тень. Птица. Ворон, если точнее. Хьюго.

Клэри нырнула за ближайшую колонну. Было видно, что Малахи таится. Оглядевшись и никого не заметив, он, видно, удовлетворился этим и достал из кармана нечто блестящее, надел его на палец. Перстень? Консул провернул кольцо, и Клэри сразу вспомнила, как в библиотеке Ходж забрал кольцо у Джейса...

Воздух перед Малахи задрожал, словно марево, из которого прозвучал знакомый голос, спокойный, сдержанный, немного раздраженный.

– В чем дело, Малахи? Мне сейчас не до разговоров.

– Милорд Валентин. – Злобность в голосе Консула пропала, уступив место раболепию и низкопоклонству. – Только что прилетел Хьюджин и принес весть. Полагаю, вы уже достигли Зеркала, и потому он обратился ко мне. Вам, наверное, захочется узнать...

– Ладно, – резким тоном согласился Валентин. – Что за новость?

– Ваш сын, милорд... второй сын. Хьюджин пролетел за ним до самой долины с пещерой и говорит, что он вполне мог проследовать за вами по тоннелям к озеру.

Клэри вцепилась в колонну. Говорят о Джейсе!

Валентин фыркнул:

– Он встретил своего брата?

– Хьюджин оставил их, когда они бились.

Желудок подвело от страха. Клэри вспомнила, как Себастьян отшвырнул Джейса в сторону, будто тот ничего не весил. От дурноты в ушах зазвенело, и ответ Валентина Клэри прослушала.

– ...мне интересны лишь те, кто достаточно зрел, чтобы принять знак, и достаточно молод, чтобы сражаться, – говорил Малахи. – Они не голосовали в Совете. По-моему, несправедливо карать их так же, как следует карать остальных сражающихся.

– О молодых я позаботился, – пророкотал Валентин. – Подростка легче пометить; отреченным он становится не сразу, а за несколько дней. Да и процесс можно обратить вспять.

– Те из нас, кто испил из Чаши, навечно получают защиту?

– Сейчас я занят, Малахи. Успокойся, ты в безопасности. Я поставил на кон собственную жизнь, так что, будь добр, доверься мне.

Малахи склонил голову:

– Доверяюсь всецело, милорд. Верность вам я хранил все эти годы, служа, как мог.

– Терпение твое будет вознаграждено.

Малахи поднял взгляд на господина:

– Милорд...

Марево в воздухе растаяло. Малахи пошел прочь со сцены, и, когда он спускался по ступеням, Клэри сжалась за колонной. Сердце бешено колотилось. О чем Консул говорил с Валентином? При чем здесь отреченные? В отдаленном уголке разума родилась догадка, но догадка столь чудовищная... Даже Валентин не пошел бы на такое! Внезапно перед глазами промелькнул сгусток тьмы, и Клэри едва успела прикрыть лицо руками – в предплечья вонзились острые когти. Послышалось неистовое карканье, по голове замолотили крылья.

– Хьюджин! Довольно! – раздался резкий окрик Малахи. – Хьюджин!

Послышался звук тупого удара, и ворон, каркнув напоследок, умолк. Опустив руки, Клэри увидела, что Хьюго лежит у ног Малахи, оглушенный или же мертвый. Проворчав что-то, Консул бесцеремонно отпихнул птицу прочь и шагнул навстречу Клэри. Схватив девушку за расцарапанное запястье, он рывком поднял ее на ноги:

– Глупая девчонка. Давно ты подслушиваешь?

– Успела понять, что ты из Круга, – выплюнула Клэри, пытаясь высвободить запястье из хватки Консула. – Ты на стороне Валентина.

– Другой стороны попросту нет, – прошипел Малахи. – Конклав полон идиотов, заблудших умов, потворствующих нелюдям и монстрам. Я только хочу очистить его и вернуть былую славу. Казалось бы, всякий Сумеречный охотник согласится с такой задачей, но нет. Все слушают демонопоклонников вроде тебя и Люциана Грэймарка. Ты отправила цвет нефилимов погибать ни за что, в бессмысленной резне. Валентин уже начал ритуал. Ангел восстанет и обратит Охотников в отреченных. Всех, кроме немногих, вставших под защиту Валентина...

– Это убийство! Валентин убьет Охотников!

– Нет, – звенящим от фанатичной страсти голосом ответил Консул. – Это очищение. Валентин создает новый мир, новую расу нефилимов, свободных от слабости и порчи.

– Слабость и порча – не в мире, а в самих вас. Та к всегда будет. Для равновесия нужны хорошие люди. Вы же собираетесь их всех уничтожить.

Малахи на мгновение искренне удивился, будто пораженный силой тона Клэри.

– Славная речь для предательницы родного отца. – Малахи резко притянул ее к себе. – Пожалуй, стоит выяснить, не возражает ли Валентин, если я поучу тебя...

Клэри так и не узнала, чему собирался поучить ее Консул. Между ними, хлопая крыльями и выставив когти, возникла черная тень.

Вскрикнув, Малахи выпустил Клэри и, отбиваясь от ворона, попятился. Хьюго кружил у него над головой, царапая и клюя. Малахи споткнулся о лавку, и та опрокинулась. Малахи – вместе с ней, издав короткий сдавленный крик.

Упав, Консул уже не поднялся. Клэри поспешила к нему. Вокруг головы Малахи натекла лужа крови: Консул «удачно» приземлился шеей прямо на острый осколок хрустального потолка. Хьюго, победно каркая, кружил над трупом. Не по вкусу пришлись ворону удары и пинки. Что ж, надо было хорошенько думать, прежде чем нападать на Валентинова питомца. Своих обидчиков Хьюго прощает не скорей, чем хозяин.

Впрочем, не до Малахи сейчас. Алек говорил, что вокруг озера выставили барьер и если кто-то телепортируется к нему, то срабатывает тревога. Валентин, скорее всего, уже достиг Зеркала, и медлить нельзя. Медленно, осторожно отвернувшись от ворона, Клэри поспешила к дверям, к мерцающему за ними portalу.

В лицо ударила вода, и Клэри, задыхаясь, начала погружаться в холодную тьму. Неужели портал ослаб и попросту не добросил ее до пункта назначения. Вращайся теперь в безвоздушном черном вихре, как и предупреждал Джейс при первом скачке сквозь портал...

Или Клэри уже погибла?

Сознание девушка потеряла всего на пару мгновений. Придя в себя, она словно ударилась о лед, проломив его. Вот она во тьме бессознательности... а вот очнулась, лежа на мокрой земле и глядя в небо. Звезды напоминали пригоршню серебряной пыли, рассыпанную по черной поверхности. Ощувив солоноватый привкус во рту, Клэри перевернулась на бок, и ее стошнило. Рвало водой до тех пор, пока дыхание не восстановилось.

Прокашлявшись, Клэри заметила, что руки у нее связаны полоской света, а в ноги будто впиваются тысячи крохотных игл. Отлежала? Или действует побочный эффект утопления? В затылке жгло, как будто оса ужалила. Клэри не без труда поднялась в положение сидя, нелепо выпростав перед собой ноги, и огляделась.

Она сидела у озера Лин, где вода граничила с рыхлым песком; позади высилась стена гор, которую Клэри запомнила еще с того дня, как телепортировалась сюда с Люком. В темном песке серебристо поблескивали вкрапления слюды. Тут и там светили вертикальные факелы из ведьминога огня, отчего рябь на воде походила на сияющие белые полосы.

В нескольких футах от нее высился стол, наспех сложенный из камней. И хотя пространство между камнями заполнял ил, по углам кладка начинала разваливаться. Однако взгляд Клэри приковало то, что размещалось на крышке. У девушки перехватило дыхание... Чаша смерти и поверх нее – Меч, отливающий темным пламенем. Вокруг стола в песке были начерчены руны. Клэри пригляделась к ним, но значения не разобрала.

В этот момент по песку скользнула тень, чей-то силуэт, размытый светом факелов. Неизвестный быстрым шагом приближался к Клэри. Она едва успела обернуться, а человек уже стоял рядом.

Валентин.

Потрясенной Клэри казалось, будто она перестала что-либо чувствовать. Она безмолвно взидала на отца, его лицо – бледное, суровое, с бездонными глазами. Торс Валентина перехватывало несколько ремней с таким количеством оружия, что он сделался похожим на ошетилившегося иглами дикобраза. Огромный, невероятно широкий в плечах, отец напоминал статую воина или какого-нибудь бога разрушения.

– Кларисса, ты сильно рисковала, телепортируясь сюда. Повезло, что я заметил, как ты упала в воду. Без сознания. Скажи спасибо, что спас тебя. – В уголке губ Валентина слегка напрягся мускул. – И не стоит полагаться на охранный барьер. Я отключил его, как только прибыл сюда. Никто не знает, что ты здесь.

«Врешь!» – хотела крикнуть ему в лицо Клэри, но ни звука не прозвучало. Клэри как будто очутилась во сне, когда кричишь, кричишь – и все впустую. Когда изо рта вырывается лишь слабый сгусток воздуха, как если бы тебе вспороли горло.

Валентин покачал головой:

– Говорить не пытайся. На затылке у тебя руна тишины, какой пользовались монахи Братства молчания. На запястьях – сковывающая руна, на ногах – обессиливающая. Не вставай, ноги все равно не удержат. К тому же будет больно.

Клэри посмотрела на отца, буравя его взглядом, испепеляя ненавистью. Отец, казалось,

этого не заметил.

– Могло быть значительно хуже, знаешь ли. Когда я вытащил тебя на берег, озерная вода уже начала действовать. Однако я тебя вылечил. Можешь не благодарить. – Валентин коротко усмехнулся. – Если так подумать, то мы с тобой ни разу не поговорили как отец с дочерью. Ты, должно быть, гадаешь: почему я не проявляю к тебе отцовского интереса? Прости, если моя холодность ранит.

Ненависть во взгляде Клэри сменилась удивлением. Как прикажете говорить, когда руна тишины не дает! Клэри попыталась возмутиться вслух, но опять беззвучно.

Валентин отвернулся к алтарю и положил руку на Меч смерти. Клинок тускло светился, будто собирал в себе капли света из воздуха.

– Я не знал, когда твоя мать забеременела во второй раз, – признался Валентин. Его голос звучал спокойно. Хотя отец и говорил, как ни в чем не бывало, Клэри поняла: все не так просто. – Впрочем, я заподозрил неладное. Джослин не умела скрывать печаль, и я дал ей порошок из крови Итуриэля. Знал бы о втором ребенке – не давал бы, поскольку зарекся экспериментировать на собственных детях.

«Лжешь!» – хотела закричать Клэри. Впрочем, лжет ли отец? Голос его по-прежнему звучал странно, в непривычной тональности. Может, как раз потому что он говорит правду?

– Когда Джослин бежала из Идриса, я кинулся на ее поиски. И не только потому, что она унесла Чашу смерти. Из любви! Думал, получится вразумить жену, объясниться. Той ночью в Аликанте меня обуяла ярость, и я хотел уничтожить Джослин, уничтожить все, связанное с семьей... – Покачав головой, Валентин посмотрел на озеро. – Отыскав наконец Джослин, я узнал, что у нее родился второй ребенок, дочь, и решил, что ты – от Люциана. Он любил Джослин, хотел отнять ее у меня. Было похоже, что Джослин наконец сдалась, согласившись зачать от вонючей нежити. – Голос Валентина звенел. – Нагрянув в ваше жилище в Манхэттене, я застал Джослин в сознании. Она выплюнула мне в лицо: дескать, я превратил ее первенца в чудовище, и она скрылась, не желая той же участи для второго ребенка. Затем, у меня на руках, провалилась в забытие. После стольких лет поисков я наконец обрел супругу... А в ответ получил краткие мгновения, отравленные ненавистью, которой хватило бы на целую жизнь. В тот момент меня озарило.

Валентин поднял Мэллертах. Клэри вспомнила, как тяжел полуобращенный Меч, заметила, как напряглись мышцы Валентина, зазмеились под кожей узловатыми веревками.

– Я понял, ради чего Джослин сбежала. Она хотела тебя защитить. Джонатан был ей ненавистен, но ты... ради тебя Джослин согласилась жить среди примитивных, а существование в обычном мире – горькая доля. Наверное, тяжело растить ребенка, не соблюдая наших традиций. Ты лишь наполовину та, кем могла бы вырасти. Твой талант создавать новые руны задавлен примитивным воспитанием.

Валентин опустил меч, и острие оказалось у самого лица Клэри. Краешком глаза она видела, как поблескивает сталь.

– Из-за тебя Джослин не вернулась ко мне, потому что тебя, как никого другого, она любит больше меня.

Из-за тебя же она меня ненавидит, и потому я ненавижу тебя.

Клэри отвернулась. Если Валентин сейчас убьет ее, то видеть свою смерть ей не хотелось.

– Кларисса, взгляни на меня.

Нет. Клэри смотрела на озеро. Вдали мерцало красное зарево, какое исходит от тлеющих углей. Именно там идет битва, там сражаются мама и Люк. Может, правильно, что они сейчас вместе, хоть Клэри с ними и нет?

Лучше смотреть на это зарево. Пусть оно станет последним, что Клэри увидит в жизни...

– Кларисса, – позвал Валентин. – Ты просто копия матери. Вылитая Джослин.

Щеку пронзила боль. Отец прижал лезвие меча к лицу Клэри, пытаясь заставить ее обернуться.

– Сейчас я вызову ангела, – сказал он. – Ты должна его видеть.

Во рту ощущался привкус горечи. Вот откуда такая одержимость образом Джослин – она единственная осмелилась отвернуться от хозяина и не служить ему. Валентин думал, будто подчинил ее себе, – и ошибся. Теперь он хочет, чтобы Джослин увидела его триумф, но обходится присутствием дочери.

Лезвие глубже впилося в кожу.

– Взгляни на меня, Клэри, – повторил Валентин.

Клэри против воли обернулась. Терпеть издевательство сил уже не было. Голова судорожно дернулась; на песок упали густые капли крови. Подняв взгляд на отца, Клэри почувствовала тошнотворную боль.

Валентин смотрел на окровавленный клинок Мэллертах. Когда он снова взглянул на Клэри, в глазах его загорелся странный блеск.

– Для завершения ритуала нужна кровь. Сначала я хотел употребить собственную, но потом увидел тебя в озере и понял: так Разиэль предлагает использовать твою кровь. Потому я и очистил твой организм от озерного яда. Ты чиста, Кларисса. Спасибо за твою кровь.

В каком-то смысле он и правда благодарил дочь. Валентин давно утратил способность различать приказ и просьбу, добрую волю и страх, любовь и истязание. Тогда... тогда какой смысл ненавидеть монстра в Валентине, если сам Валентин его не видит в себе?

– И сейчас, – продолжил он, – мне понадобится еще чуть-чуть.

«Чуть-чуть чего?» – опомнилась Клэри, и в этот момент отец занес меч. В клинке полыхнул отраженный свет звезд. Ну конечно, не кровь хочет забрать Валентин, а ее жизнь. Мэллертах напился кровью, обрел вкус к ней, как, наверное, и сам Валентин. Вот клинок пошел вниз и... выбитый из руки Валентина, полетел прочь в темноту. Округлившимися глазами Валентин посмотрел сначала на свои окровавленные пальцы, затем – одновременно с дочерью – на того, кто осмелился прервать ритуал.

Всего в футах от Валентина стоял Джейс. В левой руке у него поблескивал знакомый меч. По взгляду отца Клэри догадалась: шагов Джейса он не слышал, как не слышала и она.

Сердце чуть не остановилось. Лицо у Джейса было в корке запекшейся крови, на шее красовалась буровато-синяя отметина. Глаза, будто два зеркала, отражали свет ведьминог огня и казались черными, совсем как у Себастьяна.

– Клэри, – не сводя взгляда с Валентина, позвал Джейс, – ты цела?

Клэри хотела выкрикнуть: «Джейс!», но не могла выдать ни звука. Клэри словно бы задышалась.

– Она тебе не ответит, – сказал Валентин. – Я лишил ее дара речи.

Глаза Джейса вспыхнули.

– Как?

Он ткнул мечом в сторону приемного отца, и тот слегка отпрянул. Не испугался, лишь осторожничал. Валентин напряженно что-то просчитывал, и Клэри это не понравилось. Ей бы радоваться, однако вместо радости она переживала еще больший страх, панику, чем секунду назад. Отец собрался принести ее в жертву, Клэри с этим смирилась, и тут появляется Джейс... Теперь Клэри боялась не за себя одну.

Джейс выглядел таким... разбитым. Куртка разодрана, оголилась исполованная крест-накрест шрамами рука. Рубашка на груди распорота, и на груди затухает руна иратце, которой не под силу оказалось бесследно стереть страшный рубец под сердцем. Одежда в грязи, как будто

Джейс катался по земле. Однако страшнее всего – выражение на лице. Абсолютно пустое.

– Руной тишины, она безвредна. – Валентин не сводил взгляда с Джейса. – Вряд ли ты собираешься примкнуть ко мне. Получить благословение ангела.

Выражение на лице Джейса не изменилось. Глаза его по-прежнему следили за приемным отцом, но в них не было ни следа привязанности, любви или памяти. Не было в них даже ненависти. Только... презрение. Холодное презрение.

– Я знаю, что ты задумал, для чего хочешь призвать Разиэля, и не позволю тебе осуществить планы. Изабель отправилась предупредить нашу армию...

– Предупреждениями никого не спасешь. Я приготовил вам нечто, от чего не сбежишь. – Взгляд Валентина скользнул по мечу в руке у Джейса. – Отложи-ка это... – начал говорить он и сразу умолк. – Меч не твой. Он принадлежит Моргенштернам.

Джейс улыбнулся мрачной и одновременно милой улыбкой:

– Я забрал его у Джонатана. Твой сын убит.

Потрясенный, Валентин замер:

– То есть...

– Меч я подобрал с земли, где Джонатан обронил его... когда пал от моей руки.

Валентин не поверил сказанному:

– Ты убил Джонатана? Как ты посмел?!

– Иначе он убил бы меня. Выбора не осталось.

– Не может быть, – замотал головой Валентин, словно боксер, пропустивший сокрушительный удар. – Я сам растил Джонатана, сам обучал. В мире нет бойца лучше...

– Выходит, что есть.

– Но... – надтреснутым голосом произнес Валентин, и Клэри впервые услышала, как ломается гладкая речь отца. – Он же был твоим братом.

– Нет, не был. – Джейс поднес клинок на дюйм ближе к горлу Валентина. – Что стало с моим родным отцом? Изабель сказала: он погиб во время рейда. Так ли это? Может, ты убил его, как убил мою мать?

Валентин, все еще ошеломленный, пытался вернуть себе самообладание, боролся с отчаянием. Или... просто не хотел умирать?

– Твою мать я не губил, она покончила с собой. Я лишь вырезал тебя из ее мертвой утробы. Не поступи я так, ты умер бы.

– Зачем? У тебя рос собственный сын! – В лунном свете Джейс казался смертельно опасным незнакомцем. Убийцей, которого Клэри прежде не знала и который твердой рукой прижимал острие меча к горлу Валентина. – Отвечай и говори правду. Хватит лжи о единой плоти и крови. Родители лгут детям, но ты... ты мне не родитель. Я желаю знать истину.

– Не сын был мне нужен. Солдат, воин. Я думал, что им станет Джонатан, однако в нем осталось слишком много от демона. Он рос жестоким, неуправляемым, непредсказуемым. Ему с самого детства не доставало терпения и участия, чтобы следовать за мной и вести Конклав по намеченному пути. Тогда я повторил эксперимент на тебе. И снова неудача. Ты родился слишком нежным, не в меру сострадательным. Чувствовал боль других как свою собственную. Ревел, когда умирали твои питомцы. Пойми, сын мой... я любил тебя за эти качества, и они же сделали тебя ненужным.

– Значит, я бесполезный неженка? – произнес Джейс. – Ты сильно удивишься, когда твой нежный и бесполезный сын перережет тебе глотку.

– Мы через это уже проходили, – твердым голосом напомнил Валентин, на висках и шее у него блестели капли пота. – Ты не осмелишься. Не захотел убийства тогда, у Ренвика, – не захочешь и сейчас.

– Ошибаешься, – размеренным тоном возразил Джейс. – Я каждый день жалею, что не убил тебя тогда. Макс, мой братишка, погиб, и сегодня погибнут сотни, если не тысячи. Я знаю твой план: ты жаждешь погубить всех нефилимов Идриса, – и потому спрашиваю себя: сколько еще людей должно умереть, прежде чем я исполню свою долг? Да, убивать тебя я не хочу, но придется.

– Опомнись. Прощу тебя. Я не хочу...

– ...Умирать? Никто не хочет, отец. – Джейс, словно ангел возмездия, хладнокровно нацелил острие меча в сердце Валентину. – Есть что сказать напоследок?

– Джонатан...

Рубашка под острием окрасилась кровью. В приюте у Рэнвика рука Джейса дрожала, и Валентин подначивал приемного сына: мол, давай вонзи клинок глубже, на три, может, четыре дюйма... Сейчас все было иначе. Рука Джейса сохраняла твердость, и Валентин боялся.

– Последние слова, – прошипел Джейс. – Ну?

Валентин поднял голову и мрачно посмотрел на приемного сына.

– Прости, – сказал он. – Прости...

Он вытянул руку, словно желая прикоснуться к Джейсу, и раскрыл ладонь. Серебристая капля брызнула с нее, точно пуля из пистолета. Слабый ветерок коснулся щеки Клэри, а в руку Валентину влился длинный язык серебряного пламени. Отец взмахнул им – взмахнул Мечом смерти. Клинок оставил в воздухе след темного огня и глубоко вошел в грудь Джейсу.

Округлившимися глазами Джейс посмотрел на Мэллертах. Сцена вышла не столько страшной, сколько нелепой: Меч торчал из груди, словно элемент нелогичного, бессмысленного кошмара.

Валентин вытащил Мэллертах из груди приемного сына, словно кинжал – из ножен, и Джейс упал на колени. Выронил меч и удивленно посмотрел себе на руку, будто не понимая, чего ради вообще держал оружие или почему его выпустил. Он открыл рот, но вместо слов изо рта полилась на грудь кровь.

Время потянулось очень медленно. Валентин присел рядом с Джейсом, уложил его себе на колени, как младенца. Качая и баюкая приемного сына, прижался лицом к его плечу, словно бы плача. Однако когда Валентин поднял голову, слез Клэри не увидела.

– Сынок, – прошептал он. – Мальчик мой.

Клэри задыхалась, пока Валентин держал на руках Джейса, гладил его по голове, убирал со лба пропитанные кровью волосы. Держал, пока свет в глазах Джейса не погас навечно. Затем Валентин бережно опустил сына на песок, скрестив у него руки на груди, как будто пытался скрыть кровоточащую рану.

– Ave... – начал Валентин, собираясь произнести над телом Джейса прощальную речь, но голос его надломился. Развернувшись, Валентин пошел прочь, к алтарю.

Клэри не могла пошевелиться, едва дыша. Краем глаза Клэри видела, как отец поднес Меч к Чаше смерти, позволяя крови Джейса стечь в нее. При этом он напевал неизвестное заклинание. Да Клэри и не стремилась разобрать слов. Скоро все будет кончено, и ее волновало только, хватит ли сил подползти к Джейсу, лечь рядом и дожидаться конца. Джейс лежал неподвижно на окровавленном песке – только рана на груди мешала принять его за спящего.

Джейс, Сумеречный охотник, погиб в бою, как и положено нефилиму, и заслужил прощальное благословение. «Ave atque vale», – начала говорить Клэри одними губами и на полпути замерла. Что дальше? «Здравствуй и прощай, Джейс Вэйланд»? Каким именем его величать? Джейс ведь так и не получил настоящего имени. Только то, которое принадлежало погибшему ребенку и потому устроило Валентина. Сколько силы в том имени...

Руны вокруг алтаря разгорались, и среди них Клэри угадала знаки призыва, именованья и

оков – такие же окружали Итуриэля в погребке поместья Вэйландов. Невольно Клэри вспомнила, как тогда загорелись огнем веры глаза Джейса – веры в нее, которую Джейс старался показать. Каждым действием, жестом он говорил Клэри: «Ты сильная, справишься». Верил в Клэри и Саймон. Правда, вампир обнимал ее, словно хрупкую чашу, сделанную из тончайшего хрусталя.

Валентин раз за разом окунал Меч в воду, быстрым и низким голосом читая заклинание. Поверхность Лин пошла рябью, словно невидимый гигант провел по ней ладонью.

Клэри закрыла глаза, вспоминая взгляд Джейса, когда пришла пора высвободить Итуриэля. Против воли представился взгляд, каким Джейс посмотрел бы на Клэри сейчас – на Клэри, смиренно решившую лечь и погибнуть. Его этот жест не впечатлил бы. Напротив, разгневал. Разочаровал.

Клэри животом легла на песок и, подгребая локтями, поползла к алтарю. Оковы на запястьях горели и жгли; рубашка порвалась, и песчинки царапали кожу, однако Клэри на боль внимания не обращала. Она ее просто не чувствовала. Пот стекал градом по спине, между лопаток. Наконец вот он, рунический круг!

Валентин не мог не услышать шумного пыхтения Клэри, но он даже не обернулся. В одной руке он сжимал Чашу, в другой – Меч. Валентин произнес несколько греческих слов и швырнул Чашу в озеро – Орудие смерти метеором пролетело по дуге и с тихим всплеском упало в воду.

Рунический круг излучал слабое тепло, как разгорающиеся угли. Извернувшись, Клэри потянулась за пояс – к стилу. Оковы вновь ожгли запястья, но девушке удалось обеими руками ухватить стержень. С приглушенным вздохом облегчения она приподнялась на локтях, чувствуя лицом жар от рун, разгоревшихся подобно ведьминому огню. Валентин дочитывал заклинание, занеся Меч смерти, готовый бросить его в озеро. Из последних сил Клэри вонзила стил в песок, не стирая, впрочем, руны Валентина, но рисуя поверх них собственные, перекрывая руны-имя Валентина другой. Знак вышел маленький, изменение – почти незаметным, не идущим ни в какое сравнение с могущественной руной Союза или Каиновым знаком.

Большого Клэри сделать не могла. Обессиленная, она повалилась на бок, а Валентин швырнул меч в озеро Лин.

Блеснув черно-серебристым телом, Мэллортах описал в воздухе круг и беззвучно ушел под воду, соединяясь с тьмой и серебром озера. Поверхность воды взорвалась серым фонтаном, столб которого рос и рос, напоминая гейзер расплавленного серебра, дождь, бьющий в небо. Последовал треск, словно раскололся лед, словно пополз ледник. В следующее мгновение озеро Лин расступилось.

В устремленных в небо брызгах из него поднялся ангел.

Клэри не знала, чего ожидать. Существа, похожего на Итуриэля, истощенного годами заточения и пыток? То, что поднималось из озера, пребывало во цвете сил и славы. Глаза жгло, как будто Клэри смотрела прямо на солнце.

Бессильно уронив руки, Валентин восторженно взирал на ангела как человек, доживший до осуществления заветной мечты.

– Разиэль, – выдохнул он.

Ангел продолжал подниматься, словно это вода уходила из озера, обнажая массивный столб мрамора. Сначала появилась голова, пряди волос, подобные цепям золота и серебра, затем белоснежные плечи и голый торс, покрытый рунами. У Разиэля руны жили, светясь золотом и перемещаясь по коже, словно взлетающие от костра искры. Необъяснимым образом ангел одновременно был велик размерами и при том же – не выше человека. Пытаясь охватить его взглядом, Клэри ощутила боль в глазах, и в то же время, кроме ангела, она больше и не видела ничего. Ангел расправил над озером крылья: золотые, в каждом перье – по немигающему глазу.

Зрелище получилось прекрасное и устрашающее. Клэри хотела отвернуться и не смогла.

Она досмотрит, досмотрит ради Джейса.

Все как на картинках: ангел восстал из озера Лин, в руках у него Чаша и Меч. С Орудий смерти стекает вода, однако сам Разиэль сух. Его белые босые ноги едва касаются поверхности воды, вызывая лишь крохотную рябь. Нечеловечески красивое лицо взирает на Валентина.

Ангел заговорил.

Его голос напоминал крик, вопль и звучание музыки одновременно. Разиэль не промолвил ни слова, и, тем не менее, Клэри поняла его речь. Дыхание ангела чуть не сшибло Валентина с ног – отец наклонился вперед, словно шел против сильного ветра. Клэри тоже обдало жарким, словно из горнила, и пахнущим странными специями дыханием.

«Последний раз я видел это место тысячу лет назад. Джонатан, Сумеречный охотник, призвал меня смешать кровь в Чаше с кровью смертного, дабы сотворить новый род, способный очистить Землю от демонов. Я исполнил просьбу, сказав, что более ничего не сделаю. Зачем ты призвал меня, нефилим?»

– Тысяча лет прошла, о Славный, – со страстью в голосе ответил Валентин. – Демоны по-прежнему терзают нашу землю.

«Что мне до того? Тысяча лет для ангела – как мгновение ока».

– Нефилимы, которых ты создал, отважно бились, очищая Землю от заразы демонов, и проиграли. Из-за слабости и скверны, поразившей их ряды. Я намерен вернуть былую славу...

«Славу?»

Ангел спрашивал с оттенком любопытства, как будто слово было ему в новинку.

«Слава принадлежит одному Господу».

Голос Валентина не дрогнул:

– Конклав, что был создан при первых нефилимах, мертв. Он смешал кровь с нежитью, отродьем демонов, нелюдями, поразившими эту землю, как блохи – шкуру крысы. Я же намерен очистить мир, извести всякую нежить и демонов заодно...

– Демоны душ не имеют, но твари, о которых ты ведешь речь – Дети луны, ночи, Лилит и Фей, – одушевлены. Ты взялся судить о чистоте человечества еще строже нас.

Теперь ангел говорил жестко.

– Неужели ты вознамерился бросить вызов Небесам, как тот из рода Утренних звезд, чье имя ты носишь?

– Я не бросаю Небу вызов, о нет, Разиэль, мой повелитель. С Небом я желаю объединить усилия...

– В войне, развязанной тобой? Мы – небесные создания, Охотник, и не участвуем в земных расправах.

Валентин ответил с болью в голосе:

– Разиэль, мой повелитель. Ты не допустил бы существования такой вещи, как ритуал, могущий призвать тебя, если бы не хотел быть призванным. Мы, нефилимы, твои дети. Нам нужно твое водительство.

– Водительство?

Ангел говорил с усмешкой.

– Вряд ли за наставлением ты меня вызвал. Тебе скорее потребна личная выгода.

– Выгода? – хрипло переспросил Валентин. – Для дела я не пощадил ничего: ни жену, ни детей. Оба моих сына легли на алтарь. Я все отдал, все!

Ангел висел в воздухе, глядя на Валентина нечеловеческими глазами; его крылья непринужденно трепетали, словно облака, плывущие по небу.

– Господь просил Авраама принести в жертву сына, чтобы проверить, кого человек любит больше – своего Бога или Исаака. Но тебя, Валентин, жертвовать сыном никто не просил.

Валентин окинул взглядом алтарь, залитый кровью Джейса, а после снова посмотрел на ангела:

– Если придется, я заставлю тебя выполнить мою волю, однако хочу, чтобы ты согласился своей охотой.

– Когда меня призвал Джонатан, первый Охотник, я помог ему, ибо в разуме его видел светлую мечту – очистить Землю от демонов. Джонатан желал превратить родину в рай, искренне мечтал. Ты же мечтаешь о славе и Небес не любишь. Мой брат Итуриэль все подтвердит.

Валентин побледнел:

– Но...

– Ты думал, я не узнаю?

Ангел улыбнулся. Страшнее улыбки Клэри в жизни не видела.

– То, что хозяин круга может принудить меня к исполнению просьбы, – правда. Однако ты – не хозяин.

Валентин непонимающе уставился на ангела:

– Мой повелитель, Разиэль, больше нет никого...

– Есть. Твоя дочь.

Валентин вихрем развернулся.

Клэри, чьи запястья горели от боли, с вызовом посмотрела на отца. Она вдруг осознала, что это – первый раз, когда отец действительно смотрит на нее. Смотрит и видит. Первый и единственный раз.

– Кларисса, что ты наделала?

В ответ Клэри пальцем вывела на песке... не руны – слова, те самые, которые Валентин произнес, став очевидцем ее таланта. Когда Клэри одной руной развалила корабль.

«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН».

Глаза Валентина округлились, совсем как у Джейса перед смертью. Отец страшно побледнел и развернулся к ангелу, подняв руки в умоляющем жесте:

– Повелитель мой, Разиэль...

Ангел сплюнул – или же Клэри показалось, что сплюнул, – и точно стрела белого пламени вонзилась в грудь Валентину, пробила дымящуюся дыру размером с кулак, словно камень – в листе бумаги. Сквозь нее виднелись озеро, ангел...

Валентин подрубленным деревом рухнул на песок: рот открыт в немом крике, глаза слепо смотрят куда-то, выражая потрясение невероятным предательством.

– Небо послало возмездие. Надеюсь, ты не напугана.

Клэри посмотрела на ангела, который парил над ней, словно столб белого пламени, оттеняющий небо. Руки ангела были пусты – Чаша и Меч лежали рядом на берегу озера.

– Можешь просить о чем-то одном, Кларисса Моргенштерн. Твое желание?

Клэри бессильно раскрыла рот.

– Ах да... – В голосе ангела звучала нежность. – Руна.

Глаза на крыльях моргнули, и Клэри накрыло волной чего-то очень нежного, нежнее шелка и любой другой ткани. Легче шепота и прикосновения перышком. Так, наверное, ощущается облако. Послышался запах, приятный, пьянящий и сладкий.

Исчезла боль в запястьях. Пропали путы, жжение в затылке и тяжесть в ногах. Клэри поднялась на колени. Больше всего ей хотелось проползти по окровавленному песку и лечь рядом с Джейсом, обнять его, пусть и мертвого... Голос ангела заморозил ее; Клэри неотрывно смотрела на этот источник сияющего света.

– Битва на равнине почти завершилась. Моргенштерн умер, и власть его над демонами

кончилась.

Почти все они бежали, а те, кто остался, скоро будут повержены. Сюда, к берегу озера, уже мчатся Охотники, так что поторопись.

Ангел помолчал.

– И помни: я не джинн. Выбирай желание мудро.

Клэри помедлила в нерешительности – какой-то миг, растянувшийся, казалось, навечно. Что просить? Голова закружилась. Вроде проси чего хочешь: прекратить страдания в мире, побороть наконец голод... Вдруг ангел не в силах дать желаемого? Или дал давно, только людям предстоит самим отыскать его дар?

В конце концов и это неважно, потому что у Клэри имелось всего одно желание. Одно искреннее желание.

Она посмотрела на ангела:

– Джейс.

Выражение на лице Разиэль не изменилось. Счел он желание добрым ли наоборот? Может, вдруг испугалась Клэри, ангел вообще не думает его исполнять?

– Закрой глаза, Кларисса Моргенштерн.

Клэри послушалась: ангелам отказывать не принято, и неважно, о чем они просят. Закрыв глаза, Клэри села. Сердце бешено колотилось. Девушка изо всех сил старалась не думать о Джейсе, но его лицо раз за разом возникало перед мысленным взором. Джейс не улыбался ей, лишь смотрел куда-то в сторону, слегка усмехаясь. На виске белел шрам, и на шее виднелся серый след укуса Саймона. Клэри видела все, до единой отметины, несовершенства любимого. Джейса. Вспышка яркого света окрасила тьму алым, и Клэри повалилась на песок. Она испугалась, что упала в обморок или, того хуже, умирает. Как можно умереть сейчас, когда образ Джейса так ярко стоит перед глазами! Даже слышен его голос, зовущий, как тогда, в приюте у Ренвика: Клэри, Клэри, Клэри...

– Клэри, – произнес Джейс. – Посмотри на меня.

Клэри открыла глаза.

Она лежала на песке в изодранной, окровавленной одежде. Ничего не изменилось, только не стало ангела, не стало слепящего света, зажегшего ночь. В небе, подобно мириадам зеркал, мерцали звезды. Над Клэри, с огнем в глазах ярче любой звезды, склонился Джейс.

Она удивленно и жадно смотрела на него: спутанные волосы, вымазанное в крови лицо, горящие глаза; в разрыве рубашки, на груди, среди множества синяков не осталось ни следа, ни крохотной отметины там, куда вошел Меч. Увидев, как бьется сердце Джейса, Клэри чуть не бросилась обнимать его. Ведь это значит, что...

– Ты жив, – прошептала Клэри. – Правда жив.

Медленно и удивленно Джейс прикоснулся к ее лицу.

– Я был во тьме, – мягко произнес он. – Только тьма вокруг, и сам я – тень. Я понял, что умер и все кончилось. Потом услышал твой голос. Ты звала меня. Звала и вывела обратно.

– Не я. – Горло перехватило. – Тебя вернул ангел.

– По твоей просьбе. – Молча Джейс провел пальцами по контуру ее лица, словно убеждаясь, что Клэри перед ним – настоящая. – Могла попросить чего угодно, и выбрала меня.

Клэри улыбнулась. Чумазый, весь в крови, Джейс представился ей самым прекрасным, что есть на земле.

– Больше мне в мире ничего и не нужно.

В этот момент глаза Джейса, и без того сияющие, загорелись так, что в них стало больно смотреть. Клэри подумала об ангеле, горящем, словно тысяча факелов, об ангельской крови в жилах Джейса, о том, что, может, это кровь сейчас засияла и свет ее пробивается сквозь глаза

Джейса...

«Я люблю тебя», – хотела сказать Клэри. Она попросила бы ангела о том же еще раз. Всякий раз, как предложили бы. Однако вслух произнесла другое.

– Ты мне не брат, – пробормотала Клэри, слегка задыхаясь, как будто осознание сказанного лишило сил. – Но ты знаешь, верно?

Джейс улыбнулся под слоем грязи и запекшейся крови:

– Да, знаю.

*Из любви к тебе я правил этим людским океаном,
и звезды в небе вращались, послушные моей воле.*

Т. Е. Лоуренс

Дым ленивой спиралью поднимался вверх, оставляя в чистом небе легкие следы. На холме над кладбищем сидел Джейс, уперев локти в колени, и наблюдал, как горят останки Валентина. У погребального костра, полускрытые дымом, стояли несколько человек, среди которых Джейс узнал Джослин и Люка. Люк обнимал Джослин, а та отводила взгляд от пламени.

Джейс мог бы присоединиться к похоронной процессии, но не захотел, остро чувствуя иронию происходящего. Последние несколько дней его продержали в лечебнице и только сегодня выпустили – посетить похороны отца. Одолев полпути до кладбища, где уже сложили костер из белых, как кость, поленьев, Джейс понял, что идти дальше не может, и стал подниматься на холм. Люк звал его, однако парень не обернулся.

Постепенно собрались все, кто хотел проститься. Патрик Пенхоллоу в траурном наряде запалил костер. Второй раз за неделю Джейс наблюдал погребальное сожжение. Костер Макса вышел до боли крохотным, тогда как Валентин, скрестивший на груди руки и сжимающий в пальцах клинок серафима, был огромен даже в смерти. Глаза ему, по обычаю, повязали полоской белого шелка.

Обряд, несмотря ни на что, справили честь по чести.

Себастьяна не хоронили. Охотники, отправившиеся в долину за его телом, ничего не нашли. Сказали, будто труп унесла река, но Джейс на том не успокоился...

Он попытался отыскать взглядом Клэри – и не обнаружил ее среди скорбящих. Последний раз Джейс видел ее у озера, два дня назад. Он почти физически чувствовал, как ему не хватает некой части себя. Вины Клэри в том не было: на берегу озера она испугалась, что Джейс еще слаб для телепортации, – и совершенно справедливо. К тому времени, как прибыла подмога, Джейс потерял сознание. Очнулся он в лечебнице на следующий день и первым делом заметил над собой Магнуса Бейна. Маг смотрел на него как-то странно, то ли с любопытством, то ли с интересом... по Магнусу так сразу не скажешь. В общем, маг сообщил: дескать, ангел исцелил только тело, дух же и разум все еще не обрели достаточно силы. Поможет лишь отдых.

Сейчас Джейс чувствовал себя значительно лучше. Как раз вовремя, к похоронам.

Поднялся ветер, относя дым в сторону. Вдали высились сторожевые башни, к которым вернулись прежний блеск и сияние. Толком Джейс не понимал, чего добивается, сидя здесь и глядя, как сжигают тело отца. Да и что сын мог сказать на прощание, присоединись он к процессии? «Ты никогда не был мне настоящим отцом... Я не знал другого отца, кроме тебя... Как бы ни разнились эти два утверждения, для Джейса смысл их оставался тождественным.

Когда Джейс открыл глаза на берегу озера и понял, что вернулся с того света, то первым делом подумал о Клэри. Она лежала в нескольких шагах от него, на окровавленном песке. Объятый ужасом – вдруг она ранена или убита?! – Джейс подполз к ней. Когда Клэри открыла глаза, он испытал огромное облегчение. Впрочем, упивался он этим чувством недолго – до тех пор, пока не подоспели другие нефилимы. Они помогли встать, а после пораженно воскликнули, завидев у кромки воды Валентина. Джейса словно ударили под дых. Он принял смерть отца – может даже, самоубийство, – однако боль была сильной. Клэри смотрела на Джейса печальными

глазами: хотя она не имела ни единой причины сочувствовать, его потерю она переживала искренне.

Джейс полуприкрыл глаза, и перед мысленным взором пронеслась череда образов: Валентин берет его на руки, Валентин учит его держать равновесие на носу лодки... И более мрачные воспоминания: удар по лицу, мертвый сокол, ангел, томящийся в подвале поместья...

– Джейс.

Подняв глаза, он увидел Люка. Оборотень, в джинсах и фланелевой рубашке, стоял, заслоняя собой солнце.

– Все кончено, – сказал Люк. – Церемония длилась недолго.

– Понятно. – Джейс провел пальцами по земле, упиваясь болью от трения. – Прощальные слова говорили?

– Все как обычно. – Люк, поморщившись, присел рядом. Джейс не спрашивал, как прошло сражение. Не хотелось. Конец битве пришел неожиданно быстро: как только Валентин умер, демоны растаяли в ночи, словно туман, рассеянный солнцем. Впрочем, хоронили не одного Валентина. Сегодня горело много костров.

– Клэри не... она...

– Пришла ли на похороны? Нет. Не захотела. – Люк искоса посмотрел на Джейса. – Ты сам не видел ее? С тех пор как...

– Нет, с тех пор еще не видел. Меня только сегодня выпустили из лечебницы, и я сразу пришел на кладбище.

– Мог и не приходить, если желания не было.

– Было... что бы это ни значило.

– Похороны для живых, не для мертвых. И Валентин – бóльший отец тебе, чем Клэри, хотя вы с ним и не одной крови. Тебе одному прощаться с Валентином и тосковать без него.

– Вряд ли мне позволят тосковать по Валентину.

– Стивена Эрондейла ты не знал, к Роберту Лайтвуду прибыл почти взрослым... Детство твое прошло при Валентине. Тоску по нему никто не отменит.

– У меня все не идет из головы Ходж. У стен Гарда я, убежденный в своем демоническом происхождении, спрашивал, почему Ходж не открыл мне мою тайну. Он все твердил: дескать, не был уверен. Мне показалось, он лжет, однако теперь понимаю: Ходж один из немногих знал о ребенке Эрондейлов. Когда я пришел в Институт, Ходж растерялся, не различил, который из сыновей Валентина явился: родной или приемный. Я мог быть любым из них – и демоном, и ангелом. Но стоило Ходжу увидеть Джонатана, как он сразу все понял. До того, в Институте, он старался обращаться со мной как можно лучше, пока не пришел Валентин. Ожидание потребовало от Ходжа определенной веры... ты так не думаешь?

– Да, я тоже так считаю.

– Ходж уверял меня, что кровное родство ничего не значит, главное – воспитание. Вот и думаю: останься я с Валентином, может, и вырос бы таким, как Джонатан? Если бы не Лайтвуды, был бы я таким, какой есть?

– Это важно? Ты стал тем, кем стал не просто так. Валентин отправил тебя к Лайтвудам, усмотрев для тебя в том лучшую долю. Хотя он, конечно, мог иметь и другие планы, однако не отрицай: Валентин отправил тебя к людям, которые точно приняли бы тебя с любовью. Вот, пожалуй, один из редких случаев, когда твой отец действовал не ради себя. – Люк хлопнул Джейса по плечу столь по-отечески, что паренек улыбнулся. – На твоём месте я бы не забывал об этом.

Из окна в комнате Изабель Клэри смотрела, как дым от погребального костра черной дланью застилает небо. Сегодня сжигают Валентина, ее отца. В некрополе, почти у самых городских ворот.

– Сегодня праздник, знаешь, да? – Клэри обернулась. Изабель стояла у нее за спиной, держа в руках два платья: голубое и серо-стальное. – Какое мне лучше надеть?

Изабель по-прежнему искала утешения в новых нарядах.

– Надень голубое.

Изабель отложила наряд на кровать:

– Ты что наденешь? Ты ведь пойдешь на праздник, правда?

Клэри вспомнила милое, изящное платье на самом дне сундука Аматис. Хотя вряд ли хозяйка даст его поносить.

– Не знаю. Джинсы, наверное, и зеленый плащ.

– Отстой. – Изабель посмотрела на Алину, которая читала, сидя в кресле у кровати. – Скажи же: отстой?

– Пусть Клэри носит что хочет, – ответила, не отрываясь от книжки, Алина. – К тому же она не обязана наряжаться.

– Ничего, для Джейса принарядится, – сказала Изабель, словно констатируя факт. – Обязана принарядиться.

Алина наконец оторвалась от книги и, немного поморгав, улыбнулась:

– А... ну да. Постоянно забываю. Непривычно сознавать, что он тебе не брат, правда?

– Нет, – твердо возразила Клэри. – С этим-то порядок. Считать Джейса братом – вот что было непривычно. Хотя... я не видела его с тех пор, как обо всем узнала. С тех пор, как мы вернулись в Али канте.

– Странно, – заметила Алина.

– Чего тут странного? – Изабель метнула в Алину многозначительный взгляд, которого та словно бы не заметила. – Джейс в лечебнице валялся! Его только выписали.

– Он не примчался к тебе? – спросила Алина у Клэри.

– Он не мог, – ответила Клэри. – Нельзя же было пропустить похороны Валентина.

– Как знать, – озорно улыбнулась Алина. – А вдруг ты ему больше неинтересна? Ну то есть запретный плод больше не запрещен... Некоторых интересует лишь то, чего они получить не могут.

– Не Джейс, – сказала Изабель. – Он не такой.

Алина встала, бросив книгу на кровать:

– Пойду оденусь. До вечера, девочки. – С этим она ушла, мурлыча что-то себе под нос.

Глядя ей вслед, Изабель покачала головой:

– Думаешь, она невзлюбила тебя? В смысле, ревнует? Джейс вроде ей не нужен.

– Ха! – Клэри слова Изабель слегка позабавили. – Нет, Джейс ей неинтересен. Просто у Алины что на уме, то и на языке. И кто знает, вдруг она права?

Распустив волосы, Изабель тоже подошла к окну. Небо успело расчиститься; дым ушел.

– Ты серьезно считаешь, что Алина права?

– Понятия не имею. Надо с Джейсом поговорить. Спрошу его обо всем, когда увижу на вечеринке. Или параде победы. Или как это здесь называется? – Клэри посмотрела на Изабель. – Как думаешь, на что будет похож праздник?

– Парад устроят, – подтвердила Изабель. – И салют, фейерверки. Будет музыка, танцы,

игрища... ну, всякое такое. Как на большой уличной ярмарке в Нью-Йорке. – Изабель печально посмотрела в окно. – Максу понравилось бы.

Клэри погладила ее по голове, как погладила бы родную сестру:

– Да, понравилось бы.

* * *

Джейс постучал в дверь дважды, прежде чем за ней раздались торопливые шаги. Сердце подпрыгнуло и успокоилось; на порог вышла Амадис Эрондейл в длинном серо-голубом платье и отливающих металлом серьгах, которые выгодно оттеняли седину. Хозяйка удивленно посмотрела на Джейса.

– Тебе чего? – спросила она.

– Клэри... – начал Джейс и умолк. Все острословие и красноречие, которые не раз выручали, куда-то разом запропастились. Он не сумел подобрать ни единого умного слова и потому просто спросил: – Я думал, может, Клэри у вас. Хотел поговорить.

Амадис покачала головой и пристально посмотрела на Джейса, отчего тот немного занервничал.

– Нет, Клэри не здесь. Она, должно быть, у Лайтвудов.

– А-а... – удивленный собственным разочарованием, произнес Джейс. – Простите за беспокойство.

– Ты меня ни капельки не побеспокоил, – возразила Амадис. – Напротив, я рада, что ты пришел. Хочу спросить тебя кое о чем. Подожди в прихожей, я сейчас.

Озадаченный, Джейс прошел в дом. О чем хочет поговорить Амадис? Может, Клэри Джейса больше знать не желает и выбрала Амадис в качестве вестника?

Вскоре хозяйка вернулась, неся – нет, слава богу, не записку! – небольшую металлическую шкатулку, покрытую чеканкой в виде птиц.

– Джейс, Люк передал, что ты... что Стивен Эрондейл приходился тебе отцом. Люк все рассказал.

Джейс кивнул, предполагая, что большего от него и не требуется. Слухи расползаются медленно, и это лишь на руку: Джейс успеет вернуться в Нью-Йорк еще до того, как все в Идрисе узнают о его происхождении и станут пялиться на него.

– Ты ведь знаешь, я была первой женой Стивена, – натянутым голосом произнесла Амадис, как будто слова ранили ей горло. И что теперь, она перенесет на Джейса обиду на его мать, которую парень даже не видел? – Из тех, кто дожил до сего дня, я, наверное, помню его лучше всех.

– Да, – ответил Джейс, жалея, что пришел. – Уверен, так оно и есть.

– И ты, скорее всего, испытываешь к отцу смешанные чувства? – продолжила Амадис, удивив Джейса тем, как точно определила его состояние. – Ты Стивена не знал, и вырастил тебя не он, однако ты похож на отца. Только глаза у тебя от матери. Может, я чокнулась на старости лет, может, тебе и знать ничего о Стивене неохота, но... он твой отец и если бы видел тебя... – Она так резко протянула ему шкатулку, что Джейс невольно отпрянул. – Здесь вещи Стивена, я сохранила их на память: письма, фотографии, родословная, его ведьмин огонь. Сейчас у тебя нет вопросов, зато когда появятся – у тебя будет эта шкатулка.

Амадис протягивала ящичек так, словно дарила Джейсу нечто невероятно драгоценное, и Джейс молча принял подарок. Шкатулка была тяжелая и холодная.

– Спасибо, – только и смог сказать он. Потом добавил: – Я кое-что хотел знать...

– Что же?

– Если Стивен – мой отец, то выходит, что Инквизитор, Имоджен, моя бабушка?

– Да... тяжелая женщина, но она тебе бабка, да.

– Она спасла мне жизнь. Сначала ненавидела до мозга костей, зато, увидев вот это... –

Джейс обнажил звездообразный рубец на плече. – Увидев его, Инквизитор спасла меня. Что ей мой шрам?

Аматис округлила глаза:

– Ты помнишь, как обзавелся им?

Джейс покачал головой:

– Если верить Валентину, шрам я получил еще совсем маленьким. Хотя Валентину верить...

– Это не шрам. Это родимое пятно. Есть старая семейная легенда о предке Эрондейлов, которому во сне явился ангел. Ангел коснулся плеча вашего пращура, и наутро тот проснулся с такой вот меткой. Ее наследуют все в роду Эрондейлов. – Аматис пожала плечами. – Не знаю, так ли на самом деле, но у всех Эрондейлов есть такое родимое пятно, и у твоего отца на правом плече было точно такое. Говорят, оно – символ связи с ангелом. Его благословения. Имоджен увидела родинку и догадалась, кто ты на самом деле.

Джейс смотрел на Аматис и не видел ее. Перед глазами вновь была мокрая палуба корабля и лежащая на ней Инквизитор.

– Когда смерть пришла за ней, Имоджен сказала: «Отец гордился бы тобой...» Я подумал, она издевается. Решил, что она имеет в виду Валентина...

Аматис покачала головой.

– Имоджен говорила о Стивене, – тихо произнесла хозяйка дома. – И не ошиблась. Отец и правда гордился бы тобой.

* * *

Клэри толкнула дверь дома Аматис, поражаясь, как быстро успела к нему привыкнуть: дорога находилась сама, и медная ручка заедала теперь так знакомо. Мерцание отраженного в канале солнечного света тоже стало привычным – как и всякий вид на Аликанте из окна. Вот бы здесь поселиться. Из старой жизни будет не хватать... китайской еды на вынос? Киношек? Комиксов?

Клэри ступила на лестницу на второй этаж, как вдруг услышала из гостиной голос матери – слегка встревоженный. О чем Джослин тревожиться? Клэри тихонько, прижимаясь к стене, подошла к двери в гостиную и прислушалась.

– Как это ты остаешься? – спрашивала мать. – А Нью-Йорк?

– Меня просили представлять оборотней в Совете, – отвечал Люк. – Я обещал подумать до вечера.

– Нельзя оставить кого-то другого? Вожака одной из стай Идриса?

– Я единственный вожак стаи, который некогда сам был нефилимом. Поэтому в Совет и хотят отправить меня. – Люк вздохнул. – Я заварил эту кашу, Джослин, мне и расхлебывать.

Повисла короткая пауза.

– Если считаешь, что должен, то оставайся, – неуверенно ответила Джослин.

– Сначала придется продать книжный, уладить прочие дела, – хрипловато проговорил Люк. – Та к что я не сразу сюда переберусь.

– Я могу за тебя все уладить. После того, что ты сделал... – Джослин совсем сникла. И надолго замолчала. Клэри уже собралась откашляться и войти в гостиную.

Секундой позже девушка порадовалась, что так и не собралась.

– Послушай, – произнес Люк, – я уже давно хотел сказать да все никак не решался. Какая, в конце концов, разница, если я тот, кто я есть? Ты бы не захотела для Клэри такой жизни, но теперь, когда она знает, разницы нет, и поэтому... я люблю тебя, Джослин.

Уже двадцать лет как. – Клэри напрягла слух, ожидая маминого ответа. Джослин молчала. Наконец тяжелым голосом заговорил Люк: – Нужно сообщить Совету, что я остаюсь. Больше о нас с тобой говорить не будем. Хотя мне легче от признания.

Клэри вжалась в стенку, и Люк вышел из гостиной, не заметив ее. Проследовал по коридору и задержался на пороге, глядя, как играют на воде блики солнца, а после ушел окончательно, захлопнув за собой дверь.

Клэри осталась стоять у стенки, не в силах отлипнуть от нее. Жаль Люка и жаль маму. Джослин, похоже, не любит его и полюбить не сумеет. У них все как у Клэри с Саймоном, только ничего поделать нельзя. Особенно если Люк намерен остаться в Идрисе. На глазах выступили слезы.

Успокоившись, Клэри хотела войти в гостиную, но тут открылась дверь в кухню. Раздался иной голос – усталый и смирившийся. Голос Аматис.

– Прости, я подслушала, однако я рада, что Люк остается. Мы станем видеться чаще, но причина не в том. Люк скорее забудет тебя.

– Аматис... – оправдываясь, начала Джослин.

– Много воды утекло, Джослин. Если не любишь его, то отпусти.

Джослин не ответила. Какое выражение у нее на лице? Грустное? Злое? Смирненное?

Аматис негромко ахнула:

– Но ведь ты... его любишь, да?

– Аматис, я не смею...

– Любишь! Ты его любишь! – воскликнула Аматис и обрадованно хлопнула в ладоши. – Я так и знала! Всегда догадывалась!

– Какая разница? – устало произнесла Джослин. – По отношению к Люку получится несправедливо...

– И слышать не желаю. – Послышалось шелестение, возня, как будто Аматис схватила Джослин за руку и потащила куда-то. При этом Джослин вяло сопротивлялась. – Если любишь его, то прямо сейчас пойдешь и признаешься. До того, как он сообщит о своем решении Совету.

– Он нужен им! Люк сам хочет остаться...

– Люциан хочет одного – тебя. Кроме тебя и Клэри, большего ему никогда и ничего нужно не было. Теперь беги!

Клэри пошевелиться не успела, как мама выбежала в коридор. По пути к двери она обернулась и, заметив дочь, раскрыла рот от удивления.

– Клэри? – Джослин пыталась говорить бодро и весело, однако попытка с треском провалилась. – Не знала, что ты здесь.

Подойдя к двери, Клэри распахнула ее, и в прихожую полился яркий свет. Щурясь, Джослин посмотрела на дочь.

– Если ты немедленно не пойдешь за Люком, – отчетливо проговорила Клэри, – я тебя сама прикончу.

Джослин на мгновение опешила, затем улыбнулась:

– Ну, если вопрос стоит так...

В следующую секунду она мчалась по дороге вдоль канала. Закрыв за матерью дверь, Клэри привалилась к ней спиной.

Из гостиной выбежала Аматис и выглянула в окно:

– Думаешь, она успеет перехватить его по пути в Зал?

– В детстве мне ни разу не удалось удрать от мамы. Она быстро бегают.

Взглянув на Клэри, Аमतис улыбнулась:

– О, кстати, чуть не забыла: заходил Джейс, искал тебя. Наверное, вечером на празднике подойдет к тебе.

– Правда? – задумчиво проговорила Клэри. Может, спросить? Рисковать нечем. – Аमतис...

Сестра Люка отвернулась от окна и с любопытством посмотрела на Клэри:

– Да?

– У тебя в сундуке лежит серебристое платье. Можно его одолжить на вечер?

* * *

Улицы постепенно наполнялись людьми. В ночном воздухе, озаренном ведьмиными огнями, витал пряный аромат знакомых белых цветов. Они висели в корзинках на дверях, украшенных золотыми рунами победы и ликования.

Нефилимы выходили на улицы не в привычном боевом облачении, а в пышных нарядах – от современных до старинных. Было тепло, и мало кто надел теплую одежду, зато Клэри встретила предостаточно дам в бальных платьях, длинные подола которых мели мостовую. Как только девушка свернула на улицу, ведущую к дому Лайтвудов, дорогу пересекла эффектная пара – Рафаэль под руку с высокой брюнеткой в красном вечернем платье. Вампир улыбнулся Клэри, отчего девушку пробила легкая дрожь. Все-таки есть в нежити нечто чуждое человеческому, нечто пугающее. Может, и не все страшное – обязательно дурное, однако насчет Рафаэля приходится сомневаться.

Парадная дверь дома Лайтвудов была открыта, и у подъезда стояли несколько членов семьи. Мариза и Роберт о чем-то болтали с... Пенхоллоу, родителями Алины. Мариза, элегантная в черном шелковом наряде, улыбнулась Клэри; убрав со строгого лица волосы и закрепив их широким серебряным ободком, Мариза до того напомнила Изабель, что Клэри захотелось обнять ее. Впрочем, даже улыбаясь, Мариза оставалась печальной. Грустила по Максусу, думая, как бы понравился праздник младшему сыну.

– Клэри! – По ступенькам крыльца сбежала Изабель; черные волосы развевались у нее за спиной. Дочь Лайтвудов не надела ничего из того, что показывала днем. Она выбрала обтягивающее тело платье из золотистого атласа. На ноги Изабель выбрала сандалии на шпильках, и Клэри, вспомнив о любви подруги к каблукам, рассмеялась про себя. – Выглядишь потрясающе!

– Спасибо. – В серебристом платье Клэри чувствовала себя неуверенно. Все потому, что прежде настолько девчоночьих нарядов не надевала. Каждый раз, когда кончики волос щекотали оголенные плечи, приходилось бороться с желанием подыскать платок или шаль. – Ты тоже.

Изабель прошептала ей на ухо:

– Джейса тут нет.

Клэри отпрянула:

– Где же он?..

– Алек говорит, что Джейс на площади, ждет салюта. Прости, сама я точно не знаю.

Клэри пожала плечами, стараясь скрыть разочарование:

– Все нормально.

Из дома вышли Алек и Алина. Алина – в ярко-красном платье, на фоне которого черный цвет волос выглядел особенно насыщенным. Алек же, по обыкновению, нацепил свитер и

черные брюки. (Ладно, хоть свитер без дырок.) Он улыбнулся Клэри – легко и непринужденно, как будто избавился от тяжелого груза.

– Я еще ни разу не бывала на торжестве вместе с нежитью, – призналась Алина, глядя беспокойно, как девушка-фейри с цветами в волосах – хотя нет, цветы, соединенные тонкими изящными стеблями, и были ее волосами! – задумчиво поедала белые соцветия, свисающие из корзиночек, что украшали фонарные столбы.

– Тебе понравится, – пообещала Изабель. – Нежить веселиться умеет.

Махнув родителям, она пошла в сторону площади, а Клэри который раз с трудом поборола желание прикрыться скрещенными на груди руками.

– Эй! – позвала Изабель, и Клэри, проследив за ее взглядом, увидела на другом конце улицы Саймона и Майю. Саймон почти на весь день пропал в Зале Договоров, отмазавшись: дескать, любопытно, кого назначат председателем от вампиров. Майю трудно было представить в девчоночьей одежде, так она и нарядилась в камуфляжные штаны, сидевшие на бедрах и черную майку с надписью «ВЫБИРАЙ ОРУЖИЕ» и орнаментом в виде игральные костей понижу. Геймер. Или косит под геймера и нарядом хочет впечатлить Саймона. Если так, то выбор удачный. – Вы сейчас тоже на Ангельскую площадь?

Майя и Саймон сказали: мол, да, на площадь, – и все шестеро пошли вместе, общей компанией. Саймон поравнялся с Клэри и некоторое время шагал молча. Хорошо, что он рядом, хорошо, что живой. Первым делом, возвратившись в Аликанте, Клэри захотела увидеть именно Саймона. Она крепко обняла друга, радуясь его удаче, живучести.

– Помогло? – спросила Клэри, прикоснувшись к метке на лбу у Саймона. Отчаянно хотелось услышать, что Каинов знак нанесен не напрасно.

– Ты мне жизнь спасла, – только и сказал Саймон.

– Жаль, не могу снять с тебя метку. Прости меня, я не знала, какова плата за ее ношение.

Саймон бережно отвел ее руку от своего лица:

– Поживем – увидим.

Клэри пристально всмотрелась в друга, но видимых изменений не нашла. Каинов знак вроде бы ничуть не повлиял на Саймона и, скрытый челкой, оставался незаметен.

– Как прошла встреча? – спросила Клэри, снова окинув Саймона взглядом. В честь праздника он не принарядился. Та к и остался в джинсах и футболке, хотя винить его трудно: иной одежды он с собой в Аликанте не прихватил. – Кого назначили председателем?

– Не Рафаэля, – довольно произнес Саймон. – Вампира с претенциозным именем Ночная тень или вроде того.

– А меня попросили изобразить герб нового Совета, – похвасталась Клэри. – Я согласилась. Это честь. На гербе будет руна Совета, окруженная символами четырех семей нежити: луна в честь оборотней, четырехлистный клевер для фейри, книга заклинаний для магов и... для вампиров не знаю, что придумать.

– Клык? Или каплю крови? – Саймон обнажил зубы.

– Спасибо, очень помог.

– Рад, что тебя выбрали дизайнером, – серьезно признался Саймон. – Ты, как никто другой, заслуживаешь этой чести. Если уж на то пошло, тебе медаль полагается. За руну Союза и всякое такое.

Клэри пожала плечами:

– Не знаю, не знаю. Битва-то длилась минут десять. Много ли я полезного сделала?..

– Я вышел на равнину вместе с вампирами, Клэри. Бой, может, и продолжался десять минут, но это были худшие десять минут в моей жизни. Говорить о них я не очень-то расположен. И если бы не ты, в эти десять минут мы потеряли бы куда больше. К тому же сражение на равнине

Брослин – только часть войны. Благодаря тебе родился новый Совет. Мы теперь не делимся на нефилимов и нежить, ненавидящих друг друга. Мы объединились – нефилимы и нежить действуют рука об руку.

В горле встал ком. Клэри с трудом сдерживала слезы.

– Спасибо, Саймон, – сказала она и помедлила долю секунды. Кроме Саймона, заминки никто не заметил бы, однако Саймон есть Саймон.

– Что? Что не так? – спросил он.

– Да вот, подумала, что будет, когда мы вернемся. О твоей маме Магнус позаботился, нагоняй тебе не устроят. Но школа... мы пропустили уйму занятий. Поэтому я...

– Ты не вернешься, – тихо сказал Саймон. – По-твоему, я не догадался? Ты ведь теперь полноправный Сумеречный охотник, тебе надо получить образование в Институте.

– А ты? Ты ведь вампир. Вернешься в школу?

– Ну да, – на удивление просто ответил Саймон. – Вернусь. Хочу нормальной жизни, сколько дадут. Хочу школу, колледж, все такое...

Клэри стиснула его руку.

– Тогда бери, – улыбнулась она. – Представляю, что начнется, когда ты заявишься в школу.

– А что? Что такого?

– Ну, ты стал таким привлекательным. – Клэри пожала плечами. – Правда. Должно быть, из-за вампиризма.

– Привлекательным? – смущенно переспросил Саймон.

– Ну конечно. Ты посмотри на них, они же обе по тебе сохнут. – Клэри указала на Изабель и Майю, шедших впереди, чуть не стучаясь головами.

Саймон глянул на девчонок. Будь он человеком, то покраснел бы.

– Серьезно? Я заметил, как они уединяются и шепчутся. Не знаю, к чему это.

– Еще б ты знал! – ухмыльнулась Клэри. – Бедняжка, за тебя бьются две девчонки. Тяжело тебе придется.

– Ну и отлично. Посоветуй, кого выбрать.

– Ага, разбежался! Сам выбирай. – Она снова перешла на шепот. – Какую ни выберешь – я за тебя. В любом случае. Поддержка – мое второе имя.

– Теперь понятно, почему я не знал твоего второго имени. Думал, оно какое-то страшное.

Клэри пропустила шпильку мимо ушей:

– Только обещай кое-что, ладно? Я сама девчонка – и знаю, как девушки ревнуют, если у их парней лучший друг – тоже девушка. Не забывай меня, ага? Вдруг захочется потусить, как прежде. Хоть иногда.

– Иногда? – Саймон покачал головой. – Клэри, ты спятила.

Сердце ушло в пятки.

– То есть ты...

– Не стану я встречаться с девушкой, которая потребует вырезать тебя из моей жизни. Это даже не обсуждается. Хочешь кусочек счастья? – Саймон указал на себя. – Короче, мой лучший друг идет в комплекте, и я его из жизни не вычеркну. Скорее отрежу себе правую руку и подарю другой девчонке на День святого Валентина.

– Фу, гадость какая. Не шути так!

Саймон широко улыбнулся:

– Да ладно, проехали!

Ангельскую площадь было не узнать. В дальнем конце светился Зал Договоров, частично скрытый аккуратным лесом высоких деревьев прямо в центре площади. Магическая иллюзия, решила Клэри, хотя... Магнус в Манхэттене еще не так забавлялся. Деревья вполне могут быть и реальными, а то и просто пересаженными: высотой с башни Аликанте, серебристые стволы обмотаны лентами, в шепчущих кронах мерцают разноцветные огни.

Пахло белыми цветами, дымом и листьями. По периметру площади выставили столы и длинные скамьи, вокруг которых собрались нефилимы и нежить. Все пили-ели, весело смеясь. В то же время, бок о бок с радостью, здесь присутствовал дух скорби.

Лавки и магазинчики тоже пооткрывались; из распахнутых дверей на мостовую лился яркий свет. Мимо сплошным потоком шли празднующие – с тарелками, бокалами вина и прочих ярких напитков. Мимо Саймона проскользнул кельпи с бокалом чего-то синего. Вампир приподнял бровь.

– Вечеринка не в духе Магнуса, – заверила его Изабель. – Пить, в принципе, можно все, не бойсь.

– В принципе? – встревоженно спросила Алина.

Алек посмотрел в сторону леса. В его голубых глазах что-то мелькнуло. У самой рощи, беседуя с девушкой в белом платье и с облаком светло-каштановых волос, стоял Магнус. Маг обернулся, и вместе с ним – девушка. На мгновение ее глаза и глаза Клэри встретились. Знакомый взгляд...

Прервав беседу, Магнус направился к друзьям, а девушка исчезла среди деревьев.

Одет маг был в викторианском духе: черный сюртук поверх фиолетовой шелковой жилетки, в кармашке которой красовался квадратный платочек с вензелями М. Б.

– Милая жилетка, – улыбнулся Алек.

– Хочешь такую же? – спросил Магнус. – Любого цвета, заказывай.

– Да я на тряпках не особенно заморочен.

– Простота мне в тебе и нравится. Хотя было бы неплохо разнообразить твой гардероб дизайнерским костюмом. «Дольче»? «Зенья»? «Армани»? Что скажешь?

Алек скривился. Изабель расхохоталась. Тогда Магнус воспользовался моментом и, наклонившись к Клэри, прошептал:

– Ступени Зала. Бегом марш!

Клэри хотела просить пояснений, однако Магнус вернулся к остальным. Впрочем, у Клэри возникло чувство, что ответ она знает.

Она пожала руку Саймону, и тот коротко улыбнулся ей.

Клэри решила срезать путь через лес и нырнула под его сень. Оказывается, он простирался до самого крыльца Зала, потому оно и оставалось никем незанято... почти. К цоколю одной из колонн прислонилась знакомая фигура. Сердце забило чаще.

Джейс.

Полы платья пришлось подобрать, чтобы не наступить на них ненароком. И вообще, лучше бы Клэри нарядилась в обычную одежду, потому как Джейс явился на праздник в своем излюбленном наряде: джинсы, белая рубашка и черный пиджак. Первый раз, наверное, за все время знакомства он не прихватил оружия.

Клэри чувствовала себя разодетой чересчур пышно. Она остановилась в паре шагов от Джейса, не зная, что и сказать.

Почувствовав ее взгляд на себе, Джейс обернулся. Усталый: синяки под широко раскрытыми глазами, сальные волосы, – он держал на коленях небольшую серебристую шкатулку.

– Клэри?

– Кто же еще?

Джейс не улыбнулся:

– Ты на себя не похожа.

– Это все платье. – Она застенчиво оправила наряд. – Обычно я не ношу таких... изысканных вещей.

– Ты и без них прекрасна. – Клэри вспомнила, как Джейс впервые назвал ее прекрасной – в парнике Института. При чем он не делал комплимента – констатировал факт, как если бы сказал, что у Клэри рыжие волосы или она любит рисовать. – Но сейчас ты такая... чужая. Не прикоснешься.

Клэри присела подле него на широкую верхнюю ступеньку, ощутив прохладу камня, и протянула заметно подрагивающую руку:

– Прикоснись, если хочешь.

Джейс прижал ее ладонь к своей щеке и почти сразу же отвел в сторону. Клэри слегка дрожала; вспомнились слова Алины: дескать, теперь, когда можно, Клэри Джейсу неинтересна. Он говорит, что Клэри чужая, далекая, а у самого в глазах выражение такое, будто он в другой вселенной.

– Что у тебя там? – указала Клэри на шкатулку, которую Джейс по-прежнему крепко сжимал в руке. На вид дорогая, серебряная, с узором в виде птиц.

– Днем я заходил к Аматис. Тебя не застал и поговорил с самой Аматис. Она передала мне это. – Джейс показал шкатулку. – Она принадлежала отцу.

Отцу? Валентину?! Да нет же...

– Ну да, все верно. Аматис была замужем за Стивеном Эрондейлом.

– Я просмотрел содержимое: фотографии, письма, страницы из дневника. Хотел ощутить связь с отцом... все впустую. Письма написать мог кто угодно, отцовского я в них не чувствую.

– Джейс, – мягко произнесла Клэри.

– И кстати, у меня больше нет имени. Я не Джонатан Кристофер, так звали другого. Хоть я и привык, что меня зовут так.

– Кто придумал тебе прозвище Джейс? Ты сам?

Джейс покачал головой:

– Нет. Валентин постоянно звал меня Джонатаном, и так меня называли, когда я только появился в Институте. Валентин, сама знаешь, не хотел, чтобы я выяснил своего имени: Джонатан Кристофер... Все вышло случайно, да и то отец писал в дневнике о другом сыне. О Себ... о настоящем Джонатане, успехами которого интересовался. Когда я выдал Маризе свое второе имя, Кристофер, она сама сказала: память ей, наверное, изменяет, но Кристофер – второе имя сына Майкла. В конце концов, прошло десять лет. И тогда же она стала называть меня Джейсом. Должно быть, хотела подарить новое имя, от себя. Мне оно понравилось, ведь я никогда не любил имя Джонатан. – Он повертел шкатулку в руках. – Теперь вот думаю: может, Мариза знала? Или догадалась, а знать не хотела? Мариза любила меня... только сама в это не верила.

– Потому и расстроилась, узнав, что ты сын Валентина. Якобы должна была сразу догадаться. Она и догадалась... в некотором роде. Просто люди не хотят верить в подобные вещи, когда разговор заходит о любимых. Правда, Мариза не ошиблась. Насчет твоей истинной сущности. Тебя зовут Джейс. Это имя дал тебе не Валентин. По-настоящему в имени важно то, что его дает тебе любящий человек.

– И кто я теперь? Джейс Эрондейл?

– Брось! Ты Джейс Лайтвуд, сам знаешь.

Джейс посмотрел на нее золотыми глазами из-под густых ресниц, и впечатление отдаленности поубавилось. Если только Клэри не кажется...

– Может, ты совсем иной человек? Не тот, кем привык считать себя? – проговорила Клэри, почти не надеясь на понимание. – Люди за одну ночь не меняются. Стивена, новообретенного биологического отца, ты не обязан полюбить моментально. Так не бывает. Валентин тебе никакой не отец, да и обращался он с тобой не по-отцовски. Не заботился. Заботились о тебе Лайтвуды. Они – твоя семья, как Джослин и Люк – моя. – Она коснулась плеча Джейса и тут же отдернула руку. – Прости. Ты, наверное, пришел сюда побыть в одиночестве, а я читаю тебе лекции.

– Ты права.

Клэри услышала собственный выдох.

– Ну ладно. Пойду. – Она встала, едва не наступив на подол платья.

– Клэри! – окликнул Джейс. Он положил шкатулку на ступени и поднялся. – Подожди. Я не то имел в виду. Не уходи. Ты была права насчет Валентина и... Лайтвудов.

Клэри обернулась. Джейс стоял наполовину в тени, наполовину на свету, и яркие огни отбрасывали странный узор на его кожу. Первый раз, когда они встретились, Джейс напоминал льва – прекрасного и грозного. Однако теперь он был беззащитен и горд своей уязвимостью. Он даже не воспользовался стилем, чтобы снять синяки на скулах и на шее. И таким он нравился Клэри еще больше, потому как выглядел человеком – настоящим, живым.

– Знаешь, – сказала она, – Алина говорит, будто я тебе больше неинтересна. Теперь, когда можно быть вместе и между нами нет преград... – Она вздрогнула в тонком платьице и обняла себя за плечи. – Это правда? Я тебе... неинтересна?

– Интересна? Вроде книги или... выпуска новостей? Нет. Тогда нет. Я... – Он замолчал, подыскивая нужные слова, как ищут в темноте выключатель. – Помнишь, я говорил, что быть твоим братом – это как попасть в шутку над самим собой. Словно над нами посмеялись?

– Помню.

– Я в это не верил. В смысле, верил, но по-другому... сходил с ума и никак не мог почувствовать к тебе братские чувства. Я не испытывал ничего братского, однако всегда ощущал с тобой связь. Словно ты – моя половина. – Видя озадаченное выражение на лице Клэри, он замолчал, а потом проговорил: – Н-нет, не то, все не то. Клэри, я возненавидел каждый миг, когда думал о тебе как о сестре, когда проклинал свои чувства к тебе. Только...

– Что? – Сердце у Клэри стучало так сильно, что голова начала кружиться.

– Валентин радовался нашим отношениям, считая, что заполучил оружие против нас, – натянуто произнес Джейс. – И я возненавидел его – больше, чем любое другое зло. Восстал против отца, как будто того и дожидался, потому что были времена, когда я не мог определиться: следовать за ним или нет? Выбор трудный, и вспоминать о нем неохота.

– Помнишь, я спросила тебя, есть ли у меня выбор? Ты тогда ответил: выбор есть у каждого. Ты предпочел нашу сторону, и неважно, как тяжело дался выбор. Главное – ты его сделал.

– Знаю. Я лишь хочу сказать, что решился отчасти благодаря тебе. С самой нашей встречи я почти все делаю ради тебя. Иначе просто быть не может, Клэри... любовь у меня в сердце, в крови, в голове. Да я и сам не желаю иного.

– Правда? – прошептала Клэри.

Джейс шагнул ей навстречу, глядя прямо в лицо, не в силах отвести взгляд:

– Я всегда считал любовь отупляющим чувством. Думал, она делает нас слабыми, дурными Охотниками. Разрушает суть воина... – Клэри закусил губу, но отвернуться не посмела. – Я думал, быть хорошим воином – значит ни о чем, ни о ком не заботиться. Особенно о себе. Я рисковал, как мог: кидался на демонов очертя голову. Из-за меня, наверное, у Алека развился комплекс неполноценного воина... только потому, что он любит жизнь. – Джейс криво усмехнулся. – Потом я повстречал тебя: примитивную, слабую, необученную. И вдруг мне

открылось, как ты любишь маму, Саймона. Ты, не колеблясь, отправилась в ад спасать друга. Нефилим с десятилетним опытом сражений ни за что не вошел бы в отель, где гнездятся вампиры. Тебя любовь не ослабила. Напротив, даровала силы, каких представить трудно. И я понял: на самом деле это я слаб.

– Нет, – пораженно возразила Клэри. – Ты не слаб.

– Теперь, может, и нет. – Джейс подошел к ней совсем близко. – Валентин не поверил, что я убил Джонатана, потому как Джонатан получил обучение лучше, чем я. Он и победил бы – почти победил... но я думал о тебе. Представил, как будто ты стоишь рядом, и мне захотелось жить дальше – больше всего на свете, – лишь бы снова увидеть твое лицо...

Клэри хотела коснуться Джейса, но руки словно онемели. Джейс стоял очень близко, и Клэри видела свое отражение в зрачках его глаз.

– И вот я стою перед тобой, и ты спрашиваешь, хочу ли я тебя по-прежнему, не разлюбил ли... не бросил ли то, что придает мне сил. Прежде я не смел отдаваться другим людям – Лайтвудам, Алеку, Изабель, – не смел дарить себя, но... Клэри, с самого первого момента я принадлежу тебе. Если я по-прежнему нужен.

Какую-то долю секунды Клэри стояла неподвижно, потом вдруг притянула Джейса к себе. Джейс обнял ее в ответ, чуть не оторвав от земли, и поцеловал. Или она поцеловала его? Не важно. По телу как будто пробежал разряд тока; Клэри еще сильнее прижалась к Джейсу, грудью ощутила биение его сердца – единственное, неповторимое – и почувствовала, как от радости кружится голова.

Наконец Джейс отпустил Клэри, и девушкахватила ртом воздух – она почти не дышала все это время. Джейс обхватил ладонями ее лицо, пальцами провел по щекам. В его глаза вернулся свет и с ним – проказливый огонек.

– Ну вот, – сказал Джейс. – Вроде не запрещено, но тоже неплохо.

– Бывало и хуже, – рассмеялась Клэри дрожащим смехом.

– Ну, если тебе не хватает запретного, – Джейс еще раз легонько поцеловал ее, – то запрети мне что-нибудь.

– Что, например?

Прижимаясь губами к ее губам, Джейс улыбнулся:

– Например, это.

* * *

Через некоторое время они присоединились к остальным на площади, где в предвкушении фейерверка собиралась толпа. Изабель с компанией устроилась на стульях и скамьях у стола в углу. Клэри машинально хотела отстраниться от Джейса и тут же одернула себя: теперь-то можно не прятать чувств, можно открыто держаться за руки. Все хорошо и все правильно! От этой мысли дыхание перехватило.

– А вот и вы! – Изабель вышла к ним танцующей походкой и отдала Клэри бокал розоватого напитка. – Ты обязана попробовать!

Клэри косо взглянула на бокал:

– В крысу не превращусь?

– Не доверяешь? По-моему, в бокале клубничный сок. Вкусный! Джейс? – Она предложила бокал Джейсу.

– Я мужчина. Мужчины розовые напитки не потребляют. Поди же, женщина, и принеси мне бурый.

– Бурый?

– Бурый – цвет мужественности. – Свободной рукой он убрал с лица Изабель выбившуюся прядку волос. – Глянь вон, Алек в буре.

Алек скорбным взглядом окинул свой свитер:

– Он черный. Просто вылинял.

– К твоему свитеру пойдет вот эта бандана, расшитая блестками. Очень оживляет... – Магнус предложил Алеку сверкающий синий платок. – Это я так, без намеков.

– Сопровождайся, Алек, – подначил друга Саймон, сидевший вместе с Майей на низком парапете. Майя вовсю болтала с Алиной. – Не то будешь, как Оливия Ньютон-Джон в «Ксанаду».

[20]

– Есть вещи и похуже, – заметил Магнус.

Спрыгнув на землю, Саймон подошел к Джейсу и Клэри. Какое-то время он смотрел на них, спрятав руки в задние карманы джинсов.

– На вид ты счастлива, – сказал вампир и, глянув на Джейса, добавил: – Смотри, чтоб так было и дальше.

Джейс выгнул бровь:

– Ты не сказал: если я обижу Клэри, ты меня прикончишь.

– Нет, она тебя сама прикончит. Разными видами оружия.

Джейсу мысль понравилась.

– Слушай, – снова заговорил Саймон. – Мне плевать, что я тебе не нравлюсь. Если Клэри счастлива, я против тебя ничего не имею. – Он протянул Джейсу руку, и тот, слегка озадаченно пожал ее.

– Не то чтобы ты мне не нравился, – сказал Джейс. – Напротив, нравишься, и потому позволь дать совет.

– Какой? – насторожился Саймон.

– Гляжу, ты успеваешь воспользоваться преимуществами вампиризма. – Джейс кивнул в сторону Изабель и Майи. – Молоток. Девчонкам нравится чувственная нежить. Но на твоём месте музыку я бы забросил. Вампиры-рокеры – этап пройденный. К тому же у тебя не особенно получается.

Саймон вздохнул:

– Все же местами я тебе не нравлюсь.

– Ну-ка, вы двое, хватит, – вмешалась Клэри. – Нельзя всю жизнь стебать друг друга.

– Технически, – возразил Саймон, – мне можно.

Джейс приглушенно хрюкнул. До Клэри не сразу дошло, что он давится смехом.

Саймон ухмыльнулся:

– Попалась.

– Ну что ж, – сказала Клэри. – Момент просто замечательный.

Она огляделась в поисках Изабель. Ей должно понравиться, что Саймон и Джейс наконец помирились. Пусть и в своей, особенной манере.

Однако заметила Клэри кое-кого другого.

У самого края зачарованной рощи, на границе света и тени, стояла стройная женщина в платье цвета молодой листвы; длинные алые волосы ее были схвачены золотым обручем.

Королева Благословенного двора. Она смотрела прямо на Клэри и, как только их взгляды пересеклись, поманила девушку пальцем: «Иди ко мне».

Сама или же по магическому зову Дивного народца Клэри, пробормотав извинения, отделилась от группы и пошла, лавируя, к королеве. Подойдя ближе, она заметила: госпожу окружают фрейлины, без которых королева никуда, хоть и желает казаться одинокой.

Властным жестом она остановила девушку:

– Стой, ни шагу ближе.

– Миледи, – вспомнила Клэри обращение, адресованное Джейсом королеве при ее дворе, – вы желали меня видеть?

– Хочу просить тебя об одолжении, – сразу, без обиняков, начала королева. – В долгу, разумеется, не останусь.

– Об одолжении? Меня? Но я вам даже... не нравлюсь.

Королева задумчиво поднесла длинный, изящный палец к губам:

– Дивный народец, в отличие от людей, не занимает себя такими вещами, как просто неприязнь. Любовью – да... и ненавистью. Это полезные эмоции, однако неприязнь... – Она элегантно пожала плечами. – Совет все еще не решил, кого избрать представителем моей расы. Люциан Грэймарк тебе как отец и прислушивается к твоим словам. Не предложишь ли через него кандидатуру рыцаря Мелиорна?

Клэри вспомнила, как в Зале Договоров Мелиорн заявил: дескать, не выйдет на битву, пока сражаться не выйдут Дети ночи.

– Вряд ли он придется по душе Люку.

– Ну вот опять, ты говоришь о неприязни.

– При Благословенном дворе вы называли нас с Джейсом братом и сестрой, хотя знали, что на деле это не так. Ведь знали же?

Королева улыбнулась:

– В твоих жилах течет та же кровь – кровь ангела. Все, кто принял кровь ангела, в душе братья и сестры.

Клэри вздрогнула:

– Почему вы сразу не открыли нам правду? Могли – и не открыли.

– По-своему, я сказала правду. Мы все так поступаем, разве нет? Ты не задумывалась, какую неправду таила твоя мать? Что и почему она скрывала? Все ли о себе ты знаешь?

Клэри задумалась. Вспомнилось адресованное Джейсу предсказание мадам Доротей: «Ты влюбишься не в того человека». Вроде бы гадалка имела в виду беды от влюбленности в Клэри, однако в прошлом девушки и правда чересчур много белых пятен. Даже сейчас она не может вспомнить кое-что. Какие-то события, вещи... Клэри предпочла просто не думать о них, словно их никогда и не было... и все же. Клэри невольно сжала кулаки. Слова королевы действовали исподволь, но наверняка. Есть ли на земле хоть кто-то, кто доподлинно ведает о себе, о своем прошлом? О том, какие тайны лучше оставить в покое?

Клэри покачала головой:

– При дворе вы обошлись со мной... честно, наверное, и все же несправедливо. – Девушка развернулась и приготовилась уйти. – Хватит с меня несправедливости.

– Отказываешься от услуги королевы Благословенного двора? Не каждому смертному я предлагаю такую честь.

– Такой чести мне не надо. Хватает того, что имеется.

И Клэри пошла прочь.

* * *

Алек успел познакомить родителей с Магнусом Бейном. Сверкающая синяя бандана бесследно исчезла, и маг был теперь само приличие. Роберт Лайтвуд пожимал ему руку, а Мариза обнимала Алека за плечи. Остальные члены компании сидели вдоль парапета; Клэри

хотела уже присоединиться к ним, но тут ее кто-то похлопал по плечу:

– Клэри! – Джослин смотрела на дочь, улыбаясь. Рядом, держа ее за руку, стоял Люк. И пусть оделась Джослин в джинсы и свободную рубашку (как ни странно, не испачканную краской), Люк смотрел на нее как на богиню. – Еле нашли тебя.

Клэри улыбнулась, глядя на Люка:

– Так ты не переезжаешь в Идрис?

– Не-а... – Таким счастливым Люка Клэри ни разу не видела. – Пицца здесь отвратительна.

Рассмеявшись, Джослин оставила Люка и пошла поговорить с Аматис, следившей за стеклянным шариком – наполненный дымом сосуд парил в воздухе и переливался разными цветами.

– По-моему, ты вообще не собирался уезжать из Нью-Йорка. Ты сказал так, лишь бы маму мою расшевелить.

– Клэри, – ухмыльнулся Люк. – Что за ужасы ты говоришь! – Улыбка исчезла с его лица. – Ты ведь не против? В твоей жизни наступят большие перемены: я подумывал перевезти вас к себе, раз уж ваша нью-йоркская квартира пришла в негодность...

Клэри хмыкнула:

– Большие перемены? Моя жизнь и так перевернулась с ног на голову. И не раз!

Люк посмотрел на Джейса – тот, сидя на стене, улыбнулся краешком губ.

– Да, вижу, – сказал оборотень.

– Перемены – это хорошо.

На ладони Люка остался белый шрам от руны Союза. Посмотрев задумчиво на непроходящий след, оборотень заметил:

– Да, так и есть.

– Клэри! – позвала со стены Изабель. – Фейерверк!

Стукнув легонько Люка в плечо, Клэри поспешила к друзьям. Все – Джейс, Изабель, Саймон и Майя – сидели вдоль парапета. Остановившись возле Джейса, Клэри шутливо нахмурилась.

– Ну, где фейерверк-то? – спросила она у Изабель.

– Терпение, кузнечик, – сказала Майя. – Поспешишь – людей насмешишь. Умей ждать.

– Я-то думал, смеются над тормозами, – сказал Саймон. – Теперь понятно, я не один такой.

– Мягко сказано, – поддел его Джейс, едва ли обращая внимание на шутливый спор; подав Клэри руку, он помог ей забраться на парапет, но сделал это почти рефлекторно, с отсутствующим видом. Откинувшись на плечо Джейса, Клэри уставилась в небо, освещаемое мягким бело-серебристым сиянием башен.

– Ты где пропадала? – спросил Джейс очень тихо, так что слышала только Клэри.

– Королева Благословенного двора хотела оказать мне услугу – в обмен на услугу с моей стороны. – Джейс напрягся. – Расслабься, я отказалась.

– Не каждый осмелится отвергнуть предложение королевы фей.

– Я сказала, что услуг мне не надо. У меня и так есть все для счастья.

Рассмеявшись, Джейс обнял Клэри. Пальцами он лениво поигрывал серебряной цепочкой у нее на шее. Клэри носила кольцо Моргенштернов, не снимая, с тех пор, как Джейс оставил его ей. Вот только зачем? Чтобы помнить о Валентине? Но разве можно его забыть?

Вспоминая то, что причинило боль, ничего не забудешь. Да Клэри и не хотела никого забывать: Мадлен, Макса, Ходжа, Инквизитора и даже Себастьяна. Каждое воспоминание – и дурное тоже – она сбережет.

Валентин пытался забыть, что мир меняется и вместе с ним измениться должны нефилимы. У нежити есть душа, и каждая душа имеет ценность для вселенской материи. Валентин

стремился помнить лишь о разнице между нефилимами и нежитью. Хотел уничтожить то, что на самом деле роднило столь разные виды.

– Клэри. – Джейс обнял ее крепче, выдергивая из раздумий. Клэри подняла голову и услышала, как восторженно кричат люди, завидев первые залпы салюта. – Смотри!

В небе фейерверк взрывался дождем искр, освещающих ночные облака и летящих на землю, одна за другой, золотым огнем, как ангелы, падающие с небес.

От автора

Вспоминая, как писалась книга, осознаешь: творчество – труд коллективный, и если бы не друзья, планы пошли бы ко дну, подобно «Титанику». Памятуя об этом, я благодарю: «Нью-Брансуик тим» и «Массачусетс ол старз»; спасибо Элке, Эмили и Ив Синайко – за часы работы над сюжетом, Холли Блэк – за часы вычитки одних и тех же эпизодов. Спасибо Либбе Брей – за булочки и диван (читай: рабочее место); Робин Вассерман – за совместный просмотр «Сплетницы»; Морин Джонсон – за то, что была мне путеводной звездой на очень нелегком писательском пути; Жюстин Ларбалестье и Скотту Вестерфельду – за то, что прогоняли с дивана работать в другом месте. Спасибо также Иоане – за помощь с фразами на румынском, которого я не знаю. Неизменная благодарность моему агенту Барри Голдблатту и редактору Карен Войтыла; издательствам «Саймон энд Шустер» и «Уолкер букс» – за поддержку этой серии, и Саре Пэйн – за внесение последних правок, когда все сроки уже прошли. И разумеется, спасибо семье – маме, папе, Джиму и Кейт, клану Эсонов и конечно же Джошу, который упорно верит, будто Саймон списан с него (ну, вполне может быть).

notes

Примечания

Пер. А. Штейнберга. – *Здесь и далее – примеч. пер.*

Аллюзия на фильм Майкла Римера «Королева проклятых», снятый по мотивам романов Энн Райс «Вампир Лестат» и «Королева проклятых».

Гай Валерий Катулл (87—54 гг. до н. э.), главный представитель римской поэзии эпохи Цезаря и Цицерона.

Дан., 5:26—27.

Боже (исп.).

Злой дух плотской любви, один из самых сильных демонов.

Демоны, бесы. По одной из версий, дети Лилит от Адама или души исполинов (нефилимов), рожденных смертными женщинами от падших ангелов.

Едом, или Идумея, историческая область на юге Палестины. После своего падения, согласно библейской мифологии, стала обиталищем пустынных зверей и ночного демона, Лилит.

Акт 2, сц. 1 (пер. Э. Линецкой).

Рогатые, клыкастые краснокожие демоны из японской мифологии.

Велиал – дух разврата, лжи и разрушения.

«Из глубины (взываю к Тебе, Господи...)», Псалом 129.

2 Пар., 20:9.

Книжный магазин в Нью-Йорке, где продается продукция жанров фэнтези, научной фантастики, мистики и ужасов, а также комиксы, манга, DVD и видеоигры.

Вымышленная рок-группа (персонаж псевдодокументального фильма «Это „Спайнэл тэп“»), все барабанщики которой погибают не своей смертью.

С. Т. Кольридж, «Кристабель» (пер. Г. Иванова).

Пенуэл или Пенуил, город к востоку от Иордана, где, по преданию, патриарх Иаков боролся с Ангелом Божьим: «И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт., 32:30).

Быт., 4:15.

Быт., 4:11.

Музыкальный фильм (1980 г.) с Оливией Ньютон-Джон в главной роли (напарницей Дж. Траволты по фильму «Бриолин»).